

A detailed oil painting of a man with a large, dark fur hat and a blue robe with gold embroidery. He has a mustache and a goatee. The background is dark and textured. In the top left corner, there is a red square seal and some calligraphy.

Б. Л. МИТРУЕВ

**ПЕЧАТИ
КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ
И ВЫСШЕЙ ЗНАТИ**

**КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Б. Л. МИТРУЕВ
ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ
И ВЫСШЕЙ ЗНАТИ
КАК ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Элиста
2025

УДК 94 (47)+ 736.311
ББК 63.3(0)51+63.3(2)5+86.35
М 67

Научное издание
Утверждено к печати Ученым советом Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Э. П. Бакаева*
Рецензенты:
доктор исторических наук *А. К. Аликберов*
доктор исторических наук *А. Д. Гомбожапов*

М 67 **Митруев Б. Л. Печати калмыцких ханов и высшей знати
как источники по истории Калмыцкого ханства.** Моногра-
фия [Текст] / Б. Л. Митруев; отв. ред. Э. П. Бакаева. – Элиста:
КалмНЦ РАН, 2025. – 316 с.; илл.

ISBN 978-5-907659-38-4

В книге впервые представлено исследование печатей калмыцких ханов и высшей знати. Выявлено число печатей у калмыцких правителей, проведен сравнительно-сопоставительный анализ с ойратскими, монгольскими, тибетскими печатями. Показано, что калмыцкие сфрагистические источники содержат легенды на тибетском, монгольском, китайском, ойратском языках, санскрите, записанные на ряде письменностей (квадратной монгольской, ойратском «ясном письме», китайскими иероглифами, тибетским письмом и скорописью, письмом варту и др.). Автор оценивает как летописи тибето-язычные биографии буддийских иерархов и детально представляет историю взаимодействия калмыцких правителей и владельцев с тибетскими иерархами и получения ими титулов и печатей от Далай-ламы.

Подготовка к изданию и публикация осуществлены при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям.

Исследование осуществлено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (№ госрегистрации: 123021300198-4).

ISBN 978-5-907659-38-4

© КалмНЦ РАН, 2025
© Митруев Б. Л., 2025

Оглавление

Введение.	6
ГЛАВА 1. Традиция печатей у монгольских народов и сведения о получении титула и печати калмыцкими правителями .	32
1.1. Краткий обзор этапов развития культуры печатей у монгольских народов.	32
1.2. Сведения о даровании ханского титула и печати калмыцким правителям Шукур-Дайчину и Мончаку (Пунцуку). . .	46
1.2.1. Посольство 1643–1644 гг.	47
1.2.2. Печать Шукур-Дайчина	51
1.2.3. Посольства 1675 г. и 1683 г.	53
ГЛАВА 2. Печати Аюки-хана	57
2.1. Первая печать Аюки	57
2.1.1. Процедура шертования калмыцких тайшей в 1684 г. . .	59
2.1.2. Печать Аюки и заверение шертной записи калмыцкими тайшами	62
2.1.3. Другие печати с легендой на санскрите. Печать Четера-тайши и печать тайши Цебека-Дорджи	66
2.2. Вторая печать Аюки-хана	81
2.2.1. Посольства Аюки в Тибет	82
2.2.2. Печать Аюки с изображением монограммы Калачакры и другие печати, схожие с ней	92
2.2.3. Другие печати калмыцких владельцев с монограммой Калачакры: печать нойона Яндыка — имитация печати Панчен-ламы	97
2.3. Третья печать Аюки-хана	104
2.3.1. Посольство Аюки-хана в Тибет и дарование печати от имени Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо	104
2.3.2. Раскрытие тайны о смерти Далай-ламы V и доставка печати Аюке-хану	109
2.3.3. Посольство 1700–1701 гг. Аюки-хана к Далай-ламе VI с подарками в благодарность за дарованный титул «Дайчин Аюка-хан»	112
2.3.4. Печать сыновей Чагдорджаба — Данджин-Дорджи и Бату	119

2.3.5. Печати Тендзин Даян-хана и Деси Сангье Гьяцо, имеющие сходство с третьей печатью Аюки-хана	123
2.4. Четвертая печать Аюки-хана	126
2.4.1. Печать Аюки-хана и ее наследование	126
2.4.2. Печать Санджаба, имеющая сходство с четвертой печатью Аюки-хана	130
2.4.3. Подделка печати Аюки	131
ГЛАВА 3. Печать хана Церен-Дондука и печати калмыцких владельцев на «квадратном письме»	136
3.1. Печать хана Церен-Дондука.	136
3.1.1. Посольство Церен-Дондука к Далай-ламе	136
3.1.2. Значение титула «Дайчин Шаса-Бюджа-хан» и легенды на печати хана Церен-Дондука	149
3.1.3. Печати ойратских правителей, схожие с печатью, дарованной Далай-ламой	157
3.2. Печати калмыцких владельцев на «квадратном письме» .	172
3.2.1. Печать Чимета	172
3.2.2. Печать Лекбея	181
3.2.3. Печати Лубжи	186
3.2.4. Печать Бамбара	193
ГЛАВА 4. Печати калмыцких ханов Дондук-Омбо и Дондук-Даши	199
4.1. Печати хана Дондук-Омбо	199
4.1.1. «Первая» печать Дондук-Омбо	200
4.1.2. «Вторая» печать Дондук-Омбо	204
4.2. Печать Дондук-Даши и печати, имеющие с ней сходство	208
4.2.1. О посольстве Дондук-Даши к Далай-ламе	210
4.2.2. Легенда на печати калмыцкого хана Дондук-Даши . . .	224
4.2.3. Печать Ценден-Дорджи	228
4.2.4. Печать Убу-гары	231
ГЛАВА 5. Печати Чагдорджаба и Убаши	236
5.1. Печать наследника ханства Чагдорджаба (с монограммой Калачакры), переданная им Дасангу	236
5.2. Вторая печать Чагдорджаба (с китайской легендой), которую использовали Дасанг, Дондук-Даши и Убаши.	238

5.2.1. Печати минского периода, схожие с печатью Чагдорджаба	248
5.2.2. Подделка печати Чагдорджаба	253
5.2.3. Печать Лузан-тайши с легендой на китайском языке . .	255
5.3. Вторая печать наместника ханства Убаши	263
Заключение	267
Список сокращений.	283
Список источников и литературы	284

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время исследование исторических эпиграфических, в том числе сфрагистических, памятников занимает важное место среди других исторических дисциплин. Сфрагистика или сигиллография — специальная историческая дисциплина, изучающая печати и их оттиски. Печатью в сфрагистике называют штамп, вырезанный или выгравированный на твердом материале (дереве, камне, кости, металле), а также оттиск штампа, сделанный на воске, сургуче и при помощи красок на бумаге [БСЭ 1956: 367]. Большое развитие получили русская, западноевропейская, византийская, китайская и тибетская сфрагистика. Калмыцкая же сфрагистика до сих пор не привлекла большого внимания исследователей. Между тем она является крайне ценным источником для изучения калмыцкой истории, истории взаимоотношений Калмыцкого ханства и Российского государства, а также отношений с Тибетом и его правителями.

Печати представителей калмыцкой знати приобретают особое значение для исследования становления института ханской власти, генезиса калмыцкой государственности и религиозно-политических связей ханства с Тибетом. Исследование вопроса об институте, которая являлась знаком централизации и легитимизации власти, напрямую связано с вопросом о времени формирования государственности.

Формирование Калмыцкого ханства происходило на протяжении длительного периода. В историографии имеется мнение о том, что шерти 1655 г. и 1656 г. знаменовали поворотный момент в истории калмыцкой государственности — ее зарождение; «с решением территориальной проблемы и налаживанием торгового обмена был тесно связан процесс централизации власти, первые успехи которого проявились в 50-х годах XVII столетия, положив начало формированию особой калмыцкой государственности в форме ханства в составе России» [История Калмыкии 2009: 344]. Вместе с тем авторы академической «Истории Калмыкии» приходят к выводу о том, что «государственность характеризуется не

только определенными внешними границами, но и внутренним административно-территориальным устройством. Оно не могло быть достигнуто уже в 50–60-х годах XVII в., так как в это время еще только шло освоение правобережья Волги. Должно было пройти длительное время, чтобы определились окончательно выгодные пастбищные места, установилось посезонное распределение их между отдельными улусами или объединениями улусов и закрепились маршруты сезонных перекочевков. Такое устройство достигло завершения и соответствующего оформления в конце XVII или самом начале XVIII в.» [История Калмыкии 2009: 347]. Таким образом, формирование Калмыцкого ханства историки датируют от времени главенства Шукур-Дайчина (1644–1661) до периода правления хана Аюки (1669–1724).

Калмыцкое ханство в период с конца XVII в. до 1771 г. находилось последовательно под правлением четырех правителей, носивших титул калмыцких ханов: Аюки (1642–1724), Церен-Дондука (около 1701–1737), Дондук-Омбо (1692–1741) и Дондук-Даши (ум. 1761). После смерти последнего калмыцкого хана Дондук-Даши на престол Калмыцкого ханства взошел наместник Убаши (даты правления в Калмыцком ханстве: 1761–1771; после ухода в цинский Китай: 1771–1775). Каждый из этих правителей стремился получить печать от Далай-ламы, но удалось это только Аюке-хану и Церен-Дондуку.

Исследование посвящено анализу печатей четырех ханов и наместника Убаши, а также отдельных печатей представителей высшей знати (нойонов и тайшей), которые имеют значение для понимания особенностей бытования этой традиции. Выполнена расшифровка легенд на оттисках печатей, которые, во-первых, представляют важные источники по истории Калмыцкого ханства, во-вторых, дают возможность сделать выводы о формировании калмыцкой сфрагистики как отдельного предмета, независимого от тибетской и китайской сфрагистики. Объектом анализа выступили печати, несущие на себе легенду в виде надписи или имитации надписи. Легенды в виде изображения не рассматривались, так как не являются объектом расшифровки.

До настоящего момента не существует обобщающего исследования, охватывающего максимально возможное количество печатей, использованных в период существования Калмыцкого ханства. Калмыцкая сфрагистика — зарождающаяся отрасль калмыцкого источниковедения, которая нуждается в дальнейшей поддержке и развитии.

Помимо очевидной функции удостоверения, свидетельства истинности документа или предмета, на котором стоит их оттиск, печати сами по себе представляют собой значимый исторический источник. Они издавна являлись знаками власти и в равной мере подтверждали как светские, так и духовные полномочия своих обладателей, что в полной мере проиллюстрировано использованием печатей разными деятелями в различных регионах, в том числе в регионах распространения буддийской традиции: Тибете, Монголии, Калмыкии. В этих регионах вера в значимость печатей была настолько велика, что их оттиски могли также использоваться как обереги от вреда, чинимого злыми духами. Так, например, в монастыре Самье в Тибете находится печать, извлеченная из «Хрустальной пещеры» в Ярлунге (тиб. *yar klung shel brag phug*), которая почитается как умиряющая богов и злых духов. Легенда гласит, что эта печать была сокрыта в VIII в. Гуру Падмасамбхавой в виде терма¹, а затем, несколько веков спустя, открыта одним из тертонов (тиб. *gter ston*) — религиозных деятелей, открывающих для последователей учение-сокровище терма. Указанная печать из монастыря Самье именуется «Печать [подчиняющая] богов и злых духов» (тиб. *lha 'dre bka' tham*) и содержит легенду на санскрите, сделанную письмом ланджа [*legs bshad thogs med* 2000: 11].

На данный момент опубликованы и широко используются документы и многочисленные письма калмыцких правителей и владельцев XVII–XVIII вв., которые представляют собой малоизученный комплекс исторических источников [Сусеева 2003; Письма 2004; Сусеева 2009; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Тепкеев 2018; Успенский, Яхонтова 2021; Аваков, Митруев 2023; Митруев 2023a]. На этих письмах, а также на других документах стоят оттиски пе-

¹ Терма (тиб. *gter ma*) — сокровища, сокрытые Гуру Падмасамбхавой и его учениками.

чатей калмыцких ханов и нойонов. Опираясь на эти публикации, можно определить владельцев печатей (тех, кто их использовал), а также периоды использования указанных печатей.

Вместе с тем исследование самих письменных памятников нуждается в дополнении в виде источниковедческих исследований печатей калмыцких отправителей указанных писем. Такого рода сфрагистическое исследование позволит не только точно атрибутировать письма, не имеющие адресата и/или адресанта, но и проследить цепочку наследования той или иной печати, а также установить источник, выдавший печать, место ее производства и, что крайне важно, точно датировать получение печати и титула, ей сопутствующего. Поэтому можно говорить о необходимости комплексного исследования калмыцких письменных исторических источников, включающих в себя сфрагистические исследования.

Принципы сфрагистического анализа были разработаны еще в середине XIX в. Согласно Эрхарду, такое исследование должно содержать определенные компоненты и, в первую очередь, предоставлять сведения: 1) о происхождении, истории и использовании печатей в целом; 2) о материале, из которого изготавливались печати; 3) о различной форме печатей; 4) о способах скрепления печатями грамот и писем; 5) об изображениях (с выделением подгрупп), имеющихся на печатях; 6) о надписях, помещаемых на печатях (легенды); 7) о существующих различиях между печатями (пример: секретная печать и контрпечать) и т. п. (цит. по: [Соболева 2018: 404]).

Следует отметить, что печать, выполняя функцию знака, удостоверяющего юридическую силу документа, указывающего на его происхождение и подтверждающего его подлинность, так же как и структура самого документа в целом, развивается и изменяется в контексте общей государственной политики, культурного развития нации, традиционных контактов и разнообразия влияний. Таким образом, институт печати является одним из элементов, характеризующих эпоху, особенно таких аспектов, как политическая ориентация верховной власти, идеологические представления и художественная культура. Н. П. Лихачев справедливо отмечает

об этом следующее: «Печати являются не только памятниками дипломатическими (скрепа документа), но и чисто историческими (выразители политических тенденций, общественных веяний и взглядов — в изображениях, форме, величине, материале) и памятниками истории искусства, так же как и ценными документами в области истории быта (изображения зданий, одежд, разных предметов утвари и оружия)» [Лихачев 1900: 19].

В этой связи актуальность темы исследования связана с определением источниковедческой ценности печатей, которые могут нести информацию о политической культуре, традиционных контактах Калмыцкого ханства, ориентации верховной власти этого автономного государственного образования. Необходимо также определить источники формирования традиции печатей в Калмыцком ханстве. Как будет показано в исследовании, первоначально калмыцкая традиция печатей ориентируется на тибетские, китайские и монгольские образцы (как в случае с печатью Чимета), но появление круглой печати Дондук-Даши указывает на то, что в первые примером для калмыцкой знати становятся русские круглые официальные печати.

Долгое время памятники калмыцкой сфрагистики находились за пределами научных интересов исследователей, а их изучение носило эпизодический характер. Выход на качественно новый уровень исследования калмыцких сфрагистических памятников невозможен без комплексного подхода к их рассмотрению.

По этой причине крайне важно собрать из сохранившихся документов калмыцкий сфрагистический материал, каталогизировать, атрибутировать и интерпретировать полученные данные. Без такого источниковедческого исследования использование печатей как исторического источника будет затруднено. Калмыцкие памятники сфрагистики должны стать отдельным предметом исследования.

Таким образом, актуальность темы исследования обуславливается прежде всего недостаточной изученностью сфрагистических памятников Калмыцкого ханства, необходимостью введения в научный оборот новых исторических источников с целью их более полного комплексного изучения. Актуальность исследования за-

ключается в выделении калмыцкой сфрагистики как отдельного раздела специальной исторической дисциплины сфрагистики, в расширении базы калмыцких исторических источников для исторического исследования и введении в научный оборот доселе не исследованной сфрагистической информации.

Историография проблемы

Анализ историографии по истории изучения печатей Калмыцкого ханства целесообразно начать с работ, посвященных, главным образом, тибетской сфрагистике, так как большинство калмыцких печатей происходят из Тибета или следуют тибетской традиции изготовления печатей.

В тибетской сфрагистике важным этапом являлась работа по публикации документов: грамот, договоров, на которых были поставлены печати, а также самих печатей, сохранившихся в музеях по всему миру. Однако до сих пор накопленные эмпирические знания не привели к их теоретическому осмыслению. Как таковой классификации тибетских печатей не существует.

Библиография по тибетской сфрагистике довольно обширна, мы рассмотрим лишь основные публикации, которые повлияли на ее развитие, а также особенно ярко демонстрируют основные направления историографии.

Тибетские печати издавна привлекали внимание исследований. В Тибете имели широкое хождение печати с квадратным письмом, поэтому необходимо рассмотреть исследования этих печатей. Поскольку количество статей, посвященных тибетским печатям в целом и печатям на квадратном письме в частности, велико, рассмотрим основные из них.

Первоначально тибетские печати рассматривались в отдельных публикациях западных исследователей. Одной из первых стала публикация печати Далай-ламы V на тибетском паспорте в книге Томаса Хайда «Религиозная история древней Персии и ее магов» [Hyde 1700]. Этот паспорт был переведен на английский Шандором Чома де Кёрёшем [Csoma de Kőrös 1833: 201–202]. Позднее перевод был пересмотрен Таррелом Вайли, который установил

принадлежность данной печати регенту Далай-ламы V Деси Сангье Гьяцо (1653–1705), однако не смог расшифровать легенду на ней [Wylie 1987: 116]. Позднее Дитер Шу опубликовал эту же печать в своей работе «Каталог оттисков печатей периода правления dGa'-ldan pho-brang в Тибете» и установил, что ее легенда является «имитацией квадратного письма», или «ложным квадратным письмом» (тиб. *hor yig brdzus ma*). Так как в третьем столбце легенды находится тибетская буква 'a', данная печать называется по-тибетски *a-dam*, «печать с буквой 'a'» [Schuh 2018: 133]. Об этой работе Дитера Шу будет сказано далее.

В 1909 г. Густав Йон Рамстедт в статье «Монгольские письма из Идикут-Шэхри близ Турфана», представил сведения о найденном в Турфане письме с печатью на квадратном письме Пагба-ламы [Ramstedt 1909]. Эта печать послужила образцом при изготовлении печати калмыцкого нойона Чимета [Митруев 2021b]. В 1910 г. Август Херрманн Франке опубликовал статью «Печать на тибето-монгольской письменности из Бутана», в которой привел печать Оргьен Вангчуга, генерального советника южного округа страны [Francke 1910a]. В том же 1910 г. А. Х. Франке в статье «Примечание о печати Далай-ламы и тибето-монгольской письменности» предложил свое прочтение легенд на печати Далай-ламы и печати династии Намгьял Западного Тибета [Francke 1910b].

В 1915 г. Эрнест Герберт Уолш опубликовал статью, в которой рассмотрел несколько тибетских печатей. Среди них печать Далай-ламы на разрешении монахам-капуцинам в Лхасе в 1741 г. [Walsh 1915: 468]. В статье «Тибето-монгольская печать» Джерард Клаусон рассмотрел печать, приобретенную в 1926 г. капитаном Форбс-Твиди в Дарджелинге, первоначально принадлежавшую монастырю Дрепунг. Дж. Клаусон также предоставил прочтение легенды на данной печати: *nomchhi merg(e)n mkhan.po* [Clauson 1927: 118].

В 1966 г. Дэвид М. Фаркуар в статье «Официальные печати и иероглифические монограммы периода Юань» исследовал 36 тибетских и китайских печатей периода Юань и прочие. В статье также рассматривается печать на одном из тюркских языков [Farquhar 1966: 388].

В 1981 г. Дитер Шу выпустил книгу «Основы тибетской печати. Исследование надписей на тибетских печатях, написанных письмом 'Phags-pa» [Schuh 1981]. В этой работе Д. Шу опубликовал большое количество тибетских документов и тибетских печатей вместе с прочтением легенд.

Спустя десятилетие в Тибете увидела свет книга «Коллекции различных важных исторических документов Тибета», в которой представлены 38 изображений тибетских печатей [tshe brtan phun tshogs, mi 'gyur rdo rje 1991]. Также в Тибете была издана книга «Древние тибетские печати», включавшая рассмотрение ряда тибетских печатей с легендами на разных языках [Ōu Cháoguì, Qí Měi 1991].

В 1997 г. Деррик Доусон издал книгу «Некоторые тибетские печати с иллюстрациями и описанием», в которой представил 67 тибетских печатей с прочтением их легенд [Dawson 1997]. В 2004 г. Вольфганг Берч в своей статье «Тибетская официальная печать Pholhanas» рассмотрел печать Полхане Сонам Тобге (тиб. pho lha nas bsod nams stobs rgyas; 1689–1747), фактического правителя Тибета с 1728/1729 г. до его смерти в 1747 г. [Bertsch 2004].

В 2016 г. Дитер Шу опубликовал «Каталог оттисков печатей из Ладакха, Пурига и Спити», включив в него большое количество печатей из исторически тесно связанных с Тибетом Ладакха, Пурига и Спити [Schuh 2016].

В 2017 г. Агнешка Хельман-Важны в статье «Тибетские документы в архивах тантрических лам Цогнама в Мустанге, Непал: междисциплинарное тематическое исследование» представила ряд документов за период с 1816 г. по 1964 г., а также несколько тибетских и непальских печатей [Helman-Ważny, Ramble 2017].

В 2018 г. Дитер Шу в «Каталоге оттисков печатей периода правления dGa'-ldan pho-brang в Тибете», рассмотрел большое количество печатей, в том числе Далай-лам, Деси Сангье Гьяцо, монгольского царя Тибета Тендзин Далай-хана и других исторических личностей [Schuh 2018].

Таким образом происходило постепенное накопление исследовательских материалов, которые публиковались сначала в статьях, а затем в сборниках и каталогах.

Кроме того, две большие коллекции печатей были размещены на портале CrossAsia Берлинской государственной библиотеки, где находятся 2 620 документов из архива монастыря Кунделинг в Лхасе [CrossAsia], и портале Тибетской энциклопедии (под редакцией Дитера Шу при сотрудничестве Кристофа Цюпперса, Вольфганга Берча, Франца-Карла Эрхарда, Карла-Хайнца Эвердинга, Петры Х. Маурер и Петера Швигера) в разделе «Тибетские печати» [Tibet-Encyclopaedia].

Также было опубликовано несколько работ, представлявших печати периода династии Юань, легенды на которых записаны квадратным письмом Пагба-ламы.

Помимо упомянутых выше работ, в 1958 г. вышла статья Саймона Уолтера «Печать hPhags-pa 1295 г.», в которой он исследовал бронзовую печать юаньского периода с легендой *Mengguu-jium borhuh-yinn* [Walter 1958].

Одной из книг, в которой представлено большое количество юаньских печатей, записанных квадратным письмом, стала работа Чжао Насту и Сюэ Лэя «Объяснение собрания официальных печатей династии Юань») [Zhào Nàsītú, Xuē Lěi 2011].

В 2015 г. Ёккайти Ясухиро в своей статье «Четыре печати на письме Пагба и арабском письме на указе Амира Чобана от 726 г. х./1326 г. н. э.» рассмотрел четыре упомянутых в названии печати [Yokkaichi 2015].

Несколько работ, посвященных тибетским печатям, были в разные годы опубликованы в Китае, Монголии и России.

В 1953 г. академик Б. Ринчен в статье «К монгольской сфрагистике: большая державная яшмовая печать и малая державная печать хагана qaγan olan-a-ergügdegsen», изложил историю создания и дал прочтение монгольской, тибетской и санскритской легенд на государственных печатях Джебзундамбы, поднесенных ему в 1911 г. [Rintchen 1953].

В 1996 г. в АРВМ КНР Цолмон выпустил книгу «Гравировка монгольской печати», содержащую целый ряд печатей периода Юань, а также печатей на китайском и вертикальном монгольском письме [Colmon 1996].

В 2014 г. профессор Государственного педагогического университета СУАР КНР (г. Урумчи) Бадмин Батубаяр в статье «Печати торгутских ханов и нойонов» рассмотрел печать Чагдорджаба с китайской легендой [Батубаяр 2014]. В вышедших в 2017 г. статьях «Об одной печати, которую использовали торгутские ханы» [Batubayaar 2017a] и «Между буддизмом и политикой: текстуальное исследование китайской надписи „jīngjìnjīnxiū“ на официальной печати торгутского хана» [Batubayaar 2017b] исследователь вновь обратился к анализу печати Чагдорджаба с китайской легендой.

Кроме того, несколько исследований были посвящены ойратским печатям. В 1896 г. в статье «Пять китайских печатей» А. М. Позднеев исследовал пять китайских печатей, две из которых имели легенду с элементами на ойратском «ясном письме» [Позднеев 1896]. В 2009 г. авторами Дорджи, Батубаяр и Лиджи была издана коллективная монография «Исследование печатей торгутов и хошутов периода династии Цин», посвященная печатям, выданным цинскими властями «старым» и «новым» торгутам, поселившимся после откочевки калмыцкого народа во главе с наместником Убаши в 1771 г. в пределах цинского Китая [Dorji, Batubayar, Lijei 2009]. В 2020 г. Х. Бямбажав в статье «Пересмотр и уточнение надписи на печати Галдан Бошогту-хана» рассмотрел несколько печатей ойратских правителей [Бямбажав 2020].

Степень изученности темы исследования

Сведения о печатях и грамотах, дарованных правителям Калмыцкого ханства, содержатся уже в калмыцких историко-литературных памятниках. Вопрос о печатях и грамотах, дарованных Далай-ламой, в исследованиях, посвященных истории Калмыцкого ханства, рассматривался в связи с вопросом о легитимизации власти, и печати в работах исследователей упоминались как свидетельства утверждения статуса ханов [Цюрюмов 2007; Курапов 2011; Трепавлов 2014; Курапов 2018; Тепкеев 2018; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Бакаева 2019]. Однако, несмотря на то что опубликовано значительное число памятников калмыцкого эпистоляр-

ного наследия (в том числе содержащие оттиски печатей ханов и владельцев) [Сусеева 2003; Письма 2004; Сусеева 2009; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Тепкеев 2018; Успенский, Яхонтова 2021; Аваков, Митруев 2023; Митруев 2023а], а также изданы материалы по тибетской и частично монгольской и китайской сфрагистике, печати на письмах правителей Калмыцкого ханства XVII–XVIII вв. не являлись объектом специального анализа. В качестве исключения можно назвать только работы Б. Батубаяра, посвященные печатям торгутских владельцев, откочевавших в пределы Центральной Азии и поселившихся в границах цинского Китая: среди рассматриваемых исследователем печатей упоминается и печать, которая была унаследована наместником ханства Убаши [Батубаяр 2014; Batubayaer 2017a; Batubayaer 2017b].

Отметим, что некоторые из привлеченных к анализу в данном исследовании письменных памятников, таких как письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши, несущее оттиск личной печати и хранящееся в монастыре Лабранг, не были прежде опубликованы и введены в научный оборот.

Автором исследования впервые предпринят анализ печатей и легенд на них в аспекте источниковедческого исследования [Митруев, Гедеева 2021; Митруев 2021a; Митруев 2021b; Митруев 2021c; Митруев 2022a, Митруев 2022b; Митруев 2022c; Митруев 2022d; Митруев 2022e; Аваков, Митруев 2023; Митруев 2023a; Митруев 2023b].

Таким образом, данные памятников калмыцкой сфрагистики до сих пор не введены в научный оборот, что обуславливает актуальность и значимость, новизну данного исследования. Данная работа представляет собой первый опыт комплексного исследования калмыцкой сфрагистики в период XVII–XVIII вв. В ходе ее подготовки автором был подготовлен и опубликован ряд статей, посвященных анализу печатей калмыцких правителей и владельцев как источников по истории Калмыцкого ханства.

Объектом исследования в работе являются печати правителей Калмыцкого ханства XVII–XVIII вв. Рассмотрены оттиски печатей четырех ханов, а также наследника ханства Чагдорджаба и намест-

ника ханства Убаши на документах XVII–XVIII вв., хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) и других архивах. Для сравнительного исследования привлекаются другие печати, прежде всего, представителей калмыцкой высшей знати — нойонов и тайшей.

Предмет исследования — особенности комплекса печатей калмыцких правителей как источников по истории Калмыцкого ханства, включая размеры и разновидности печатей, изображения и надписи на них.

Цель исследования — проанализировать печати калмыцких ханов и представителей калмыцкой знати XVII–XVIII вв. как источники по истории Калмыцкого ханства. Хотя исследование калмыцкой сфрагистики, возможно, прежде всего требует создания каталога или базы данных калмыцких печатей, в данной работе внимание было направлено на атрибуцию, датировку, анализ легенд и прочих сфрагистических данных печатей, принадлежавших четырем ханам Калмыцкого ханства, наследнику и наместнику ханства, а также печатей представителей калмыцкой высшей знати, имеющих схожие черты с ханскими печатями. Помимо этого, были задействованы материалы тибетской и монгольской сфрагистики для установления параллелей в легендах и общем виде тибетских, монгольских и калмыцких печатей.

Территориальные рамки предмета исследования охватывают территорию Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв.

Хронологические рамки исследования. В исследовании основное внимание сконцентрировано на печатях четырех ханов Калмыцкого ханства и наместника Убаши. К сравнительному анализу привлекаются печати, самая ранняя из которых датируется 1642 г. (печать тайши Лузана). Таким образом, хронологические рамки исследования охватывают период с середины XVII в. до второй половины XVIII в. (1771 г.). Это время правления Шукур-Дайчина, ханов Аюки, Церен-Дондука, Дондук-Омбо, Дондук-Даши и наместника ханства Убаши.

В историографии дискуссионным является вопрос о том, получил ли Шукур-Дайчин печать «на ханство» от Далай-ламы. К

1684 г., когда правитель Калмыцкого ханства Аюка впервые использовал свою личную печать на шерти, он уже прочно консолидировал власть в Калмыцком ханстве в своих руках. В легенде на печати, которая, наиболее вероятно, была изготовлена в калмыцкой степи, Аюка называется «Аюка-раджа», т. е. Аюка-хан, что подкрепляет предположение о том, что к 1684 г. Аюка закрепил свое верховное положение над другими калмыцкими правителями.

Вслед за Аюкой последовало правление следующих трех калмыцких ханов: Церен-Дондука, Дондук-Омбо и Дондук-Даши. Последний правитель ханства — Убаши был утвержден в ранге наместника, но так и не получил звания хана от российского правительства. Лишь после откочевки в 1771 г. в цинский Китай Убаши получил от цинских властей титул Зоригту-хана.

Таким образом, данное исследование рассматривает памятники сфрагистики, принадлежавшие историческим лицам, активно действовавшим в период длительностью более века.

Источниковую базу исследования составили, прежде всего, архивные документы, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК), содержащие как оттиски печатей калмыцких ханов и представителей калмыцкой аристократии, так и документы, дающие сведения о самих владельцах печатей. Также привлекались к анализу документы из Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), имеющие оттиски печатей.

С целью максимального выявления печатей рассматриваемого периода были просмотрены дела упомянутых архивов. Анализируемые источники главным образом представляют собой переписку калмыцких правителей. Методика выявления печатей заключалась в просмотре документов из 420 архивных дел описи № 1 фонда И-36 НА РК, содержащих переписку между калмыцкими владельцами и российскими правителями, а также чиновниками российского правительства. Эти дела содержат сотни писем калмыцких правителей и владельцев. Некоторые документы не были заверены печатями, на отдельных оттиски оказались нечеткими.

Были выявлены одинаковые оттиски печатей, поставленные разными владельцами. Соотнесение печатей и адресантов писем дало возможность определить пользователей печатей, а также наследников, которые использовали печати после смерти правителя, первоначально обладавшего печатью. Результатом такого масштабно-го просмотра дел стало выявление оттисков печатей, владение которыми переходило от предыдущего владельца к его наследникам.

Общее количество выявленных печатей, оттиски которых сохранились на письмах, составляет более пятидесяти. На архивных документах, отложившихся в различных архивах, сохранились оттиски печатей на письмах следующих персон, известных в истории Калмыцкого ханства: Аюка, Чагдорджаб, Бай, Санджаб, Доржи Назаров, Четерь, Лекбей, Габиль, Дондук-Омбо, Убу-Гара, Шакур-лама, Раши Бирю, Церен-Дондук, хошеут Дондук, Лубджи, Цаган-Лама, Солом Дарджа, Батур-Омбо, Лузанг-Шону, Чиданг Дандар, Гунга, джунгарский Галдан-Церен, Намки-гелюнг, Данджин-Дорджи, Яман-зайсанг, Буяшулунту, Сонам Дарджа, Сюке (Иван Дербетев), Церен Джиди, Черен Балзор, Джал, Асараху, Яндык, Бамбар, Замьянг, Шеаренг, Еремпель, Басурман-тайджи, Эльзэ Орошиху, Иши-гелюнг, Кириб (в список включены только основные или первоначальные владельцы печатей; потомки и последующие владельцы не упоминаются). Также необходимо иметь в виду, что у некоторых из ханов, тайшей и нойонов было несколько печатей. Таким образом, из списка можно узнать приблизительное количество печатей, использованных калмыцкой знатью. Среди печатей правителей и владельцев встречаются печати представителей духовенства: Шакур-ламы, Намки-гелюнга и Иши-гелюнга.

В архивах сохранились лишь письма и оттиски печатей ханов, нойонов и тайшей, писем и печатей зайсангов не сохранилось. Вероятно, это говорит о том, что в переписке с русской администрацией и чиновниками участвовали лишь представители высшей аристократии, а также о том, что у низших представителей калмыцкой знати не было собственных печатей.

Оттиск калмыцких печатей всегда ставился **на документе**. В Калмыцком ханстве, а также во всей Центральной и Восточной

Азии традиционно использовались прикладные печати, то есть проставленные на бумаге письма или документа, вислые печати не применялись. В ходе работы отмечено, что некоторые из писем не имеют на себе оттисков печатей. Это может означать, что печать находилась в ставке или каком-то другом месте и была недоступна владельцу или что данное письмо является копией оригинала.

Для сравнительного анализа привлекались в качестве источников каталоги тибетских печатей: «Каталог оттисков печатей из Ладакха, Пурига и Спити [Schuh 2016], «Каталог оттисков печатей периода правления dGa'-ldan pho-brang в Тибете» [Schuh 2018], содержащий большое количество печатей, в том числе Далай-лам, Деси Сангье Гьяцо, монгольского царя Тибета Тендзин Далай-хана и других исторических личностей. Исследованы источники, представленные на интернет-портале печатных и электронных ресурсов, касающихся азиатских исследований, — CrossAsia, в том числе 2 620 документов из архива монастыря Кунделинг в Лхасе, среди которых обнаружены значимые для сравнительных исследований оттиски печатей, к примеру печать правителя Тибета в 1705–1717 гг. Лхасан-хана, обнаруживающая сходство с печатью калмыцкого хана Дондук-Омбо. В работе анализировались также источники, хранящиеся в Библиотеке тибетских трудов и архивов (далее — LTWA) (г. Дхарамсала, Индия), в том числе представляющие оттиски тибетских печатей, которые использовались для сравнения с калмыцкими печатями.

В работе систематизированы основные калмыцкие сфрагистические памятники и историографические источники, они анализируются в хронологической последовательности и в сравнительном плане с сфрагистическими памятниками Тибета, Китая и Монголии.

Существует необходимость установления всех параметров калмыцких печатей, но нам недоступны их матрицы, за исключением китайской печати Чагдорджаба и печати Сайн-Ка. Поэтому неизвестны материалы, из которых печати были изготовлены.

В исследовании в качестве источников привлекались опубликованные архивные документы [Волжские 2011; и др.], в числе

которых образцы эпистолярного наследия ханов [Сусеева 2003; Письма 2004; Сусеева 2009; Тепкеев, Нацагдорж 2016; и др.].

В качестве источников к анализу привлекались также калмыцкие и ойратские письменные памятники: «История Хо-Урлюка» [История Хо-Өрлөка 2016], «Родословная торгутских ханов и князей» [Родословная 2016], «История калмыцких ханов» [История калмыцких ханов 1969], «Сказание о дербен-ойратах» Батур-Убаши Тюменя [Баатар Увш 2006; Батур-Убуши Тюмень 1969] и «Сказание об ойратах» Габан Шараба [Габан Шараб 2003] и другие [Письменные памятники 2016].

Еще одним видом значимых источников стали письменные памятники на тибетском языке, представляющие собой биографии Далай-лам, Панчен-лам и других тибетских буддийских иерархов. Этот вид источников использовался для установления времени и обстоятельств получения печатей и титулов. Причиной стала одна из трудностей исследования: в отличие от русских или западных печатей и печатей на арабском письме, очень мало доступных документов и информации о том, когда и кто из калмыцких правителей или владельцев получил ту или иную печать и свой титул. Для прояснения этих вопросов пришлось обратиться к тибетским историческим работам.

До настоящего времени не переведены на западные языки многие тибетские исторические труды, в число которых входят биографии тибетских Далай-лам и Панчен-лам, а также других иерархов тибетского буддизма, представляющие собой детальные хроники и содержащие большой объем исторической информации, имеющие особое значение для исследования вопроса о даровании Далай-ламами ханского титула и печати калмыцким ханам. Так, из трех томов автобиографии Далай-ламы V на английский язык переведен только первый том [Nag-dbañ-blo-bzañ-rgya-mtsho 2014], а из «Продолжения автобиографии Далай-ламы V», написанной Деси Сангье Гьяцо, также переведена только лишь первая часть [Sañs-rgyas-rgya-mtsho 1999]. Между тем эти и другие сочинения представляют интерес для исследователей истории не только Тибета, но и исторически связанных с Тибетом областей. Так, биогра-

фия Далай-ламы VII, написанная Чангкья Ролпе Дордже, содержит уникальные сведения о посольстве в Тибет калмыцкого хана Дондук-Даши [Митруев 2022с: 46]. Кроме того, данные об этом посольстве можно найти в биографии второго воплощения Джамьянг Шепы Кончок Джигме Ванпо и Панчен-ламы VI Лобсанг Палден Еше [Митруев 2022с: 53, 54].

В связи с вышеизложенным в качестве источников о времени правления калмыцких ханов и о даровании им Далай-ламой титула, к которому прилагалась печать, были привлечены следующие письменные памятники на тибетском языке:

1) Автобиография Далай-ламы V Лобсанг Гьяцо «Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии „Парча из дукулы“²» в трех томах [blo bzang rgya mtsho 2018a; blo bzang rgya mtsho 2018b; blo bzang rgya mtsho 2018c]. Первый том содержит автобиографический отчет примерно с 1617 г. по 1-й тибетский месяц 1665 г., второй том — с 5-го тибетского месяца 1665 г. по 1-й тибетский месяц 1675 г. и третий том — со 2-го тибетского месяца 1675 г. по 9-й тибетский месяц 1681 г. [Karmay 2014: 2–3].

2) «Продолжение „Внешней обычной биографии доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо «Парча из дукулы»» в трех томах [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009a; sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b; sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009c]. Данная биография была написана регентом Далай-ламы V Деси Сангье Гьяцо (тиб. sde srid sangs rgyas rgya mtsho; 1653–1705), фактическим правителем Тибета с 1679 г. по 1705 г., и является продолжением автобиографии Далай-ламы V. Первый том продолжения биографии (или «четвертый», считая первые три тома автобиографии, написанной самим Далай-ламой V) повествует о событиях, имевших место в 1681–1683 гг. Главное событие «четвертого» тома — смерть Далай-ламы V, наступившая 7 апреля 1682 г. (2-й месяц, 30-го дня года Воды-Собаки) [Ahmad 1999: xi]. «Пятый» том биографии рассматривает события 1683–1690 гг. и повествует том, как сохранялась тайна смерти Далай-ламы V, а также о ритуалах и

² Дукула (санскр. dukūḷaṃ) — тканый шелк; шелковая одежда; очень красивая одежда [Apte 1890: 569].

добродетельных деяниях, совершенных ради усопшего Далай-ламы, таких как издание нового Кангьюра, в том числе о ритуалах, подношениях монашеским общинам различных монастырей и прочих. «Шестой» том биографии начинается с описания событий 1691 г. и заканчивается 1695 г. В общей сложности современное издание трех томов продолжения биографии Далай-ламы V содержит 1 524 страницы.

3) «Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангьянг Гьяцо „Шелковая ткань дукула“, называющееся „Ясный золотой букет“» [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989]. Эта биография Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho; 1683–1706) также была написана Деси Сангье Гьяцо. Автор начинает свое изложение с рождения Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо в 1683 г., и продолжает до 1701 г., когда Далай-ламе исполнилось восемнадцать лет.

4) Автобиография Пятого Панчен-ламы «Ясное изложение деяний шакьяского монаха Лобсанг Еше „Ожерелье сияющих белым светом лун“» [blo bzang ye shes 2014a; blo bzang ye shes 2014b]. Автобиография Пятого Панчен-ламы Лобсанг Еше (тиб. blo bzang ye shes; 1663–1737) завершается на описании событий 1732 г. (Воды-Мыши), когда ему было 70 лет [blo bzang ye shes 2014a: 237].

Среди этих исторических источников биография Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho; 1683–1706) «Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангьянг Гьяцо „Шелковая ткань дукула“, называющееся „Ясный золотой букет“» [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989], написанная Деси Сангье Гьяцо, является источником сведений о получении Аюка-ханом титула Дайчин и ханской печати от Далай-ламы VI, которые не были опубликованы прежде.

Необходимо отметить, что биографии буддийских иерархов содержат довольно точные и подробные сведения о событиях их жизни, практически не имеют пропусков, так как события каждого дня отмечались в записях, и потому их можно характеризовать как летописи. В данных тибетских трудах приводятся датированные сведения обо всех важных встречах с посланниками правите-

лей различных государств и уделов. Потому вышеперечисленные письменные памятники являются надежными источниками, представляющими ценную историческую информацию.

В общей сложности источниками для данного исследования послужили одиннадцать биографий на тибетском языке, общий объем которых составляет 8 632 стр.

Поскольку калмыцкие и русские документы не предоставляют точных дат получения титула и сопутствующей ему печати, большинство датировок были определены на основе данных тибето-язычных исторических документов, при этом произведен пересчет дат с тибетского летосчисления на общепринятый в большинстве стран григорианский календарь.

Методологической основой исследования является метод историзма, который предполагает изучение объектов исследования в контексте конкретных исторических условий их существования. В работе применялись общенаучные и специальные исторические методы исследования. В исследовании использовались системный и междисциплинарный подходы. Первый из них позволяет представить печати как символы власти и управления, которые удостоверяют социальный и политический статус калмыцкого правителя. Второй подход заключается в объединении различных методов исследования для всестороннего источниковедческого анализа сфрагистического комплекса.

Применение источниковедческих методов исследования позволило выявить характерные особенности различных типов печатей, тщательно изучить материалы и раскрыть информационные возможности сфрагистических памятников. Историко-генетический метод исследования позволил рассмотреть исторические процессы в их развитии и взаимодействии. Историко-сравнительный метод применялся для сопоставления печатей, использовавшихся калмыцкими правителями, с аналогичными тибетскими, монгольскими и китайскими образцами; привлечение данных письменных источников, необходимых при выработке правильной трактовки той или иной легенды, которую несет печать, позволило максимально объективно интерпретировать легенду на печати. При-

менение источниковедческих методов также позволило осветить вопрос о местоположении печати. В ходе исследования выявлено, что местоположение оттиска не зависит от типа печатей, так как разнотипные печати обнаружены в одинаковых позициях.

Методом компьютерной графики были созданы реставрированные изображения легенд отдельных печатей, максимально приближенные к оригиналу изображения.

Комплексный анализ печатей калмыцких правителей позволяет уточнить даты их использования и преемственность наследования печатей правителями и их потомками. Опираясь на сфрагистические данные, можно установить приблизительные даты смерти предыдущего владельца и даты вступления в наследство его преемника.

В систематизации печатей выделяются несколько основных подходов: социальная идентичность владельца (Л. Дуэ-д'Арк, Франция, 1863), внешнее содержание (изображение/текст на печати) (Ф. К. Гогенлоэ-Вальденбург, Германия, 1877), семантика (Т. Дидерих, Германия, 1983) [Степанова, Байдуж 2016: 488].

Систематизация калмыцких печатей может быть произведена по нескольким параметрам: принадлежности, месту изготовления, тексту легенды, форме печати.

По принадлежности среди исследованных в нашей работе выделяются ханские печати, печати владельцев и владелиц и печати буддийских священников.

По месту изготовления исследованные печати можно подразделить на тибетские, китайские, калмыцкие. Калмыцкая сфрагистика испытывала влияние тибетской и китайской. Тибетская, в свою очередь, находилась под влиянием китайской и индийской традиции печатей. Можно разделить памятники тибетской сфрагистики, которой во многом следовала калмыцкая сфрагистика, на религиозные и административные печати. Религиозные печати в основном следуют индийской традиции, как, например, печати оракула Самье. В Индии существовали монастырские печати, схожие киданьские образцы послужили примерами монастырских печатей в Тибете. Печати из Наланды являются примером таких

печатей, использовавшихся монастырями и другими религиозными институтами.

По текстам легенд учеными предлагалось выделение разных групп печатей в зависимости от формул: формула благопожелания (например, «Господи, помоги рабу своему», «Воззри на меня, Спаси, Господи, раба своего» и т. д.); формулы указания (содержат имя или титул владельца); формулы принадлежности (они так же содержат имя, титул владельца, как и формулы указания, но, кроме того, как правило, содержат слово «печать», хотя в некоторых легендах оно отсутствует). Выделяются легенды индивидуального типа, отличающиеся своеобразием («Все ся минет», «Де не слово» и т. д.) [Белецкий, Воронцова, Дмитриева и др. 2003: 266]. Для систематизации калмыцких печатей автором данной работы предложены следующие категории, согласно использованному на легенде по языку: 1) тибетском языке; 2) на китайском языке; 3) на санскрите; 4) с элементами калмыцких слов; 5) на уйгурском языке. Категории, согласно использованному на легенде письму: 1) с использованием квадратного письма; 2) имитация квадратного письма; 3) с китайскими иероглифами; 4) имитация китайских иероглифов; 5) с использованием письма ланджа; 6) с использованием письма варту; 7) с использованием тибетского письма; 8) с изображениями вместо легенды.

Следующий параметр, который может быть использован при выборе методики для систематизации, — форма печати. Печати калмыцких правителей, так же как и тибетских, имеют квадратную или прямоугольную форму. Круглая или овальная форма, свойственная печатям русских и западных правителей XVII–XVIII вв., нетипична для печатей высшей знати Тибета и Китая, так же как и Монголии. Однако печать хана Дондук-Даши и печати некоторых других владельцев и владелиц в Калмыцком ханстве имели круглую форму.

Научная новизна исследования заключается в том, что это первая в отечественной историографии попытка комплексного источниковедческого анализа сфрагистических памятников Калмыцкого ханства XVII–XVIII вв., включающих печати калмыцких

ханов и печати представителей калмыцкой знати, которые имеют сходство с печатями главных правителей ханства. Исследование проведено на основе оттисков печатей, которые выявлены автором исследования на личных письмах калмыцких ханов и нойонов, хранящихся в разных архивах. В результате проведенного в исследовании комплексного анализа впервые:

1. Введен в научный оборот комплекс источников сфрагистического и документального характера, представляющий материал для изучения традиции печатей у монголоязычных народов.

2. Выявлены на хранящихся в разных российских архивах письмах калмыцких ханов и представителей калмыцкой знати оттиски печатей, которые атрибутированы; расшифрованы легенды на них, в необходимых случаях проведена реконструкция легенд на печатях.

3. Определено на основе известных к настоящему времени источников число печатей, принадлежавших ханам и наместнику Калмыцкого ханства. Установлено, что единой «государственной печати» у правителей Калмыцкого ханства не было. Каждый правитель стремился получить личный знак инвеституры власти от имени Далай-ламы.

4. В хронологической последовательности дана характеристика сфрагистических памятников — печатей, использовавшихся правителями Калмыцкого ханства. Определены язык легенды, письменность, на которой составлена запись на печати, предполагаемое место изготовления, образцы для печатей. Предложены категории для классификации калмыцких печатей — по форме печати и по содержанию и способу изложения легенды: на тибетском языке; на китайском языке; на санскрите; с элементами калмыцких слов; на уйгурском языке; на квадратной письменности; с имитацией квадратного письма; с китайской иероглифами; с имитацией китайских иероглифов; с использованием письма ланджа; с использованием письма варту; с использованием тибетского письма; с изображениями вместо легенды).

5. Проведен анализ обширного круга тибетоязычных источников на предмет выявления данных о посольствах калмыцких ха-

нов, которые прибывали в Тибет с просьбой о получении от имени Далай-ламы ханского титула и печати. Выявлены даты получения печатей, лица, их выдавшие, а также обстоятельства, при которых они были выданы. В отдельных случаях выдвинуты гипотезы о дате получения печатей и лицах, выдавших их.

6. Выяснены титулы, которые были дарованы вместе с печатями калмыцким правителям. Определено значение дарованных от имени Далай-ламы титулов калмыцких ханов как знаков социального и политического статуса правителей ханства. Установлено, что в титулах калмыцких ханов, дарованных Далай-ламой, использовался термин «Дайчин»: Дайчин Аюка-хан; Дайчин Шаса-Бюджа-хан.

7. Установлена последовательность наследования печатей в среде калмыцкой знати, которая дает основание для понимания особенностей преемственности передачи власти и истории развития калмыцкого общества в XVII–XVIII вв.

8. На основе проведенного анализа выяснено место происхождения печатей или предложена гипотеза об их происхождении.

9. Проведен сравнительный анализ печатей калмыцких ханов с другими известными печатями калмыцких, ойратских, тибетских правителей с целью определения общего и особенного в легендах и внешнем виде.

10. Представлены сведения о наличии данных об использовании на документах исследуемого времени имитации печатей или их подделок.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение памятников сфрагистики как источников по истории Калмыцкого ханства расширяет источниковую базу исследований по традиции печатей и, шире, традиции инвеституры власти на Востоке. В научный оборот вводится корпус источников по истории ойратов и калмыков XVII–XVIII вв. Исследование показывает, что печати калмыцкой знати являются частью богатого сфрагистического наследия монголоязычных народов. Содержание и выводы работы расширяют концептуальные рамки изучения истории народов Внутренней Азии и могут быть использованы при созда-

нии обобщающих трудов по отечественной истории, в том числе по истории Калмыкии, а также истории монголоязычных народов в целом и по истории взаимоотношений государств кочевников и Тибета. Значимым аспектом, имеющим значение для дальнейшего теоретического изучения, являются материалы и выводы исследовательской работы, касающиеся геополитических связей Калмыцкого ханства. Выявлено, что для правителей Калмыцкого ханства большой ценностью в качестве знаков инвеституры власти обладали печать и титул, дарованные вместе с грамотой от имени Далай-ламы. Исследование традиций калмыцкой сфрагистики перспективно для решения проблем, связанных с изучением вопросов передачи власти и права наследования в кочевом обществе, с анализом взаимовлияния традиций в культуре печатей.

Практическая значимость исследовательской работы заключается в том, что ее материалы, положения и выводы могут быть использованы для изучения отечественной истории, в том числе Калмыцкого ханства в составе Российского государства, и истории монголоязычных народов в целом. Результаты исследования могут применяться в образовательном процессе, в частности преподавателями высших и средних учебных заведений для подготовки и чтения как курсов по истории Калмыкии и истории центрально-азиатского региона, так и курсов по специальным историческим дисциплинам. Содержание исследовательской работы также может оказаться востребованным при подготовке цикла курсов повышения квалификации по вопросам межкультурного диалога, взаимосвязей сфрагистических и, шире, художественных традиций монгольских народов, влиянию тибетской и китайской культурных традиций. Материалы исследования могут получить практическое применение и в том, что будут использованы в развитии современной культуры монгольских народов.

Исторические сведения и иные материалы исследования могут быть полезны источниковедам, занимающимся калмыцкой и тибетской сфрагистикой, историкам-документалистам, работникам архивов и музейным работникам.

Структура исследования

Исследовательская работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка источников и литературы.

Во введении представлено обоснование выбора темы и ее актуальности, даются сведения о состоянии калмыцкой и тибетской сфрагистики, определяется объект и предмет исследования, сформулированы его цели и задачи, обосновываются хронологические рамки, характеризуются методологическая и источниковая базы исследования, а также отмечаются научная новизна и практическая значимость исследования, приводятся данные об апробации проведенного исследования.

Основная часть содержит пять глав. В главе 1 «Традиция печатей у монгольских народов и сведения о получении титула и печати калмыцкими правителями» дан краткий обзор традиции печатей, которая распространилась среди монгольских народов; представлены сведения о посольствах калмыцкого правителя Шукур-Дайчина к Далай-ламе и первых упоминаниях о получении им, а также его сыном титула хана. В последующих главах рассмотрение печатей ханов и представителей калмыцкой знати сопровождается исторической справкой о самом хане, также приводятся сведения или выдвигается гипотеза о том, когда и где была произведена печать. Для того чтобы аргументировать гипотезы, выдвинутые в ходе анализа, приводятся примеры других, схожих, печатей. В главе 2 «Печати Аюки-хана» рассматриваются: четыре печати Аюки-хана; схожие с его первой печатью калмыцкие и тибетские печати на санскрите; печати, имеющие сходство со второй печатью Аюки, в частности принадлежащие калмыцкому владельцу Яндыку и Панчен-ламе; печати, схожие с его третьей печатью, например печать Данджин-Дорджи и другие; печать Санджаба, имеющая сходство с четвертой печатью Аюки-хана. Кроме того, в данной главе исследуется подделка четвертой печати Аюки. В главе 3 «Печати хана Церен-Дондука» исследуются имевшие сходство печати Церен-Дондука и ойратских правителей, а также печати нойонов Чимета, Лекбея, Лубжи и Бамбара. В главе 4 «Печати ханов Дондук-Омбо и Дондук-Даши» объектом исследования

являются «первая» и «вторая» печати хана Дондук-Омбо, а также печать Дондук-Даши. В главе рассмотрены сведения о посольстве Дондук-Даши к Далай-ламе и вопрос о возможном получении первым печати от религиозного иерарха. Изучается легенда на печати калмыцкого хана Дондук-Даши, а также печать Ценден-Дорджи, несущая на себе схожую легенду, написанную тибетским письмом умэ. Кроме того, рассмотрена печать владелицы Убу-гары, имеющая, как и печать Дондук-Даши, круглую форму. В главе 5 «Печати Чагдорджаба и Убаши» рассматривается печать Чагдорджаба — сына Аюки-хана, объявленного им еще при жизни отца наследником, с монограммой Калачакры, впоследствии унаследованная внуком Чагдорджаба — наместником ханства Убаши, и вторая печать, которой владели Чагдорджаб и Убаши, с легендой на китайском языке, рассматривается и печать Лузан-тайши, также имеющая китайскую легенду. Кроме того, в главе исследуются печати минского периода, схожие с печатью наследника Аюки Чагдорджаба, и подделка печати Чагдорджаба. Внимание уделяется также второй печати наместника Убаши. В заключении подводятся итоги исследования. Работу завершает список источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИЯ ПЕЧАТЕЙ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ И СВЕДЕНИЯ О ПОЛУЧЕНИИ ТИТУЛА И ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ

1.1. КРАТКИЙ ОБЗОР ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ПЕЧАТЕЙ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В XIII–XIV вв. китайская квадратная печать с оттиском, выполнявшимся красной краской, стала популярной в Центральной Азии благодаря монгольским завоеваниям, монголы переняли эту традицию у своих уйгурских и китайских советников. Особенность такой печати заключалась в том, что она была выполнена на разных видах письменности и языках [Aubin 2010: 159].

Монгольский термин *tamγ-a* — «печать» был заимствован в тибетский язык и широко использовался тибетцами. Его первоначальное значение — «отличительный знак». Академик Б. Ринчен пишет, что в Монголии существовало три вида печатей: *tamγ-a*, *temdeg* и *jakiruly-a*. Печать хагана, *törü-yin tamγ-a*, в традиционных представлениях монголов символизировала волю Неба, давшую власть хагану. Князя, министры и другие государственные сановники, в свою очередь, получали тамгу от хагана для управления своими владениями и своими подвластными людьми. Легенды на печатях князей более низкого ранга указывали на то, что именно печать, а не ее владелец, считалась «управляющей» владением, например: ... *qosiγu-yi jakirulyči tamγ-a* ‘печать, управляющая владением (такого-то князя)’.

Печать *temdeg* обычно обозначала знак владения и служила формой идентификации личности. Ее использовали в качестве подписи на бумагах не первостепенной важности. Чиновники более низкого ранга получали печать *jakiruly-a*, буквально «вещь, которая командует», например *sumu-yin jakiruly-a* ‘печать администрации, сумуна или подразделения хошуна (монг. *qosiγun*)’, дословно «вещь, которая командует сомоном» [Rintchen 1953: 25].

Кроме того, у монголов существовала императорская печать, называемая на монгольском *буу* — термин, происходящий от ки-

тайского «бао» (кит. 宝; пиньинь bao). Одной из самых известных среди монголов печатей была печать *qaš bii*, принадлежавшая Чингис-хану.

В Монголии и Калмыцком ханстве использовалась и печать *тииз*, название которой происходит от китайского *тецзы* (кит. 帖子; пиньинь tiězi). Вероятно, первоначально это слово в монгольском языке имело значение «кредитное разменное обязательство, кредитный билет», но из-за того, что на кредитном билете ставили печати кредитора, *тииз* стало обозначать печать.

Слово «печать» может относиться, во-первых, к артефакту, изготовленному из твердого материала, либо, во-вторых, к рельефной или выполненной техникой инталии гравировке или литой зеркальной надписи, выдолбленной под основанием этого предмета. Тибетские и монгольские печати, в отличие от китайских, как правило, выполнялись в виде рельефной надписи или изображения. В-третьих, слово «печать» может обозначать отпечаток такой матрицы, то есть сам оттиск. Подобный оттиск, поставленный на бумаге, шелковой ткани или другой поверхности, передает сообщение, несущее некий смысл.

Традиция печатей в среде монголоязычных народов связана с рядом других подобных традиций: тибетской, оказавшей большое влияние на нее китайской и, в определенной степени, индийской.

Первоначальное происхождение печатей в древнем Китае археологи связывают с рисунками на неолитической керамике. Позднее такие надписи гравировались на гадательных костях во времена династии Шан. Считается, что китайские печати непосредственно связаны с зарождающейся китайской письменностью, а позднее — с надписями на бронзовых ритуальных сосудах. Китайская историческая традиция гласит, что самые ранние печати назывались *си* (кит. 勝; пиньинь xī), однако позднее этот термин использовался исключительно для обозначения императорской печати. Подобные печати появились в эпоху династии Шан: они изготовлялись из бронзы, их оттиски на воске или глине, которую затем высушивали, использовались для идентификации личности, в качестве амулетов, а также для обеспечения конфиденциальности послания

[Aubin 2010: 159]. История развития печатей в Китае тесно связана с изобретением книгопечатания, после появления которого она развивалась в нескольких направлениях. Печати крайне часто применялись вместо личной подписи, такое их использование сохранилось до наших дней в регионах, культура которых испытала сильное влияние Китая. К таковым относятся Тибет, Монголия и Япония. Сами же подписи использовались sporadически, их могли оставлять низшие писцы [Giele 2005: 361–87]. Известны также так называемые «пальцевые печати» (кит. 畫指; пиньинь huà zhǐ) на танских документах, обнаруженных в Дуньхуане и Турфане [Niida 1939]. Подобные печати использовались в среднеазиатских регионах Тибетской империи теми, кто не имел возможности иметь собственную печать: документы подписывали «пальцевой печатью»³ (тиб. mdzub tshad), включающей в себя рисование рамки вокруг отпечатка пальца, иногда с добавлением линий для суставов и написанием имени человека внутри рамки. Кроме того, использовалась так называемая «цветущая подпись», или «шифр» (кит. 畫押; пиньинь Huà yā), со времен династии Тан [Van Gulik 1958: 426].

Печать могла использоваться как талисман [Van Gulik 1958: 423], а также как терапевтическое средство [Strickmann 1993: 7; Strickmann 1995: 149; Strickmann 2002]. Так, в Тибете оттиски печати, извлеченной из сокрытых Падмасамбхавой сокровищниц, использовались как амулеты, защищающие от влияния вредных духов. И, наконец, что не менее важно, имелось большое количество неофициальных печатей, которые из-за легенд и изобразительной ценности их отпечатков сами по себе сформировали огромное научное поле, которое в Китае сложилось, по крайней мере, со времен Мин.

Использование печатей также развивалось в ранней Индии. Начиная с протоисторической Харапской цивилизации печати стали обычным явлением в различных культурах ранней Индии, поскольку они были необходимы как для официальной, так и для частной переписки. Общественные организации, такие как управление регионов (санскр. jānapada), управление небольших торго-

³ Pelliot tibétain 1101. Электронный ресурс. URL: <https://idp.bl.uk/blog/tibetan-seals/>. Дата обращения: 27.02.2014.

вых городов (санскр. *ṇigama*) и т. д., имели свои собственные печати [Pal 2019: 95].

Среди этого множества печатей находятся и те, что принадлежали буддийским монастырям, таким, например, как Наланда. Тибетские путешественники, посещавшие Индию для паломничества и обучения, были знакомы с монастырскими печатями, вследствие чего в Тибете стали появляться печати монастырей, а также печати, несущие на себе легенду на санскрите. Печати, обнаруженные в знаменитом монастыре Наланда, также были разнообразны.

В Китае матрица печати представляет собой рукоять, предназначенную для удержания матрицы в руке, в нижней части которой находится сама матрица для создания оттиска. В начале становления традиции использования печати, во времена Воюющих царств (453–222 до н. э.), при династиях Цинь (221–207 до н. э.) и Хань (206 до н. э. – 220 н. э.), по описанию Р. Х. Ван Гулика [Van Gulik 1958: 419], печати имели лишь утилитарное назначение и не имели художественной ценности. Они изготавливались из бронзовых пластин, обычно квадратной формы, с резьбой инталия, и были снабжены декоративной ручкой (кит. 鈕; пиньинь *nǐu*) с проделанным в ней отверстием. Через это отверстие пропускали шелковый шнур (кит. 紐; пиньинь *nǐu*), который обеспечивал надежный захват во время использования печати. Шнур также служил для прикрепления печати к поясу (кит. 佩印; пиньинь *pèi yìn*). В это время печать считалась ритуальным предметом, как, например, жертвенный сосуд. Изменения произошли, когда вместо глины материалом для оттиска стал шелк, и, позднее второго века, бумага, для которой матрица отливалась (или вырезалась) чаще рельефом, чем глубокой печатью. Размеры печати, которая уже не подвешивалась на пояс, а переносилась отдельно, стали больше, вместе с этим увеличился и размер рукояти. Размер матрицы, который в древности составлял от 2,5 до 3 см с каждой стороны, у высокопоставленных служащих достигал около 10 см и более. Следует отметить, что размер и вес печати зависели от иерархического ранга ее обладателя [Aubin 2010: 163]. В Тибете печати имели схожее строение: как правило, длинная ру-

коять заканчивалась матрицей, размер которой не намного превосходил ширину рукояти.

Типичная для китайской официальной печати квадратная форма была унаследована тибетцами и монголами, позднее эту традицию продолжили калмыки. Матрица большинства китайских печатей была правильной квадратной (кит. 方印; пиньинь fāng yìn) или почти квадратной формы, хотя в некоторых случаях оттиск состоял из двух квадратов, образующих прямоугольник (кит. 半通; bàn tōng), длина которого в два раза превышала ширину. Как будет показано далее, среди калмыцких печатей есть печати схожей формы, к ним относится, например, «вторая» печать Дондук-Омбо. Печати высших административных лиц имели более сложные рукояти, на которых вырезались изображения символических животных, в основном львов и тигров в разных позах, драконов и черепах. Цвет шнура, который пропускался через рукоять, тоже имел свою символику [Aubin 2010: 164]. Монашеские печати могли иметь рукоять в форме колеса дхармы, не имеющего отверстия для шнура.

Монгольские печати были выполнены из разных материалов: яшмы, золота, серебра или слоновой кости для печатей правителей; бронзы, стали или латуни — для чиновников низшего ранга [Rintchen 1953: 25]. Тибетские печати также изготавливались из различных материалов: нефрита, яшмы, золота, серебра, бронзы, стали или латуни. Многие сохранившиеся матрицы сделаны из стали [Rintchen 1953: 25]. Что касается калмыцких печатей, нам известны сведения о материале, из которого они были изготовлены, лишь в трех случаях. О второй печати Аюки-хана сохранилось сведение, что она вырезана из сандалового дерева, однако речь могла идти о ручке печати. Печать Чагдорджаба была выполнена из слоновой кости, печать Сайн-Ка — из стали. Материал остальных печатей нам неизвестен вследствие отсутствия самих матриц.

Императорская и официальные печати Китая изготавливались в Министерстве церемоний (кит. 禮部; пиньинь Lǐbù). Обычные ремесленники выполняли их в соответствии со своей специализацией в обработке определенного материала или в особой технике. Чтобы изготовить печать на камне или нефрите, камнерез сначала

придавал необработанному материалу форму печати и рукояти; затем, как и при создании резьбы на стеле, ученый рисовал на бумаге модель, которая наклеивалась на поверхность будущей печати и гравировалась гравером. Характерно, что в описании императорских мастерских эпохи Тан указывались специальные места для обработки нефрита, кожи, оружия, плетения корзин и т. д., но о местах изготовления печатей не упоминалось. Специальное Управление по изготовлению печатей (кит. 鑄印局; пиньинь zhùyìn jú) впервые появляется рядом с Министерством церемоний в 1268 г. при чингисидской династии Юань [Farquhar 1990: 196].

Тибетские печати также первоначально изготавливались из камня и имели отверстие для шнура на верхней части. Оттиски тибетских печатей XII–IX вв. обнаружены на официальных или юридических документах, некоторые были изготовлены в Дуньхуане, другие прибыли из разных уголков Тибетской империи. Наиболее впечатляющими по содержанию являются печати, поставленные на документах ответственного за среднеазиатские регионы Тибетской империи чиновника, известного как Декхам (тиб. bde khams). Сохранился оттиск⁴ печати из бухгалтерии тибетского чиновника, отвечающего за этот регион, Делона (тиб. bde blon). Частные лица также носили печати, используя их для скрепления своих собственных документов, связанных с договорами купли-продажи, кредитования или найма [Pelliot]. Эти отдельные печати, известные как *суг-гья* (тиб. sug rgya), менее впечатляющие, чем официальные, и всегда имеют круглую, а не квадратную форму.

В Британском музее хранятся три печати из тибетских фортов Миран и Мазар-Таг⁵. Они сделаны из рогов животных с отверстием в середине, вероятно, для того чтобы их можно было носить на веревке или кожаном ремешке.

В Тибете традиционно при изготовлении новой печати или вручении печати Далай-ламе и прочим тибетским буддийским иерархам китайским императором, первый оттиск (тиб. par phud)

⁴ Pelliot tibetain 1111. Электронный ресурс. URL: <https://idp.bl.uk/blog/tibetan-seals/>. Дата обращения: 27.02.2014.

⁵ Электронный ресурс. URL: <https://earlytibet.com/2012/07/05/ancient-tibetan-seals/>. Дата обращения: 27.02.2014.

подносился важному изображению Будды, например, статуе Джово в Джоканге. В собрании сочинений Далай-лам можно найти сочинения, строфы которых посвящены поднесению первого отиска божеству или образу Будды.

В Китае печати были защищены строгими уголовными законами. Кодекс Тан «Танские уголовные установления с разъяснениями» (кит. 唐律疏議; Táng lǜ shū yì), образец законодательства для всех последующих династий, предусматривал смертную казнь за подделку императорских печатей и ссылку или каторгу за подделку официальных печатей. Во времена монгольской династии Юань использование печатей тщательно регулировалось законом, императорскими указами и судебными актами. Юридическое давление могло быть не более жестким, чем при предыдущих династиях; возможно, оно стало лучше задокументировано. В период правления Мин выбрасывание или уничтожение императорской или административных печатей было наказуемо обезглавливанием. Тот же приговор выносился при Цин за подделку или кражу любых печатей [Jones 1994: 342].

Монголы, включая ойратов, часть которых откочевала на Волгу и создала Калмыцкое ханство, очевидно, хорошо понимали, для чего предназначались китайские и тибетские печати, и широко ими пользовались. Позднее калмыки стали сами изготавливать официальные печати для своих правителей, однако не сохранилось никакой информации о мастерах или местах их изготовления.

Традиция помещать оттиск печати (кит. 印; пиньинь yìn) красного цвета в конце заверяемого документа получила широкое распространение с первых веков нашей эры, а в течение последнего тысячелетия такой способ использования печати является наиболее распространенным. Для создания оттиска стала использоваться специальная подушечка с кинварью, изобретенная в период Сюаньхэ (кит. 宣和; пиньинь Xuān hé) династии Сун (1119–1125). Состав красной краски для печати состоял из волокна моксы (*Artemisia моха*, кит. 艾; пиньинь ài), смешанной с маслом и порошком киновари. Получалась густая пластичная масса, которая помещалась в соответствующий фарфоровый сосуд и использова-

лась так же, как и современная штемпельная подушка для печати. К некоторым из тибетских печатей привязывали шнуром специальный пенал с выдвижной подушечкой с краской. Красный цвет был предпочтительнее других, поскольку красные печати можно было наносить поверх подписей и т. д., написанных черными чернилами, не стирая их и не вызывая путаницы [Van Gulik 1958: 420–421].

Создатель печати практически всегда оставался неизвестным. Среди монгольских печатей исключением являются печати Богдо Джебзундамбы VIII, поднесенные ему в 1911 г. Лама-ювелир и гравёр из Урги Лубсанггомбо, более известный под именем *Qara yar-tu Gombo* «Чернорукий Гомбо», выгравировал надпись на яшмовой печати Джебзундамбы, а текст серебряной, называемой «малой государственной печатью», был начертан писцом *Törü toytaqu yalda* [Rintchen 1953: 26]. Вторая печать Богдо Джебзундамбы была изготовлена князем *Darqan Bara Yidisiri* из Сецен-ханского аймака. Надписи на обеих печатях идентичны и сделаны на трех языках: санскритском, монгольском и тибетском. Санскритская легенда нанесена письмом соёмбо⁶, считавшимся алфавитом монгольской независимости, тибетская — квадратным письмом Пагба-ламы. Это письмо было разработано Пагба-ламой (1235–1280) в 1268 г. Восемь строк письменами соёмбо символизировали, что при восьмом перерождении *öndürgegen*-а Монголия стала независимой [Rintchen 1953: 29]. Таким образом, даже форма легенды и используемое письмо несли в себе глубокий символизм. Такой же глубокий символизм имеет и золотая печать, поднесенная тибетским народом Далай-ламе XIII в 1909 г. Печать несет на себе легенду на санскрите и тибетском языке, написанные, соответственно, индийским письмом ланджа и квадратным письмом Пагба-ламы. Другим примером является легендарная печать Цинь Шихуана, основателя династии Цинь и первого императора Китая. Это знаменитая нефритовая «Печать, передающая империю» (кит. 傳國璽; пиньинь *chuán guó xǐ*), выгравированная мастером по имени Сунь Шоу (кит. 孫壽; *Sūn shòu*) по приказу первого императора [Aubin 2010: 169].

⁶ Соёмбо (монг. соёмбо бичиг) — одна из исторических монгольских письменностей, разработанная Дзанабадзаром в 1686 г. Она также использовалась для записи тибетского языка и санскрита.

Монголы столкнулись с печатями еще в период Киданьской династии. В «Истории династии Юань» (кит. 元史; пиньинь yuánshǐ) рассказывается, как Темучин, будущий Чингис-хан, впервые соприкоснулся с императорской печатью в 1204 г. Позднее система печатей получила широкое распространение у монгольских народов. Так, когда в 1251 г. на престол взошел внук и третий преемник Чингис-хана Мункэ-хан, он отменил все существовавшие печати, чтобы заново организовать распределение власти между князьями и администрациями [Aubin 2010: 174].

Примечательно, что печати на письмах ильханов, отправленных монгольскими правителями Персии западным державам, были выполнены китайским письмом для печатей. Использование квадратной печати, содержащей имя правителя и изречение, прикрепленной к фарману (царский или административный указ в персоязычных канцеляриях исламских времен, а также во многих тюркоязычных канцеляриях), в качестве средства аутентификации были китайской традицией, внедренной в западную Центральную Азию монголами. Легенды на них выполнялись китайским письмом для печатей, по крайней мере, до разрыва между Юань и ильханом Абу-Саидом (правил с 1316 по 1335 гг.); после этого использовалось персидское письмо с арабской графикой [Fragner 1999: 284–285, 287].

Известно, что китайские печати ильханов были изготовлены в Ханбалыке⁷ при дворе и по приказу императора Юань, который в то же время был великим ханом Монгольской империи, и что печати затем доставлялись в Табриз и церемониально передавались ильхану [Fragner 1999: 284]. Так было с печатью седьмого ильхана Газана (правил с 1295 по 1304 гг.), которая в 1302 г. была поставлена на письме папе Бонифацию VIII (правил с 1294 по 1303 гг.), содержащем легенду, которую можно понять как: «Печать царского двора для умиротворения страны и управления народом разумно» (кит. 王府定國/理民之寶; пиньинь wángfǔ dìng guó/lǐ mín zhī bǎo). С использованием слова «ван» ‘царь’ Газан неявно признавал сюзеренитет великого хана. Но в тексте на печати в письме, отправ-

⁷ Ханбалык или Даду (кит. 大都; пиньинь Dàdū), ‘Большой Город’, позднее Пекин.

ленном в 1305 г. Эльдзэйтү (правил с 1304 по 1316 гг.), братом Газана, французскому королю Филиппу Красивому (правил с 1285 по 1314 гг.), говорится: «Печать Подлинно предначертанного Великого Императора, которого Небо благосклонно одарило десятью тысячами вещей» (кит. 真命/皇帝/天順/萬事/之寶; пиньинь Zhēn mìng/huángdì/tiān shùn/wànshì/zhī bǎo). Совершенно невозможно, чтобы император Юань — в то время Темур (Ченцзун, правил с 1294 по 1307 гг.) — отправил вассалу печать, провозглашающую его «Подлинно предначертанным Великим Императором», титул, подходящий только для императора Юань. Это означает, что печать, использованная в 1305 г., была изготовлена в Персии, хотя она все еще несла легенду на китайском языке [Mostaert, Cleaves 1952: 485].

Китайская традиция использования печати, контролируемого помощником, также была передана ильханам и через них к последующим княжествам, включая крымское и другие. Фактически четыре старейшины кешига, или имперских стражей (в крымском княжестве их называли *qaracu*, *qaraču beg*), имели ответственность за контроль над красной печатью хана и подтверждали документы, ставя свою собственную маленькую черную печать рядом с оттиском печати хана [Atwood 2006; Atwood 2004: 297–298].

Важное значение имели печати и для правителей Калмыцкого ханства. Будучи знаком инвеституры власти, печать должна была иметь высокое легитимное происхождение. У калмыцких правителей был специальный доверенный человек, хранивший печати, что тоже создавало ореол величия вокруг этого символа власти. Как правило, таким человеком являлся наиболее приближенный и вернейший зайсанг⁸ хана. Так, доверенного зайсанга хана Дондук-Омбо, хранившего печать хана [Сусеева 2003: 17], известный историк В. М. Бакунин характеризует следующим образом: «... Он из духовных и его собственный писец, и к нему присылаемые письма хранит и все его секреты знает, и в нем небессилен и что Дондук-Омбо ему столько верит, сколько самому себе» [Бакунин 1995: 127–128].

⁸ Зайсан, зайсанг (от китайского титула цзай-сян (宰相 zǎixiàng), ‘канцлер, великий визирь’; калм. зээсн) — представитель родовой знати у монголов, бурят, калмыков.

В эпоху Мин монгольские принцы стремились получить красивые китайские печати от китайского императора в знак признания и для укрепления своего положения. В истории, изложенной в биографии тумэтского Алтан-хана (1507/8–1581), известного укреплением своей власти над монгольскими народами и широким распространением буддизма среди монголов, сообщается, что после заключения мира с Мин в 1571 г. Алтан-хан получил от «Великого Императора Мин» золотую печать, *altan tamay-a*. Переводчик биографии Й. Эльверског отмечает, что это утверждение неверно. На церемонии 1571 г. Алтан-хан не получил китайскую печать, и можно предположить, что он все еще использовал свою собственную монгольскую печать, пока ему наконец не была предоставлена позолоченная серебряная печать в 1572 г. Она предназначалась для официальной переписки с Минским престолом и для торговых операций с Китаем. Однако такой подарок вызвал протест со стороны официального великого хана Тумэн Дзасакту-хана, который номинально являлся вышестоящим по отношению к Алтан-хану, будучи Великим ханом Восточного тумена. Позже, в 1577 г., Алтан-хан предпринимал усилия, чтобы получить от Мин подлинную золотую печать — «Золотую печать Дуду⁹», о которой говорится в его биографии. Однако эти усилия, по-видимому, оказались напрасными [Elverskog 2003: 125].

Кроме того, минская династия, стремясь усилить свое влияние среди монголов, ойратов и тибетцев, раздавала различным ойратским, монгольским и тибетским ламам титулы, печати, изображения Будд, музыкальные инструменты и т.д.

Туметский Алтан-хан в 1578 г. даровал Далай-ламе III золотую печать с рукояткой в виде дракона с лапами, имеющими по пять когтей, и тибетской легендой *rdo rje 'chang ta la'i bla ma'i tham ka*, «Печать Ваджрадхары Далай-ламы», выполненной письмом Пагба [Elverskog 2003: 161]. В ответ новый Далай-лама подарил хану серебряную печать (монг. *mönggün tamay-a*). Таким образом, история успеха модели китайской печати продолжила свое развитие в Центральной Азии.

⁹ Дуду (кит. 都督; пиньинь dūdū) – командующий войсками, главный военачальник.

Когда маньчжуры в течение XVII в. завоевали Монголию и Китай, к языкам, на которых излагались легенды на печатях (называемым *doron* на маньчжурском), был добавлен новый — маньчжурский, а вскоре после этого была привлечена и письменность для его транслитерации, основанная на уйгурско-монгольском алфавите. Такова, например, печать Пятого Далай-ламы Лобсанг Гьяцо (1617–1682), несущая легенду на китайском, маньчжурском и тибетском. Тем не менее монгольский оставался одним из языков имперской канцелярии, что подтверждается административной печатью западного крыла Урянхай (в северных землях Халхи), с легендой, написанной китайским письмом для печатей и обычным монгольским письмом [Aubin 2010: 186].

Таким образом, начиная с 1630-х гг. на официальных печатях или табличках могли присутствовать три языка и три письменности [Ligeti 1958: 239]. Позднее появилось маньчжурское печатное, якобы «древнее письмо», которое крайне похоже на письмо Пагба-ламы или на китайское письмо для печатей [Stary 2006: 171–183].

Монголы с почтением относились к печатям правителей. Например, ордосские монголы большое уважение проявляли к главной печати знамени:

Монголы считают [великую печать] священным объектом. Она всегда находится неподалеку от князя, и перед шкатулкой, в которой она хранится, ночью и днем горит лампада. Когда дзасак¹⁰ отправляется в поездку внутри своего знамени, он берет с собой печать, и тогда её перевозят на [собственной] лошади, которую ведет всадник. Когда принц ночует на дороге, печать отдыхает в небольшой палатке, охраняемой должностным лицом. Великая печать используется только для важных документов и значимой официальной переписки. На документах и письмах менее важного значения наносится маленькая печать джаму¹¹ [кит. 衙门; yámen] [Elverskog 2006: 83].

В период династии Цин печати монгольских чиновников очень напоминают китайские: квадратная матрица с красным оттиском

¹⁰ Дзасак — глава знамени, принц.

¹¹ Джаму (кит. 衙门; yámen) — место администрации знамени.

увенчана ручкой сложной формы, на которой обычно изображено могущественное животное, такое как лев, тигр или дракон [Aubin 2010: 173]. Такую печать цинское правительство выдало сыну калмыцкого Убаши-хана Церен-Намджалу в 1775 г. [Dorji, Batubayar, Lijei 2009: 7].

Вплоть до XX в. в Тибете продолжали использоваться печати, напоминающих китайские, с легендой на письме Пагба-ламы, которое на тибетском называется *хор-йиг сарпа* (тиб. *hor yig gsar pa*) — «новое монгольское письмо». Так, в 1691 г. хан западных монголов Галдан Бошокту-хан (даты правления 1671–1696), поставил свою личную ханскую печать с легендой на тибетском и ойратском языке, записанной письмом Пагба-ламы, на документе, адресованном русскому царю [Митруев 2022d: 29]. В 1903 г. принц (кит. 王; пиньинь wáng) Алашани (на западе Внутренней Монголии) использовал печать с легендой на письме Пагба-ламы, чтобы ставить ее на дипломы, которые он вручал ламам своего хошуна (знамени) [Poppel, Krueger 1957: 15].

Крайне важен еще один момент: исполняющий обязанности правителя мог использовать печать своего отца. В персидском царстве ильханов, например, Аргун (правил с 1284 по 1291 гг.) поставил на двух документах, датированных 1289 г. и 1290 г., печать, изготовленную для его отца Абака (годы правления 1265–1282), внука Чингис-хана; также Абу-Саид (годы правления 1316–1335) удостоверил документ, датированный 1320 г., печатью, которая принадлежала его отцу Эльдзейту (годы правления 1304–1316 гг.), сыну Аргуна [Mostaert, Cleaves 1952: 431, 483–484]. В начале маньчжурского правления Хун Тайцзи (Абахай, правил с 1627 по 1635 г.), называемый Тайцзун династии Цин, в 1631 г. использовал печать своего отца Нурхаци (правил с 1616 по 1626 гг.) [Ligeti 1958: 205]. Далай-ламы и Панчен-ламы, и многие другие иерархи тибетского буддизма также использовали печати своих предыдущих воплощений. В некоторых случаях калмыцкий хан наследовал печати предыдущего правителя. Так было в случае с Церен-Дондуком и Дондуком-Даши, которые унаследовали печати Аюки-хана. Однако необходимо отметить, что каждый следующий калмыцкий

хан старался получить ханскую печать от Далай-ламы, таким образом подтверждая свои полномочия.

Необходимо учитывать, что ханская печать являлась не только личной; она считалась, скорее, печатью держателя ханского титула, но также и семейной или родовой печатью, которой пользовались члены семьи хана или наместника, не имевшие своей печати. Некоторые из калмыцких ханов имели по несколько печатей, например, у Аюки-хана их было не менее четырех. По всей видимости, количество печатей калмыцких ханов не подразумевало различия в их использовании, в отличие от, например, юаньского двора. Так, юаньский двор никогда не разрешал использование больших печатей с надписью «... *чжи бао*» (кит. 之宝; пиньинь *zhībǎo*) (великая печать) кем-либо, кроме хагана, хатун (императрицы) и наследного принца. Даже члены семьи хагана, за исключением вышеупомянутых, должны были использовать обычную правительственную печать для принцев, или *чжуван гуаньинь* (кит. 诸王官印; пиньинь *zhū wáng guānyìn*; правительственная печать принца) [Yokkaichi 2010: 219].

Таким образом, калмыцкая традиция печати имеет начало в тибетской и китайской традициях, оказавших на нее большое влияние. Однако калмыцкие печати демонстрируют черты, отличные от этих двух традиций. Так, Дондук-Даши использовал печать круглой формы, которая ранее не встречалась у ханских печатей. На второй печати Дондук-Омбо нанесена легенда в виде имитации китайского письма, что также нетипично для тибетских печатей. Кроме того, в легендах стали использоваться элементы в виде калмыцких слов. Приведенные выше характеристики позволяют сделать вывод, что традиция печатей у калмыков начала приобретать черты независимой традиции уже в период существования Калмыцкого ханства (под управлением калмыцких ханов). Специальное исследование калмыцких печатей будет проведено в последующих главах данной работы.

1.2. СВЕДЕНИЯ О ДАРОВАНИИ ХАНСКОГО ТИТУЛА И ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИМ ПРАВИТЕЛЯМ ШУКУР-ДАЙЧИНУ И МОНЧАКУ (ПУНЦУКУ)

Калмыцкий летописец Габан Шараб в «Сказании об ойратах» писал: «Гуши хан, Орлюк с шестью сыновьями, Батур хунтайджи, Кундулен Убаши, Цецен, Аблай, духовные и все младшие ойратские владельцы на собрании положили почитать Далай ламу за первенствующую духовную особу, также и в почтении иметь и род тибетов (sic! — *Б. М.*), из которого происходят Далай ламы, и из сего поколения никого насильно при себе не держать, а давать волю жить, где пожелают» [Габан Шараб 2003: 92]. По всей видимости, именно по этой причине калмыцкие ханы считали крайне важным получить грамоту на титул хана и ханскую печать от самого Далай-ламы. Хронологический период обращения к Далай-ламам за титулом «хан» и вручения Далай-ламами этого титула калмыцким правителям начался с середины XVII в., когда Далай-лама V удостоил этим титулом деда Аюки-хана Шукур-Дайчина [Трепавлов 2014: 16¹²], и завершился в 1757 г., когда посланцы Дондук-Даши прибыли к Далай-ламе VII с целью испросить ханское звание и печать для Дондук-Даши.

Среди правителей калмыков следующие ханы обладали ханскими титулами, полученными от разных воплощений Далай-лам: это Шукур-Дайчин, Аюка-хан, Церен-Дондук. Имеются также сведения, что от Далай-ламы также получал титул и Мончак, сын Шукур-Дайчина. Другие калмыцкие ханы — Дондук-Омбо, Дондук-Даши — обладали титулом хана, присвоенным указом российского императора.

Шукур-Дайчин, старший из шести сыновей и шести дочерей Хо-Урлюка (ум. 1644) [Габан Шараб 2003: 86] и его преемник, ставший вторым тайшой калмыков, встречался с Далай-ламой Пятым Нгаванг Лобсанг Гьяцо (тиб. Ngag dbang blo bzang rgya mtsho;

¹² В. В. Трепавлов пишет о том, что имеются сведения о получении Шукур-Дайчином титула хана в 1650 г. Ниже мы приводим сведения из биографии Далай-ламы, относящиеся к 1643 г.

1617–1682) в 1643–1644 гг. и получил от него же титул «Дайчин-хан» в 1650-х гг.

В биографии Пятого Далай-ламы не сохранилось сведений о даровании ханского титула Шукур-Дайчину. Однако упоминаются три его посольства: 1643–1644 гг., 1675 г. и 1683 г., которые важны при сопоставлении других сведений из источников. Приведем сведения о посольствах Шукур-Дайчина в Тибет.

1.2.1. Посольство 1643–1644 гг.

Еще до смерти своего отца Хо-Урлюка торгутский Дайчин или Шукур-Дайчин, дед Аюки-хана, отправляется в Тибет. Шукур-Дайчин находился в Тибете с конца 1643 г. до начала 1644 г. Мы можем сделать вывод, что источники, утверждавшие, что после ойратско-монгольского съезда 1640 г. в урочище Шибэгыин-улан-бура у Тарбагатайских гор Дайчин не вернулся на Волгу, а в 1642 г. отправился в Тибет на поклонение к Далай-ламе [Митиров 1998: 76], были верны.

Вот что повествуется об этом в биографии Далай-ламы V:

В год Воды-Овцы (1643 г. — Б. М.) прибыло множество гостей во главе с Энса-тулку и торгутом Дайчином. Сначала торгут Дайчин поднес хадак вместе с сотней лошадей с седлами. [Он] несколько бахвалился, говоря: «Так же было и с хадаком Пема Карпо»¹³. Однако, опасаясь многословия, не стану писать об этом. [Я] (т. е. Далай-лама. — Б. М.) украсил посвящением заслуг и молитвами десять тысяч подношений¹⁴ и ценные подарки, поднесенные Энса-тулку и торгутским Дайчином, вместе с приглашением в Лхасу¹⁵ [blo bzang rgya mtsho 2018a: 197].

¹³ Кунхьен Пема Карпо (тиб. kun mkhyen pad ma dkar po; 1527–1592) — четвертый Гьялванг Другпа, глава школы друкпа кагью тибетского буддизма. Возможно, здесь имеется в виду одно из последующих воплощений Пема Карпо.

¹⁴ Здесь под десятью тысячами подразумевается большое количество богатых подношений.

¹⁵ chu lug gi lo <...> dben sa sprul sku dang thor god da'i chin gyis gtsos pa'i 'grul pa mang ba 'byor/ thor god da'i chin gyis thog mar mjal dar la rta sga ma brgya tham pa byung/ 'brug pa pad+ma dkar po yin na mjal dar la'ang

Вероятно, именно в этот период Далай-лама V дал Шукур-Дайчину ханский титул, от которого, согласно калмыцким историко-литературным источникам, тот отказался. В «Истории калмыцких ханов» сказано:

Еще прежде, когда Калмыцкие первенствующие (нерюн голов) носили титул «тайши», святитель Богдо-Лама пожаловал было Шукур-Дайчину (деду Аюки) ханское титул и печать, но тот возвратил обратно, говоря: «подобных мне нойонов много, как же я буду ханом?» [История калмыцких ханов 1969: 70].

Из-за нежелания Далай-ламы V углубляться в подробности нам неизвестны подробности отказа Дайчина от титула, предложенного Далай-ламой. Однако сам Дайчин и его окружение в официальной переписке 1650-х гг. указывают ханский титул, свидетельствуя о том, что он сам считал себя ханом и окружение ему в том не противоречило [Курапов 2018: 108]. Кроме того, русский царь Алексей Михайлович именовал Дайчина ханом [Цюрюмов 2005: 22].

Более того, японская исследовательница Юмико Ишихама, цитируя «Ежемесячные отчеты» (кит. 月摺檔; пиньинь Yuè zhé dǎng) на маньчжурском языке, хранящиеся в Первом историческом архиве (кит. 第一歷史檔案館; пиньинь Dì yī lìshǐ dǎng'àn guǎn), пишет: «Я спросил Сонома Дарже¹⁶ (отца Далай-ламы), как предшествующие Далай-ламы вручали титулы. Он сказал мне: „Пятый Далай-лама дал титул «Шукур Дайчинг-хан» и печать отцу Айоши» [Ishihama 1992: 502].

Из этого отрывка можно сделать вывод, что Далай-лама V дал титул не только деду Аюки Шукур Дайчинг-хану, но и печать отцу Аюки Мончаку (Пунцуку) (тиб. phun tshogs; ум. 1669).

Остается только предположить, что Шукур-Дайчин в конечном итоге принял ханский титул от Далай-ламы.

Тогда же Шукур-Дайчин посетил Панчен-ламу Лобсанг Чокьи Гьялцена. Из этого пассажа выясняется год смерти Энса-тулку:

‘di ‘dra byung zhes zhal pho shog logs gcig tsam yong yang kha thag ring dogs ma bris/ dben sa sprul sku dang da’i chin gnyis kyis lha sar bos pa’i khri ‘bul ‘gangs che ba bstar bar bsngo smon gyi rgyas btab [blo bzang rgya mtsho 2018a: 197].

¹⁶ Сонам Даргье (тиб. bsod nams dar rgyas) — отец Седьмого Далай-ламы Келсанг Гьяцо (1708–1757).

В начале зимы <...> года Воды-Овцы (1643 г. — Б. М.) были Энса-тулку и ойратский хан торгутский [Шукур]-Дайчин, покровитель и священник¹⁷, и совершили бесчисленные подношения монахам. Однако из-за препятствий в виде оспы [Энса]-тулку отправился в другую чистую землю [Будды]. <...> Взяв за основу материал, поднесенный торгутским [Шукур]-Дайчином и Владыкой дхармы Гуши, были возведены статуи шести украшений Джамбудвипы и двух превосходных¹⁸, Владыки дхармы Сакья-пандиты, Всеведущего Бутона, Владыки Цонкапы с духовными сынами, воплощений Всеведущего [Далай-ламы], духовного отца Гьялва Энсапы с духовными сынами и прочих. Каждая статуя была сделана из приблизительно 80 срангов¹⁹ серебра. Также была возведена статуя нашего Учителя [Будды Шакьямуни], размером чуть больше, чем [статуя] Джово Ринпоче^{20 21} [dpal ldan ye shes 2014a: 284–285].

В 1644 г. Дайчин снова посещает Далай-ламу:

В год Дерева-Обезьяны (1644 г. — Б. М.) <...> [я] (т. е. Далай-лама. — Б. М.) дал религиозные наставления старшей и млад-

¹⁷ Примечательно, что, по данным письменных памятников и ойратского фольклора, Энсэ-хутухту (Инзан-хутухта) переродился в виде сына Батура-хунтайджи от его супруги Юм-Ага — дочери Шукур-Дайчина, который назван в тибетском источнике покровителем священнослужителя. Перерожденец Энсэ-хутухты прославился как Галдан Бошогту-хан [Бакаева 2023].

¹⁸ Шесть украшений Джамбудвипы: Нагарджуна, Арьядева, Асанга, Дигнага, Васубханду и Дхармакирти. Два превосходных: Шакьяпрабха и Гунапрабха.

¹⁹ Сранг (тиб. srang) тибетская мера веса, равная 37,5 грамма.

²⁰ Главная статуя в лхасском Джокханге.

²¹ chu lug <...> dgun stod dben sa sprul pa'i sku dang / o'i rod rgyal po thor kho ta'i jing mchod yon rnam byon nas/ mang 'gyed 'bul ba bsam gyis mi khyab pa mdzad/ 'on kyang bar chod nam pas sprul pa'i sku 'brum pas zhing gzhan du gshegs <...> thor kho ta'i jing dang gu shrichos rje sku rgyu phul ba la gzhi byas / rgyan drug mchog gnyis/ chos rjes sa paN/ kun mkhyen bu / rje yab sras/ thams cad mkhyen pa na rim yab rgyal ba dben sa pa yab sras sogs/ rgya bod kyi lo paN mang po'i sku 'bag re re yang dngul srang brgyad cu tsam las grub pa dang/ dngul srang nyis stong las grub pa'i bdag cag gi ston pa'i sku brnyan jo bo rin po che'i sku las cung zad che ba legs par bzhengs / [dpal ldan ye shes 2014a: 284–285].

шей ханше и прочим во главе с Дайчином, которые они хотели получить, и сделал им множество прощальных подарков. Я организовал для них ритуал умоливания в тантрической храме и поднес хадак с написанными на нем просьбами о содействии защитникам дхармы²² [blo bzang rgya mtsho 2018a: 201].

Затем в том же 1644 г. Дайчин вместе с ханшами отправился в обратный путь:

В год Дерева-Обезьяны (1644 г. — Б. М.) <...>, после того как воплощение Энса-[тулку] внезапно скончалось в Таши Лхунпо, торгуют Дайчин со своими людьми, дабы избежать оспы, прибыли в Дам²³. Так как старшая и младшая ханши, Дайчин и прочие стремились скорее вернуться к себе на родину, Депа [предложил], что было бы подобающе неспешно отправить их из Пхенюла²⁴, дабы избежать вреда при путешествии по узкой дороге. Согласно письму, данному в Садаме²⁵, [я] (т. е. Далай-лама. — Б. М.) отправился по пути вдоль [реки] Мелдро²⁶. Перед тем, как отправиться в путь, был отправлен посланец, чтобы поднести хадак с написанными на нем молитвами об обретении желаемого изображению [богини] Палден Магсорма в Гьяле²⁷ [blo bzang rgya mtsho 2018a: 199–200].

²² rgyal mo che chung dang da'i chin gyis gtsos pa nams la gang 'dod kyi chos 'brel dang dngos po'i rdzong ba bzabs/ sngags khang du bskang gso btsugs thog chos skyong nams la 'phrin bcol bris pa'i snyan shal phul.

²³ Пастбища к северо-западу от Лхасы.

²⁴ Долина в центральном Тибете.

²⁵ Местность в центральном Тибете.

²⁶ Река Малдро Ма-чу (тиб. Mal gro ma chu) к востоку от Лхасы.

²⁷ dben sa sku skye bkra shis lhun por glo bur du grongs pa'i thor god da'i chin can 'brum par 'dzem stabs 'dam du slebs/ rgyal mo che chung dang da'i chin sogs rang yul du log rings bar sde pas dbyar 'ong gseb la mi gnod pa'i khyad kyis 'phan yul nas brdzangs na 'gab 'dug pas za dam du shog gngang ba ltar mal gro brgyud lam du 'deggs gdong rgyal du dpal ldan dmag zor mar 'dod don gsol ba'i snyan dar 'bul mi mngags [blo bzang rgya mtsho 2018a: 199–200]. Данный отрывок представлен в английском переводе первого тома автобиографии «Иллюзорная игра: автобиография Пятого Далай-ламы» [Sañs-rgyas-rgya-mtsho 1999: 186]. Частичный перевод представлен в первом томе работы «Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов» [Китинов 2021a: 265].

Когда по приглашению торгутов Зая-пандита прибыл к ним весной 1645 г., скончался старший сын Дайчина — Даян-Эрки, в этот период Шукур-Дайчина не было в кочевьях [Митиров 1998: 81].

В 1646 г. в Джунгарии произошло Ухарлыкское сражение, на месте которого оказался и торгутский Шукур-Дайчин²⁸ [Митиров 1998: 82]. Хотя некоторые исследователи предполагают, что Дайчин отправился в Тибет в 1645–1646/7 гг. [История калмыцких ханов 1969: 56, Пальмов 1926: 10, Курапов 2018: 101, Санчилов 2016: 171], упоминания его присутствия в этот период в Тибете нет ни в биографии Далай-ламы V, ни в биографиях Панчен-лам Лобсанг Чокьи Гьялцена и Лобсанг Еше. В биографиях также отсутствует упоминание его второго паломничества в Тибет, которое предположительно произошло после 1649 г. [Пальмов 1926: 10] или в 1653–1654 гг. [Санчилов 2016: 171]. Возможно, что второй визит Шукур-Дайчина пришелся на период путешествия Далай-ламы в Пекин в 1652–1653 гг. по приглашению императора Шуньчжи (1638–1661), поэтому в биографии Далай-ламы не содержатся сведения о втором визите Дайчина, но биография Панчен-ламы Лобсанг Чокьи Гьялцена также не содержит сведений о визите Дайчина, хотя калмыцкие посольства традиционно посещали второго иерарха гелуг во время своего визита, как это было с посольством Дондук-Даши [Митруев 2022с: 54–55].

1.2.2. Печать Шукур-Дайчина

На письме 1661 г. царю Алексею Михайловичу (1629–1676 гг.) от тайшей Дайчина и Мончака на старописьменном монгольском языке можно найти оттиск печати (рис. 1) [Тепкеев 2014: 413]. Так как Шукур-Дайчин был ханом и отцом Мончака, логично предположить, что на письме стоит оттиск именно его печати. Легенда на печати Шукур-Дайчина является китайским иероглифом или его имитацией. Вероятно, данная печать имеет китайское происхождение. Принимаю во внимание круглую форму, небольшой размер

²⁸ Хотя А. Г. Митиров пишет, что Шукур-Дайчин оказался там по пути в Тибет, скорее всего он находился на обратном пути из Тибета.

и отсутствие традиционной легенды, принятой во времена Пятого Далай-ламы в виде надписи на квадратном письме Пагба-ламы или «ложном квадратном письме», можно предположить, что данная печать не была ханской печатью и не была выдана Далай-ламой.

Рис. 1. Печать Шукур-Дайчина

Возможно, у Шукур-Дайчина, как и у других калмыцких ханов, было несколько печатей, и на данном письме был поставлен оттиск одной из них. Поскольку у Лузана, младшего брата Шукур-Дайчина, была печать из Тибета с легендой на квадратном письме Пагба-ламы, будет логичным предположить, что у Шукур-Дайчина, являвшегося ханом, тоже была подобная печать, о которой говорится в «Сказании об ойратах» Габан Шараба [Габан Шараб 1969: 147]. Однако пока не обнаружено документов, несущих оттиск этой печати. То, что Шукур-Дайчин использовал на письме царю Алексею Михайловичу китайскую печать, не значит, что у него не было другой от Далай-ламы. Возможно, эта печать была утрачена или недоступна в момент написания письма, или просто не использована.

1.2.3. Посольства 1675 г. и 1683 г.

Известно, что в 1671 г. хошутский Очирту-Цецен-хан разгромил Кундулен-Убуши и захватил пленников, среди которых оказался торгутский тайши Шукур-Дайчин. В «Родословной августейшего Чингис-хана, родословной ойратов и родословной хошутов» сказано, что Шукур-Дайчина взял в плен Аблай, который выдал его своему старшему брату Цецен-хану [Родословная 2016: 205]. Ю. Лыткин пишет, что Очирту-Цецен-хан отправил престарелых Дайчина и Кундулен-Убуши в «почетную ссылку» в Барун-тала, т. е. Тибет, где они скончались [История калмыцких ханов 1969: 114], но в «Родословной августейшего Чингис-хана» утверждается, что Шукур-Дайчин умер в ставке Цецен-хана [Родословная 2016: 205]. Как было сказано выше, в биографиях Далай-ламы V, Панчен-ламы Лобсанг Чокьи Гьялцена и Лобсанг Еше отсутствуют упоминания о пребывании Дайчина в Тибете после визита 1643–1644 гг. Исходя из этого факта версия о том, что Дайчин умер в ставке Цецен-хана, кажется более вероятной.

Более того, в биографии Панчен-ламы Лобсанг Еше говорится о посланнике торгутского Дайчина²⁹, «совершающем добродетель» (тиб. dge rtsa ba), прибывшем к Панчен-ламе в 1675 г.:

Шестого числа <...> месяца Пурвашадха (тиб. chu stod zla ba; санскр. pūrvāśādhā) (т. е. шестого месяца. — Б. М.) <...> года Деве-ва-Зайца (1675 г. — Б. М.) <...>, в это время прибыл посланник торгутского Дайчина, совершающий добродетель, [привезший] пышные подношения ради усопшего и прочие подарки. [Панчен-лама] посвятил заслуги ради достижения высшего совершенного просветления и произнес совершенно чистые молитвы-устремления, так полностью выполнив пожелания [Дайчина]³⁰ [blo bzang ye shes 2014a: 73].

²⁹ А. Г. Митиров утверждает, что Шукур-Дайчин умер в 1667 г. чуть ли не в столетнем возрасте. Это утверждение, скорее всего, неверно, так как Шукур-Дайчин был захвачен в плен Очирту-Цецен-ханом в 1671 г. [Митиров 1998: 96].

³⁰ shing mo yos <...> chu stod zla bar <...> ‘di skabs thor khong [khod] d+ha’i ching gi dge rtsa ba dbu mdzad chos rje ‘byor pas bsngo ba’i rten sogs dngos po’i skyes rgya che ba byung zhing / dge rtsa bla na med pa’i rdzogs byang du bsngo ba dang / smon lam dri ma med pas mtshams sbyor ba sogs bzhed don yang dag bsgrubs/ [blo bzang ye shes 2014a: 73].

Как правило, подобного посланника отправляют за тем, чтобы совершить подношения ради блага усопшего. Исходя из этих сведений, следует, что Дайчин скончался до 1675 г.

В «Продолжении биографии Далай-ламы V», написанном Деси Сангье Гьяцо, в разделе, посвященном 1683 г., также говорится о том, что торгутский Дайчин сделал подношение для молебна о долгой жизни Далай-ламы:

Второго числа <...> четвертого лунного месяца <...> года Воды-Свиньи (1683 г. — Б. М.), называемого «Извергающий кровь» (тиб. khrag skyug; санскр. rudhīrodgārī), в покаях [Далай-ламы] был совершен молебен о долгой жизни, для которого торгутский [Шукур]-Дайчин сделал подношение³¹ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b: 18].

Вероятно, данное подношение было сделано от имени усопшего Дайчина через посланника. Несмотря на то, что Далай-лама V покинул этот мир в 1682 г., его смерть скрывалась до 1696 г., и весь этот период его окружение поддерживало иллюзию того, что он жив, продолжая совершать, в том числе, подобные молебны за его долголетие.

Выводы по главе 1

В тибетском источнике — биографии Далай-ламы V — упоминаются три посольства Шукур-Дайчина (1643–1644 гг., 1675 г. и 1683 г.) в Тибет. В них нет прямого упоминания о получении Шукур-Дайчином титула и печати от Далай-ламы. Но в тексте биографии отмечается, что Далай-лама, «опасаясь многословия» [blo bzang rgya mtsho 2018a: 197], не стал описывать подробности содержания разговора с Шукур-Дайчином во время встречи с ним в 1643 г., когда Шукур-Дайчин прибыл вместе с другими гостями во главе с Энсэ-тулку (Инзан-хутухтой) — религиозным деятелем, способствовавшим распространению буддизма среди ойратов³².

³¹ khrag skyug ces pa chu phag lo <...> zla ba bzhi pa'i <...> tshes gnyis la thor god da'i ching gis 'bul yon sbyar ba'i gzims chung brtan bzhugs [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b: 18].

³² Важно учесть, что, согласно ойратскому письменному памятнику «Родословная монголов», Энсэ-хутухта, прибыв к ойратам для укрепле-

При этом Далай-лама отдельно упоминает множество подношений «торгутского Дайчина», которые были отмечены Далай-ламой «посвящением заслуг» [*blo bzang rgya mtsho* 2018a: 197].

Указанная информация из тибетского источника вполне сопоставима со сведениями калмыцкого письменного памятника — «Истории калмыцких ханов», где сообщается о том, что Далай-лама пожаловал Шукур-Дайчину ханский титул и печать, которые тот не стал принимать, назвав себя первым среди равных тайшей [История калмыцких ханов 1969: 70]. Можно предположить, что нежелание Далай-ламы углубляться в подробности связано с подробностями отказа Дайчина от титула, предложенного Далай-ламой. В переписке 1650-х гг. Дайчин использует ханский титул [Курапов 2018: 108; Цюрюмов 2005: 22], а более поздние маньчжурские источники свидетельствуют о том, что и Шукур-Дайчин, и Мончак имели печать и титул от Далай-ламы [Ishihama 1992: 502]. На основании вышеизложенного мы предполагаем, что Шукур-Дайчин в конечном итоге принял ханский титул от Далай-ламы.

Сохранившийся на письме 1661 г. царю Алексею Михайловичу оттиск печати Шукур-Дайчина отличается от других печатей, дарованных Далай-ламой V, что заставляет предположить, что использованная печать не была дана Далай-ламой.

Как отмечалось выше, калмыцкая традиция культуры печатей связана с монгольской, ее истоки восходят к тибетской и китайской традициям. Связи калмыков исследуемого периода с Центральной Азией были тесными. Начало XVII в. для них — это время трансконтинентальной миграции, в процессе которой было осуществлено вхождение в состав Российского государства, а также период широкого распространения буддизма. Известно, что ойратские на-

ния среди них религии, по просьбе лам из монастыря Дрепунг во главе с Далай-ламой и Панчен-ламой обратился на большом съезде с просьбой о помощи в противодействии последователям «красношапочной» секты в Тибете: «Когда Энсэ-хутугту выступил на большом съезде ойратских ханов, то они согласились с ним и договорились выделить три тысячи воинов, чему [Энсэ-]хутугта был очень рад» [Письменные памятники 2016, 152–153]. Также известно, что Шукур-Дайчин после ойратско-монгольского съезда 1640 г. не возвращался на Волгу, а в 1642 г. отправился на поклонение к Далай-ламе.

роды, в число которых входят и калмыки, сыграли значимую роль в истории Тибета первой половины XVII в. Потому вполне объясним тот факт, что в источниках первые сведения о возможном получении титула хана и печати от Далай-ламы появляются уже в отношении главного тайши калмыков Шукур-Дайчина.

Вторым калмыцким правителем, получившим ханский титул, был Аюка-хан. Он получил титул «Дайчин-Аюки-хан» и печать от Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho; 1683–1706) в 1697 г. Кроме того, Аюка получал печать и от имени Далай-ламы V, когда вместо него правил Деси Сангье Гьяцо.

ГЛАВА 2. ПЕЧАТИ АЮКИ-ХАНА

2.1. ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ АЮКИ

Историки отмечают, что «именно при Аюке Калмыцкое ханство достигло наивысшего расцвета и играло заметную роль в международных отношениях в Восточной Европе, Средней и Центральной Азии» [Тепкеев 2018: 4]. Сама личность хана была весьма известной в международных отношениях, в его руках сконцентрировалась власть в Калмыцком ханстве. Статус калмыцкого хана был высоким на политической арене, что отражено и в том, что он неоднократно получал печати от тибетских правителей, а со своей стороны направлял посольства в Тибет.

В. Т. Тепкеев обращает внимание на то, что уже в шерти 1673 г. Аюка «единолично выступает от лица всего калмыцкого народа, а также кочевавших с ним едисанских, джемболукских, малибашских и келечинских мирз»: «Яз, Аюка тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...». При этом шерть от 27 февраля 1673 г. во многом повторяла положения предыдущей шерти от 9 декабря 1661 г., когда отец Аюки, Мончак, также единолично шертовал за весь свой подвластный народ на верность московскому царю [Тепкеев 2018: 29].

Печати представителей калмыцкой знати имеют особое значение для исследования становления института ханской власти, генезиса калмыцкой государственности и религиозно-политических связей Калмыцкого ханства с Тибетом [Тепкеев, Нацагдорж 2016; Митруев, Гедеева 2021; Митруев 2021; Митруев 2022b]. Это обусловлено дискуссионностью датировки образования Калмыцкого ханства и тем, что вопрос о времени получения тайшой Аюкой ханского титула от Далай-ламы остается также дискуссионным по причине лапидарности письменных источников, тогда как печать являлась одним из важнейших элементов инвеституры [Тепкеев, Санчиров 2016: 15; Китинов 2020b]. В последние годы в научный оборот были введены сведения о трех печатях Аюки [Митруев 2021c], оттиски которых

проставлены на его дипломатических посланиях, известных в историографии под общим названием «письма хана Аюки» [Сусеева 2003; Орлова 2019; Тепкеев 2021a]. Все они были номинально адресованы российским монархам (царю Ивану Алексеевичу и царю, а затем императору Петру I), а также отдельным государственным деятелям и региональным администраторам, и выполнены ойратским (старокалмыцким) письмом «тодо бичиг». Однако до последнего времени внимание исследователей не привлекала печать Аюки, удостоверяющая знаковый исторический документ, составленный на русском языке. Речь идет о шертной записи калмыцких тайшей 1684 г., которую историки иногда датируют предшествующим годом [Khodarkovsky 1992: 119; История Калмыкии 2009: 626; Цюрюмов 2007: 110–111; Тепкеев, Нацагдорж 2016: 7; Тепкеев 2020: 14]. Данный документ был опубликован с ошибочной датой (24 января 1683 г.) более полутора столетия назад, но без описания процедуры его заверения [ПСЗ 1830: 493–499]. Ошибочная датировка шертования, судя по всему, была обусловлена тем, что при подготовке к публикации использовался не подлинник шертной записи, сохранившийся в составе статейного списка астраханских воевод князя А. И. Голицына с товарищами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Лл. 101–110 об.], а не вполне исправный список с нее, в 1801 г. учтенный А. Ф. Малиновским в архивной описи с неверной датой (в наши дни она исправлена) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 8. Лл. 1–10]. В тексте подлинника кириллической цифирью вполне четко указан год, в котором состоялось шертование: «...в нынешнем во 192-м году генваря в ... день...» — то есть в 7192 г. от сотворения мира, или в 1684 г. от Рождества Христова. Пропущенное здесь число фигурирует в статейном списке [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Лл. 59, 101 об.]. Таким образом, внимание исследователей [Аваков, Митруев 2023] было обращено на ранее не известную печать Аюки, которая ныне считается первой из его четырех печатей, о которых имеются сведения. Эта первая печать была использована им в ходе принесения шерти в 1684 г.

2.1.1. Процедура шертования калмыцких тайшей в 1684 г.

Подготовка шертования калмыцкой знати в 1684 г. и основные положения шерти достаточно подробно описаны и проанализированы М. М. Батмаевым и В. Т. Тепкеевым [История Калмыкии 2009: 359–361; Тепкеев 2018: 83–85]. Однако самой церемонии принесения шерти калмыцкими тайшами в историографии уделено совсем немного внимания. Между тем способ, которым тайши удостоверили взятые на себя обязательства, представляет особенный интерес. Лишь М. М. Батмаев констатировал, что «Аюка вместо подписи приложил к шертной грамоте печать, потому что, как говорится в статейном списке астраханского воеводы А. И. Голицына, он писать не умел» [Батмаев 1993: 184]. Обращение к статейному списку князя А. И. Голицына и его заместителей позволяет уточнить некоторые существенные детали присяги. Итак, шертование состоялось 24 января в степи близ Астрахани, куда после предварительных переговоров съехались астраханские воеводы: боярин князь Андрей Иванович Голицын, окольный князь Никита Иванович Приимков-Ростовский и думный дворянин Степан Богданович Ловчиков³³ с одной стороны, и сто семьдесят пять человек калмыцких «владельческих людей» (нойонов и зайсангов) и их родственников, во главе с тайшами Аюкой, его братом Замсой-младшим и Солом-Цереном, с другой стороны. Все они шертовали за подвластные им калмыцкие и ногайские улусы, гарантируя совместную приверженность достигнутым с астраханскими воеводами договоренностям [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Лл. 59, 95–96 об., 111–113]. После произнесения устной клятвы, сопровождавшейся прикладыванием сабли к голове и горлу, что символизировало неотвратимость Божьей кары за нарушение взятых обязательств, пришел черед заверить шертную запись. При этом, как гласит статейный список, «Аюка-тайша вместо руки своей печать приложил, потому что грамоте не умеет, а Солом-серень-тайша подписал». Кроме него, автографы на полях и в конце

³³ М. М. Батмаев и В. Т. Тепкеев передали его фамилию как «Ловчинов», что явно обусловлено сложностью прочтения текста XVII в.; в работе В. Т. Тепкеева он упомянут как думный дяк [История Калмыкии 2009: 360; Тепкеев 2018: 85].

шертной записи оставили тайша Замса-младший и Унутуй-бакши. За неимением в астраханской приказной палате переводчиков с калмыцкого языка, эти надписи были устно переведены калмыками «на татарской язык» (ногайский?), а затем в переводе на русский записаны в статейном списке [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Лл. 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110–111]. Свидетельство статейного списка, объясняющее использование Аюкой печати для заверения шертной записи его неумением писать, может быть, косвенно подтверждается отсутствием подписи Аюки на двух аналогичных документах 1673 и 1677 гг. Принося впервые присягу перед астраханскими воеводами 27 февраля 1673 г., Аюка доверил подписать шертную запись за себя двум другим тайшам — своему двоюродному брату Назар-Мамуту и Цецен-Запсану-бакши, о чем сообщается в их автографах [Посольские книги 2003: 65]. Во время второго шертования 15 января 1677 г. за присутствовавшего Аюку и других участников присяги соответствующую запись заверил Солом-Церен: «...я, Солом-Серень-тайша, вместо себя и за всех тайшей и за их родственных и ближних людей руку приложил» [ПСЗ 1830: 86]. Некоторые косвенные данные позволили М. М. Батмаеву предположить, что «в лучшем случае» Аюка «мог лишь расписываться» [Батмаев 1993: 184]. Однако, по устному сообщению д-ра ист. наук Д. Н. Музраевой³⁴, в настоящее время проводящей работу по завершению подготовки к печати объемного сборника писем Аюки, на некоторых письмах хана имеется сделанная им запись о том, что он собственноручно подписал послание. В этой связи особую актуальность приобретает дальнейшее изучение дипломатической и частной переписки Аюки с российским правительством и его представителями. Кроме того, необходимо отметить, что у калмыков существовало упорядоченное обучение детей грамоте. Так, И. Г. Георги, участник второй академической экспедиции по изучению окраинных территорий России (1768–1774 гг.), пишет о том, что каждый аймак содержит одного учителя (бакшу), который обучает детей читать, писать, арифметике, истории, географии, астрономии, астрологии, медицине и богословию [Батмаев 2023: 595–596]. Маловероятно, что Аюка-хан, воспитывавшийся в детские годы в Джунгарии у Эрдени Ба-

³⁴ Автор выражает благодарность Д. Н. Музраевой за информацию.

тур-хунтайджи³⁵, деда по материнской линии, мог быть неграмотен. Так, к примеру, о дочери Шукур-Дайчина Юм-Ага, которая являлась супругой Батура-хунтайджи, письменные памятники и фольклорные тексты сохранили сведения, что она не только была грамотной, но и знала несколько языков, в числе которых русский, китайский, арабский, и в целом обладала широким кругозором [Бакаева 2023]. Кроме того, последующие калмыцкие ханы Дондук-Омбо и Дондук-Даши, а также такие представители калмыцкой знати, как сын Доржи Назарова Бай, были грамотны [Батмаев 2023: 600, Бакунин 1995: 97, 150–151].

Вполне возможно, что во время подписания документов с русским правительством Аюка-хан следовал традиции русских царей. Так, к примеру, в предисловии к работе «Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц» сказано следующее:

Согласно требованиям Восточного этикета, Русский Царь, Велики Князь Московски, мог брать в руки лишь скипетр или меч, но никогда перо. Потому-то не сохранилось ни одного автографа даже Царя-грамотея Иоанна IV Грозного, которому Царский титул был поднесен Восточным Духовенством. <...> Петр Великий лишь по возвращении из первого своего заграничного путешествия начал подписывать акты, исходящие от Верховной Власти [Снимки древних русских печатей 1882: xi].

Российская императрица Анна Иоановна также не подписывала послания азиатским правителям:

И ту Ее Императорского Величества грамоту к нему, Дондук Омбе, послать к генералу-поручику Дугласу и к нему писать, что та грамота посылается за государственною печатью, а не подписана рукою, понеже Ее Императорское Величество никогда не токмо к ним, но и к азиатским государям, ни к султану, ни к персическому шаху не подписывает [Бакунин 1995: 97].

³⁵ Эрдэни-Батур, Батур-хунтайджи (ум. около 1660) — основатель и первый хунтайджи Джунгарского ханства с титулом Эрдэни-Батур-хунтайджи. Представитель рода Чорос (Цорос), старший сын и преемник Хара-Хулы.

Как и в российской традиции, в Китае также все документы заверялись не подписью, а печатью [Сидихменов 2004: 25]. Аюка-хан мог знать об этой традиции и потому, по крайней мере в некоторых случаях, не ставить подпись на своих письмах.

2.1.2. Печать Аюки и заверение шертной записи калмыцкими тайшами

Оттиск печати, поставленный Аюкой в конце текста шертной записи 1684 г., отличается от трех других его печатей, введенных в научный оборот к настоящему времени [Митруев 2021с]. Он сделан краской или тушью красного цвета, потемневшей от времени (рис. 2). Печать имеет форму квадрата, очерченного двойной линией, с внешней рамкой из овальных лепестков — по восемь с каждой стороны. Нижний ряд лепестков отпечатался на бумаге нечетко. Внутри квадрата помещена легенда на санскрите, записанная письмом ланджа. Она состоит из двух слов, вырезанных на штампе в две строки — по одному слову в каждой. Для облегчения ее чтения ниже мы приводим реконструкцию оттиска печати³⁶, выполненного шрифтом JMYZK-LZT (рис. 3). Прочтение легенды следующее: *Ayuṣaṅāyā*. При изготовлении штампа текст был вырезан с ошибками, при правильном написании легенды он должен выглядеть следующим образом: *Āyuṣarāja*, что можно перевести как *Аюка-хан*.

Имя *Аюка* (санскр. *āyuṣa*) имеет санскритское происхождение и на санскрите читается как *Аюша*, что означает «продолжительность жизни» [Monier-Williams 1899: 149], т. е. долголетие. Однако в тибетской традиции устного чтения санскрита, которой следуют калмыки, *ṣa* читается как *kha*, что произносится как *ка*. Соответствующее пояснение, в частности, содержится в сочинении тибетского переводчика Нартанг-лоцавы «Видение, проясняющее смысл», которое является комментарием к его же труду «Краткий метод чтения мантр» (XIV в.). Согласно ему, *ṣa* необходимо произносить сходно с произношением тибетского *kha*, из глубины нёба

³⁶ Автор выражает благодарность Д. З. Зайдуллиной за создание графической реконструкции оттиска печати.

Рис. 2. Оттиск первой печати Аюки

Рис. 3. Реконструкция оттиска первой печати Аюки

нечетко и кратко³⁷ [snar thang 2003: 28]. По этой причине имя Аюки не произносится на калмыцком языке как Аюша, что подтверждается и текстами на «тодо бичиг». Так, в калмыцком тексте летописи эмчи Габан Шараба имя Аюки записано как *ayoukā* [Гедеева 2021: 1308]. В калмыцком буддизме это имя Будды долголетия Аюки-бурхана [Krueger 1978: 45], известного в санскритской традиции как Амитаюс (тиб. *tshe drag med*; санскр. *Amitāyus*). Санскритский термин *rāja* (раджа) со значением «царь, монарх, правитель» [Monier-Williams 1899: 872], по нашему мнению, в данном случае используется как переводной эквивалент ойратско-монгольского титула хан. Неверная же форма *rajāya* является неправильно написанной словоформой *rājāya*, которая часто встречается в различных буддийских мантрах и дхарани. Так, например, она фигурирует в «Возвышенной сутре махаяны „Безграничная жизнь и высшая мудрость“» (тиб. ‘*phags pa tshe dang ye shes drag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po’i mdo*; санскр. *Ārya-aparimita-āyurjñāna-nāma-mahāyāna-sūtra*). Отмеченное слово можно обнаружить в начальной части этого дхарани: «*om namo bhagavate aparimitāyurjñāna-suviniścita-tejo-rājāya tathāgatāya arhate samyak sambuddhāya*» [bka’gyur dpe bsdur ma 2008: 139]. Текст дхарани имел широкую известность среди калмыков и, вероятно, титул *rajāya* был заимствован при изготовлении печати из этого или подобного ему дхарани. Справа от печати на листе расположена вертикальная подпись на «тодо бичиг»: «*Bi önötöi baqsi yar tabi-ba*», что в переводе на русский язык означает: «Я, Унутуй-бакши, руку приложил» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 110 об.] (рис. 4).

В русском тексте шертной записи и в перечне присягнувших калмыцких представителей это имя транслитерировано в вариативной форме *Унюдей-Бахчи* и *Унюдей-Бакчи* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Лл. 111, 111 об.]. В качестве посланца Аюки Унутуй-бакши фигурирует и в других документах 70–80-х гг. XVII в. [Посольские книги 2003: 68, 73, 74, 80, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 109, 112, 113, 114, 122, 129;

³⁷ «*Sha ni bod kyi kha’i gdangs dang cha cung zhig mthun par/ rkan gyi phugs nas mi gsal ba’i tshul du stongs kyis ‘don la/ bod kyi kha ltar gsal ba ni ma yin no//*» [snar thang 2003: 28].

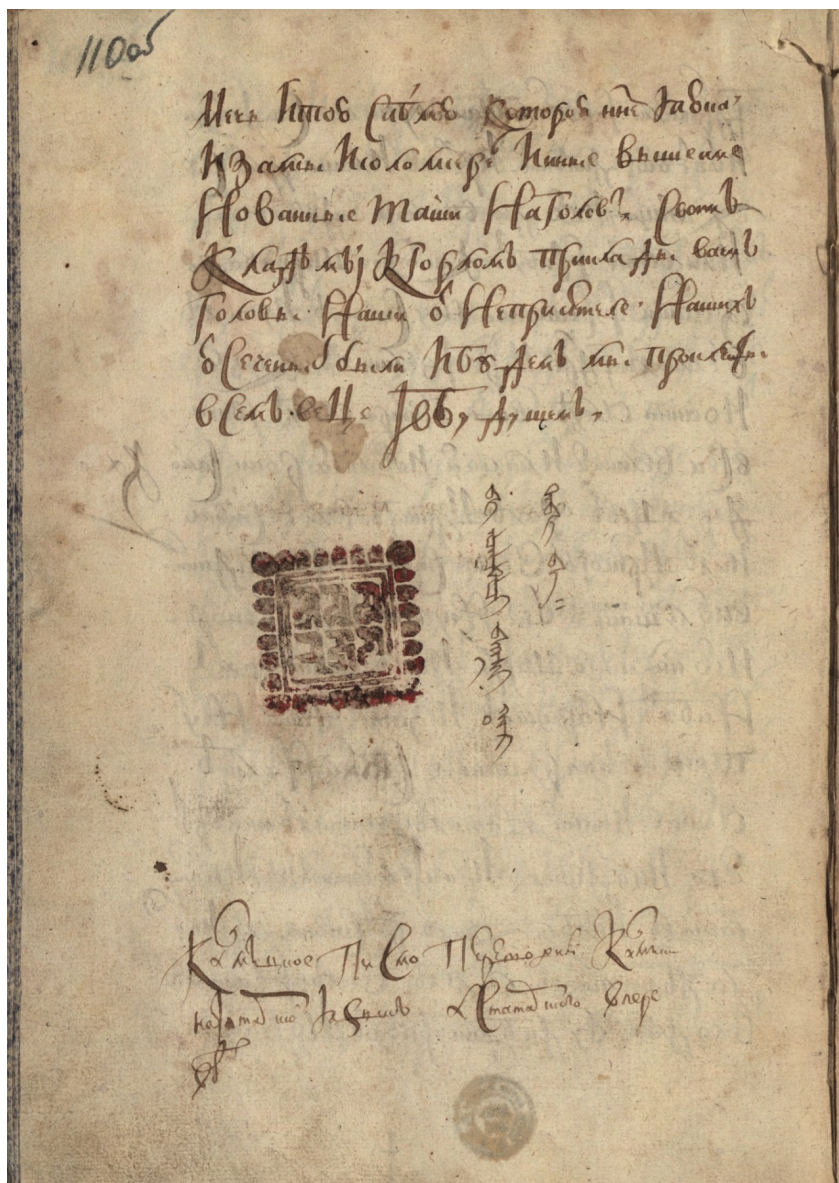

Рис. 4. Последний лист шертной записи 1684 г.
 [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 110 об.]

Тепкеев 2010: 48; Тепкеев, Нацагдорж 2016: 7; Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022: 15]. Очевидно, он пользовался большим доверием Аюки. Схожие подписи на старокалмыцком письме, выполненные двумя разными почерками, находятся и на предшествующих десяти листах шертной записи, но без упоминания имен подписавших [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Лл. 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110–110 об.]. Очевидно, это тайши Солом-Церен и Замса-младший. Само словосочетание *yar tabi-ba* (букв. руку приложил) имеет значение «расписался, поставил свою подпись» [Krueger 1984: 310], т. е. заверил подлинность документа. Этот характерный для делопроизводства той эпохи стандартный фразеологизм регулярно встречается в других калмыцких документах, как, например, в недатированном письме «новокрещеной» Пелагеи Шороевой неизвестному адресату и в послании тайши Доржи Назарова главе Комиссии калмыцких дел полковнику Ивану Ивановичу Бахметеву и саратовскому коменданту полковнику Василию Пахомовичу Беклемишеву от 11 сентября 1729 г. [Сусеева 2009: 39, 340]. Данная формула фигурирует и в более ранних монгольских документах (см. челобитную посланца Алтын-хана Лубсана Дзорикту Тархана, поданную в Красноярскую приказную избу в апреле 1679 г. [Русско-монгольские отношения 1996: 328]).

Таким образом, содержание легенды печати, которой Аюка заверил шертную запись, дает основание предположить, что к началу 1684 г. он консолидировал власть в своих руках и позиционировал себя верховным правителем всех калмыков, открыто выражая свои притязания именно на ханский титул, не будучи еще его формальным обладателем (не получив знаки инвеституры).

2.1.3. Другие печати с легендой на санскрите. Печать Четера-тайши и печать тайши Цебека-Дорджи

Первая печать Аюки-хана с легендой на санскрите не является исключительной, печати с санскритской легендой нередко использовались в тибетских, ладакхских и монгольских правящих кругах. Приведем примеры печатей с санскритской легендой в калмыцкой культуре.

Среди калмыцких владельцев печатью с легендой на санскрите владел Четер-тайша. Эта печать представляет большой интерес вследствие того, что она была обнаружена на письмах трех разных людей, что делает вопрос ее принадлежности трудноразрешимым без дальнейшего исследования документов той эпохи. Более того, на двух письмах владельца Цебек-Дорджи стоит имитация этой же печати, что только увеличивает количество вопросов.

Данная печать стоит на письме Четера-тайши Ивану Ивановичу Бахметеву от 10 марта 1729 г. [Сусеева, 2009: 326]. Четер-тайши — зять хана Аюки. У него было три сына — Лабан Дондук, Гунга Доржи, Чидан (в крещении Никита Дербетев) и дочь Анна Тайшина (жена Петра Петровича Тайшина, в девичестве Церен-Янжи (тиб. tshe ring g.yang skyid)). Известно, что Четер-тайша был поочередно женат на двух дочерях Аюки-хана и его внучке:

Вскоре после того хана Аюки сын Гунжен умре, оставя двух сынов своих Дондук Омбу и Бокиургу. По том же их примирении Аюка-хан за Менко-Темирева сына Четеря отдал в замужество дочь свою, именуемую Бунтар, и тем всех дербетев перевел с Дону к себе на Волгу [Бакунин 1995: 28].

Того ж 1717 года вышепомянутый дербетев владелец Четерь-тайши бросил жену свою — Аюкину дочь Даши Черень, на которой он пред тем женился было по смерти первой жены своей — Аюкиной же дочери Бунтара, а вместо той брошенной жены своей женился на Аюкиной внуче (sic! — Б. М.), а Чакдоржаповой дочери, именуемой Доржи Черен, которая прежде была в замужестве за хошоутовым владельцем и, имея от оногo двух сынов, овдовела и Четерем из того Хошоутова улуса увезена силою, за что Аюка-хан на владельца Четеря осердился и, призвав его к себе, содержал немалое время под претекстом лечения его болезни, однако же под крепким присмотром. А улус Дербетев от того отходил к Дону, и хан Аюка под рукою побуждал хошоутовых владельцев, чтоб они за обиду свою на Дербетев улус учинили нападение и оной забрали б себе во владение. Но понеже сие Четерево Чакдоржаповой дочери увезенной оному Аюкину сыну Чакдоржапу было не противно, того ради оный Чакдоржап отца своего Аюку от того

отвел и Четеря с ним, Аюкою, примирил на том, что увезенная Четерем Чакдоржапова дочь осталась за ним, а на брошенной перед тем Аюкиной дочери женился Четерев старший сын Лабан Дондук, и, таким образом согласясь, Четерь от Аюки отпущен и со всеми дербетевыми улусами по-прежнему перешел кочевать с Дону на Волгу [Бакунин 1995: 32].

Г. Ф. Миллер пишет о происхождении Четера следующее:

Другая ветвь рода дербен оказалась среди тергетов; она происходит от младшего сына Талай-тайши, Солом-Серена. Сына Солом-Серена звали Менкотемир, после него остался Четер-тайша, имевший двух сыновей — Лаван Дондука и Гунгу Дорджи. Сын первого из них, Галдан-Черен, является в настоящее время главой семьи и всех причисляющих себя к роду дербен [Миллер 2005: 33].

Из писем, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, известно, что данной печатью пользовались сыновья Четеря Лабан-Дондук (тиб. lha dbang don grub) и Гунга-Дорджи (тиб. kun dga' rdo rje), а также его супруга Доржи Черен (тиб. rdo rje tshe ring). Четерь-тайши умер в 1739 г., а его дочь княгиня Анна Тайшина — в 1742 г. [Джунджузов 2022: 553]. После смерти Четеря его печатью владеет Лабан-Дондук, умерший в 14 февраля 1749 г. [Батмаев 1993: 282]. Вероятно, печать не перешла к старшему сыну Четеря Чидану (Никите Дербетеву), потому что он откочевал на Дон в 1737 г., а затем крестился в Ставрополе-на-Волге. После Лабан-Дондука печать отходит к его старшему сыну Галдан-Церену (тиб. dga' ldan tshe ring). Так как младший сын Лабан-Дондука Шампиль-Норбо³⁸ (тиб. bsam 'phel nor bu) умер в 10 марта 1749 г. от оспы, находясь в Черкасске, куда он бежал после ссоры с отцом, после смерти Галдан-Церена в 1764 г. в Петербурге печать перешла к сыну Галдан-Церена — Цебек-Убуши, умершему в 1774 г. также в Петербурге [Батмаев 1993: 234, Пальмов 1922: 86]. После смерти Цебек-Убуши правительницей той части Дербетовского улуса, которой владел Лабан-Дондук, оставалась нойонша Аба, дочь нойона Дасанга (тиб. zla bzang) и племянница наместника Дондук-Даши [Цюрюмов 2021: 447]. Нойонша Аба также использовала данную печать на своих письмах.

³⁸ В исторических работах его имя также пишется Сампил-Норбо.

Так, эта печать появляется на письмах Цебек-Убуши подполковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому от 22 февраля 1767 г. [Сусеева 2009: 843] и 8 декабря 1770 г., (полученного 20 января 1771 г.) [Сусеева 2009: 899]. Цебек-Убуши не имел детей, на нем пресеклась главная линия дербетовских правителей [История Калмыкии 2009: 448]. Судьба печати Четеря после Цебек-Убуши неизвестна.

После смерти последнего представителя старшей нойонской линии Цебек-Убуши по его завещанию правление улусом было передано Ценден-Дорджи [Митиров 1998: 288]. Таким образом, правителем всех дербетов стал «бага-нойон» Ценден-Дорджи³⁹.

Данная печать также использовалась на письме Эмчи Гелена к астраханскому губернатору А. П. Волынскому 13 августа 1724 г. [Сусеева 2009: 313]. Полное имя Эмчи Гелена — Иши Цой Гелен (тиб. ye shes chos dge slong). Информации об этом человеке сохранилось немного. Из первой части его имени следует, что он был традиционным лекарем — эмчи, подтверждение тому в письме астраханскому губернатору А. П. Волынскому от 13 августа 1724 г., где он называет себя «тебединовъ эмчи Гелен Гясиновъ», т. е. тибетским доктором Гелен Гясиновым [Сусеева 2009: 313]. Вторая часть имени свидетельствует о том, что он был монахом полного посвящения, по-тибетски гелонгом (тиб. dge slong), относящимся к высшему разряду калмыцкого духовенства. Известно, что он отправился в Тибет с калмыцким посольством в 1729 г. Вот как об этом пишет Василий Михайлович Бакунин (1700–1766):

В том же 1729 году присланы в Москву посланцы от наместника ханства Черен Дондука, от Шакур-ламы и от владельцев Доржи Назарова и Дондук Омбы, чрез которых просили они: Черен Дондук — об отпуске посланцев его к Далай-ламе для отвозу туда пеплу отца его Аюки-хана; Шакур-лама и Доржи Назаров — о позволении самим им туда ехать [Бакунин 1995: 66].

Шакур-ламе было отказано в поездке, Доржи Назаров «сам, хотя и позволение имел, не поехал, а остался до смерти своей в калмыцких улусах», а от Дондук Омбо «посланцев при том не от-

³⁹ Ценден-Дорджи управлял улусом в течение десяти лет и умер в 1784 г. [Митиров 1998: 288].

правлено, затем что он в то время со всеми вышеписанными владельцами был в несогласии» [Бакунин 1995: 66–67].

Тогда:

В декабре месяце 1729 года отправлены были чрез Саратов, Казань и Сибирь к Далай-ламе посланцами: от ханши Дармы Балы — Намки гелен, от Черен Дондука — Батур Омбо; от Шакур-ламы — Балдан Габцу, от Доржи Назарова — Шарап Данжин, от Дасанга — Лоузанг Норбу гелен, от Дондук Даши — Иши Цой Гелен, а всех 40 человек» [Бакунин 1995: 66].

С этими посланцами должен был до конца ехать дворянин от Сибирского губернатора Плещеева, но посланцы того дворянина оставили в Селенгинске [Митиров 1998: 145].

Легенды на печати часто представляют собой стереотипные формулы благопожелания, указания или принадлежности [Белецкий, Воронцова, Дмитриева и др., 2003: 266].

Размер анализируемой печати 3,0х3,0 см. Оттиск выполнен черной тушью. Легенда данной печати является формулой благопожелания на санскрите, записанной индийским письмом *варту* (рис. 5): *om śubhamastusarva-jagatam*, «Ом! Пусть во всем мире будет благо!».

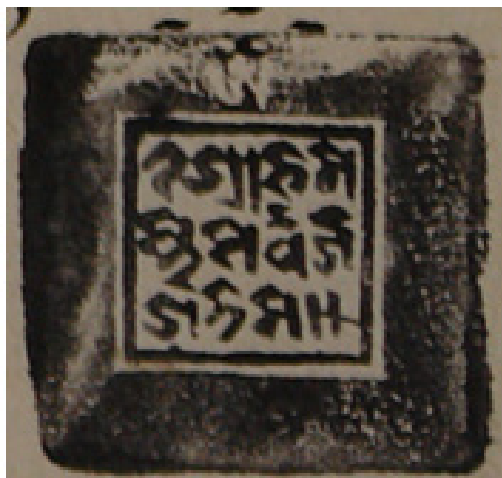

Рис. 5. Печать Четера

Эта формула благопожелания часто используется в конце работ тибетских авторов. Так, она встречается в окончании нескольких текстов из собрания сочинений Таранатхи. Например, данная фраза (рис. 6) завершает его известное сочинение «Краткое изложение деяний Победоносного Владыки мудрецов „Видение, наполненное смыслом“» (тиб. *bcom ldan 'das thub pa'i dbang po'i mdzad pa mdo tsam brjod pa mthong bas don ldan*) [tA ra nA tha 2008: 477].

Рис. 6. Санскритская формула *om śubhamastu-sarva-jagatam*

Легенда данной печати *om śubhamastu-sarva-jagatam*, записанная письмом *варту*, выполнена с некоторыми отступлениями от норм орфографии, принятых для данного письма. Например, первая графема *śu* и лигатура *stu* выглядят не совсем типично для этого письма, поэтому, чтобы облегчить чтение легенды, нами представлена ее реконструкция (рис. 7), выполненная современным компьютерным шрифтом JMYZKWDТ.

Рис. 7. Реконструкция легенды на печати Четера

Вследствие различий между рукописным написанием и компьютерным шрифтом форма графем несколько отличается, но в целом сходство сохранено.

В начале санскритской фразы стоит знак письма *варту*, называемый на санскрите *siddhirastu* или *siddham* [Sircar 1965: 92], означающий «пусть исполнится!», он представляет собой благословение или благоприятное слово. В тибетском письме этому знаку соответствует знак, называемый *у-кью* (тиб. dbu khyud) или *данг-кьюг* (тиб. dang kyog). В конце фразы находятся две вертикальные черты, называемые на санскрите *pūrṇavirāma*, обозначающие конец предложения. После последней буквы стоит косая черта, перечеркивающая две вертикальные черты, это знак *virāma*, обозначающий отсутствие гласного звука у буквы с вирамой, в данном случае это *m*. Обычно *virāma* стоит непосредственно под буквой, к которой относится, но в данном случае знак стоит за буквой «*m*», перечеркивая две вертикальные черты. В верхней части кромки печати помещена тибетская буква «*a*».

Хотя дальнейшая судьба данной печати неизвестна, на этом ее история не заканчивается.

На двух письмах багацохуровского владельца Цебек-Дорджи, одно из которых, от 15 марта 1763 г., адресовано астраханскому губернатору Василию Васильевичу Неронову [Сусеева 2009: 762], а другое, от 27 марта 1769 г.⁴⁰, полковнику И. Кишенскому [Сусеева 2009: 890] стоят оттиски красной печати (рис. 8), легенду которой оказалось довольно трудно прочесть. Размер печати 2,4х2,3 см.

Расшифровка легенды стала, возможной лишь посредством сравнения с упомянутой выше печатью Четера-тайши с санскритской легендой. В ходе сравнения выяснилось, что на печати владельца Цебек-Дорджи представлена имитация санскритской надписи предыдущей печати. Мы называем надпись на этой печати имитацией, а не копией, потому что она представляет собой лишь подобие оригинала. Мастер, сделавший эту печать, не знал письма *варту*, вследствие чего ему удалось добиться лишь приблизительного сходства надписи с той, что представлена на оригинальной

⁴⁰ Интересно, что имя Цебек-Дорджи в этом письме написано как Це-ванг Дорджи (ойр. ce dbang rdo rje; тиб. tshe dbang rdo rje).

Рис. 8. Печать Цебек-Дорджи

печати. Как и надпись на оригинале, имитация состоит из трех строк, в верхней части кромки печати помещена тибетская буква «а». Однако элементы печати невозможно прочитать, последние слоги сливаются в одно целое. Мы сталкивались с такой имитацией, а не копированием легенды печати в случае с печатью Чимета, которая была описана в отдельном исследовании [Митруев 2021b].

Цебек-Дорджи — калмыцкий тайша, старший сын скончавшегося в 1740 г. в заключении в Казани Галдан-Норбо (тиб. *dga' ldan nor bu*) (оказавшегося там в результате конфликта с отца из-за вопроса о престолонаследии [Бакаева 2019]) и внук калмыцкого хана Дондук-Омбо (тиб. *don grub dbang po*). Он являлся одним из главных инициаторов ухода калмыков в Джунгарию (1770–1771) [Пальмов 1922: 70].

Цебек-Дорджи был одним из претендентов на бывшие дедовские улусы. Так, он писал в письме к Н. Г. Спицыну:

Есть ли ж объявить о природе и обыкновении, то я в равном состою чине, как Убаша, понеже Аюки-хана я внук⁴¹... есть ли по-калмыцким судебным правам было, то я имею по суду свою

⁴¹ В действительности Цебек-Дорджи являлся праправнуком хану Аюке по линии его сына Гунджаба: дед Цебека-Дорджи — Дондук-Омбо являлся Аюке внуком. Убаши же являлся правнуком Аюке, причем по линии его старшего сына Чагдорджаба, сыном которого был отец Убаши — Дондук-Даши.

часть улусов Багацоохур взять, да сверх того Аюки-хана и Церен-Дондука оставшие улусы, пополам разделя, взять же [Батмаев 1993: 302–303].

В 1771 г. Цебек-Дорджи вместе с Убаши-ханом и прочими отбыл в пределы Цинской империи, где получил титул цинь-вана и почетное звание «Буянту» («Добродетельный») [Митиров 1998: 272]. Он умер на сорок третьем году правления Цяньлуна (т. е. в 1781 г.) [Dorji, Batubayar, Lijei 2009: 37].

Почему одна и та же печать была использована несколькими людьми и по какой причине была сделана ее, пусть и не самая точная, копия, которую можно назвать имитацией? В русском переводе писем Эмчи Гелена и Четера-тайши одна и та же печать названа соответственно «печатью эмчи геленова» и «печатью Четыря тайши». Вероятно, дербет Четер-тайши поставил свою печать на письме Эмчи Гелена, так как у последнего не было собственной печати. Затем эта печать передавалась по линии дербетских владельцев вплоть до Цебека-Убуши. Возможно, багацохуровский владелец Цебек-Дорджи, не имея возможности заполучить другую печать, сделал с нее копию, которой он пользовался для заверения своих писем.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что образец легенды на печати, выполненный на санскрите и содержащий благопожелание, адресованное всему миру, вполне соответствовал претензиям нойона Цебека-Дорджи, одного из претендентов на престол в Калмыцком ханстве. Недаром оттиск печати Цебека-Дорджи выполнен красной краской в отличие от черного оттиска печати Четеря.

Для выяснения значения легенды на санскрите стоит привлечь к сравнительному анализу подобные образцы печатей, имеющие санскритские надписи.

Печати с легендой на санскрите были не редкостью и в Монголии. Такова, например, малая печать Эринчин Лубсан-тайджи (1652 – ок. 1691), оттиск которой стоит на его письме в Москву (рис. 9) [Шастина 1968: 286], она может быть использована как вспомогательный источник для реконструкции элементов санскритской надписи.

Рис. 9. Печать Эринчин Лубсан-тайджи

Рис. 10. Реконструкция легенды на печати Эринчин Лубсан-тайджи

Чтобы облегчить чтение легенды, нами представлена реконструкция легенды на печати (рис. 10), выполненная современным компьютерным шрифтом JMYZK--LZT.

Титул «тайджи» в легенде печати переведен на санскрит словом *bhūmipāla* ‘хранитель земли’, являющимся синонимом слова «царь». Слово *sumatī* — перевод тибетского имени Лобсанг ‘Бла-

гоумный’ или ‘Благой ум’, которому соответствует монгольское *Sayin oyū-tu*. Словосочетание *śāsana-rakṣati*, или более правильно *śāsana-rakṣaḥ*, — перевод титула *sañin-i sakiγči* ‘защитник учения’, реконструированного нами на тибетском как *bstan srung*. Словосочетание *dharmā-rājaya*, или более правильно *dharmā-rāja* ‘царь дхармы’ реконструировано на тибетском как *chos kyi rgyal po / chos kyi rje*. В отличие от печати Четера, легенда на этой печати представляет собой формулу указания.

Схожие печати использовались и правителями в Тибете. Так, например, на печати⁴² десятого правителя из династии Пхагмо-дру Деси Нгаванг Траши Драгпа Гьялцена (тиб. *phag mo gru pa sde srid ngag dbang bkra shis grags pa rgyal mtshan*; 1480–1564), оттиск которой стоит на документе 1562 г. (рис. 11), находится легенда на санскрите, сделанная индийским письмом ланджа: *vāgīśvara-maṅgala-kīrti-dhvaja-śrībhadrajaya*.

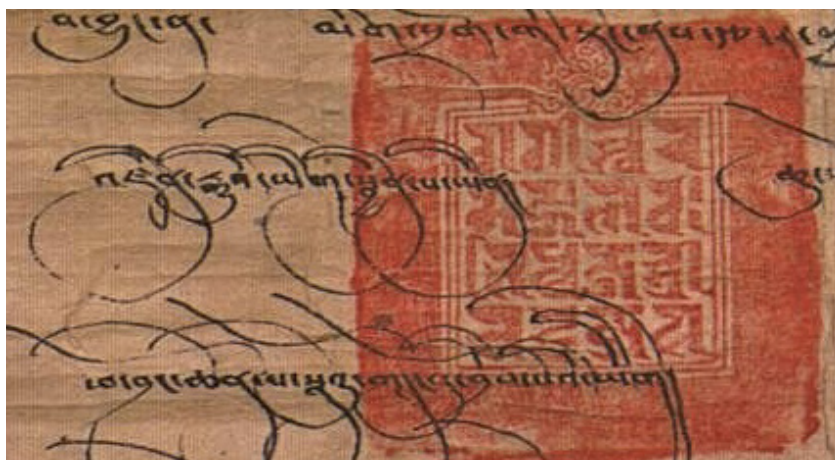

Рис. 11. Печать Деси Нгаванг Траши Драгпа Гьялцена

Эта легенда представляет собой дословный перевод имени правителя *ngag dbang bkra shis grags pa rgyal mtshan*, после которого стоит форма повелительного наклонения глагола *jaṃ*, имеющая

⁴² Abbildung 19: Phagmo Drupa-Siegel auf einer 1562 ausgefertigten Urkunde. URL: <http://www.tibet-encyclopaedia.de/siegel.html> (дата обращения: 22.11.2021).

значение ‘пусть победит, будет победоносным!’. Таким образом, в отличие от печати Четера, легенда на этой печати представляет собой формулу указания. Об этом правителе известно, что в 1559 г. он поднес красную печать Далай-ламе III Сонам Гьяцо (тиб. tA la'i bla ma bsod nams rgya mtsho; 1543–1588) [dung dkar 2002: 2323–2324].

Другим примером печати с легендой на санскрите является печать принца Ладакха Цеванг Намгьяла (тиб. lha sras tshe dbang rnam rgyal; 1753–1782) и его матери (рис. 12), оттиск которой был поставлен на одном из документов в присутствии Гьялсе Ринпоче Мипхам Джампел Тутоба (тиб. rgyal sras rin po che mi pham 'jam dpal mthu stobs) в 1754 г. [Schuh 2016: 516].

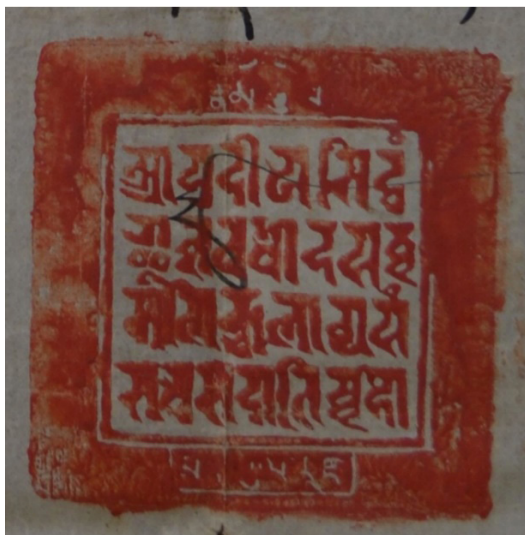

Рис. 12. Печать принца Ладакха Цеванг Намгьяла

Сохранилось множество оттисков этой печати на различных документах. Гьялсе Ринпоче Мипхам Джампел Тутоб выполнял роль регента при несовершеннолетнем царе [Petech 1977: 107]. Позднее эта печать использовалась царем Цепел Дондруб Намгьялом (tshe dpal don grub rnam rgyal; ум. 1840) [Schuh 2016: 554]. Возможно, что именно эту печать имеет в виду А. Г. Франке в «Истории Ладакха», который предполагает, что она принадлежала царю

Лхачен Драгпа-буму (тиб. *lha chen grags pa 'bum*; ок. 1400–1440), правившему Рабтан Лхаце (тиб. *rab brtan lha rtse*), Те-я (тиб. *gte ya*) и построившему царский город Тинг-ганг (тиб. *gting sgang*). Она до сих пор хранится у бывших царей Ладакха. Оттиск печати, виденный А. Г. Франке, был слишком нечетким, чтобы его можно было расшифровать. Он содержал написанные символами ланджа санскритские формулы, но не имя царя [Francke 1926: 102]. Сверху и снизу на кромке печати на тибетском языке написано *rnam rgyal* — *mar yul raja*, «Намгъял, раджа Мар-юла». Намгъял (тиб. *gnam rgyal*) — династия царей Ладакха, просуществовавшая с 1460 по 1842 г. Мар-юл (тиб. *mar yul* — ‘низина’) — западно-тибетское царство, расположенное на территории современного Ладакха и Тибетского автономного района КНР.

Санскритская надпись на этой печати:

*āyudhīrghasiddham
iśavardhodayaḥ
mañijvalāvyayaṃ
sarvasadā tiṣṭhaho(h)*

Реконструкция санскритской надписи на тибетском языке:

*tshe ring dngos grub la //
dbang ni spel zhing dar //
mi zad nor bu 'bar //
kun rtag gnas par dgyes //*

Перевод:

*Пусть нерушимая пылающая драгоценность,
Властвующая над преумножением и увеличением
Сиддхи долголетия,
С радостью пребывает везде и всегда!*

Вероятно, санскритский текст этой надписи также был получен на основе тибетского текста. Как и в случае с печатью Четера, легенда данной печати является формулой благопожелания на санскрите.

Следующая печать Гьюрме Цетен Гьяцо⁴³ (рис. 13) несет на себе легенду в виде формулы указания, содержащей имя владельца: *akṣara-ayuh-sthira-sāgara vijayatu*.

Рис. 13. Печать Гьюрме Цетен Гьяцо

Вероятно, эта надпись представляет собой перевод на санскрит тибетского имени владельца печати: *mi 'gyur tshe brtan rgya mtsho*. Последнее слово *vijayatu*. На его месте должна быть форма *vijayatu* (императив, активное наклонение, третье лицо, единственное число), эквивалентом которого является тибетское *rnam par rgyal*, что означает: 'пусть будет победоносным!' Таким образом, перевод всей фразы: «Пусть будет победоносным Гьюрме Цетен Гьяцо!».

В девятом томе собрания сочинений Далай-ламы VII Келсанг Гьяцо (тиб. *bskal bzang rgya mtsho*; 1708–1757) в колофоне «Последовательности действий садханы Махакаруника Кхасарпани вместе со способом дарования разрешения „Лунный свет, раскрывающий цветы жасмина блага для других“» (тиб. *thugs rje chen po kha sar+pa Ni'I sgrub thabs rjes gnang bya tshul las tshogs kyī rim pa gzhan phan kun+da 'dzum pa'I zla 'od*) сказано, что данная фраза

⁴³ Abbildung 57: Eisensiegel mit Aufschrift in Lantsa-Schrift, in ornamentalen Rahmen gesetzt. URL: <http://www.tibet-encyclopaedia.de/siegel.html> (дата обращения: 22.11.2021).

написана по указанию Нгари-нойон гуна Гьюрме Еше Цетен Гьяцо (тиб. mnga' ris no y on gung 'gyur med ye shes tshe brtan rgya mtsho) [bskal bzang rgya mtsho 1976: 229]. Возможно, данная печать принадлежала этому ламе или кому-то со схожим именем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что легенда на печати Четера представляет собой популярное благопожелание на санскрите: om śubhamastu-sarvajagatam «Ом! Пусть во всем мире будет благо!» Эта печать была использована несколькими людьми, о чем свидетельствуют их письма. Возможно, она являлась родовой печатью. Вероятнее всего, она была изготовлена в Тибете.

Печать багацохуровского владельца Цебека-Дорджи является копией или, скорее, имитацией рассмотренной печати, возможно, сделанной на территории Калмыцкого ханства. На это указывает невысокое качество ее изготовления, что свидетельствует об отсутствии знания и навыка изготовления подобных печатей у мастера-изготовителя. Вывод об имитации печати подтверждает и тот факт, что оригиналом для нее послужила печать, находящаяся на территории Калмыцкого ханства. Использование красной краски или туши для печати тайши Цебека-Дорджи в отличие от черной в оттисках печати Четеря-тайши свидетельствует о статусе владельца печати, который оценивался достаточно высоко им самим: Цебек-Дорджи соперничал в родовитости с наместником ханства Убаши.

2.2. ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ АЮКИ-ХАНА

Известно, что правители Тибета, Джунгарии и ряда других регионов имели по несколько печатей. Так, на документах Далай-лам использовались различные печати, принадлежавшие разным воплощениям Далай-лам. Панчен-ламы также использовали разные печати на официальных документах своей эпохи. У правителя Джунгарского ханства Галдана Бошогту было три или четыре печати [Бямбажав 2020: 83]. Как и у других правителей центральноазиатских государств, у калмыцкого хана Аюки было четыре печати, которые он сам, а также члены его семьи использовали в деловой переписке. Эти печати имели разную частоту использования правителем, что становится очевидным при их количественном анализе.

Печати калмыцких правителей, как показывает исследование, имели вид, схожий с тибетскими, китайскими и монгольскими печатями того времени. В отличие от, например, русских официальных печатей, калмыцкие печати отличаются разнообразием с точки зрения языка, письма легенды, формы и размера.

Данные переписки элиты Калмыцкого ханства дают возможность проследить, кто унаследовал печать после кончины Аюки-хана в 1724 г. Помимо упомянутой выше первой печати, в материалах переписки Аюки-хана можно встретить три другие печати, которые он использовал в своих письмах. Из этих печатей Аюки наиболее ранняя — вторая печать⁴⁴ с монограммой Калачакры. Оттиск этой печати (рис. 13) находится на одном из писем Аюки-хана, адресованном московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу, которое датируется 1685 г. Это самое раннее свидетельство использования данной печати [Тепкеев, Нацагдорж 2016].

Когда и откуда была получена Аюкой данная печать?

⁴⁴ В публикации «Три печати Аюки-хана» [Митруев 2021с] вторая, третья и четвертая печати Аюки-хана были названы «первой, второй и третьей печатями» соответственно, так как еще не было известно о первой печати Аюки на шерти 1684 г., данные о которой были опубликованы в статье «Первая печать тайши Аюки (1684 г.)» [Аваков, Митруев 2023].

Исследователи приводят разные даты получения правителем Калмыцкого ханства Аюкой ханского титула и печати от Далай-ламы. Например, В. М. Бакунин пишет, что Аюка получил от Далай-ламы титул около 1690 г. [Бакунин 1995: 26], М. Г. Новолетов и Н. Н. Пальмов придерживаются мнения, что это произошло в 1690 г. [Новолетов 1884: 10; Пальмов 1926: 10]. Для разрешения данного вопроса важное значение имеют источники на тибетском языке, которые до настоящего времени не рассматривались в этом аспекте.

2.2.1. Посольства Аюки в Тибет

Как рассматривалось выше, Далай-лама присвоил ханский титул, согласно отдельным сведениям, еще Шукур-Дайчину, деду Аюки [Митруев 2021с: 51; Ishihama 1992: 502]. Со времени же Аюки-хана инвеститура власти от Далай-ламы стала важной частью политической жизни Калмыцкого ханства. По мнению В. В. Трепавлова, тибетская инвеститура в виде ханского звания, тронного имени и печати играли важную роль в ханской легитимации, наряду с избранием съезда владельцев и российской инвеститурой. Дарование права на престол из двух источников вдвое увеличило авторитет Аюки-хана среди равновеликих ему тайшей [Трепавлов 2014: 15–16]. При наличии указа российских властей об утверждении ханом предпринимались действия для получения также грамоты от Далай-ламы на ханство (как это было позднее в случаях с ханами Церен-Дондуком, Дондук-Омбо, Дондук-Даши).

Почему калмыцкие правители так высоко ценили инвеституру власти от Далай-ламы? Калмыки, несмотря на откочевку от своей исторической родины далеко на запад, не прерывали связей со своими духовными учителями: посылали им богатые подношения, отправляли своих детей на обучение в монастыри, привозили оттуда тибетские лекарства, буддийскую литературу, изображения божеств, ритуальные предметы для своих храмов и т. д. [Курапов 2018; Бакаева 2019; Бакаева 2020; и др.]. Правители обращались за регалиями ханской власти к Далай-ламе, поскольку «несмотря на

то, что у калмыков при хане всегда имелся лама (шаджин-лама), с которым считались остальные калмыцкие ламы, все калмыки в вере признавали верховенство только Далай-ламы, который почитался как глава калмыцкой буддийской сангхи» [Китинов 2004: 121].

Титулы представляли собой способ распределения статусов в иерархии, сложившейся в обществе кочевников различных культур и верований. Это было особое социальное пространство, управляемое «законами дифференциации символической системой» [Бурдые 1993: 145].

Возможно, калмыцким правителям для легитимации требовалась некая третья сила, отличная от России, требовавшей подчинения русскому царю, и от цинского Китая, претендовавшего на гегемонию в Центральной Азии. В отличие от Китая и России инвеститура власти от Далай-ламы не требовала принятия подданства и подчинения. Такая легитимация давала получающему ее правителю не только влияние, зиждившуюся на непрерываемом религиозном авторитете Далай-ламы, но и позволяла обрести некоторую степень независимости от решений российской власти о назначении ханом или наместником.

На примере Галдан Бошогту-хана, Даваца и Есельбейн Сайн-Ка [Митруев 2021с: 49–50] мы видим важность легитимации власти, происходившей от Далай-ламы, для ойратов, оставшихся на старых местах кочевания. Точно так же это подтверждение власти было важно и для калмыцких ханов. Традиционное мировоззрение не поддается быстрой трансформации, поэтому даже в изменившейся геополитической обстановке, где реальный ханский титул и жалование давались русским правительством, титул и печать от Далай-ламы сохраняли свою релевантность.

Согласно тибетским биографиям Далай-лам и Панчен-лам, Аюка-хан в общей сложности отправил в Тибет за период с 1675 г. по 1716 г. семь посольств: посольства 1675 г., 1680–1682 гг., 1683–1684 гг., 1696–1697 гг., 1700–1701 гг., 1707 г., 1715–1716 гг.

Кроме того, из письма Чагдорджаба к Б. А. Голицыну становится известно о неудавшемся посольстве Чагдорджаба в Тибет в

1699 г. По дороге эта миссия была разгромлена казаками и кара-калпаками, а казна, предназначенная Далай-ламе VI, была разграблена [Тепкеев 2018: 164].

Важно отметить, что в биографии Далай-ламы V Аюка нигде не называется ханом (тиб. *khang*) или царем (тиб. *rgyal po*). Его чаще всего именуют по этнической принадлежности: торгут Аюка или просто Аюка. И лишь в биографии Далай-ламы VI, написанной Деси Сангье Гьяцо, его начинают называть Дайчин Аюка-ханом.

Необходимо отметить, что в тибетских источниках калмыки, прибывшие с посольствами в Тибет, именуются торгутами, так как калмыцкие правители являлись представителями этой субэтнической группы, — это следует учитывать, анализируя сведения из тибетских источников. Соответственно, в данной работе при отсылках к источникам может использоваться этот термин. Анализируя даты посольств в источниках, можно заметить некоторое расхождение в датах калмыцких посольств, указанных в российских документах, с датами, представленными в биографиях Далай-лам и Панчен-лам. Однако, принимая во внимание сложность путешествия в Тибет, связанную с геополитической обстановкой и удаленностью Тибета от Калмыцкого ханства, невысокой скоростью передвижения караванов того времени, посещением Пекина, Жехола и других мест в Китае некоторыми посольствами, задержками на границе с цинским Китаем по пути в Тибет, допросами на русской стороне границы по прибытии из Тибета, — такое путешествие могло занять много месяцев и даже несколько лет. Необходимо также помнить о различной длительности пребывания посольства в самом Тибете: так, пребывание посольства Арабджура в Тибете затянулось на несколько лет. Возможно, это является причиной расхождения в годах, данных в документах той поры. Поэтому посольства в нашей работе датированы по времени их нахождения в Тибете (т. е. по нахождению в месте назначения).

В биографии Далай-лам V и VI и прочих тибетских исторических источниках имя Аюка представлено в нескольких написаниях: *A yu She*, *a yo She*, *A yu Shi*, *a yo Shi*, *A yu Sha*, *a yo shi*, *a yo khi*, *a yo khe*, *a yuH Shi*.

Из написания *a yo khi / a yo khe* можно сделать вывод, что его имя произносилось как Аюки / Аюка, а не Аюши / Аюша. Титул торгутского Аюки «Дайчин» также писался в исторических трудах по-разному: *da'i ching* и *d+has byin*.

Из сведений биографий Далай-лам и Панчен-лам становится очевидно, что из всех правителей Калмыцкого ханства Шукур-Дайчин был единственным, кто посетил Тибет лично. Мнение о том, что Аюка-хан также посетил Тибет в 1682 г. [Китинов 2021а: 266], основывается на неточном английском переводе тибетского отрывка из «Продолжения автобиографии Далай-ламы» в книге «Life of the Fifth Dalai Lama» [Sañs-rgyas-rgya-mtsho 1999: 298], в котором тибетская фраза *thor khod a yo khi / bai ro tsa na / dur sbod tha'i ji / mung gu ching pa thur / stong 'khor zhabs drung dga' ldan da'i ching sogs kyi mi sna* 'посланникам торгутского Аюки, Бэроцзаны, Дурбет-тайджи, Мунгу Чин-батурса и Дунхур Шаврона' [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009a: 280] была переведена: «*торгут Аюки, Вайрочана; Тайджи дорбетов; Мунгу Чин-Батур; Тонкор Шабдун; посланники Галдана Дайчин и другие*» [Sañs-rgyas-rgya-mtsho 1999: 298]. Однако непосредственно в предшествующем и последующем упоминании того же посольства 1681–1682 гг. в биографии Далай-ламы V, написанной Сангье Гьяцо, упоминаются лишь посланники Аюки, а не он сам, из чего можно сделать вывод, что он не посещал Тибет с этим посольством.

Кроме того, Аюка не мог находиться в Тибете в период с 1680 г. по 1682 гг., так как в 1679 г., когда посольство должно было отправляться в Тибет, Аюка встречался с К. Черкасским [Тепкеев 2018: 64], летом 1680 г. он лично возглавил поход против казаков [Тепкеев 2018: 67], в 1681 г. Аюка встречался с отправленным из Астрахани в калмыцкие улусы Иваном Мартыановым [Тепкеев 2018: 68], также в феврале 1681 г. он встречался с отправленным из Москвы в калмыцкие улусы думным дьяком Иваном Савельевичем Гороховым [Тепкеев 2018: 69]. Кроме того, 13 марта 1681 г. Аюка и другие калмыцкие тайши давали новую шерть под Астраханью, где Аюка должен был присутствовать лично [Батмаев 1993: 138], а летом 1682 г. Аюка выступил с татарами и большим собранием башкир

в Казанском и Уфинском уездах [Тепкеев 2018: 5]. Таким образом, документы свидетельствуют, что Аюка не мог быть в Тибете в указанный период.

Еще одним подтверждением того, что Аюка лично не был в Тибете, являются приводимые Н. Н. Пальмовым сведения из переписки Церен-Дондука с двором Петра II, в которой он просит разрешить ему отправиться в Тибет с посольством. Свою просьбу Церен-Дондук мотивировал желанием осуществить неисполненное намерение отца, умершего Аюки, который в свое время получил разрешение на поездку в Тибет, но не смог им воспользоваться [Пальмов 1926: 76].

Начиная с 1685 г. на посланиях Аюки-хана впервые появляется печать с монограммой Калачакры (названная в нашей работе 2021 г. «первой» [Митруев 2021с: 52]). Самое раннее письмо Аюки-хана с рассматриваемой печатью датируется 1685 г. Оно адресовано московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу. В. Т. Тепкеев, выявивший письмо в фондах Российского государственного архива древних актов, считает⁴⁵, что из-за отсутствия информации о более ранних документах на данный момент не представляется возможным отследить точную датировку появления этой печати.

Согласно данным готовящейся к публикации книги о письмах тайши / хана Аюки, полученным от канд. фил. наук Г. М. Ярмаркиной⁴⁶, данная печать использовалась Аюкой-ханом в период с 1685 г. по 1698 г., а по имеющимся документам можно заметить, что Аюка перестал ею пользоваться в 1699 г. [Тепкеев, Нацагдорж 2016: 9], когда у него появилась новая печать [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 9. Л. 9]. Раннюю печать с монограммой Калачакры хан Аюка передал своему старшему сыну Чагдорджабу, о чем свидетельствуют выявленные на данный момент письма Чагдорджаба 1700 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 2]. По документам из Национального архива Республики Калмыкия можно проследить, что этой печатью при жизни хана пользовались Чагдорджаб, его сыновья Дасанг, Баксадай-Доржи, супруги Джал и Цаган-Лама [НА РК.

⁴⁵ Устное сообщение д-ра ист. наук В. Т. Тепкеева.

⁴⁶ Выражаю благодарность Г. М. Ярмаркиной за информацию.

И-36. Оп. 1. Д. 1–16]. Как известно, у Чагдорджаба было девять жен [Бакунин 1995: 33–34] и от них двенадцать сыновей. Мы видим эту печать на письме четвертой из девяти жен [Бакунин 1995: 33–34] Чагдоржаба Цаган-Ламы, дочери хошутского Цецен-хана. Так, эта печать стоит на ее письме от 16 ноября 1724 г. [Сусеева 2009: 301]. Перед смертью в 1722 г. Чагдорджаб завещал право на власть старшему сыну Дасангу⁴⁷ [Батмаев 1993: 195], при этом передав ему свою печать, и члены семьи продолжали ею пользоваться. Русский переводчик отмечает принадлежность печати старшему сыну Чагдорджаба, добавляя в конце переведенных им для адресата писем обязательную фразу об их достоверности: «у листа печать Досангова».

В 1725 г. был убит брат Дасанга Нитар-Дорджи, а в 1730 г. не стало Дасанга [Ряжев 2016: 53; Тепкеев 2021]. По другим сведениям, Дасанг умер в 1737 г. После Дасанга печать перешла к его жене Соломе.

Известно, что данную печать после смерти Дасанга использовал П. П. Тайшин, внук хана Аюки и сын Чагдорджаба, крестный сын Петра I (до крещения — Баксадай Доржи). Она стоит на его письме от 6 июля 1730 г. [Сусеева 2009: 61]. Можно предположить, что печать перешла П. П. Тайшину от Соломы. П. П. Тайшин скончался в 1736 г. в Санкт-Петербурге, а его вдова княгиня Анна Тайшина умерла в 1742 г. [Джунджузов 2022: 553]. После смерти княгини прервалась прямая линия рода Тайшиных. Неизвестно, кому была передана печать сразу после смерти П. Тайшина, но имеются данные, что в ноябре 1743 г. она находилась «у внука его, князя Петра Торгоутского...» [Волжские 2011: 91]. П. П. Тайшин и Анна Тайшина, будучи бездетными, обратились к императрице за разрешением «усыновить и учинить наследника по себе, внука своего Чиданова сына». В одном из указов 1744 г. Петр Торгоутский упоминается как племянник и наследник Анны Тайшиной. Умер князь Петр Торгоутский, которого до крещения звали Тундуг, в Санкт-Петербурге от оспы в 1744 г. [Ряжев 2016: 58]. С. В. Джунджузов же сообщает, что умершего внучатого племянника Петра Тайшина Петра Торгоутско-

⁴⁷ В документах имя старшего сына Чагдорджаба написано и как Дасанг, и как Досанг.

го до крещения звали Бунчин [Джунджузов 2022: 93]. У Петра Торгоутского был младший брат Аюша (Аюка?), женатый на вдове хана Церен-Дондука Вере Андреевой, после крещения в Москве 7 июля 1744 г. он стал известен как князь Павел Торгоутский [Джунджузов 2022: 1028]. Однако данная печать не была унаследована Павлом Торгоутским. Необходимо отметить, что в документах упоминается незнатный войсковой судья владелец Петр Торгоутский, полный тезка умершего князя Петра Торгоутского, однако, вероятнее всего, печать перешла к наследнику П. П. Тайшина Петру Торгоутскому. После кончины Петра Торгоутского дом покойной княгини Тайшиной унаследовал Никита Дербетев (до крещения Чидан Дербетев), приходившийся Анне Тайшиной родным братом. С. В. Джунджузов пишет, что у Никиты Дербетева были два сына, названные Иванами, но в другой своей работе он называет имя одного из сыновей Чидана – Василий Дербетев [Джунджузов 2022: 158; Джунджузов 2014: 209]. Последним хранителем печати в источниках называется ставропольский есаул зайсанг Данила Дерету (Дербетев), который в конечном итоге и передал ее российским властям [Ряжев 2016: 58]. Когда в 1743 г. Тундут (Бунчин?) ради разрешения жить в Ставрополе приезжал в Санкт-Петербург и принял православие с новыми именем и титулом — князь Петр Торгоутский, Данила Дерету сопровождал его в поездке и крестился с ним [Волжские 2011: 89]. Печать Аюки-хана, о которой здесь идет речь, досталась Д. Дерету от Петра Торгоутского [Волжские 2011: 91; Ряжев 2016: 51–54]. Возможно, что Д. Дерету состоял в родстве с Чиданом Дербетевым, так как они носили одинаковую фамилию: Чидана Дербетева в документах также называли Дерету [Волжские 2011: 100, 107, 277]. Нам известно, что отца Данилы Дерету звали зайсанг Деренг, а дядю — Геге Менко [Ряжев 2020: 1027, 1028], однако остается неясным, кем он приходился Никите Дербетеву. Есаул Д. Дерету получил награду за то, что отдал печать: «за объявление и отдачу им печати, коя по указу отыскивана скрытно, и в награждение... шесть стаканов серебряных» [Волжские 2011: 112]. Эти шесть серебряных стаканов были выданы есаулу Д. Дерету из оставших после покойной княгини Тайшиной «пожитков» [Волжские 2011: 109].

В 1741 г., после смерти хана Дондук-Омбо, Дондук-Даши стал наместником Калмыцкого ханства. Спустя два года он обратился к русским властям с просьбой отдать ему две вещи П. П. Тайшина. В указе Коллегии иностранных дел от 16 марта 1744 г. сказано: «наместник... Дондук Даши листом своим, здесь чрез посланца его Тунгу 13 ноября прошлого 1743 года полученным, просил о пожаловании ему после брата его, П. П. Тайшина, панцыря... и печати...» [Волжские 2011: 91]. Однако российская власть, не желая вовлечения в вопрос наследования ханской власти Тибета, Цинской империи и Джунгарского ханства, исключая участие русской дипломатии, намеревалась изъять данную сандаловую ханскую печать [Ряжев 2016: 55]. По этому поводу в секретном указе Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву от 16 марта 1744 г. отмечалось: «объявленную печать, отыскав скрытно от калмык, прислать сюда, в Коллегию, понеже оной, яко присланной от Далай-ламы на Калмыцкое ханство с руки их отдавать не разсуждено, о чем для известия и к тайному советнику и Астраханскому губернатору Татищеву послать указ же» [Волжские 2011: 103]. В другом Указе Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву от 16.08.1744 говорилось: «Печати с великим любопытством, якобы весьма нужной вещи, искать потребности не видится, а надобно о том разведать слехка и таким образом оную взять, чтоб о том наместник ханства Калмыцкого уведомить не мог» [Волжские 2011: 103].

В. М. Бакунин пишет, что в 1713 г. во время нахождения китайского посла Тулишэня в ставке хана Аюки, а также в присутствии калмыцкого Буканг-ламы и многих владельцев, буддийских священников и зайсангов, хан Аюка объявил своим наследником старшего сына Чагдорджаба и в знак этого отдал ему печать, присланную ему от Далай-ламы на ханское достоинство, а сам стал использовать другую печать [Бакунин 1995: 30]. Из писем, отложившихся в Российском государственном архиве древних актов и Национальном архиве Республики Калмыкия, видно, что с 1698 г. печать с монограммой Калачакры практически исключительно используется Чагдорджабом.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что из трех использовавшихся Аюкой печатей (если исключить из счета печать с легендой «Аюка-раджа», которая была применена им лишь на шерти 1684 г.) он передал Чагдорджабу печать с монограммой Калачакры. Это, учитывая сведения В. М. Бакунина [Бакунин 1995: 30], означает, что она была получена Аюкой от Далай-ламы. Как правило, Далай-лама даровал просящим не только печать, но и титул, из чего следует, что Далай-лама дал Аюке некий титул вместе с печатью. Однако в 1682 г. Далай-лама V умер (о его смерти официально сообщили только много лет спустя, в 1697 г.), и участники посольства Аюки, посетившее Тибет в 1683–1684 гг., не могло видаться с ним. Вероятно, печать с монограммой Калачакры и титул были даны им от имени Далай-ламы регентом Сангье Гьяцо, однако предоставленный титул не удовлетворил повелителя всего калмыцкого народа. Возможно, причина заключается в том, что Аюка узнал, что во время посещения Тибета посольством 1683–1684 гг. Далай-лама V уже покинул этот мир. Подозрения о смерти Далай-ламы стали появляться еще до публичного раскрытия секрета о его смерти [Shakabpa 2010a: 384, 386]. Необходимо сказать, что в данном исследовании рассматриваются лишь ханские посольства к Далай-ламе, однако, вероятно, были и другие калмыцкие посольства в Тибет, которые могли узнать о сокрытии смерти Далай-ламы V.

По вышеуказанной причине Аюка позднее обратился теперь уже к Далай-ламе VI с просьбой о даровании титула и печати. Мы считаем, что именно посольство к Далай-ламе VI привезло Аюке-хану печать, названную в другой нашей работе «второй печатью»⁴⁸ [Митруев 2021с: 48], а с учетом самой ранней печати 1684 г. — являющейся третьей из печатей Аюки.

Остается неизвестным, какой именно титул был дан регентом Сангье Гьяцо, однако в автобиографии Далай-ламы V и ее продолжении, написанном Сангье Гьяцо, Аюка нигде не называется титулом Дайчин Аюка-хан, а только как торгут Аюка, что свидетельствует в пользу более позднего появления указанного титула. Таким образом, уже посольство 1683–1684 гг., отправившееся к Далай-ламе, получило от его имени печать для Аюки-хана. Приведем сведения из биографии Далай-ламы V, повествующие об этом посольстве.

⁴⁸ См. примеч. 44.

Это и последующие посольства вплоть до восхождения на трон Далай-ламы VI встречались не с самим Далай-ламой V, а с его двойниками, монахом из монастыря Пабонгкха Джамьянг Дракпой (тиб. 'jams dbyangs grags pa) и монахом из монастыря Намгьял Депа Трепапом (тиб. sde rab kras rab), чье полное имя Депа Таши Рабпа (тиб. bkra shis rab pa) [Sperling 2014: 215]:

В день пятого числа (первого тибетского месяца) года Воды-Свиньи (1683 г. — Б. М.), называемого «Извергающий кровь» (тиб. khrag skyug; санскр. rudhirōdgāri) [Далай-ламе] было совершено подношение от держателя трона Джакхьюнг Чойдже⁴⁹ и подношение от торгутского Аюки⁵⁰ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b: 2].

В следующий раз имя торгутского Аюки появляется в 1684 г.:

Девятого числа одиннадцатого лунного месяца года Дерева-Мыши (1684 г. — Б. М.), называемого «Красноглазый» (тиб. mig dmar; санскр. raktākṣi) во главе с халхаским Цэцэн-ханом, хунтайджи, Дума-Йердином, Номчи-тайджи и прочими удельными торгутскими и халхаскими правителями вместе с семьястами простолюдинами совершили подношение. Десятого числа кормилица⁵¹ Аджи торгутского Аюки, Адар-хошучи⁵², Мерген-тайджи, Укар-тайджи и прочие, а также около трехсот простолюдинов совершили подношение [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b: 102].

⁴⁹ По всей видимости, это Джакхьюнг Чойдже Рабджам Мава Доньо Гьялцен (тиб. bya khyung chos rje rab 'byams smra ba don yod rgyal mtshan), которому Далай-лама V адресовал свое послание «Ответ на послание Джакхьюнг Чойдже Рабджам Мава Доньо Гьялцена „Зерцало, являющее изображение пятисот“» (тиб. bya khyung chos rje rab 'byams smra ba don yod rgyal mtshan gyi 'phrin lan lnga brgya'i rang gzugs ston pa'i me long).

⁵⁰ khrag skyug ces pa chu phag lo tshes lnga la bya khyung chos rje khri pa'i 'bul ba dang / thor god a yu Shi'i 'bul ba bteḡ / [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b: 2].

⁵¹ В данном случае в тексте биографии присутствует тибетское слово *ma ta*. Но, вероятно, это опечатка, вместо слова «кормилица» (тиб. ma ta) должно быть «посланник» (тиб. mi sna).

⁵² Возможно, это Алдыр-Кошуши [Посольские книги 2003: 64].

2.2.2. Печать Аюки с изображением монограммы Калачакры и другие печати, схожие с ней

Анализируемая печать Аюки-хана представляет собой квадрат, в центре которого изображена монограмма Калачакры, обрамленная флористическим узором, по периметру квадрата проходит широкая рамка (рис. 14). Размер печати 3,3х3,3 см. Оттиск выполнен красными чернилами или краской. В секретном указе Коллегии иностранных дел от 16 марта 1744 г. данная печать описана, как сделанная «из сандалного дерева» [Волжские 2011: 91]. Вероятно, из сандала была сделана не сама матрица печати, а ее рукоять, как это часто было у тибетских печатей, сама же матрица изготавливалась из железа.

Рис. 14. Вторая печать хана Аюки

Монограмма, или эмблема, Калачакры называется на тибетском языке *Намчу Вангден* (тиб. *nam bcu dbang ldan*, санскр. *dasākārovaśī*) ‘Обладающая десятью силами’, она представляет собой написанные письмом ланджа⁵³ слоги *ha kṣa ma la va ra*

⁵³ Ланджа (санскр. *lañja*) — название индийского письма времен династии Пала (VIII–XII вв.), используемое для написания санскритских буддийских текстов, мантр и дхарани.

уат⁵⁴ из мантры Калачакры. Такого рода монограммы называются *кутакишара* (санскр. kuṭākṣara) ‘написанные друг над другом буквы’. Существует несколько разновидностей этой эмблемы, различающихся по количеству «ног» или вертикальных черт [Митруев 2019: 283]. Эта монограмма часто используется в оформлении буддийских храмов и монастырей, например, она встречается в декоре Санкт-Петербургского буддийского храма [Митруев 2019: 282].

На оттисках печати хана Аюки использован четырехстопный вариант эмблемы Калачакры. Эта разновидность была популярна как среди последователей тибетских буддийских школ джонанг и гелуг, так и среди представителей других школ тибетского буддизма. Существует как минимум два варианта цветовых решений этой вариации эмблемы, различающихся в том, какой цвет имеют элементы этой монограммы. Сами элементы имеют множество значений в соответствии с Внешней, Внутренней и Другой Калачакрой, которые подробно описаны в статье Эдварда Хеннинга [Хеннинг 2020].

Рассматривая причину, по которой Намчу Вангден помещен на печати, можно привести цитату тибетского автора «Краткого объяснения изображения Намчу Вангден» (тиб. *nam bcu dbang ldan gyi ri mo'i 'grel bshad bsdus pa*) Трору Ценама (тиб. *khro ru tshe rnam*, 1928–2004), который пишет:

Так как Намчу Вангден заключает в себе или символизирует всю вселенную — сосуд трех миров и наполняющие ее живые существа, если установить его на верху здания, он подавит все неблагоприятные геомантические знаки и сделает их благоприятными. Он отвратит всякий вред, возникающий из-за неблагоприятного положения планет и созвездий, и будет оберегать от зла. Если поместить его дома, то защитит от неблагоприятных условий и препятствий, сделает все благим и благоприятным. Поэтому, так как [Намчу Вангден] приносит такую пользу и обладает та-

⁵⁴ Существует другая традиция прочтения этих слогов: *haṁ kṣa ta la va ra ya*. В своем переводе «Гуру-йоги Калачакры, выполняемой во время шести сессий» (Kalachakra Six-Session Guru-Yoga) Алекс Берзин дает такое же прочтение этих слогов в мантре Калачакры: *OM AH HUM HO HKSHMLVRYAM HUM PHAT*. См. Kalachakra Guru-Yoga [электронный ресурс] // URL: <http://stady.buddhism.com/en/advanced-studies/prayers-rituals/tantric-practices/kalachakra-guru-yoga> (дата обращения 01.07.2021).

кими достоинствами, сложилась традиция, следуя которой большинство людей стали писать его наверху домов, на фасадах храмов и прочего⁵⁵ [khro ru tshe nam 2004: 276].

Тот факт, что оттиски печати Аюки-хана делались красной тушью или краской, указывает на ее более высокий статус, чем у печатей, оттиск которых ставился черной тушью.

Как следует из приведенных выше данных, можно считать, что данная печать имеет тибетское происхождение и была получена Аюкой от имени Далай-ламы V Нгаванг Лобсанг Гьяцо или приобретена другим образом в Тибете.

Одним из факторов, указывающих на тибетское происхождение второй печати Аюки, является то, что печати с монограммой Калачакры были популярны среди тибетских и ладакхских правителей. Так, например, на оттиске печати правителя провинции Цанг — Карма Тенкьонг Вангпо (тиб. kar ma bstan skyong dbang po; 1606–1642), поставленном на одном из документов в 1623 г., тоже изображена эмблема Калачакры (рис. 15) [Tibet-Encyclopaedia 2020].

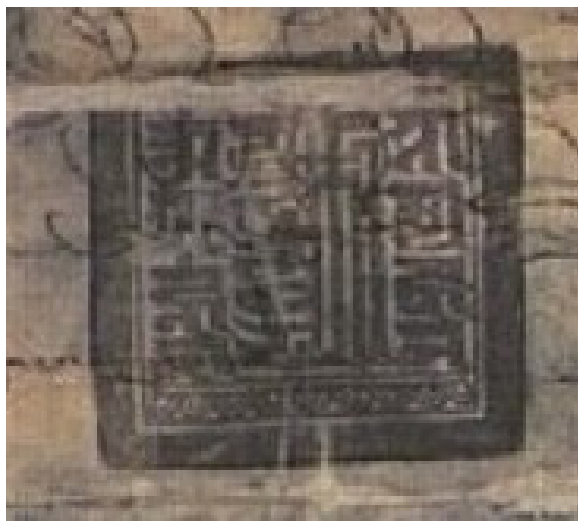

Рис. 15. Оттиск печати правителя провинции Цанг — Карма Тенкьонг Вангпо на документе 1623 г.

⁵⁵ Здесь и далее перевод Б. Л. Митруева.

В центре печати находится стоящая на лотосе эмблема Калачакры, слева — написанные письмом ланджа слоги *om āḥ hūṃ ho*, справа — *śākyajñāna*. Это прочтение (при условии, что нам удалось верно прочесть эту надпись) ставит новые вопросы: является ли Шакья Джняна (санскр. śākyajñāna) или на тибетском Шакья Еше (тиб. sha kya ye shes) именем собственным? Если да, то кем был этот человек и почему его имя написано на печати?

Оттиск этой же печати помещен в книге «Древние тибетские печати» (рис. 16) [Ōu Cháoguì, Qí Měi 1991: 111]. Однако авторы не указали ее принадлежности, видимо, она была им неизвестна.

Рис. 16. Оттиск печати на письме царя Ладакха Ньима Намгьяла

Другим примером является красная квадратная печать с эмблемой Калачакры, стоящая на одном из писем царя Ладакха — Ньима Намгьяла (тиб. nyi ma nam rgyal; годы правления 1694–1729) от 12 июня 1697 г. (рис. 17) [Schuh 2016: 501].

В центре печати изображена на лотосе эмблема Калачакры, справа и слева — слоги, идентичные тем, что находятся на печати Карма Тенкьонг Вангпо. Разница между этими печатями заключается лишь в количестве лепестков цветка лотоса, на которых стоит

Рис. 17. Оттиск печати правителя провинции Цанг — Карма Тенкьонг Вангпо, опубликованный в книге «Древнекитайские печати»

эмблема: в первом случае девять лепестков, а во втором — семь. Остается загадкой, почему практически идентичные печати принадлежали правителям двух различных гималайских регионов. Интересным казусом является то, что в интернете⁵⁶ продают грубую подделку подобных печатей с неразборчивой имитацией надписей, представленных на оригиналах (рис. 18).

На поддельной печати допущена ошибка при написании слога «*та*» в монограмме Калачакры, слоги справа и слева не читабельны. Другое заметное отличие — отсутствие лотоса в основании.

Использование в Тибете печатей, имеющих сходство со второй печатью Аюки-хана, является дополнительным свидетельством того, что данная печать действительно была произведена в Тибете и дарована калмыцкому правителю.

⁵⁶ См.: Invaluable (электронный ресурс) // URL: <https://www.invaluable.com/auction-lot/tibetan-gold-inlaid-iron-buddhist-seal-1253-c-d7741baa01> (дата обращения: 30.08.2021).

Рис. 18. Печать, выставленная на продажу в интернете

2.2.3. Другие печати калмыцких владельцев с монограммой Калачакры: печать нойона Яндыка — имитация печати Панчен-ламы

Печать Аюки, унаследованная Чагдорджабом, была не единственной печатью представителя калмыцкой знати, несущей на себе монограмму Калачакры. Еще одна калмыцкая печать с монограммой Калачакры, отличающаяся по рисунку от печати Аюки, принадлежит внуку хана — нойону Яндыку (тиб. *snyan grags*) (рис. 19), сыну Чагдорджаба от жены-дербетки Габиль. В своих письмах он также называет себя именем Нинраг (тиб. *snyan grags*), что является вариантом произношения его имени Яндак, «Слава».

Оттиск печати Яндыка, поставленный красной краской или тушью, имеет квадратную форму. Размер печати 3,3х3,3 см.

В рамке помещена легенда в виде четырехстопного Намчу Вангдена, в верхней части печати находятся полумесяц и символизирующий солнце кружок, являющиеся частью монограммы Калачакры. Справа и слева от монограммы Калачакры вертикально дважды письмом ланджа написано слово *magala*. Это слово явля-

Рис. 19. Оттиск печати нойона Яндыка

ется искаженным написанием санскритского слова *maṅgalam*, означающем на санскрите «счастье, благополучие» и переводится на тибетский язык «*bkra shis*».

Среди тибетских печатей есть одна, очень схожая с печатью Яндыка. Это печать Панчен-ламы. Нет никаких сомнений, что печать Яндыка — не что иное, как ее имитация.

Печать Панчен-ламы (рис. 20)⁵⁷, ставшая прототипом для печати Яндыка, сделана гораздо более качественно.

На письме, датированном 1788–1789 гг., написанном от имени несовершеннолетнего Панчен-ламы непальскому командиру Ниламу (Кути) с просьбой отвести непальские войска стоит красная квадратная печать Седьмого Панчен-ламы Лобсанг Тенпе Ньимы (bstan pa'i nyi ma; 1782–1855) [Chazen, Wong 2019: 62]. Размер печати 7,0х6,5 см.

⁵⁷ Хотя Деррик Доусон называет эту печать «Печать небес и земли» (тиб. 'ja' sa bka' tham) [Dawson 1997: 28], скорее всего, он смешал название императорского указа (тиб. 'ja' sa) и данную императором печать (тиб. bka' tham).

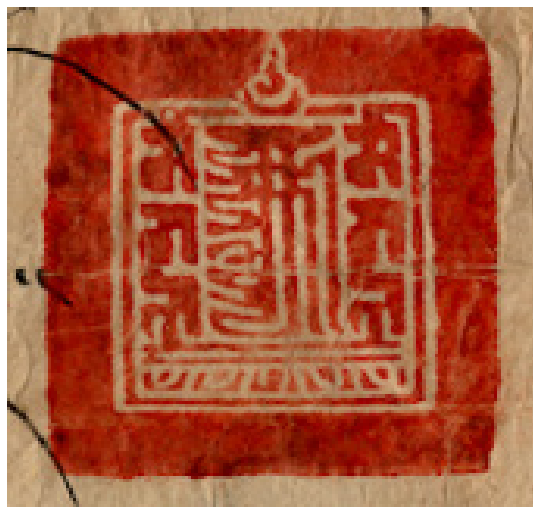

Рис. 20. Печать Панчен-ламы

Скорее всего, печать была сделана раньше и использовалась по меньшей мере до времен Шестого Панчен-ламы Лобсанг Палден Еше (1738–1780) [Dawson 1997: 26]. Эта же печать стоит и на обратной стороне фотографии Панчен-ламы IX Лобсанг Чойкьи Ньи-мы (1883–1937) (рис. 21).

Рис. 21. Фотография девятого Панчен-ламы и оттиск печати на ее обороте

Печать представляет собой эмблему Калачакры на лотосе с пятью лепестками. Справа и слева от нее написано письмом ланджа одно и то же слово *maṅgalaṃ*⁵⁸. Это слово означает на санскрите «счастье, благополучие» и переводится на тибетский язык *bkra shis*, что, в свою очередь, является частью названия монастыря Панчен-ламы Таши Лхунпо (тиб. *bkra shis lhun po*) в провинции Цанг. Оттиск этой печати вместе с прочтением приведены в статье Эрнеста Уолша «Примеры тибетских печатей» [Walsh 1915: 14]. В своей статье он называет ее печатью Таши-ламы, под этим именем имеется в виду Панчен-лама, глава монастыря Таши Лхунпо, от названия которого и происходит имя Таши-лама.

Еще два оттиска такой печати вместе с прочтением представлены в работе Дитера Шу «Основы тибетской сфрагистики». Д. Шу пишет, что оттиски этих печатей стоят на двух письмах Третьего Панчен-ламы Лобсанг Палден Еше (1738–1780), датируемых 1761 г. [Schuh 1981: 21]. Здесь следует отметить, что существует две традиции подсчета воплощений Панчен-ламы: согласно первой, Кхедруб Дже (1385–1438) считается первым Панчен-ламой, а в соответствии со второй, первым считают Лобсанг Чокьи Гьялцена (1570–1662). Д. Шу следует первой традиции, тогда как в соответствии со второй традицией Панчен-лама Лобсанг Палден Еше является Шестым Панчен-ламой. Как правило, на письмах Панчен-ламы ставились две печати: большая и малая. В конце *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ) всегда находится оттиск меньшей печати *гьядам* (тиб. *rgya dam*), в то время как в конце текста имеется оттиск печати гораздо большего размера. Размер внешней границы оттиска малой печати 3,8х3,8 см, внутренней границы печати — 2,7х2,7 см [Schuh 1981: 22].

Интересно отметить, что изображение, характерное для печати Панчен-ламы, ныне входит как основной элемент в официальный логотип монастыря Таши Лхунпо, построенного заново в изгнании на юге Индии в штате Карнатака (рис. 22).

На логотипе легенда печати написана с ошибками, по всей видимости, слово *maṅgalaṃ* было неправильно прочитано и запи-

⁵⁸ Более традиционное и написание этого слова на санскрите — *maṅgalaṃ*.

Рис. 22. Официальный логотип монастыря Таши Лхунпо

сано в виде трех слогов *та та а*. Это становится очевидно при сравнении данного логотипа и печати Панчен-ламы.

Тот факт, что печать калмыцкого нойона Яндыка является довольно простой имитацией печати Панчен-ламы, вероятно, указывает на то, что она была произведена в Калмыцком ханстве. Единственным отличием печати Яндыка от печати Панчен-ламы является отсутствие лотоса, на котором стоит монограмма Калачакры.

В 1771 г. во время ухода части калмыков из пределов России нойон Яндык остался в калмыцкой степи. В том же году появились слухи, что оставшиеся калмыки также готовят побег на историческую родину, и «в конце 1772 г. по настоянию губернатора ко двору были вызваны наиболее деятельные, а потому вызывавшие подозрения нойоны Яндык, Асархо и 16-летний дербетский Цебек-Убаши, ни один из которых не вернулся в родные степи» [Батмаев 1993: 369]. О дальнейшей судьбе печати нойона Яндыка на данный момент известно немного. В книге «Истоки», посвященной истории образования калмыцких улусов, судьбам нойонов и зайсангов, их родословным, А. Г. Митиров на основе анализа архивных материалов пишет, что вместе с откочевавшими из России в 1771 г. калмыками ушли жена и сын Яндыка. После чего Яндык женился на

Битюке, дочери простого калмыка, которому перед своей отправкой в Санкт-Петербург дал вольную грамоту, объяснив это тем, что один его сын Хамугин Бакши, отправившись по делу Яндыка, погиб, а дочь его по желанию взял он в жены [Митиров 2002: 46]. После нойона владелицей улуса осталась Битюка⁵⁹.

Примечальным фактом является то, что изображение этой же печати Панчен-ламы можно найти в верхнем левом углу на гравюрном изображении шлема⁶⁰ из фондов Оружейной палаты Музеев Московского Кремля (далее — ММК). Гравюра, датируемая первой половиной XIX в., раскрашена акварелью, хранится под названием «Шлем маньчжурский XVII в. (в трех проекциях), надписи со шлема, фрагменты декора» в Собрании графики ММК (инв. № Гр-3489) [Bobrov, Zaytsev, Orlenko, Salnikov 2017: 1146] (рис. 23).

Хотя на изображении самого шлема монограммы Калачакры нет, по всей видимости, неизвестный автор видел ее на одном из других предметов, и потому поместил на гравюре изображение, имеющее сходство с печатью Панчен-ламы.

⁵⁹ Вопрос о дальнейшем использовании печати планируется изучить по архивным документам конца XVIII–XIX в.

⁶⁰ Шлем хранится в Оружейной палате Московского Кремля под инвентарным номером № ОР-2057.

Рис. 23. Гравюра с изображением маньчжурского шлема XVII в. и монограммой Калачакры из Музея Московского Кремля [Bobrov, Zaytsev, Orlenko, Salnikov 2017: 1146]

2.3. ТРЕТЬЯ ПЕЧАТЬ АЮКИ-ХАНА

2.3.1. Посольство Аюки-хана в Тибет и дарование печати от имени Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо

Третья печать (рис. 24) начинает появляться в письменных сообщениях Аюки с 1699 г. [Тепкеев, Санчиров 2016: 15]. Данная печать, имеющая элементы, похожие на хвосты (отчего ее можно условно назвать «печатью с хвостами»), была дана Аюке-хану Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы VI в 1697 г. Размер печати 3,8х3,8 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской.

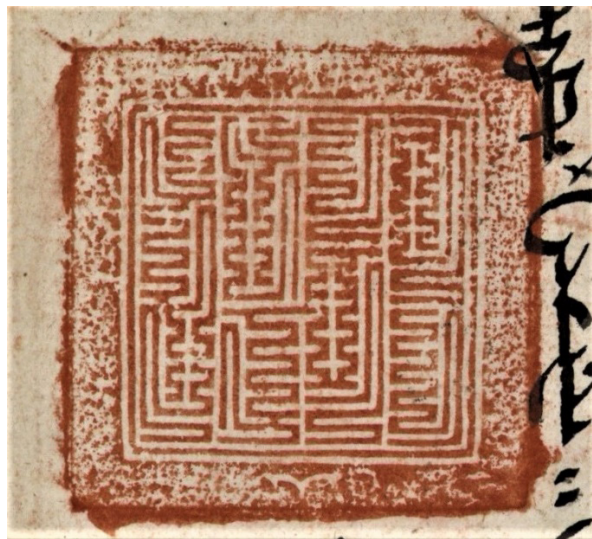

Рис. 24. Третья печать хана Аюки

В биографии Пятого Далай-ламы упоминается посольство Аюки-хана 1696–1697 гг. После смерти Далай-ламы V посольство Аюки-хана во главе с двоюродным племянником Аюки-хана Дамба Арабджуром прибыло к Далай-ламе VI в 1696 г. Арабджур, сын Назар-Мамута, назван в источнике «арамбджамбой»⁶¹. Неясно, по-

⁶¹ Арамбджамба (тиб. rab 'byams pa) или на тибетском геше рабджампа (тиб. dge bshes rab 'byams pa) — одна из высших ученых степеней, получаемых в тибетских монастырях, приблизительно равна докторской степени.

чему он здесь назван так. Как правило, эта ученая степень давалась монахам.

Хотя в «Записках Тулишэня» и большинстве других источников утверждается, что поездка Арабджура состоялась в год желтого барса, т. е. 1698 г. [Русско-китайские отношения 2006: 472], из биографии Далай-ламы мы видим, что он находился в Лхасе уже в год Огня-Мыши, т. е. 1696 г.

Известно, что в 1695 г. калмыцкий хан Аюка отправил на продажу в Москву 20 тысяч лошадей [Khodarkovsky 2002: 26]. Возможно, часть вырученных денег пошла на подготовку к отправлению данного посольства.

Арабжур отправился в Тибет вместе с матерью, сестрой Галдан-Бум и 500 калмыками. Посетив Тибет, он отправился обратно через Пекин, где был задержан под предлогом невозможности проехать в калмыцкую степь через Джунгарию из-за неприязненных отношений между Аюкой-ханом и Цеван-Рабданом [Пальмов 1926: 13]. Цинский император Канси (1654–1722) пожаловал Арабжуру достоинство бэйсэ и отвел ему кочевья вдоль Великой китайской стены к западу от заставы Цзяюйгуань (кит. 嘉峪關; пиньинь jiāyùguān) [Hummel 1943: 785]. К. Этвуд указывает даты жизни Арабджура 1704–1729 гг. [Atwood 2004: 7], в то время как Д. Борджигид утверждает, что Арабжур скончался по дороге в Пекин в 1716 г. [Борджигид 2009: 156].

Предположительно, на обратном пути посольства из Тибета в 1698 г. башкиры отогнали у него 150 лошадей, о чем Аюка-хан жаловался Б. А. Голицыну через его посланника [Тепкеев 2018: 160]. С этим же калмыцким посольством мог быть отправлен Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо, посланник к Аюке-хану с вестью о кончине Далай-ламы V, о чем подробнее будет сказано ниже. Из данных фактов можно сделать вывод, что цинские власти задержали не все посольство, а какую-то его часть во главе с Дамба Арабджуrom, другая же часть посольства с посланником Далай-ламы покинула Тибет в 1697 г. и в 1698 г. достигла калмыцкой степи.

Арабжур провел в Тибете с матерью и сестрой 5 лет: с 1696 г. по 1701 г. Из биографий Далай-ламы VI и Панчен-ламы Лобсанг

Еще мы узнаем имя матери Арабджура — ею была торгутская владелица Цоджал. В биографии Далай-ламы VI ее имя написано *'tsho rgyal*, что значит планета Нептун, а в биографии Панчен-ламы Лобсанг Еще — *mtsho rgyal*, имеющее значение Царица Моря/Озера. Исследователь О. Чая также считает, что торгутская владелица Цоджал — мать Арабджура [Czaja 2018: 72–73], однако Н. Н. Пальмов называет ее Цаган Замса [Пальмов 1926: 13], а в статье Б. Дорги говорится, что ее имя было Ягу [Борджигид 2009: 154]. После ухода части посольства обратно Арабджур отходит на второй план, и его мать Цоджал начинает упоминаться как основное лицо во время встреч с Далай-ламой и Панчен-ламой.

На момент прибытия посольства Аюки-хана Далай-ламе VI Цангьянг Гьяцо (1683–1706) было 14 лет. Цангьянг Гьяцо впервые лично встретился с Деси Сангье Гьяцо лишь двадцать седьмого числа девятого тибетского месяца 1697 г. [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 347], а в Лхасу прибыл первого⁶² двадцать пятого числа десятого тибетского месяца года Огня-Коровы, т. е. 1697 г. [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 370]. Таким образом, во время прибытия посольства Аюки-хана Далай-ламы VI еще не было в Лхасе, и, видимо, посольство принимал двойник Пятого Далай-ламы:

Двадцать восьмого числа <...> одиннадцатого тибетского месяца <...> года Огня-Мыши (1696 г. — Б. М.) <...>, в этот день сюда [в Лхасу] прибыл посланник торгутского Аюки Дамба Арабджур, который вручил письмо вместе с подношением, хадак, а также великолепное подношение в виде парчовых тканей, ружей, соболиных шкурок и прочего. [Далай-лама] выглядел удовлетворенным прошением торгутских владельцев и простолюдинов, сделанным ради блага учения Будды⁶³ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 285].

⁶² В тибетском календаре встречаются двойные дни, вводимые, чтобы компенсировать разницу между солнечными и лунными сутками.

⁶³ me pho byi ba <...> zla ba bcu gcig pa'i <...> nyer brgyad la <...> 'dir 'di nyin thor god a yo Shi'i mi sna bstan pa rab 'byor 'byor zhu yig rten kha btags/ gos chen/ de mda' dang sbo har sogs 'bul spam mtho ba dang/ bstan don du thor god dpon 'bangs kyi zhu ba yid bde bar snang/ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 285].

В самом начале 1697 г. Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы VI с этим же посольством Аравджамбы Дамба Арабджура передал Аюке-хану грамоту с титулом «Дайчин-Аюка-хан» и печать:

Четырнадцатого числа [первого тибетского месяца] <...> года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.), называемого „Владыка“ (тиб. dbang phyug; санскр. īśvara) <...> прибыл торгутский посланник Аравджамба Дамба Арабджур, который [говорил] о необходимости всецело приносить благо учению Будды и правительству, а также о достойных похвалы вере, благосостоянии и власти. Хотя и можно подумать, что это прекрасно, но так как произошло некое происшествие⁶⁴, я сам (т.е. Деси Сангье Гьяцо. — Б. М.) специально подготовил полный комплект из [указа с] титулом «Дайчин Аюка-хан», печать и одеяния, а также я [подготовил] и отправил хадак благоприятной связи с буквами, колесо [дхармы], меч и прочее⁶⁵ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 291].

Печать, переданная Деси Сангье Гьяцо вместе с титулом «Дайчин Аюка-хан», впервые встречается на письме хана Аюки в 1699 г. В нашем предыдущем исследовании мы выдвинули предположение, что эта «третья» печать (названная в предыдущем исследовании «второй») была дана Аюке-хану Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы V в 1690 г., а печатью, полученной им от Далай-ламы VI являлась «четвертая» печать (названная в предыдущем исследовании «третьей») [Митруев 2021с: 53, 57]. Однако, проанализировав даты использования этой печати, мы пришли к выводу, что именно эта «третья» печать Аюки-хана (фигурирующая в предыдущем исследовании как «вторая печать») является той, что была передана Аюке-хану Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы VI в 1697 г.

⁶⁴ Возможно, под «происшествием» здесь подразумевается официальное раскрытие секрета о смерти Далай-ламы в 1682 г., решение о котором было принято 1697 г.

⁶⁵ dbang pyug ces pa me mo glang <...> tshe bcu bzhir thor god kyi mi sna rab 'byams pa bstan pa rab 'byor bstan gzhung gang cir phan slebs dgos tshul dang dad pa dang 'byor stobs gang cir bsngags par 'os pa chibs bsgyur grub nas legs 'dra bsam rung skabs su babs pa'i gnas tshul zhig byung ba bcas da'i ching a yo Shi hang gi cho lo tham ka na bza' cha 'grig nged rang nas rten 'byung kha btags yi ge ma sku 'khor phyag shan sogs cha 'grig mngags bzos dang bcas rdzong bda' byas/ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 291].

От имени Аюки-хана посольство под руководством Дамба Арабджура совершило также подношение монахам во время Мон-лам-ченмо — «Великого молебного фестиваля в Лхасе»:

Пятнадцатого числа [первого лунного месяца] года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.), называемого «Владыка» (тиб. dbang phyug; санскр. īśvara), во время молитвенного фестиваля [от имени] торгутского Аюки, два [посланника] Эрке Джунанга, [от имени] усопшего Данджин Батур-Хунтайджи, бывший лама колледжа Дульва [монастыря Дрепунг] и правительство [Тибета] поднесли каждому из более чем тринадцати тысяч монахов по одной жемчужине, стоимостью в один шо⁶⁶ серебра⁶⁷ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 292].

Как видим из биографии, посольство находилось в Тибете до 1697 г. В том же году оно снова посетило Панчен-ламу V Лобсанг Еше:

Затем, в пятнадцатый день (третьего) месяца чайтра (тиб. nag pa zla ba; санскр. caitra) года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.), называемого «Владыка» (тиб. dbang phyug; санскр. īśvara), прибыли с визитом около 60 людей торгутского Аюки, посланники Ачиту Гомбу и люди, привезшие лучшие богатства из взятого Дзоригту-хунтайджи⁶⁸ Яркенда. Они поочередно совершили пышные подношения вещей. Согласно этому [Панчен-лама] встретился на расстоянии со множеством монахов и мирян⁶⁹ [blo bzang ye shes 2014a: 256–257].

⁶⁶ Тибетская серебряная монета.

⁶⁷ dbang phyug ces pa me mo glang tshe bco lnga la ‘di lo smon lam du dge ‘dun zhal grangs khri dang sum stong skor la da las d+has ching / thor god a yo Shi / er khe ju nang gi gnyis dang bstan ‘dzin ba dur hung tha’i ji’i dgongs rdzogs / ‘dul ba bla zur/ gzhung nas mi rer dngul zho re ‘bab pa’i mu tig dang bcas bstar [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 292].

⁶⁸ Дзоригту-хунтайджи — другое имя Цэван-Рабдана (1663–1727). В 1696 г. третий младший брат Абдул Рашида Мухаммад Мумин занял трон, но беки Кашгара отказались признать его и заключили союз с киргизами, чтобы напасть на Яркенд, взяв в плен Мухаммада Мумина. Затем в ответ на просьбу яркендских беков джунгарские войска двинулись на юг, чтобы изгнать киргизов. После этого Яркенд был передан Мирзе Алим Шах беку, и правление чагатайской линии ханов окончательно завершилось [Ma Dazheng 2003: 192–193].

⁶⁹ dbang phyug ces pa me mo glang lo nag zla’i tshes bco lnga’i nyin de

<...> Второго дня четвертого тибетского месяца (1697 г. — Б. М.) [Панчен-лама] лично встретился с приблизительно двадцатью посланниками торгутского Аюки. Согласно [просьбе] посланников, отправленных Аюкой, [Панчен-лама] написал свое собственное восхваление вместе с молитвой о своем собственном долголетии и отдал его посланникам. [Дав] ответы на послания и подарки, [Панчен-лама] отправил посланников в обратный путь⁷⁰ [blo bzang ye shes 2014a: 257].

2.3.2. Раскрытие тайны о смерти Далай-ламы V и доставка печати Аюке-хану

Тайна смерти Далай-ламы V была раскрыта в двадцать девятый день восьмого месяца 1697 г. Секретари Деси Сангье Гьяцо Тендзин Вангпо и Кончок Раптен объявили о раскрытии тайны всем учителям, держателям тронов и отставным руководителям монастырей Сера и Дрепунг в старом зале собраний дворца Потала. Чакарва Пема Сонам раскрыл это монашествующим и светским правительственным чиновникам в зале собраний. Чакарва Пема Сонам и Дрананг Пема Церинг раскрыли тайну в монастыре Дрепунг, Лхакхангпа Дордже Норбу и Дрангье Шакпа Чагдор Пелбар — в монастыре Сера, Чушур Ушива — в монастыре Ганден, а Мипон Шангдронгпа Дордже и Шар Таши открыли тайну собранию всех жителей Лхасы под открытым небом посреди цветников [Shakabpa 2010a: 387].

К лидеру Калмыцкого ханства Аюке и другим правителям, имевшим тесные связи с Тибетом, были отправлены посланцы с известием о нахождении Далай-ламы VI:

nas thong [=thor] kho A yu She'i 'tshams dri ba mi drug cu skor dang / a chi thu mgon po'i bang phyin / rje [rjo] rig thu hor [=hong] tha'i jis yang [=yar] hen thob pa'i nor phud skyel mi bcas 'byor pa so so nas rim gyis dngos 'bul dpangs mtho ba bteg byung ba rnams dang bstun ser skya du mar rgyang 'phrad btang zhing / [blo bzang ye shes 2014a: 256–257].

⁷⁰ zla ba bzhi pa'i tshes gnyis kyi nyin thor kho A yu She'i mi sna ngo bo bcas nyi shu skor la ngos 'phrad dang / A yu Shes mi snar mngags 'dug pa bzhin bdag bstod ring 'tsho'i smon tshig dang bcas pa gsar rtsom bgyis nas mi snar gtad cing so so'i lan 'debs ster cha dang bcas mi sna rnams thon par byas [blo bzang ye shes 2014a: 256–257].

В (1697 г. — Б. М.) для раскрытия секрета о том, что Владыка Пятый [Далай]-лама отправился в чистую землю [Будды], а также чтобы передать сообщение о празднестве в честь встречи с Шестым [Далай-ламой] в следующем году (т. е. 1698 г. — Б. М.), как об этом повествуется в краткой и длинной версиях „Сжатого жизнеописания [V Далай-ламы] ‘Извлечение сущности для слуха, радующее умы’“, написанном после празднования в этом году (т. е. 1697 г. — Б. М.), были одновременно отправлены в Китай: Тенпа Селдже, привезший из Китая изображение на ткани и несколько задержавшийся с возвращением обратно, а вместе с ним Ньитханг-шабдрунг, Кьорлунг-кхенпо и Табул-пончунг; к торгутскому Аюке — Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо; к Эрдени Дзорикту-хунтайджи левого крыла — Дархан-эмчи; к [Галдан] Бошогту-хану — Кьярца Нгаванг Гьяцо; к халхаскому Манджушири-хутугте — Кхампа Кхецуи⁷¹ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009c: 463].

То, что посланники были отправлены к торгутскому правителю одновременно с посланниками к цинскому императору, Галдан Бошогту-хану и прочим, указывает на его высокий статус среди ойратских и монгольских правителей. Вероятно, посланник к Аюке-хану — Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо отправился обратно с частью посольства Аюки-хана, которое возглавлял Дамба Арабджур.

Эти же сведения излагаются в процитированном источнике в стихотворной форме в промежуточных стихах, разделяющих разделы биографии:

Посланник, вместе со свитой специально отправленный, чтобы доставить изображение джатаки на ткани,

⁷¹ rgya nag nas yol thang bskyel mi bstan pa gsal byed phyir slog ‘gyang tsam ngos de dang mnyam du nyi thang zhabs drung / skyor lung mkhan po/ rta ‘bul dpon chung gsum rgya nag / thor khod a yuH Shir sgo mang rab ‘byams pa dar rgyas rgya mtsho/ g.yon ru er te na [=ni] ju rig thu hong tha’i jir dar rgan em chi/ bo shog thu rgyal por skyar tsha ngag dbang rgya mtsho/ khal kha ‘jam dbyangs sprul pa’i skur khamas pa mkhas btsun rnam rje bla ma lnga pa dag zhing du gshegs pa’i gsang brtol dang drug pa phyi lo zhal mjal gyi dga’ ston bcas kyi gnas tshul ‘di lo dbyar gsos nas rnam thar don bsdu rna ba’i bcud len yid kyi kun dga’ rgyas bsdu bzos pa ltar skyel bar dus gcig tu rdzong bda’ byas shing / [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009c: 463].

Носящий имя Тенпа Седже, несколько задержался с возвращением обратно,

*Поэтому [он], а вместе с ним Ньима Тханг-[шабдунг],
Кьорлунг-[кхенпо] и Табул Медранг [были отравлены] в Ки-
тай;*

*К владыке торгутской земли Аюке — Гоманг-рабджамба Дар-
гье Гьяцо;*

*К левому крылу — Дархан-эмчи; к Бошогту-[хану] —
Кьярца Нгагьям; к владыке семи халхаских племен
Манджушри-хутугте и [его] братьям⁷², Сайн-хану, —
[Человек], носящий имя Кхецун. [Таким образом], была от-
правлена группа посланников,*

*Чтобы раскрыть тайну ухода Пятого Покровителя и Защит-
ника (т. е. Далай-ламы. — Б. М.)*

*В чистую землю Кечару»⁷³ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho
2009c: 465].*

Посланники прибыли к Аюке в ноябре 1698 г.; есть сведения о том, что на встрече Аюки с посланцем Б. А. Голицына дворянином Замановым, состоявшейся тогда же, присутствовали хошутский Торба и буддийские священники, приехавшие буквально за день до этой встречи от Далай-ламы VI [Тепкеев 2018: 159]. Эта делегация от Далай-ламы VI отбыла той же осенью 1698 г. Из письменных сообщений Аюки-хана известно, что с 1699 г. в его посланиях встречается новая печать, — свидетельство того, что тибетское посольство Далай-ламы доставило печать и грамоту с титулом Аюке в 1698 г.

⁷² По всей видимости, здесь имеется в виду Манджушри-хутугта из левого крыла Халхи Лубсан Дамби Джалцан (тиб. ‘jam dbyangs sprul pa’i sku blo bzang bstan pa’i rgyal mtshan) и два его брата, побывавшие у Панчен-ламы V Лобсанг Еше в 1681 г. [blo bzang ye shes 2014a: 119].

⁷³ skyes pa’i yol thang ‘dzam gling khyad nor gang / /spel bar ched mngags bstan pa gsal byed kyi/ / /ming ldan gser yig ‘khor bcas phyir log las/ /cung zad brgyangs te stabs cig nyi ma thang / /skyor lung rta ‘bul me grangs rgya nag dang / /’thor god sa la spyod pa’i a yuH Sher/ /sgo mang rab ‘byams dar rgyas rgya mtsho dang / /g.yon rur dar khan em chi bo shog thur/ /skyar tsha ngag rgyam tsho bdun khal kha’i rje/ /’jam dbyangs sprul pa’i sku dang san khang mched/ /mkhas btsun ming ldan bya ma rta yi tshogs/ / skyabs mgon lnga pa dag pa mkha’ spyod du/ /gshegs pa’i gsang ba’i sgo rgya ‘grol ba dang / / [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009c: 465].

2.3.3. Посольство 1700–1701 гг. Аюки-хана к Далай-ламе VI с подарками в благодарность за дарованный титул «Дайчин Аюка-хан»

В 1700 г. посольство Дайчин Аюки-хана снова посетило Далай-ламу VI. С этим посольством также прибыли посланники сыновей Аюки и других представителей калмыцкой знати. Можно предположить, что именно для этого посольства Аюка просил прибавить к жалованью золотых монет через своего представителя. Известно, что представители Аюки и Гунджаба — Эльмек и Лузан-Даши прибыли в Москву 16 декабря 1698 г. [Тепкеев 2018: 160]. Вот что сказано об этом посольстве в биографии Шестого Далай-ламы:

Четырнадцатого числа [двенадцатого тибетского месяца] <...> года Железа-Дракона (1700 г. — Б. М.), называемого „Сила“ (тиб. rnat gnop; санскр. vikranta), <...> после завершения [предыдущей аудиенции Далай-ламы] пришли новоприбывший старший посланник торгутского Дайчин Аюки-хана Чагзод-гецуль⁷⁴, младший посланник Бахан Кашка, Самтан-Эрдени, а также посланники сына [Аюки-хана] Чагдора⁷⁵, Эрке-тайджжи⁷⁶, Данджина, Балбу⁷⁷, Менко-Темира⁷⁸, ханского сына Санджаба⁷⁹, Радна-Гары⁸⁰, ханского сына Гунджаба⁸¹, Цевана, Цой-Джамцо,

⁷⁴ Послушник, исполняющий обязанности казначея (тиб. phyag mdzod dge tshul).

⁷⁵ Это краткая форма имени старшего сына Аюки-хана Чагдорджаба [Калмыцкие историко-литературные памятники 1969: 26]. В «Истории Хо-Өрлөка» он назван вторым сыном Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 29].

⁷⁶ Возможно, это сын нойона малодербетовского улуса Батур-Малая [Митиров 1998: 362].

⁷⁷ Второй сын хошутского нойона Галдамы [Письменные памятники 2016: 113].

⁷⁸ Старший сын владельца дербетского улуса Солом-Церена [Щюрюмов 2007: 118].

⁷⁹ Третий сын Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 102].

⁸⁰ Старший сын торгутского владельца Урджана [Письменные памятники 2016: 112].

⁸¹ Третий сын Аюки-хана [Калмыцкие историко-литературные памятники 1969: 139; Письменные памятники 2016: 29].

*Цеван-Ламу*⁸², *Тарба-Джид*⁸³, *Эрдени-цорджи*, сына *Балбуя Зола-на*⁸⁴, *Залан Ахая*⁸⁵, сына *Ахая Лекбе Ендона*⁸⁶, *Сузук-Батур-тайджи*, племянник *Цецен-шаврона* и *Эрдени-цорджи*⁸⁷; *Шараб-ге-люн* и четыре посланника, совершающих добродетели⁸⁸ ради *Пандиты-цордже*⁸⁹; около девяноста монахов; *Гуру-Джалцан* — посланник, совершающий добродетели ради ханского сына *Габан-Рабдана*⁹⁰, *Джалцан-гецуль*, [посланник, совершающий добродетели ради] *Мерген-цордже*; *Лузан*, [посланник, совершающий добродетели ради] *унзат-цордже*; *Содном-Ончик* и три [посланника, совершающих добродетели ради] *Сузук-Батур-тайджи*⁹¹. Во главе с посланием хана они представили индивидуальные послания, образы тела, речи и ума Будды и предметы подношения великолепного качества, а также полные и прекрасные подношения прибывших. Послание хана, его служение ради

⁸² Вероятно, это четвертая жена Чагдорджаба Цаган-Лама, дочь хошутского Цецен-хана [Бакунин 1995: 33]. Из ее письма, полученного 16 ноября 1724 года, мы знаем, что вторая часть ее имени правильно пишется Лхамо (тиб. lha mo) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 116]. То есть полностью ее имя, Цаган-Лама, является искажением тибетского имени Цеван Лхамо (тиб. tshe dbang lha mo).

⁸³ Вероятно, это вторая жена Чагдорджаба Талбаджит, дочь хошутского владельца [Бакунин 1995: 33].

⁸⁴ Возможно, это сын упомянутого выше Балбу, однако в «Родословной торгутских ханов и князей» названы имена пять сыновей Балбу: Баяхулангу, Нарма, Цэрэнг Донроб, Дондуг и Убаши, среди которых не упоминается Золан [Письменные памятники 2016: 113].

⁸⁵ Возможно, это старший сын Дорчжи-Тайчжи Хай (Ахай) [Калмыцкие историко-литературные памятники 1969: 22].

⁸⁶ Сын Ахая (Хая) Лекбе [Калмыцкие историко-литературные памятники 1969: 22]. Из его писем, сохранившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, нам известно, что его полное имя было Лекбе или Лекбей Ендон (тиб. legs pa'i yon tan) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 168].

⁸⁷ Это имя уже встречалось выше.

⁸⁸ Тибетское тибетского *dge rtsa byed mi* обозначает посланников, совершающих добродетели от чьего-то имени.

⁸⁹ Вероятно, здесь имеется в виду ойратский Зая-пандита.

⁹⁰ Четвертый сын Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 102], его имя по-другому пишут Арабтан [Литературно-исторические памятники 1969: 74].

⁹¹ Это имя уже встречалось выше.

блага учения Будды, искренние просьбы владельцев о проведении гаданий и прочее. Кроме того, внешний вид и т. д. посланников, всецело указывающие на сохранение древних монгольских традиций, были благосклонно приняты [Далай-ламой]⁹² [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 758].

Девятнадцатого числа третьего тибетского месяца 1701 г. посланники Аюки-хана прибыли к Далай-ламе с подарками в благодарность за дарованный Аюке титул «Дайчин Аюка-хан» и подношением ради усопшей владелицы Эренцен, одной из жен Аюки. Тибетский источник сообщает об этом:

Девятнадцатого числа [третьего тибетского месяца] <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), называемого „Лучший бык“ (тиб. *khyi mtshog*; санскр. *vr̥ṣarajā*), посланник Дайчин Аюки Джамцо-гелюнг совершил подношение монахам Лөгше-линга, тем самым создав благоприятные причины для молебна о долгой жизни [Далай-ламы]. Вместе с этим он поднес 12 больших хадаков „деченма“⁹³, 108 хадаков с изображением восьми знаков благополучия, 6 штук старой парчи „мянь-цзы“, 60 штук средней ткани „мянь-цзы“, 20 штук красного

⁹² nam gnon zhes pa lcags pho 'brug <...> zla ba bcu gnyis pa'i <...> tshe bcu bzhir <...> de grol rjes gsar 'byor thor god d+has byin a yu Shi rgyal po'i mi sna rgan pa phyag mdzod dgo [=dge] tshul/ gzhon pa bA khan kha sha kha dang/ bsam gtan er te ni/ de bzhin du sras phyag rdor/ er khe tha'i ji/ bstan 'dzin/ bal po/ mong khu tho mur/ rgyal sras sangs rgyas skyabs/ ra t+na ka ra/ rgyal sras mgon skyabs/ tshe dbang/ chos rgya mtsho/ tshe dbang lha mo/ thar pa skyid/ er te ni chos rje/ bal po'i sras zo lang/ cha lang a khas/ a khas sras/ legs pa yontan/ su chug pa dur tha'i ji/ che chen zhabs drung gi dbon po/ er te na chos rje rnams kyi mi sna/ dge rtsa byed mi paN+Di ta chos rje'i shes rab dge slong can bzhi dang / gra rigs dgu bcu skor/ rgyal sras ngag dbang rab brtan gyi dge rtsa byed mi gu ru rgyalmsthan/ mer gan cho rje'i rgyal mtshan dge tshul/ dbu mdzad chos rje'i blo bzang/ su chug ba dur tha'i ji'i bsod nams dbang phyug can gsum rnams/ 'byor ba'i rgyal pos gtsos so so'i zhu yig dang/ rten chas dngos po spus gtsang/ yong mi ngo bo rnams kyi 'bul ba bzang 'gran/ rgyal po'i zhu ngag bstan pa'i don zhabs tog byed tshul zhal ngo rnams mtsher bcas kyi gsung brtag zhu ba sogs dang mi sna rnams cha lugs sogs gang ci nas gna' dus kyi sog lugs ma nyams pa'i bag shin tu dro ba snang/ [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 758].

⁹³ Вид хадака хорошего качества.

шелка, 10 штук парчи „чоден“⁹⁴, 3 штуки ткани с китайским иероглифами, 2 штуки красной парчи с разнообразными рисунками, [и прочие ткани] во главе с 4 саженьями персидской⁹⁵ ткани с серебряными нитями, всего 150 штук тканей. Также он поднес одни четки с 108 жемчужными бусинами, [четки] с 800 жемчужинами, пару четок из 108 бусин из мелкого коралла, 4 сранга золота, серебряную маслобойку, сделанную из 1000 срангов серебра, 100 кирпичей чая „пу-джа“⁹⁶, 10 прекрасных кусков парчи с золотыми нитями, 5 шагреновых кож, 8 ковров, 5 шкурок выдры, один хвост выдры, 52 черные соболиные шкурки, 8 красных [соболиных шкурок], 4 больших и малых крашенных кожи и хадак со знаками благополучия. [Посланники] Чагдорджаба, Санджаба, Гунделека⁹⁷; монахи Пандиты-цордже Дамба-гелюнг и Габан-Рагна; посланник, совершающий добродетели ради Арабдана Гуру-Джалцан; посланники Мерген-цордже, Цаган-Ламы⁹⁸, хошутского Санджи-Арши⁹⁹ и прочие, всего около двадцати человек, отправляющиеся позже; посланник Аюки-хана Дампил лично представил письмо-прошение вместе с подношением и хадаком, а также [поднес] прекрасные [подарки]: золотые монеты, два украшенных

⁹⁴ Вид шелковой ткани с рисунком в виде лотосов.

⁹⁵ «Казал-бакши» (тиб. kha dzal bag shi) — ойратско-калмыцкое название персов. В словаре Дж. Р. Крюгера *xazalbaş* [Krueger 1982: 253]. Происходит от турецкого *кызылбаши* «красная голова». В источниках XVI–XVII вв. это слово обозначало всех подданных Кызылбашского государства независимо от их этнической принадлежности, т. е. азербайджанцев, персов, татар, армян и т. д. В турецком языке термин *кызылбаши* принял более узкое значение: так турки называли только персов [Волкова 1980: 209]. В книге Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» персидский шах назван Кэзыл-башским Шахом [Иакинф 1834: 162].

⁹⁶ Тибетское *sri ja*, приведенное в тексте, вероятно, соответствует китайскому сорту зеленого чая «маоцзянь» (кит. 毛尖; пиньинь *máojiān*).

⁹⁷ В тибетском тексте биографии, вероятно, ошибка. Имя Гунделека записано Унду-делек (тиб. un du bde legs).

⁹⁸ Цаган-Лама — четвертая жена Чагдорджаба. См. примеч. 82.

⁹⁹ Возможно, это внук Батур-тайджи, сын Санджи-Джаба. Батур-тайджи — один из братьев Цаган-Батура. См. примеч. 223 в книге: [Максимов 2016: 49].

драгоценностями венца в виде шлемов, персидские серьги¹⁰⁰, а также шкурки выдры. Впервые прибыли посланники Мали, ханского внука Цевана¹⁰¹, ханского сына Гунделека, владелицы Раши-Цо, Гелек-Намджала, Окунам¹⁰²-хошучи, Гунджаба, Эй-ету-каа и Цендена. В виде подарка за дарование грамоты [с титулом] «Аюка Дайчин-хан» и печати [они поднесли] большой хадак, красно-желтый шелк, пять штук пестрого „атласа из сокровищницы“¹⁰³ и прочего. Ради усопшей владелицы Эренцен¹⁰⁴ было совершено подношение хадака, пяти штук „атласа из сокровищницы“, пары прекрасных серег из коралла и жемчуга, золотого ожерелья, инкрустированного драгоценными камнями, ожерелья из семян гог-ланг-це с украшениями; ожерелье из ста жемчужин, от крупных, размером с семя конского боба, до мелких, величиной с горошину; нитки прекрасных кораллов, от крупных, размером с птичье яйцо, до мелких, величиной с сушеный абрикос; 6 крупных жемчужин, размером с китайский орех, 7 малых [жемчужин], 2 [жемчужины] без отверстий, золотого реликвария «гау», инкрустированного драгоценными камнями; 100 золотых монет; одного ямба серебра, весом в 50 лянов; двух шуб из черной лисицы; 4 сажень красной русской сукна прекрасного качества; 5 сажень бордового сукна; сандалового седла и трех наборов полной сбруи, состоящей из узды, подхвостника и нагрудника, украшенных чистым золотом, чепрака и прочего. <...> Всем прибывшим на прощальную аудиенцию были дарованы соот-

¹⁰⁰ «Хацам-баши» (тиб. ha tsam pa shi), по всей видимости, является искаженным «казал-бакши», упомянутым выше. См. примеч. 93.

¹⁰¹ Возможно, это сын Дасанга Чидан (тиб. tshe brtan).

¹⁰² В лхасском издании биографии Шестого Далай-ламы, опубликованном в Сиккиме, это имя Окунал (тиб. okhunal) [sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 335].

¹⁰³ «Атлас из сокровищницы» (кит. 库缎; пиньинь kù duàn) — желтый атлас с изображениями драконов [rgya bod tshing mdzod 1984c: 2340].

¹⁰⁴ Первая жена Аюки-хана Эрэнцэн, мать Чагдорджаба [Письменные памятники 2016: 44]. В примечании к «Истории калмыцких ханов» Ю. Лыткин называет первой женой Аюки-хана и матерью Чагдорджаба Ахалу [История калмыцких ханов 1969: 74].

ветствующие подарки¹⁰⁵ [*sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 805–807*].

Факт отправления Аюкой подарков в благодарность Шестому Далай-ламе, вероятно, обозначает, что его титул, хотя и данный первоначально Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы VI, позднее лично или в переписке был подтвержден Далай-ламой VI Цангьянг Гьяцо.

¹⁰⁵ khyu mchog ces pa lcags mo sbrul lo <...> tshes bcu dgu la da'i ching a yu Shi'i mi sna rgya mtsho dge slong gis gra tshang legs bshad gling par yon sbyar te zhabs brtan gyi rten 'byung bsgrigs thog/ 'bul ba kha btags bde chen ma che ba bcu gnyis/ bkras btags brgya dang brgyad/ sman rnying yug drug/ sman bar yug drug cu/ dar dmar yug nyi shu/ gos cod ldan yug bcu/ rgya yig ma yug gsum/ jus dmar yug gnyis/ kha dzal bag shi'i gos dngul can 'dom bzhis gtsos khyon gos yug brgya dang lnga bcu/ mu tig brgya dang brgyad yod kyi 'phreng ba gcig dang / brgyad brgya yod pa gcig/ byur chung gi 'phreng ba rdog brgya dang brgyad yod pa gnyis/ gser srang bzhi/ dngul mdong gcig the ba'i dngul srang stong phrag gcig/ spu ja sbag brgya/ rgya ser gyi snam bu legs pa bubs bcu/ sag ri lnga/ sa stan brgyad/ sram lpags lnga/ rnga sram gcig/ sbo har nag po lnga bcu nga gnyis dang / dmar po brgyad/ pags bse che chung bzhi/ bkra shis kha btags/ phyag rdor skyabs/ sangs rgyas skyabs/ un du [=gun] bde legs/ paN+Di ta chos rje'i gra pa bstan pa dge slong dang ngag dbang grags pa rab brtan gyi dge rtsa byed mi gu ru rgyal mtshan/ mar gan chos rje/ tshe dbang lha mo/ kho shod sangs rgyas bkra shis sogs kyi mi sna rjes thon nyi shu skor dang / a yu Shi rgyal po'i mi sna bstan 'phel gyi gdong du zhu yig rten kha btags/ gser TaM/ rmog gi mgo rgyan rin po che'i phra rgyan yod pa cha/ ha tsam pa shi'i sil snyan/ sram lpags bcas bzang ba/ ma li/ sku tsha tshe dbang / sras un du [=gun] bde legs/ dpon mo bkra shis mtsho/ dge legs rnam rgyal/ o khun al kho shor chi/ mgon skyabs/ e ye thu khA/ tshe brtan rnam kyi mi sna gsar 'byor/ a yu Shi da'i ching rgyal po'i cho lo dang tham ga gnang ba'i legs skyes su/ / kha btags che ba/ dar dmar skyer/ mdzod gos tshon khra sogs gos yug lnga/ dpon mo rin chen gyi bsngo rten du kha btags/ mdzod gos yug lnga/ byu ru mu tig gi sna rgyan legs pa cha/ gser gyi ske rgyan rin po che'i phra yod/ sgog lang tse'i phreng ba rgyan ldan/ mu tig che ba rgya sran nas chung ba sran ma tsam gyi bar brgya 'phreng / byu ru che legs bya sgong tsam nas kham skam tsam gyi bar yod pa'i shal pa/ mu tig che ba rgya star tsam drug/ chung ba bdun/ bug med gnyis/ gser gyi ga'u rin po che'i phra ldan/ gser gyi TaM ga brgya/ dngul lnga bcu ma gcig/ wa nag gi pags pa chu pa gnyis kyi nang / o ru su'i snam dmar dpus legs 'dom bzhi/ rgya tshos 'dom lnga/ tsan dan gyi sga/ gser ljang brdungs kyi srab rmad gong gsum/ yab gdan sogs cha 'grig gis gtsos sga 'khor gsum/ <...> thon mjal ba rnam la gang 'tsham gyi rdzong ba tsal/ [*sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989: 805–807*].

Японская исследовательница Юмико Ишихама также, цитируя «Ежемесячные отчеты» (кит. 月摺檔; пиньинь Yuè zhé dàng) на маньчжурском языке, хранящиеся в Первом историческом архиве (кит. 第一歷史檔案館; пиньинь Dì yī lìshǐ dǎng'àn guǎn), пишет: «...когда Саянг Джамсу (Далай-лама VI: тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho) был Далай-ламой, он даровал титул „Дайчинг Айоши-хан“ Айоши-хану“» [Ishihama 1992: 502].

Таким образом, можно уверенно утверждать, что ханский титул «Дайчин Аюка-хан» и печать Аюке-хану были даны Далай-ламой VI или с его согласия через Деси Сангье Гьяцо, который постоянно находился с ним на связи еще до прибытия Далай-ламы VI в Лхасу.

Письма, отложившиеся в НА РК, свидетельствуют о том, что после смерти хана Аюки исследуемая печать остается в руках его вдовы Дарма-Балы. Оттиск этой печати стоит на письме ханши Дарма-Балы, вдовы хана Аюки, полученном 27 декабря 1733 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 57. Л. 59 об.; Сусеева 2009: 95]; письме хана Аюки астраханскому боярину Михаилу Ильичу Чирикову от 10 июня 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 86; Сусеева 2009: 188]; письме хана Аюки астраханскому князю от 17 августа 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131; Сусеева 2009: 192]; письме хана Аюки астраханскому боярину М. И. Чирикову от 4 октября 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 127 об.; Сусеева 2009: 196]; двух письмах хана Аюки астраханскому князю от 11 декабря 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 200; Сусеева 2009: 203–204]; письме хана Аюки астраханскому князю от 11 января 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.; Сусеева 2009: 209]; письме ханши Дарма-Балы Ивану Ивановичу Бахметеву и Василию Пахомовичу Беклемишеву от 15 июля 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 759 об.; Сусеева 2009: 333]; письме ханши Дарма-Балы астраханскому губернатору от 6 мая 1731 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об.; Сусеева 2009: 375]; письме ханши Дарма-Балы астраханскому губернатору генералу И. Измайлову от 27 декабря 1733 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 57. Л. 59 об.; Сусеева 2009: 410]; письме ханши Дарма-Балы астраханскому бригадиру от 3 апреля 1736 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 99; Сусеева 2009: 453]; письме Дарма-Балы

и Галдан-Данжина астраханскому бригадиру от 17 июня 1736 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 168; Сусеева 2009: 476], а затем на письме Галдан-Данжина астраханскому бригадиру от 30 ноября 1736 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 76; Сусеева 2009: 494]. Галдан-Данжин, младший сын Аюки-хана и Дарма-Балы и брат Церен-Дондука, был убит Бодонгом в 1741 г. [Пальмов 1922: 48].

Таким образом, документы свидетельствуют, что после смерти хана его печать осталась у вдовы Дарма-Балы и активно ею использовалась. Доцент факультета гуманитарных наук Синьцзянского педагогического университета и Исследовательского центра литературы и истории западных регионов в Урумчи Батубаяр пишет, что эта печать была передана российскому правительству в 1758 г. [Batubayaer 2017b: 147]. Однако Батубаяр не указывает источник данной информации.

2.3.4. Печать сыновей Чагдорджаба — Данджин-Дорджи и Бату

Высокую степень сходства с третьей печатью Аюки-хана, имеет печать, использованная сыновьями Чагдорджаба Данджин-Дорджи и Бату (рис. 25).

Рис. 25. Печать Данджин-Дорджи

Старший сын Аюки-хана Чагдорджаб умер 19 февраля 1722 г. (за два года до смерти отца), оставив после себя сыновей: старшего Бату, рожденного от ногайской княжны Хандазы, не имевшего права на власть; четырех сыновей от первой законной супруги Джалы — Досанга, Баксадай-Дорджи, Нитар-Дорджи и Гунцук Джаба; восьмерых сыновей от третьей жены Габилы — Дондук-Даши, Бодонга, Солом-Добчин, Дорджи-Раши, Яндыка, Бусурмана; от четвертой Цаган-Ламы — Данджин-Дорджи, отца владельца Лаванга [Митиров 1998: 117].

После смерти Данджин-Дорджи, отца Лаванга, мать его по калмыцкому обычаю вышла замуж за сводного брата Данжин Доржи — владельца Бату, от которого родился Канчик [Митиров 2002: 26]. Из ее письма майору Ивану Алексеевичу Кишенскому, полученного 22 июля 1765 г. мы знаем имя жены Данджин-Дорджи и матери Лаванга — Перви (тиб. *phur bu*) [НА РК. Ф.36. Оп.1. Д. 373. Л. 276].

По доносу хана Дондук-Омбо в конце 1736 г. Бату со своими зайсангами и некоторыми братьями был арестован и отправлен в Астрахань. 2 января 1737 г. он был препровожден в секретную камеру, где с ним беседовал астраханский вице-губернатор Соймонов [Митиров 2002: 203].

В 1738 г. Галдан-Норбо, сын Дондук-Омбо, воспользовавшись тем, что в его распоряжении оказалось большое войско, поднял восстание против своего отца. Он потребовал раздела ханства. Многие нойоны не поддержали мятежника и отделились от главной армии. Бату с некоторыми нойонами стал уговаривать Галдан-Норбо помириться с отцом. В итоге почти все нойоны оставили Галдан-Норбо и ушли в свои улусы. При разбирательстве этого мятежа все нойоны и зайсанги свидетельствовали о том, что Бату-нойон принял сторону хана и радел только о примирении сторон. Но хан Дондук-Омбо, испугавшись открытого выступления сына против него и высокого авторитета Бату-нойона, обвинил Бату в неверности и выдал русскому правительству вместе с его сыном Тангутом (Тундатом). Они были арестованы и отправлены в Астрахань [Митиров 2002: 262].

Бату умер в Астрахани от оспы 2 декабря 1738 г., а его сын Тангут — на следующий день, 3 декабря того же года. Интересен тот

факт, что Бату не упоминается в тибетоязычной литературе, возможно, он никогда не отправлял своих посланников в Тибет, что может указывать на отсутствие у него интереса к буддийской вере, о чем свидетельствует и то, что он и сын были похоронены на татарском кладбище в Астрахани, возможно потому, что мать Бату-ной-она была ногойской княжной [Митиров 2002: 203].

Тангут имел сына Убаша, или Эмеген-Убаши, которому в момент, когда арестовали его отца и деда, было не более двадцати лет [Митиров 2002: 264]. В 1771 г. Эмеген-Убаши ушел в пределы цинской империи вместе с наместником Убаши. Во время правления императора Тэнгри Тэдкүгчи, или Цяньлуна, когда в 1771 г. он принял подданство, ему было пожаловано достоинство засаг Баярту («радостный») бэйсэ [Санчилов 2016: 104]. Эмеген-Убаши стал первым правителем знамени среднего крыла в достоинстве засаг Баярту. Вскоре после этого он умер.

У Эмегена-Убаши был сын Гюндю (Гунден)¹⁰⁶, а от него по нисходящей: Балдан-Раши, Менке-Насан, Гур-Джаб, Олзят-Токс, Гунга (Гунан)-Намджил, Минджур-Дорджи, Джимбе-Дорджи, Донгрупп. Из них Балдан-Раши получил звание бэйсэ, а Олзят-Токс и Минджур-Дорджи —звание бэйлэ; Джимбе-Дорджи был священнослужителем [Митиров 2002: 266].

Сын Эмегена-Убаши Гунден унаследовал титул отца. В 40-м году правления Цяньлуна (1775 г.) он был удостоен звания заместителя руководителя союза, ведающего делами знамени Южного округа среднего крыла, и награжден печатью засага. В сорок восьмом году правления Цяньлуна (1783 г.) императорским указом титул стал наследственным. В десятом году Даогуана (1830 г.) внук Гундена Менке-Насан получил титул *доло бэйлэ* (кит. 多罗贝勒; пиньинь *duō luó bèi lè*), а упомянутое знамя стало называться также «Знамя Бэйлэ». Оно состоит из двух сомонов [Dorji, Batubayar, Ljjei 2009: 36].

Оттиск печати, унаследованной по описанной линии, стоит на письмах Данджин-Дорджи, полученных 28 января 1732 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 53. Л. 57], 1 января 1732 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 53.

¹⁰⁶ В исторических источниках его имя иногда пишут бэйсэ Нундой или Гундой [Санчилов 2016: 105].

Л. 59], 16 января 1732 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 53. Л. 63], 13 августа 1732 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 53. Л. 138], 21 февраля 1733 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 53. Л. 12], а также на письме Бату к судье Черемисову, в русском переводе этого письма сказано, что оно было получено 13 декабря 1736 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 157]. Из этой хронологии мы видим, что первоначально данная печать принадлежала Данджин-Дорджи. Вероятно, после женитьбы на вдове Данжин-Дорджи печать перешла к его сводному брату Бату.

Размер данной печати 2,8х2,8 см. Оттиск сделан красными чернилами или краской. Сравнивая третью печать Аюки-хана и печать Данджин-Дорджи (рис. 26), мы видим их сходство.

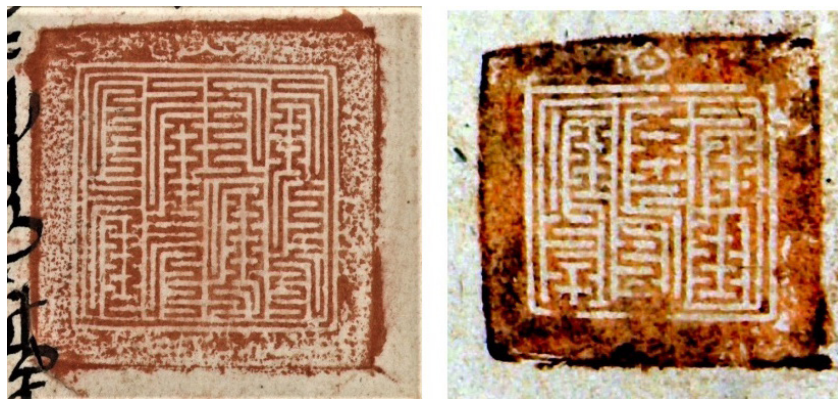

Рис. 26. Третья печать Аюки-хана и печать Данджин-Дорджи

Печать Аюки содержит четыре колонки, в то время как печать Данджин-Дорджи — три. Однако знаки на печати Данджин-Дорджи имеют такие же элементы в виде «хвостов», что и на третьей печати Аюки-хана.

Предположительно, печать Данжин-Дорджи ранее принадлежала Чагдорджабу. Оттиск этой печати стоит на письме Чагдорджаба астраханскому князю [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

Сходство формы и изображений на печатях Аюки и Данджин-Дорджи, сопоставимый период их появления позволяют предположить, что печать Данджин-Дорджи была получена им или Чагдорджабом из Тибета в то же время, что и печать Аюки.

Однако в Национальном архиве РК отложились только поздняя переписка Данджин-Дорджи, поэтому невозможно установить дату, когда данная печать впервые появилась на его посланиях.

Можно предположить, что печать Данджин-Дорджи, отошедшая к Бату, была передана тем своему сыну Тангуту и внуку Эмеген-Убаши. Письма первого не сохранились в НА РК, но на сохранившихся двух письмах Эмеген-Убаши, полученных 11 января 1766 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 20] и 4 января 1767 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 383. Л. 32], стоит печать Бату, ранее принадлежавшая Данджин-Дорджи. Вероятно, Эмеген-Убаши забрал эту печать с собой в 1771 г. во время откочевки в направлении Центральной Азии.

2.3.5. Печати Тендзин Даян-хана и Деси Сангье Гьяцо, имеющие сходство с третьей печатью Аюки-хана

Легенда на третьей печати Аюки-хана представляет собой то, что в книге Дитера Шу названо «имитацией квадратного письма» или «ложным квадратным письмом» (тиб. *hor yig brdzus ma*)¹⁰⁷ [Schuh 1981: 122]. Однако, хотя рисунок на печати и напоминает надпись квадратным письмом, созданным Пагба-ламой (1235–1280) в 1269 г., это более похоже на имитацию китайского письма чжуаньшу (кит. 篆書, пиньинь *zhuànshū*) или «иероглифы печати». Примером печати с надписью в виде имитации квадратного или китайского письма является одна из печатей ойратского правителя Тибета Тендзин Даян-хана (тиб. *bstan 'dzin dayan khan*), оттиск которой стоит на документе 1661 г. (рис. 27).

Тендзин Даян-хан являлся сыном ойратского (хошутского) Гуши-хана, завоевавшего Тибет и получившего титул царя Тибета, а затем передавшего бразды правления этой страной Далай-ламе V. Он являлся правителем Тибета с 1655 по 1668 г., в период Далай-ламы V.

¹⁰⁷ В то же время необходимо отметить, что в книге Д. Шу несколько печатей, на которых надпись выполнена китайским письмом чжуань или «иероглифами печати», названы «имитацией квадратного письма» (тиб. *hor yig brdzus ma*), а одна из печатей, написанная квадратным письмом, и вовсе опубликована в перевернутом виде [Schuh 2018: 111–436].

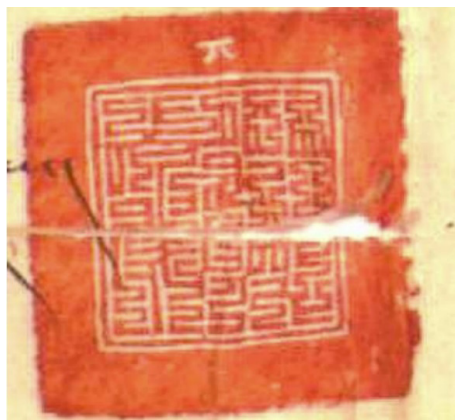

Рис. 27. Печать ойратского правителя Тибета Тендзин Даян-хана

Легенда на печати Тендзин Даян-хана также представляет собой так называемую «имитацию квадратного письма» [Schuh 1981: 125], но, скорее, является имитацией китайского письма. В верхней части печати стоит китайский иероглиф 兀 (кит. wù), видимо, обозначающий верх печати.

Другим примером печати с имитацией квадратного или китайского письма является печать регента Далай-ламы V Деси Сангье Гьяцо, оттиск которой стоит на документе 1679 г. (рис. 28) [Schuh 1981: 132].

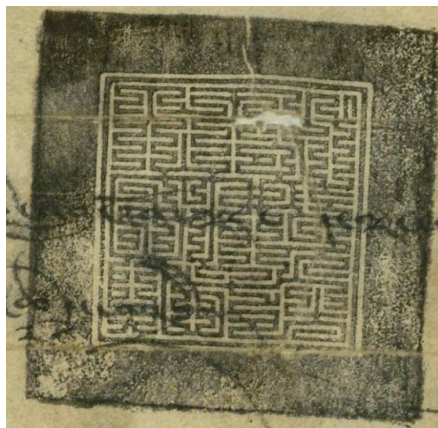

Рис. 28. Печать регента Пятого Далай-ламы Деси Сангье Гьяцо

Еще один пример имитации квадратного или китайского письма — другая печать регента Сангье Гьяцо, оттиск которой стоит на документе 1680 г. (рис. 29) [Schuh 1981: 133]. В третьей колонке слева стоит тибетская буква «а», поэтому эта печать называется «*a-dam*» или «*печать с „а“*». Эта буква «а» указывает на тибетское происхождение печати.

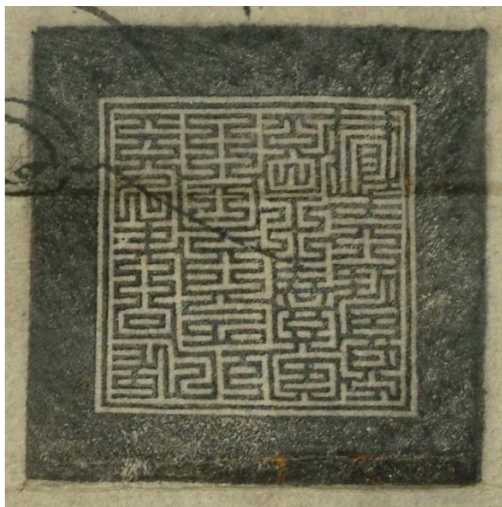

Рис. 29. Печать регента Сангье Гьяцо

Приведенные примеры использования ойратским правителем Тибета и высокопоставленным тибетским лицом (регентом) печатей, имеющих сходство с третьей печатью Аюки-хана, являются, во-первых, подтверждением факта получения данной печати калмыцкого правителя из Тибета, во-вторых, свидетельством высокого статуса лица, которому даровалась от имени Далай-ламы подобная печать.

2.4. ЧЕТВЕРТАЯ ПЕЧАТЬ АЮКИ-ХАНА

2.4.1. Печать Аюки-хана и ее наследование

Четвертая печать Аюки-хана (рис. 30), вероятно, также имеет тибетское происхождение, но ее источник не известен. Согласно данным готовящейся к публикации книги о письмах тайши / хана Аюки, полученным от канд. фил. наук Г. М. Ярмаркиной, Аюка-хан начал использовать данную печать с 1715 г. Так как нам недоступны сведения о происхождении этой печати, а также нет полной переписки Аюки-хана, позволяющей свидетельствовать о датах принятия в обиход его печатей, мы можем лишь предполагать их происхождение и хронологию появления, опираясь на косвенные данные.

Рис. 30. Четвертая печать хана Аюки

Четвертая печать хана Аюки оттиснута красной краской на его написанном на ойратском (старокалмыцком) «ясном письме» («тодо бичиг») письме, хранящемся в коллекции Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, да-

тированном мартом 1708 г. [Успенский, Яхонтова 2021: ил. 19]. Размер печати 3,1х3,1 см. Однако авторы статьи В. Л. Успенский и Н. С. Яхонтова предполагают, что русская дата в оригинале письма указана ошибочно и что его содержание относится к 1717 г. [Успенский, Яхонтова 2021: 272–273]. Даже если датировка этого письма 1708 годом неверна, маловероятно, что данная печать была привезена посольством Тулишэня, которое прибыло к Аюке-хану 2 июля 1714 г. [Мороз 2009: 34]. Причина заключается в том, что посольство Тулишэня не могло привезти от императора Сюань Е печать с легендой в виде имитации квадратного или китайского письма. Впервые Аюка-хан использует данную печать 21 марта 1715 г. на письме астраханскому обер-коменданту Михаилу Ильичу Чирикову. Четвертая печать вместе с третьей, «печатью с хвостами», использовалась Аюкой в переписке вплоть до его смерти в 1724 г. Она стоит на следующих письмах хана: письмо о получении ответа от Петра Великого [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 59об.; Сусеева 2009: 46]; письмо, датируемом октябрём 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 119; Сусеева 2009: 111]; письмах астраханскому боярину Михаилу Ильичу Чирикову от 1 марта 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 48; Сусеева 2009: 219], от 28 августа 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 84; Сусеева 2009: 226], от 12 декабря 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 111; Сусеева 2009: 229], от 16 февраля 1716 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 4. Л. 52; Сусеева 2009: 238], от 16 февраля 1717 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 7; Сусеева 2009: 243]; от 24 апреля 1717 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 34; Сусеева 2009: 257], от 17 февраля 1717 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 13; Сусеева 2009: 248]; от 6 июня 1717 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 42; Сусеева 2009: 261], от 7 января 1718 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Сусеева 2009: 264]; зарлигах о вручении писем астраханскому боярину М. И. Чирикову от 23 февраля 1719 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 57 об.; Сусеева 2009: 270], от 21 декабря 1719 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 70; Сусеева 2009: 275]; письме астраханскому князю от 21 октября 1715 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 119; Сусеева 2009: 233]; письме об отправке калмыцкого посольства в Бухару от 17 марта 1717 г.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 21 об.; Сусеева 2009: 252]; письме Ивану Васильевичу Кийкову от 21 июня 1722 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 12. Л. 94 об.; Сусеева 2009: 288]; письме астраханскому губернатору Артемию Петровичу Волынскому от 24 декабря 1722 г. (в перевернутом виде) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 71 об.; Сусеева 2009: 294]. Данная печать стоит также на письмах других лиц: письме ханши Дарма-Балы астраханскому губернатору А. И. Волынскому от 13 августа 1734 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 156 об.; Сусеева 2009: 309] и еще на одном из ее писем [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 415 об.; Сусеева 2009: 34]; письме наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука Василию Пахомовичу Беклемишеву от 10 июня 1726 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 321 об.; Сусеева 2009: 318]; письмах наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука Ивану Ивановичу Бахметеву и Василию Пахомовичу Беклемишеву от 7 марта 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 34. Л. 136 об.; Сусеева 2009: 322] и от 20 марта 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 48 об.; Сусеева 2009: 329]; письме Церен-Дондука астраханскому губернатору, датируемом не ранее августа и не позднее сентября 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 36. Л. 423; Сусеева 2009: 358]; письмах наместника Церен-Дондука Василию Пахомовичу Беклемишеву от 24 февраля 1731 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 24 об.; Сусеева 2009: 365], от 1 сентября 1731 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 149 об.; Сусеева 2009: 387], от 16 сентября 1731 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 179 об.; Сусеева 2009: 392], от 2 ноября 1731 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 828 об.; Сусеева 2009: 399]; письмах хана Церен-Дондука астраханскому губернатору генералу Ивану Измайлову от 26 ноября 1733 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 57. Л. 9 об.; Сусеева 2009: 403], от 26 ноября 1733 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 57. Л. 15 об.; Сусеева 2009: 407]; письмах ханши Дарма-Балы астраханскому губернатору Ивану Онуфриевичу Брылкину от 7 июня 1746 г. (печать стоит в перевернутом виде) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 195. Л. 74; Сусеева 2009: 708], от 4 мая 1747 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 195. Л. 172; Сусеева 2009: 712], от 4 июня 1747 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 195. Л. 210; Сусеева 2009: 716]. После смерти хана Аюки

в 1724 г. печать, как явствует из писем, перешла к Церен-Дондуку (ум. 1737) — следующему калмыцкому хану (годы правления 1724–1735), второму сыну и преемнику хана Аюки. Эта печать стоит на письме хана Церен-Дондука подполковнику Василию Пахомовичу Беклемишеву от 1 сентября 1731 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 149 об.; Сусеева 2009: 387]. Некоторое время после кончины Аюки в русском переводе писем встречается фраза, говорящая о том, что это печать бывшего хана Аюки, позднее его перестают упоминать. Вместе с Церен-Дондуком данную печать использовала и его мать, четвертая супруга Аюки, Дарма-Бала. По всей видимости, печать не была передана Дондук-Омбо — следующему калмыцкому хану (годы правления 1735–1741), сыну Гунджаба и внуку хана Аюки. Дондук-Омбо использовал две свои собственные печати, о которых будет сказано далее. После смерти Дондук-Омбо 21 марта 1741 г. следующим калмыцким ханом стал его двоюродный брат и соперник, младший сын Чагдорджаба и внук Аюки-хана — Дондук-Даши (ок. 1690 – 21 января 1761; годы правления 1741–1761). Однако печать, как мы видим из официальной переписки, не досталась и ему. Вместо нее, начиная с 1741 г., Дондук-Даши использовал печать, ранее принадлежавшую Чагдорджабу, с китайской легендой¹⁰⁸, причем встречаются оттиски печати в перевернутом виде. Позднее Дондук-Даши изготавливает для себя круглую печать, о которой также будет сказано далее. Дарма-Бала использовала анализируемую печать вплоть до 4 июня 1747 г., эта дата стоит на письме ханши астраханскому губернатору Ивану Онуфриевичу Брылкину [Сусеева 2009: 712]. Похоже, что с годами Дарма-Бала стала путать верх и низ печати, на последних письмах печать стоит в перевернутом виде. Дарма-Бала умерла 6 декабря 1759 г. Судьба печати после нее неизвестна.

Четвертая печать хана Аюки, как и третья, несет на себе легенду в виде «имитации квадратного письма» или, скорее, как уже было сказано выше, имитации китайского письма *чжуаньшу*. Отличие данной надписи заключается в том, что на ней отсутствуют

¹⁰⁸ Речь идет о другой печати, принадлежавшей Чагдорджабу, а не о печати Аюки-хана с монограммой Калачакры, впоследствии доставшейся Чагдорджабу.

длинные «хвосты», которыми заканчиваются символы на третьей печати.

За исключением первой, остальные три печати Аюки-хана имеют тибетское происхождение.

2.4.2. Печать Санджаба, имеющая сходство с четвертой печатью Аюки-хана

Среди писем, отложившихся в НА РК, есть и письма Санджаба, на которых стоит его печать (рис. 31). Размер печати 3,8х3,8 см. Интересно то, что данная печать Санджаба больше схожа с четвертой печатью Аюки, размер которой 3,1х3,1 см. Оттиски печати сделаны красными чернилами или красной краской.

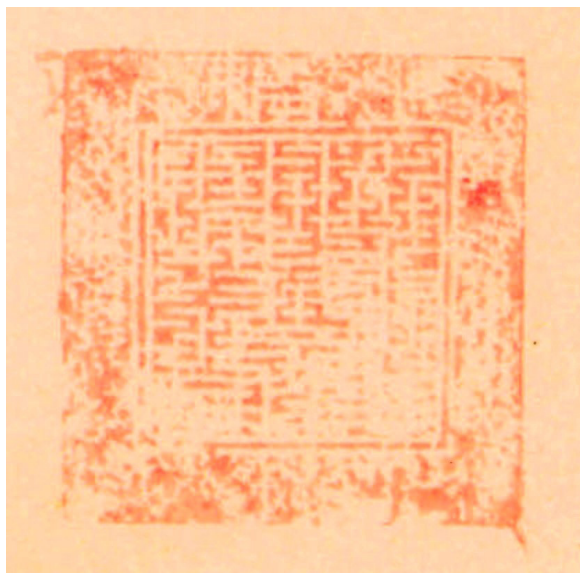

Рис. 31. Печать Санджаба

Сохранились три письма Санджаба с этой печатью, полученные 21 августа 1714 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 125], 6 января 1715 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 124] и 11 февраля 1719 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 124].

При сравнении четвертой печати Аюки и печати Санджаба заметно определенное сходство (рис. 32).

Рис. 32. Печать Аюки и печать Санджаба

Как уже было сказано выше, Аюка-хан начал использовать свою четвертую печать с 1715 г., а наиболее раннее использование печати Санджаба датируется 1714 г. Можно предположить, что эти печати были получены в одно и то же время и имеют тибетское происхождение.

2.4.3. Подделка печати Аюки

На письме ханши Дарма-Балы Василию Пахомовичу Беклемишеву¹⁰⁹, полученном 10 июля 1724 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 329], стоит не оттиск, а рисунок четвертой печати Аюки-хана. Для сравнения здесь помещен оттиск печати Аюки и подделка в виде рисунка (рис. 33). Размер подделки 3,4х3,4 см.

При сравнении оттиска оригинальной печати и подделки сразу заметно, что подделка представляет собой не оттиск печати, а рисунок, имитирующий оттиск печати. На рисунке заметно неравномерное распределение краски на линиях, сами линии неровные и грубые. Данная поддельная печать была нарисована на тексте письма, а не поставлена при помощи матрицы. Нам неизвестна причина, по которой Дарма-Бала использовала подделку, а не ори-

¹⁰⁹ Подполковник Василий Пахомович Беклемишев (1687–1744) занимал пост воеводы Саратова с 1727 г. (фактически с 1728 г.) по 1744 г. [Мезин 2012: 125–126].

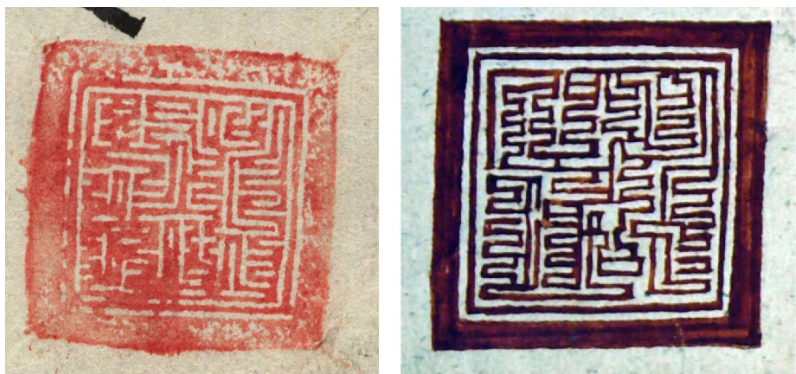

Рис. 33. Оттиск четвертой печати Аюки и ее подделка

гинал, которым она пользовалась в других письмах. Возможно, в момент написания письма оригинальная печать находилась где-то в другом месте. Содержание письма не повествует о чем-то исключительном, что могло бы принести выгоду тому, кто нарисовал поддельную печать, в случае если письмо не было отправлено самой ханшей Дарма-Балой.

Выводы по главе 2

Хан Аюка известен в истории Калмыкии как правитель Калмыцкого ханства периода его расцвета, когда осуществлялись активные связи с внешним миром. Согласно тибетским источникам летописного характера — биографиям Далай-лам и Панчен-лам, Аюка-хан в общей сложности отправил в Тибет за период 1675–1716 гг. семь посольств: посольства 1675 г., 1680–1682 гг., 1683–1684 гг., 1696–1697 гг., 1700–1701 гг., 1707 г., 1715–1716 гг.

Лично Аюка-хан не смог посетить Тибет, и данные о его посещении этой страны в 1682 г., встречающиеся в историографии, основываются на неточном английском переводе тибетского текста.

В биографии Далай-ламы V Аюка еще не именуется «ханом», а в биографии Далай-ламы VI, написанной Деси Сангье Гьяцо, упоминается титул калмыцкого правителя — Дайчин Аюка-хан.

К настоящему времени известны четыре печати, использовавшиеся Аюкой в разные периоды его правления. Первая из них от-

личается от трех последующих, которые имеют тибетское происхождение.

Оттиск первой печати Аюки стоит на шерти в 1684 г., он сделан красной тушью. Печать квадратной формы, внутри помещена легенда на санскрите, записанная письмом ланджа, состоящая из двух слов, вырезанных на штемпеле в две строки — по одному слову в каждой. Правильное написание текста: *Āyuṣarāja*, что можно перевести как *Аюка-хан*.

Таким образом, ко времени подписания шерти 1684 г. Аюка консолидировал власть и именовал себя верховным правителем всех калмыков, используя ханский титул, хотя еще не получил знаки инвеституры.

Известны другие печати калмыцкой знати на санскрите, среди которых печать дербетского тайши Четера (известный нам оттиск ее выполнен черной тушью), зятя Аюки, с благопожеланием на санскрите, и печать нойона Цебек-Дорджи — внука Дондук-Омбо от его старшего сына Галдан-Норбо. Надпись на второй печати — имитация легенды с печати Четера. Но в отличие от нее оттиск печати Цебек-Дорджи, претендовавшего на власть и позиционировавшего себя равным верховному правителю ханства, сделан красной тушью. Обе печати, вероятно, были изготовлены в Калмыцком ханстве.

Печати, подобные первой печати Аюки, использовались также тибетскими, ладакскими, монгольскими правителями. Среди них малая печать монгольского Эринчин Лубсан-тайджи, печать принца Ладакха Цеванг Намгьяла, печать Гьюрме Цетен Гьяцо и печать десятого правителя из династии Пхагмо-дру Деси Нгаванг Траши Драгпа Гьялцена.

Вторая печать Аюки-хана использовалась им с 1685 г. по 1699 г. Она имеет легенду в виде монограммы Калачакры.

У калмыцкой знати встречались печати, подобные второй печати Аюки. Так, печать внука Аюки-хана, нойона Яндыка (сына Чаг-дорджаба) похожа на нее, но несколько отличается. В исследовании сделан вывод, что печать нойона Яндыка являлась имитацией печати Панчен-лам, что свидетельствует о претензиях на высокое

социальное положение представителей высшей знати Калмыцкого ханства.

Вторая печать с монограммой Калачакры была передана старшему сыну и наследнику Чагдорджабу, а после его ранней кончины наследовалась его потомками и членами их семьи: последовательно печать Дасангом, Баксадаем-Дорджи и др. После смерти П. Тайшина (до крещения Баксадай-Дорджи) и затем его супруги А. Тайшиной печать находилась у П. Торгутского, внучатого племянника Петра Тайшина, которого они собирались усыновить, а после кончины последнего дом А. Тайшиной унаследовал ее родной брат Чидан (Никита Дербетев), после которого последний хранитель носил ту же фамилию. Впоследствии на эту печать претендовал брат Дасанга Дондук-Даши, но печать была передана российским властям.

Вторая печать была получена не лично от Далай-ламы V, а от его имени, так как посольство Аюки 1683–1684 гг. не могло встречаться с ним, ибо верховный буддийский иерарх скончался в 1682 г. и его смерть скрывали до 1697 г. Поэтому в работе сделан вывод о том, что печать была дарована посольству регентом Сангье Гьяцо. Подозрения о смерти Далай-ламы появились еще до официального раскрытия секрета, Аюка же желал получить титул и печать от самого Далай-ламы, поэтому после получения новой печати передал печать с монограммой Калачакры старшему сыну Чагдорджабу как наследнику.

Не установлено, какой титул мог получить Аюка от регента Сангье Гьяцо, поскольку в тибетских источниках в хрониках соответствующего периода он упоминается лишь с определением его этнической принадлежности: «торгут Аюка».

Третья печать Аюки-хана появляется на его документах с 1699 г., она была дарована калмыцкому правителю от имени Далай-ламы VI в 1697 г. Эта печать была дана вместе с титулом «Дайчин Аюка-хан» самим Далай-ламой VI или от его имени Деси Сангье Гьяцо, если сам Далай-лама еще не прибыл в Лхасу. Рисунок на этой печати сходен с имитацией квадратного письма Пагба-ламы, но, скорее, его можно признать имитацией *чжуаньшу* — китайского письма «иероглифов печати».

Тибетский источник свидетельствует о том, что после раскрытия тайны о смерти Далай-ламы V и нахождения его нового воплощения, т. е. Далай-ламы VI, к правителям, имевшим тесные связи с Тибетом, были направлены специальные посланники. Среди этих правителей наряду с цинским императором, джунгарским Галданом Бошокту-ханом и другими был и Аюка-хан, к которому отправили Гоманг-рабджамбу Даргье Гьяцо. Посольство Аюки-хана 1700–1701 г. доставило Далай-ламе VI дары в благодарность за дарованный титул и печать.

После кончины хана Аюки третью печать использовала его вдова Дарма-Бала. Информация, имеющаяся в историографии о том, что печать была передана российскому правительству в 1758 г., не подтверждена ссылками на источники.

Высокий статус третьей печати Аюки-хана подтверждается тем, что в тибетской традиции большое сходство с ней имеют печати Тендзин Даян-хана — сына Гуши-хана, передавшего после завоевания Тибета бразды правления страной Далай-ламе V, и печать Деси Сангье Гьяцо.

Четвертая печать хана Аюки использовалась им с 1715 г., ее происхождение неизвестно. Как и третья печать, она имеет легенду в виде имитации китайского письма *чжуаньшу* или квадратного письма Пагба-ламы. Возможно, она была привезена из Тибета, как и печать сына Аюки Санджаба. Эта печать также использовалась вдовой Аюки-хана Дарма-Балой.

ГЛАВА 3. ПЕЧАТЬ ХАНА ЦЕРЕН-ДОНДУКА И ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ НА «КВАДРАТНОМ ПИСЬМЕ»

3.1. ПЕЧАТЬ ХАНА ЦЕРЕН-ДОНДУКА

После Аюки следующим ханом, получившим титул от Далай-ламы, являлся Церен-Дондук¹¹⁰ (около 1701–1737). Он получил титул «Дайчин-Шаса-Бюджа-хан» и ханскую печать от Далай-ламы VII Келсанг Гьяцо. Печать и другие дары были торжественно переданы ему Намки-геленом 10 сентября 1735 г. [Чонов 1912: 17]. Последующие попытки калмыцких правителей получить ханский титул от Далай-лам были безуспешны, несмотря на то, что посольству Дондук-Даши все же удалось посетить Далай-ламу VII в 1757 г. [Митруев 2022с: 47].

Церен-Дондук — единственный хан в калмыцкой истории, который был признан легитимным правителем тремя властями: российским императором, верховным правителем Тибета и цинским императором. В 1724 г., после смерти Аюки-хана, он был назначен наместником Калмыцкого ханства, затем в 1731 г. (в это время ожидалось посольство от богдыхана), провозглашен императрицей Анной Иоанновной ханом. Далай-лама VII также в 1731 г. даровал ему ханский титул, одобренный в 1732 г. цинским императором, но врученный только в 1735 г.

3.1.1. Посольство Церен-Дондука к Далай-ламе

В биографии Далай-ламы VII представлены сведения о пребывании посольства Церен-Дондука в Тибете. Хотя в ней не называется титул, дарованный Церен-Дондуку, тем не менее в ней повествуется о том, что Далай-лама даровал некий титул «торгутскому хану», и нет никаких сомнений, что речь идет о Церен-Дондуке и именно это посольство доставило документ с титулом и печать Церен-Дондуку.

¹¹⁰ Имя Церен-Дондук в некоторых источниках записано как Черен-Дундук или Черен-Дондук.

13 октября 1728 г. посланцы наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука и буддийского лидера Шакур-ламы¹¹¹ представили ко двору Петра II письма, в которых Церен-Дондук и Шакур-лама просили дать им разрешение отправиться в Тибет лично. Свою просьбу Церен-Дондук мотивировал желанием осуществить неисполненное намерение отца, умершего хана Аюки, при этом он утверждал, что якобы Аюке-хану в свое время было дано разрешение на поездку в Тибет, но он не смог им воспользоваться. В свою свиту наместник желал взять 100 человек. Однако, не надеясь на успех своей просьбы о поездке, он ходатайствовал разрешить хотя бы «*только посланцов туда послать*». В указе от 20 декабря 1728 г. в ответ на свою просьбу о разрешении поездки наместник Церен-Дондук получил отказ, такой же ответ был и на просьбу Шакур-ламы [Пальмов 1926: 76]. Прибывший в Саратов к И. И. Бахметьеву и В. П. Беклемишеву с письмами от Церен-Дондука, Дарма-Балы и Шакур-ламы посланник Алдар Омбо докладывал, что ханша Дарма-Бала, наместник и Шакур-лама отправляют посольство в Тибет, чтобы отвезти пепел бывшего калмыцкого хана Аюки, а также для поминовения ханского младшего сына Галдан-Церена [Пальмов 1926: 77].

23 октября Шакур-лама прислал И. И. Бахметьеву и В. П. Беклемишеву список послов к Далай-ламе:

От Дарма-Балы ехал Намки-гелень с товарищами, 12 человек; от Церен-Дондука — Батур-Омбо и Дорджи-гецюль с товарищами, 9 человек; от Шакур-ламы — Болдан-Габиу с товарищами, 11 человек; от брата наместника, Галдан-Данжисина, — Лори с товарищами, 4 человека [Пальмов 1926: 78].

Среди калмыцких писем в НА РК сохранилось письмо Дарма-Балы и Церен-Дондука [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 1024. 14 сентября 1729 года], где также перечисляются посланники, отправляемые в Тибет:

Посланник Дармы Балы — Намка-гелюнг с двенадцатью сопровождающими. Посланник Галдан Данжисина — Лорой с четырьмя сопровождающими. Посланники Церен-Дондука — Батур Омбу

¹¹¹ Шакур-лама умер в 1736 г. в Петербурге [Пальмов 1926: 198].

и Дархан-гецюл с десятью сопровождающими. Посланник Шакур-ламы — Балдан-габчу с десятью сопровождающими. Это число людей, отправляющихся в Тибет [Сусеева 2003: 37].

Также от Доржи Назарова было разрешено отправить 4–5 человек во главе с Шараб-Данджином. В. М. Бакунин дополняет этот список:

От Дасанга — Лоузанг Норбу Гелен; от Дондук Даши — Иши Цой Гелен [Бакунин 1995: 66].

Дасанг уже не увидел возвращения данного посольства, так как умер в 1730 г. [Пальмов 1926: 219]. В конечном итоге число всех посланцев было определено в 41 человек [Пальмов 1926: 79]. Посольство отправилось в путь из Саратова в декабре 1729 г.

В приведенном ниже отрывке из биографии Далай-ламы VII подношения, привезенные этим посольством, кратко описаны словами «множество диковинных вещей», однако в работе Н. Н. Пальмова можно ознакомиться с полным списком вещей, взятых посланцами с собой в дорогу, большая часть которых, вероятно, представляла собой подарки для Далай-ламы и богдыхана [Пальмов 1926: 79].

Посольство было приглашено в Пекин цинской администрацией, где провело два месяца. Посланники, получив по сто лан серебра и другие щедрые дары от богдыхана, а также продовольствие за счет китайской казны во время нахождения в Пекине, затем отправились по Дорцяндоевой дороге.

В 1731 г. торгутское посольство встретилось с Далай-ламой VII в Лхасе. Посланники обратились к нему с просьбой провести молебен для усопшего в 1724 г. Аюки-хана и прочих:

[В конце] года Железа-Свиньи (1731 г. — Б. М.) прибыл Намка-гелюнг и прочие важные посланники, совершающие добродетели ради усопшего торгутского Аюки-хана. Они поднесли жемчуг, удивительные драгоценности и прочее, а также русскую парчу и множество диковинных вещей ради Аюки-хана и прочих усопших знатных людей той земли. В соответствии с их просьбой [Далай-лама] совершил посвящение заслуг ради усопших, а также провел ритуал очищения написанных на бумаге имен покой-

ных, тем самым установив их на высшем благом пути рождения в высших сферах и совершенного блага¹¹². По просьбе торгутских посланников¹¹³ [Далай-лама] написал молитву о долгой жизни для самого Владыки (т. е. свою собственную молитву долгой жизни — Б. М.)¹¹⁴ [lcang skya 2010a: 253–254].

Также известно, что в ходе этого визита посланник Церен-Дондука Намка-гелюнг получил от Далай-ламы чин «Ланско унзен Дархан лансу» [Курапов 2018: 171]. Мы считаем, что в данном прочтении русского текста документа (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 18. Л. 163 об.) название чина должно читаться «дархан нангсо», что, свою очередь, представляет собой тибетский титул *dar han nang so*. В «Большом толковом словаре тибетского языка Дунгкара» титул «нангсо» (тиб. nang so) объясняется так: чин, подобный современному помощнику или секретарю, заботящемуся о гостях [dung dkar 2002: 1204]. Согласно другому источнику, тибетский термин «нангсо» (кит. 昂琐; пиньинь ang suo) первоначально относился к людям, ведущим разведку или патрулирующим границы (буквально «внутренний шпион»). Однако постепенно слово «нангсо» приобрело новое значение и стало относиться к чиновникам, управляющим как военными, так и гражданскими людьми. Подобно «тысяцкому» (тиб. khri dpon; кит. 千户; пиньинь qiānhù) и «сотнику» (тиб. gya dpon; кит. 百户; пиньинь bǎihù), «нангсо» являлся официальным титулом, но он указывал на более могущественное положение, поскольку такие лидеры были наделены как

¹¹² Совершенное благо (тиб. nges legs; санскр. niḥśreyasa) — под этим термином подразумевается состояние освобождения, или нирвана, и состояние будды.

¹¹³ Здесь *elci* (ойр. elci) — ойратское слово, имеющее значение «посланник» [Krueger 1978: 71].

¹¹⁴ Icags mo phag <...> 'di skabs thor god A yu She rgyal po dus chos su gyur pa'i dge rtsa sgrub mi nam mkha' dge slong sogs mi sna gtos che ba 'byor/ A yu She rgyal po sogs phyogs de'i mi chen 'das pa rnams kyi don du mu tig dang rin po che ngo mtshar ba sogs dang/ rgya ser gyi gos dar dang dpyad [=spyad] pa ya mtshan pa'i 'bul ba mang du phul te gsol ba btab pa ltar ljags bsngo dang / gshin po de dag gi ming byang la sbyang chog sogs mdzad de mtho ris dang thar pa'i lam bzang mchog la 'god par mdzad/ thor god kyi el chi rnams kyis bskul ngor rje nyid kyi zhabs brtan smon tshig bka' rtsoms gngang/ [lcang skya 2010a: 253–254].

военной, так и религиозной властью. В Цинхае этот официальный титул появился во времена династии Юань, «нангсо» играл роль управляющего крупного ламы-воплощенца. Но во времена династии Мин «нангсо» являлся религиозным и светским лидером [Tsehuajia дата публ. неизв.], а «дархан» — свободным от податей, повинностей и не подлежавшем телесным наказаниям лицом [БАМРС 2001b: 400].

Эти титулы часто давались Далай-ламой. Так, в биографии Далай-ламы VII упоминается дархан-нангсо Нгаванг (тиб. dar han nang so ngag dbang) [lcang skya 2010b: 383]. Вероятно, Намка-гелюнг был дан титул дархан-нагсо, как наиболее соответствующий его должности и обязанностям.

В 1732 г. Далай-ламе VII прибыло послание от цинского императора Юнчжэна (1678–1735) с одобрением решения даровать титул торгутскому хану Церен-Дондуку:

В год Воды-Мыши (1732 г. — Б. М.) <...> в течение четырех месяцев [Далай-лама] пребывал в строгом ретрите, усердствуя в йоге двух стадий¹¹⁵ Шри Гухьясамаджи. <...> [Далай-лама] выполнил огненное подношение [Гухьясамаджи], приурочив его к пятнадцатому числу [четвертого тибетского] месяца чайтра (тиб. sa ga zla ba; санскр. caitra). Как только он вышел из ретрита, прибыло послание от великого императора [Юнчжэна], который был встречен процессией монахов обоих монастырей. [Далай-лама,] с великим почтением приняв указ в своей резиденции, даровал аудиенцию знатым и прочим, а также простолюдинам-прислужникам. Так как это послание содержало одобрительный ответ относительно доклада о прошлогоднем решении [Далай-ламы даровать] титул торгутского хана [Церен-Дондуку], этот указ был крайне благоприятным¹¹⁶ [lcang skya 2010a: 255].

¹¹⁵ Две стадии (тиб. rim gnyis) — стадия зарождения и завершения буддийской тантрической практики.

¹¹⁶ chu pho byi ba <...> de nas zla ba bzhi'i ring sku mtshams dam par bcad de dpal gsang ba 'dus pa'i rim gnyis kyi rnal 'byor la brtson par mdzad <...> sa ga zla ba'i tshes bco lnga dang bstun kha skong gi sbyin sreg gnam / sku mtshams grol 'phral gong ma chen po'i gser yig phebspar grwa tshang gnyis kyi ser sbrengs kyis bsus shing gzims chung du bkur gzos chen pos bzhes te mi drag sogs dang zhabs phyi byings la'ang mjal kha gnam / gser yig 'di

В данном отрывке говорится о даровании Далай-ламой титула «Шаса-Бюджа-хан» Церен-Дондуку. Китайский исследователь Чжао Линхчжи пишет, что в восьмом году правления Юнчжэна (1731 г.) торгутский тайши Церен-Дондук отправил в Тибет посольство. Он получил титул «Дайчин Шасана-буджа-хан» (кит. 岱青沙萨拿布咱汗; пиньинь Dàiqīng shāsàná bùzán hàn) от Далай-ламы, а на девятом году правления Юнчжэна (1732 г.) династия Цин одобрила получение им титула и печати от Далай-ламы [Zhào Lìngzhì 2021: 100].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Далай-лама VII даровал Церен-Дондуку титул «Шаса-Бюджа-хан» в 1731 г.

Посольство Церен-Дондука посетило Пятого Панчен-ламу Лобсанг Еше:

Двадцать [восьмого] числа (четвертого) месяца Чайтра (тиб. sa gas nya ba'i zla ba; санскр. vaiśākha) года Воды-Мыши (1732 г. — Б. М.) из северной торгутской страны прибыли Намка-гелюнг и прочие посланники-владельцы с прислужниками, которые получили разрешение от великого императора [Юнчжэна] отправиться в Тибет, чтобы совершить накопление заслуг ради упокоившегося Аюки-хана и здравствующей ханши Дарма-Балы и прочих. Вместе с джаргучи¹¹⁷ из Палаты [внешних сношений]¹¹⁸ [посланники] прибыли в Лхасу, где им сразу по прибытии милостиво была дарована аудиенция и благословение дланью. [Панчен-лама,] устроив угощение чаем для знатных людей, подробно и пространно побеседовал с ними о вопросах двух традиций (светской и религиозной). Лишь только они, [посланники], узрели лик [Панчен-ламы], как во-

lo sngon ma thor god rgyal po'i cho lo'i skor la zhu yig phul bar thugs thag bcaad pa ltar legs so'i bka' lan yin 'dug pa phebs sgo shin tu bzang [lcang skya 2010a: 255].

¹¹⁷ Джаргучи — судебный инспектор по китайским делам в Монголии и Тибете при династии Цин.

¹¹⁸ Здесь для обозначения Палаты внешних сношений или Лифаньюаня (маньчж. Tulergi golo be darasa jurgan; кит. 理藩院, пиньинь Lǐfānyuàn) использовано тибетское слово *rjor khang*, являющееся заимствованным из маньчжурского языка словом *jurgan*, «палата, министерство», китайским эквивалентом которого является *ямэнь* (кит. 衙门; пиньинь yámen).

лоски на теле встали дыбом от веры, и они с жаром обратились к [Панчен-ламе] с просьбой о совершенно добродетельном покровительстве в этой и следующих [жизнях]¹¹⁹ [dpal ldan ye shes 2014b: 258].

Это же посольство снова встретилося с Панчен-ламой в следующем месяце. Интересно, что в приводимом отрывке из тибетского источника Аюка-хан назван «Царь дхармы», а Церен-Дондук — последовательно «держателем трона» (т. е. наместником) и ханом:

Тринадцатого числа <...> седьмого тибетского месяца <...> года Воды-Мыши (1732 г. — Б. М.) [Панчен-лама] даровал благословение дланью прибывшим торгутам и проводникам, представителям Палаты [внешних сношений]. В течение одного чаепития [Панчен-лама] почтил их своим присутствием. [Панчен-лама передал] торгутским посланникам приветствия для торгутского правителя Церен-Дондука и подобных владельцев, а также подробно и пространно расспросил посланников о прелестях и трудностях пути и прочем. Он подробно и пространно расспросил прибывшего из Палаты [внешних сношений] джаргучи Синфу¹²⁰ и бичачи¹²¹. В это время торгуты прислали просьбы о молитвах для множества усопших, таких как упокоившийся Владыка дхармы Аюка-хан. Наместник¹²² Церен-Дондук, ханша Аюки Дарма-Бала¹²³

¹¹⁹ chu byi lo <...> sa gas nya ba'i zla ba'i <...> tshes brgyad la byang phyogs thor khod kyi yul gru nas rgyal po A yu She zhi bar gshegs pa'i dgongs rdzogs dang / kha thon d+ha rmA pA la sogs tshe dang ldan pa rnam kyi tshogs gsog bgyid par nam mkha' dge slong sogs el chingo g.yog gong ma chen por dgongs zhus kyi bod du 'ongs pa rnam dang / rjor khang gi rjar kho chi dang bcas pa rnam lha sar 'byor pa'i bang phyin 'byor pa ltar mjal phyag bka' drin gyis bskyangs shing / mi ngo rnam la ja gral gyi bdag rkyen dang / lugs gnyis kyi bka' 'dri zhib rgyas su tsal/ khong rnam kyang zhal mthong ba tsam gyis dad pa'i spu long cher g.yos te 'di phyi kun tu dge ba'i skyabs 'jug nan tan zhus/ [dpal ldan ye shes 2014b: 258].

¹²⁰ Выше это имя было написано *shing bu*. Возможно, это китайское имя Синфу (тиб. shing phu; кит. 幸福; пиньинь xìngfú).

¹²¹ Бичачи — писарь, чин при династии Цин.

¹²² Здесь Церен-Дондук буквально назван «держателем трона», что, вероятно, является эквивалентом слова «наместник».

¹²³ Здесь использован тибетский перевод имени Дарма-Балы (санскр. Dharmapāla), *chos skyong*, «хранитель дхармы», однако правильно фор-

и прочие многочисленные благородные и простолюдины прислали как подношение морские драгоценности, происходящие из стран Кандара-пачи¹²⁴, Германии, Турции¹²⁵, Хундур-пачи¹²⁶, Таджикского хана и прочих шелка и шерстяные ткани, ожерелья, карманные часы, толы¹²⁷ золота и серебра, рога животных и прочие превосходные и пышные [вещи]. Они от всего сердца обратились к [Панчен-ламе] за духовной защитой, в свою очередь высший Владыка-учитель (т. е. Панчен-лама — Б. М.), милостиво обратив свой взор на благодетелей, которые, не заботясь о своих жизнях и телах, прибыли с берегов великого северного моря в регион У-Цанга, дабы совершить добродетели, совершил посвящение заслуг и совершенно даровал духовную защиту, чтобы освободить всех усопших из несчастливых уделов и вести их по пути к высшим рождениям и совершенному благу¹²⁸. [Панчен-лама] совершенно всеохватываяще направил свой ум, дабы здравствующие обрели долголетие, и их помыслы сбывались согласно дхарме; он милостиво дал ответы на каждое письменное послание, а также даровал [желаемое] всем просившим о гадании, совете о личной практике, официальной грамоте, разрешении на проезд и прочем. [Панчен-лама] совершенно направил свой ум на посвящение заслуг, накопленных торгутами посредством более чем сотни подношений чая океану [монашеского] собрания и щедрого прекрасного подаяния [монахам], ради достижения полного пробуждения.

Семнадцатого числа [Панчен-лама] даровал обеты послушника посланнику великого торгутского хана [Церен-Дондука] владельцу Батур-[Омбо]¹²⁹, посланнику монастыря Шараб Дамбе и

мой этого имени в женском роде должно быть *Dharmapālīnī*.

¹²⁴ Возможно, это искаженное написание Искандар-паша.

¹²⁵ Вероятно, здесь тибетское слово *thog rit* имеет то же значение, что и *rit*, и обозначает Турцию и Османскую империю.

¹²⁶ Возможно, «пачи» — искаженное написание слова «паша».

¹²⁷ Тола — единица веса в Индии и Непале (11,7 г).

¹²⁸ См. примеч. 112.

¹²⁹ В. М. Бакунин пишет о нем: «А после того бывший у Далай-ламы ханский посланец Батур Омбо, который тамо из гецулей пожалован в гелен, ехал» [Бакунин 1995: 142]. Батур Омбо участвовал в церемонии возведения на трон Церен-Дондука. В. М. Бакунин ошибочно пишет, что

прочим двадцати шести тибетцам и монголам, а затем [Панчен-лама] даровал полные монашеские обеты владельцу Батуру и прочим десяти торгутским посланникам и подданным, [в общей сложности] пятидесяти шести тибетцам и монголам.

Двадцать восьмого числа [Панчен-лама] даровал джаргучи Синфу, бичачи, дворянам и подданным посвящение долгой жизни вместе с прощальными подарками.

В день новолуния (т. е. тридцатого числа по тибетскому календарю — Б. М.) [Панчен-лама] даровал разрешение объединенных Амитаюса и Хаягривы и устную передачу на «[Восхваление двадцати одной] Тары» и «[Сердечную сутру] Праджняпарамиты». Во время [дарования] прощальных подарков [Панчен-лама] дал каждому великолепные подарки и прочее, в общем, удовлетворив их материальными вещами и дхармой.

В это время торгуты обратились [со следующими словами]: «Вообще, настоящее время — время упадка, в особенности же в нынешнее время Далай-лама [VII Келсанг Гьяцо] из-за смуты в У-Цанге пребывает в местности¹³⁰, где он не может приносить пользу существам ни в Китае, ни в Тибете, кроме того, сам Лама-владыка (Панчен-лама.— Б. М.) также находится в преклонном возрасте, поэтому мы не можем найти покоя. Поэтому мы просим вас, не утаивая и не скрывая, дать нам указание, как оказать помощь в этом отношении. Каким образом необходимо обратиться за советом к великому [цинскому] императору [Юнчжэну] ради того, чтобы Далай-лама прибыл в регион У-Цанга. До тех пор, пока не будут даны определенные указания относительно этих [вопросов], мы не вернемся [на родину]».

[Панчен-лама] дал следующее строгое указание: «Вам нет необходимости даже в малейшей степени беспокоиться об этих вещах, более того, так как декреты великого [цинского] императора в высшей мере действенны и внушающие почтение, весь

он получил обеты гелюнга от Далай-ламы, но на самом деле Батур Омбо получил обеты от Панчен-ламы V Лобсанг Еше.

¹³⁰ Из-за политических событий в Тибете Далай-лама вынужден был отправиться в монастырь Гартар (тиб. *mgar thar*) в Кхаме и находиться там с 1729 г. по 1735 г.

регион У-Цанга ныне пребывает в спокойствии, Владыка Победоносных великий Всевидящий (Далай-лама — Б. М.) также был приглашен в местечко Гартар. Так как в течение некоторого времени в прошлом году возникло беспокойство из-за волнений в У-Цанге, [император] проявляет о нем особую заботу. Более того, умиротворив провинцию У-Цанг, [император] имеет особое намерение пригласить [Далай-ламу], поэтому лучше оставить [ситуацию], как она есть. Поэтому в любых подобных предприятиях необходимы большая твердость, постоянное почитание учения Будды, а в особенности желтошапочного учения¹³¹, ведение военных действий против противника лишь в случае, если невозможно избежать нападения, усердие в отвержении отнятия жизни никому не принадлежащих диких животных, принятие однодневных обетов в полнолуние, новолуние, растущую луну (т. е. восьмое число по лунному календарю) и т. д. ».

Они [посланники] с большим почтением приняли [указания Панчен-ламы], и, будучи не в силах расстаться с Владыкой-ламой (т. е. Панчен-ламой), роняя слезы, ушли¹³² [dpal ldan ye shes 2014b: 262–264].

¹³¹ Желтошапочное учение (тиб. zhwa ser gyi bstan pa) — учение тибетской традиции гелуг, основателем которой является Лама Цонкапа.

¹³² chu byi lo <...> zla ba bdun pa'i <...> tshes bcu gsum la thor khod rnams dang sne shan rjor khang gi sku tshab dang bcas pa 'byor pa la phyag dbang dang / gsol ja gcig gi ring bzhugs gral bcas gnam zhing / thor khod kyi mi sna rnams la thor khod kyi sa skyong ba tshe ring don grub kyi mtshon pa'i dpon khag rnams la 'tshams 'dri dang / bang phyin pa rnams la lam bar gyi bde dog sogs kyi bka' mchid zhib rgyas dang / rjor khang nas 'ongs pa'i rjar kho chi shing bu [=phu] dang sbi cha'i chi rnams la 'tshams 'dri rgyas par tsal/ de dus thor khod rnams nas zhi bar gshegs pa chos kyi rgyal po A yu She'i dgongs rdzogs kyi mtshon pa'i dus chos su gyur pa mang po'i bsngo zhu dang / khri 'dzin pa tshe ring don grub/ A yu She'i btsun mo chos skyong sogs drag zhan mang po'i 'bul bskur du rgya mtsho'i nang gi rin po che dang / khaN+Da ra pa cha [khaN+Dar pa cha]/ nA+e me shi/ thog rum/ khun dur pa cha/ stag gzig gi rgyal po sogs kyi yul gru las thon pa'i dar gos snam bu/ 'phreng ba/ chu tshod kyi 'khor lo/ gser dngul gyi to la/ srog chags kyi rwa sogs khyad du 'phags shing dpangs mtho bar phul nas snying thag pas skyabs 'jug zhus shing / rje bla ma mchog nas kyang sbyin bdag rnams byang phyogs kyi rgya mtsho chen po'i 'gram nas lus srog la ma ltos par dbus gtsang gi ljongs su dge rtsa bgyid par 'ongs pa la thugs brtse ba chen pos nye bar gzigs nas tshe las 'das pa thams

Посольство, отправившееся в 1729 г., вернулось в пределы России, в августе 1733 г. оно уже находилось в Сибири. Затем из-

cad ngan song las bsgral te mngon mtho dang nges legs kyi lam la bkri bar
ljags bsngo dang skyabs 'jug sogs yang dag pa dang / tshe dang ldan pa rnam
la tshe yun du 'tsho zhing bsam pa chos bzhin du 'grub pa'i spyang dmigs sogs
shin tu rgya che ba dang / zhu yig so so'i bka' lan dang gsung brtag / thugs dam
gtan tshigs dang lam yig zhu ba sogs tshang ma bka' drin chen pos stsal zhing
/ thor khod rnam nas 'dus pa rgya mtshor mang ja brgya phrag brgal ba dang
phyag 'gyed bzang zhing mang ba bsgrub pa rnam kyang rdzogs byang du
bsngo ba'i spyang dmigs yang dag pa gnam / tshes bcu bdun la thor khod kyi
rgyal po chen po'i el chi sbA dur dpon po dang / grwa tshang gi bang phyin pa
shes rab bstan pa sogs bod sog nyer drug la dge tshul gyi sdom pa dang / de rjes
sbA dur dpon po sogs thor khod kyi bang phyin ngo bo bcu dang g.yog sogs
sog bod lnga bcu nga drug la dge slong gi sdom pa gnam / nyer brgyad la rjar
kho chi shing phu dang / sbi cha'i chi ngo g.yog la tshe dbang thon chas dang
bcas pa dang / gnam gang la thor khod kyi bang phyin rnam la tshe rta zung
'brel gyi rjes gnam dang sgrol sher gyi ljags lung stsal/ thon chas kyi skabs so
sor gnam sbyin phun sum tshogs pa sogs mdor na chos dang zang zing gnyis
kas tshim par mdzad/ de dus thor khod rnam nas spyir deng sang dus snyigs
mar gyur pa dang yang sgos deng sang gi dus su tA la'i bla ma yang dbus
gtsang gi sde gzir la brten nas rgya bod gang gi sar yang 'gro don med pa'i
sa zhiq tu bzhugs 'dug /rje bla ma nyid kyang sku na phebs che ba bcas nged
rnam blo bde ba zhiq mi 'dug pas 'di skor la zhabs 'degis ji 'dra zhiq zhu dgos
kyang sbas gsang med par bka' gnam dgos shing / tA la'i bla ma dbus gtsang
gi ljongs su phebs pa'i phyir du gong ma chen por bsalab ston zhu lugs sogs ji
'dra dgos/ 'di rnam thag chod pa'i bka' zhiq ma byung bar du nged rnam log
thebs med ces zhus par/ khyed rnam de rigs kyi blo g.yeng cung zad kyang
mi dgos par ma zad/ gong ma chen po'i bka' khriims btsan brjid che bas dbus
gtsang gi ljongs thams cad da lta bde 'jags 'di bzhin dang / rgyal dbang thams
cad mkhyen gzigs chen po yang mgar thar phyogs su gdan zhu mdzad pa 'di
bzhin/ na ning gi dus 'ga' zhiq la dbus gtsang dus gzir gyi ma bde ba byung
stabs thugs zos bde khyad dang / slar yang dbus gtsang gi sa cha zhod 'jags
bstun gdan zhu gnam rtsis kyi dgongs bzhed thun mong min stabs rang bab tu
bzhag pa legs 'dra zhiq / 'dis mtshon pa'i bya bzhag gang la yang lhiing cha
che ba dang / dus rtag tu sangs rgyas kyi bstan pa dang khyad par zhwa ser gyi
bstan pa spyi bos mchod pa dang / tshur rgol gyi dbang gis dbang med byung
na ma gtogs pha rol por dmag gi brgal rtsod byed pa dang / bdag med pa'i ri
dwags kyi srog 'phrog pa sogs spong ba la 'bad cing / zla ba nya ba dang gnam
stong / zla ba tshes pa sogs la bsnyen gnas kyi sdom pa len dgos pa sogs bka'
nan tan phebs pa khong pas kyang spyi bos nos shing / rje bla ma nyid dang
'bral mi phod pa lta bu'i mchi ma byung zhiq phyir thegs [dpal ldan ye shes
2014b: 262–264].

за подозрений в тайных переговорах с цинским правительством посланцы были арестованы в Тобольске, привезены в Суздаль и далее в Москву, где их допросили. Ханские посланцы были отпущены из Москвы к хану Церен Дондуку в 1735 г. «Вывезенные из пределов Тибета письма и утварь были тщательно изучены российской стороной. Сам Намка-гелюнг смог вернуться ... в июле 1735 г.» [Курапов 2018: 168]. Несмотря на то, что в биографии Далай-ламы VII не упоминается дарование ханского титула и печати Церен-Дондуку, очевидно, что именно это посольство привезло ему печать и грамоту с титулом «Дайчин Шаса-Бюджа-хан». Сам хан Церен-Дондук доносил, что ему от Далай-ламы дан ханский чин, так же как и его отцу Аюке-хану [Бакунин 1995: 125]. С этого времени Церен-Дондук указывает в заголовках своих официальных бумаг новый титул и прикладывает к письмам полученную от Далай-ламы новую печать [Пальмов 1926: 96].

10 сентября 1735 г. в урочище Цаган-Цоло, в сорока верстах ниже города Царицына хан Церен-Дондука принял данную ему от Далай-ламы грамоту с благословением на ханство, а также другие дары, сопровождавшие вручение ханского титула [Бакунин 1995: 139].

В биографии Далай-ламы VI перечень даров, переданных Далай-ламой Аюке-хану вместе с титулом и печатью, краток: одеяния, хадак с буквами, колесо [дхармы], меч и прочее. А в описании церемонии принятия ханского чина Церен-Дондуком дары от Далай-ламы VII перечислены подробно. Можно предположить, что Аюке-хану были сделаны схожие подарки во время аналогичной церемонии. Церен-Дондуку были вручены присланные от Далай-ламы VII грамота, литая из меди и позолоченная статуя Будды, белая лошадь под седлом, шапка, платье, пояс, к которому были привязаны кошель «хабтага»¹³³, в который было принято класть платок и чашку для питья, и нож с ножнами, сабля, ружье и сайдак¹³⁴ со стрелами и с луком, знамя «туг», присланное от Далай-ла-

¹³³ Хабтага — кожаная сумка для пороха, пуль и ружейных принадлежностей. Термин «хабтага» служит также для обозначения футляра для чайной чашки [Козлов 1947: 140].

¹³⁴ Сайдак — набор вооружения конного лучника, включавший чехол для лука, называемый «налуч», и колчан для стрел.

мы к Церен-Дондуку на ханство, и другое знамя — из монастыря Брибунг Цойджинга¹³⁵ [Бакунин 1995: 142].

До нас дошли описание церемонии вручения «грамоты на ханство» и перевод грамоты, раскрывающий ее содержание. Описание церемонии сохранилось в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) [Бакаева 2019: 896]. Для вручения была подготовлена «по калмыцкому обычаю» ханская кибитка, для самого хана было приготовлено особое место, справа от него — место для верховного ламы Шакура. Рядом с ханской кибиткой установили еще одну — хурульную — кибитку, в которой находились образы буддийских божеств. Грамоту Далай-ламы, «положа ее на голову», вез ханский посланник к Далай-ламе Батур Омбо (Батур-гелюнг), который возглавлял многочисленную процессию. Перед ним ехали два молодых монаха-манджика, везшие дары. «В знак ханства», кроме грамоты, «были присланы» знамя, облачение (одежда), головной убор, а также лошадь с седлом, сайдак (набор вооружения конного лучника) и сабля [СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61]¹³⁶. Приближенные и подданные хана торжественно встречали процессию. Посланцы вошли в ханскую кибитку, в которой находились Церен-Дондук и Шакур-лама. Шакур-лама «принял грамоту и положил ее к себе на голову», затем на хана Церен-Дондука надели привезенное от Далай-ламы облачение, после чего он вновь сел, а Шакур-лама прочитал и перевел ему грамоту. Затем, выйдя из ханской кибитки, Шакур-лама огласил содержание грамоты ожидавшим снаружи людям, по завершении оглашения они получили благословение грамотой, являвшейся священным текстом для верующих («над головой им держали грамоту»). В это время к хану прибыли Дарма-Бала, брат Галдан, зайсанги и приближенные. Хан, облаченный в дарованные платье и головной убор, а также с сайдаком и саблей вышел из ханской кибитки и прошел в хурульную кибитку «бурхни өргэ», где совершил молитву. Затем на подаренной лошади он проехал вновь к сво-

¹³⁵ Брибунг Цойджинг (тиб. 'bras spungs chos skyong) или «хранитель дхармы из Дрепунга» — другое имя оракула Нечунга, чей монастырь находится недалеко от монастыря Дрепунг.

¹³⁶ Цит. по: [Бакаева 2019: 891–925].

ей кибитке, где началось празднование [СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61–62]¹³⁷. Текст перевода грамоты с калмыцкого языка приведен в современных изданиях [Бакаева 2019: 902–903, Курапов 2011: 137–138].

Церен-Дондуку не долго пришлось использовать титул и печать, так как уже в октябре 1735 г. он был вызван в Санкт-Петербург, где был оставлен на поселении, а наместником ханства был объявлен Дондук-Омбо — внук Аюки-хана. После смерти Церен-Дондука в 1737 г. печать, полученную им от Далай-ламы VII, использовала его мать Дарма-Бала [Митруев 2022b: 387].

3.1.2. Значение титула «Дайчин Шаса-Бюджа-хан» и легенды на печати хана Церен-Дондука

Среди документов, хранящихся в НА РК, в фонде И-36 в журнале «Стол по разным донесениям и репортам от разных мест и лиц по калмыцким делам. 1736 г.» находится письмо Церен-Дондука, отправленное в Петербург Василию Пахомовичу Беклемишеву¹³⁸, на котором стоит оттиск печати, дарованной Далай-ламой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 8]. Оно было получено, как написано в русском переводе, 12 августа 1736 г. Из письма Церен-Дондука от 25 сентября 1735 г. к астраханскому губернатору Измайлову известно, что Церен-Дондук был произведен в звание Дайчин-Шаса-Бюджа-хана:

Прежде, до повышения чина моего от ее и. в-ства, сверх того, (от) всего света обладателя, его сияния далай-ламы, пожалован (я) Дайчин-Шаса-Бюджа Церен-Дондок-ханом с велегласным поведением, для чего и вас, верной друг мой, не хотел оставить без известия» [Пальмов 1926: 96].

Начиная с этого времени Церен-Дондук в заголовках своих официальных бумаг и писем помещает новый титул и прикладывает к письмам новую печать (рис. 34), несколько больших размеров, чем печати хана Аюки [Пальмов 1926: 96].

¹³⁷ Цит. по: [Бакаева 2019: 891–925].

¹³⁸ См. примеч. 109.

Рис. 34. Печать, дарованная Далай-ламой хану Церен-Дондуку
[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 8]

Однако он параллельно пользуется и третьей печатью Аюки-хана (печатью «с хвостами»)¹³⁹, в то же время используя новый титул. Так, в заголовке письма астраханскому губернатору Ивану Петровичу Измайлову, полученному, как известно из русского перевода, 28 сентября 1735 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 132 об.], стоит его титул — Дайчин-Шаса-Бюджа-хан и третья из четырех печатей Аюки-хана (рис. 23), предположительно переданная Аюке-хану регентом Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы [Митруев 2021с: 53].

Интересно отметить, что эта же печать стоит на более поздних письмах ханши Дарма-Балы и Галдан-Данжина: на письме Дарма-Балы астраханскому бригадиру от 3 апреля 1736 г. [Сусеева 2009: 453], письме Дарма-Балы и Галдан-Данжина астраханскому бригадиру от 17 июня 1736 г. [Сусеева 2009: 476], а затем на письме Галдан-Данжина астраханскому бригадиру от 30 ноября

¹³⁹ Подробнее о печатях Аюки-хана см.: [Митруев 2021с; Аваков, Митруев 2023].

1736 г. [Сусеева 2009: 494]. По всей видимости, у вдовы Аюки-хана — Дарма-Балы хранились две печати. Относительно «третьей» печати Аюки-хана: она хранилась у Дарма-Балы, но впоследствии, видимо, была передана Церен-Дондуку, на что указывает частое появление ее оттиска в его письмах [Митруев 2021с: 58]¹⁴⁰. По всей видимости, именно об этой печати идет речь во время принятия Церен-Дондуком наместнической присяги 19 сентября 1724 г. в ставке А. П. Волынского¹⁴¹: «... нужно было приложить печать к присяге, но Церен-Дондук не мог этого сделать, так как „печать де его (осталась в улусах)“; правда, он хотел послать за нею нарочного и приложить ее после, но всем было известно, что у ханского сына не имелось собственной печати, печать же хана Аюки была в распоряжении Дарма-Балы, и у нее трудно было выпросить ее для такого случая, который претил ханше» [Пальмов 1929: 321]. Церемония объявления Церен-Дондука в звании наместника калмыцкого народа состоялась на следующий день 20 сентября 1724 г.

После смерти Церен-Дондука в 1737 г. его мать Дарма-Бала вновь стала использовать третью печать Аюки-хана. Кроме того, оттиск печати Дайчин-Шаса-Бюджа-хана на письме Дарма-Балы князю Михаилу Михайловичу Голицыну¹⁴² от 29 сентября 1741 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 129. Л. 320 об.] свидетельствует о том, что печать умершего сына также попала в руки ханши.

Что же значит титул Дайчин-Шаса-Бюджа-хан, который был дарован Далай-ламой VII? Первый элемент титула «дайчин» является монгольским титулом «отважный, храбрый» [БАМРС 2001b: 23].

Согласно «Великому своду законов» (старописьм.-монг. *yeke şaraja*, совр. монг. *их цааз*), принятому в 1640 г. монгольскими и ойратскими князьями и духовенством, нойоны составляли отдельный класс и состояли из больших (старописьм.-монг. *yeke*, совр.

¹⁴⁰ Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, требующем рассмотрения массива архивных материалов.

¹⁴¹ Артемий Петрович Волынский (1689–1740) — русский государственный деятель и дипломат. С 1719 г. губернатор Астраханской губернии, с 1725 г. казанский губернатор.

¹⁴² М. М. Голицын-младший (1675–1730) в 1740–1741 гг. был губернатором в Астрахани.

монг. *ix*) и меньших (старописьм.-монг. *baḡa*, монг. *бага*), а также нойонов среднего ранга, таких как *mergen* (совр. монг. *мэргэн*), *daiching* (совр. монг. *дайчин*) и *chöüker* (совр. монг. *цөөхүр*) [Munkh-Erdene 2022: 53].

Кроме того, тибетцы также использовали титул «дайчин». Например, во время новогоднего праздника 1721 г. Тёгар Пён Кхангчене Сёнам Гьелпо (тиб. *stod sgar dpon khang chen nas bsod nams rgyal po*; ум. 1727) получил титул Дайчинг Баатур (старописьм.-монг., совр. монг. *дайчин баатар*), а за поддержку ему было пожаловано поместье Ярдроклинг [Shakabpa 2010a: 436].

Включение термина «Дайчин» в титул нескольких калмыцких ханов может являться свидетельством признания со стороны тибетского первосвященника заслуг ойратских правителей в военной помощи Тибету, имевшей место в XVII в., а также пожелания и ожидания такой поддержки в дальнейшем.

Следующий элемент «Шаса-Бюджа», как видно из легенды на печати, которая будет рассмотрена ниже, представляет собой санскритское слово *śāsanabhūja*, состоящее из *śāsana* ‘учение [Будды]’ и *bhūja*. Самое распространенное значение слово *bhūja* — «рука», но в «Тибетско-санскритском словаре „Прекрасное золотое ожерелье“» (тиб. *saM bod skad gnyis shan sbyar gser gyi phreng mdzes*), составленном Бюро перевода и редактирования тибетского языка Аба Тибетской и Цянской национальной автономной префектуры (Aba Tibetanand Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau), приводится также значение «защищать» (тиб. *skyong*) [*gser gyi phreng mdzes*1989: 674].

В «Практическом санскритско-английском словаре» В. С. Апте для однокоренного со словом *bhūja* глагола *bhuj* дается значение «защищать, оберегать» [Apte 1890: 819]. Таким образом, слово *bhūja* или точнее *bhujah*, означает «защитник». Следовательно, *śāsana-bhūja* — «защитник учения [Будды]», чему соответствует тибетское *bstan skyong*. Однако *śāsana-bhūja* — искусственный термин, не обнаруженный в санскритских текстах, правильнее было бы перевести его на санскрит как *śāsana-pāla* с тем же значением. Заключительный элемент титула, записанный по-тибетски

khAn «хан» (старописьм.-монг. *qaγan*, совр. монг. *хаан*), имеет долгую «а», что соответствует слову *qaγan* классического монгольского языка или его варианту *qaan*. Неясно, было ли понятно различие между словами *qaγan* «верховный правитель, главный хан» и *qan* «владелец удела» изготовителю печати, или он воспринимал эти слова как полные синонимы. Необходимо отметить, что, по мнению Б. Я. Владимирцова, слово *qaγan* уже во второй половине XVI в. стало обозначать простого господина феодального удела-тумена, а не верховного правителя царя или монарха [Владимирцов 2002: 448]. Точно неизвестно, как тибетцы воспринимали калмыцких ханов: как независимых правителей или вассалов русского царя. Слово «хан/хаан» на тибетский язык переводится как *rgyal po*, «царь, правитель» [Ishihama 1992: 507], следовательно, тибетским эквивалентом *sāsana-bhuja-khān* будет *bstan skyong rgyal po* или в полной форме *bstan pa skyong ba'i rgyal po*.

В итоге полный перевод титула Дайчин-Шаса-Бюджа-хан: «Храбрый хан (или царь), защищающий учение [Будды]».

По всей видимости, этот титул *bstan skyong rgyal po* «защитник учения [Будды]» использовался наряду с титулом *bstan 'dzin rgyal po* «держатель, хранитель учения [Будды]», который был пожалован ойратским Гуши-хану, Даян-хану, Далай-хану и Галдан Тендзин Бошогту-хану [Ishihama 1992: 508]. Однако, скорее, эти два титула не были равнозначны.

Возможно, что данный титул использовался тибетцами со времен Минской династии. Так, третий минский император Чжу Ди (1360–1424), правивший под девизом Юнлэ, дал различным тибетским религиозным деятелям титулы и печати, среди них Тагцангпе (тиб. *stag tshang pa*) — титул «Царь, защищающий учение [Будды]» (кит. 辅教王; пиньинь *fǔ jiàowáng*; тиб. *bstan pa skyong ba'i rgyal po*), Годжо-цангу (тиб. *go 'jo tshang*) титул «Царь, хранящий учение [Будды]» (кит. 护教王; пиньинь *hù jiàowáng*; тиб. *bstan pa srung ba'i rgyal po*) [dung dkar 2002: 34].

Схожий титул «Защитник учения Будды, царь дхармы» носил монгольский правитель Эринчин Лубсан-тайджи (1652 – ок. 1691). Санскритский текст легенды на его печати включает его титул,

который был восстановленный нами на тибетский язык как *bstan srung chos kyi rgyal po*. Оттиск его печати с санскритской легендой стоит на письме Эринчин Лубсан-тайджи в Москву [Шастина 1968: 286]. О его печати уже было сказано выше.

Обратимся к самой печати, дарованной Далай-ламой хану Церен-Дондуку. Размер ее 4,1x4,1 см. Оттиск нанесен красной тушью или краской. На верхней кромке находятся три точки, как правило, символизирующие три драгоценности: Будду, дхарму и сангху, являющиеся прибежищем буддистов.

Легенда печати помещена в двойную рамку. Текст легенды записан четырьмя столбцами. Надпись сделана квадратным письмом Пагба-ламы на тибетском языке: *dAi ching shA sa na bhu dza khan gyi tham gar gyal lo* — «Пусть будет победоносной печать Дайчинг Шасана-Бхуджа-хаана». Если перевести все элементы легенды печати на монгольском, тибетском и санскрите, то ее перевод будет следующий: «Пусть будет победоносной печать храброго царя, защищающего учение [Будды]!».

Надо полагать, что печать, присланная от Далай-ламы, была изготовлена в Тибете.

Надпись начинается с тибетского знака *dbu khyud*, обозначающего начало легенды. Значение титула «Дайчинг Шасана-Бхуджа-хаан» рассмотрено выше. Завершающие слова *rgyal lo* «пусть будет победоносной» записаны в виде распространенного сокращения *rgyalo* вместо полной формы *rgyal lo* (рис. 35).

Использование иностранных титулов или перевода этих титу-

འཇུག་ལོ་ = འཇུག་

Рис. 35. Сокращение тибетского слова *rgyallo* (рис. Б. Л. Митруева)
лов на другие языки было нередким явлением в Тибете. На печатях, выдаваемых Далай-ламой, часто использовались монгольские титулы. Так, на печати хошутского правителя Тибета Тендзин Далай-хана (ум. 1700), сына Даян-хана и внука Гуши-хана, находится

легенда *sha byi ni ba ri ga chi dala'i khan*¹⁴³ (рис. 36). Тендзин Далай-хан, также известный как Кончок Далай-хан, правил с 1668 г. до своей смерти.

Рис. 36. Печать хошутского Тендзин Далай-хана

Данная легенда представляет собой монгольский титул Тендзин Далай-хана: *šajin-i bariyıcı Dalai qan* «Держатель учения Далай-хан». Этот титул *šajin-i bariyıcı* представляет собой перевод на монгольский язык тибетского титула *bstan 'dzin* «Держатель учения», в то время как вторая его часть — имя Далай-хан — переводится с монгольского как «Океан-хан», т. е. Всемирный хан.

Вообще печати с санскритскими элементами или полностью на санскрите имели хождение в Тибете, Монголии и Калмыцком ханстве. Печати тибетского Пхагмо-дру Деси Нгаванг Траши Драгпа Гьялцена, монгольского Эринчин Лубсан-тайджи и калмыцкого Четера-тайши имели легенды на санскрите [Митруев 2022a].

Кроме того, печати на санскрите, написанные квадратным письмом Пагба-ламы, также имели хождение в Тибете. Так, оттиск печати с санскритским текстом на одном из тибетских документов,

¹⁴³ В книге Д. Шу этот титул прочитан частично неверно: *sha badi ni/ ba ri ga chi/ da la'i khan* [Schuh 2018: 135].

хранящихся в Библиотеке тибетских работ и архивов (Library of Tibetan Works and Archives), можно увидеть в коллекции печатей на сайте CrossAsia (рис. 37) [LTWA].

На представленной печати черного цвета квадратным пись-

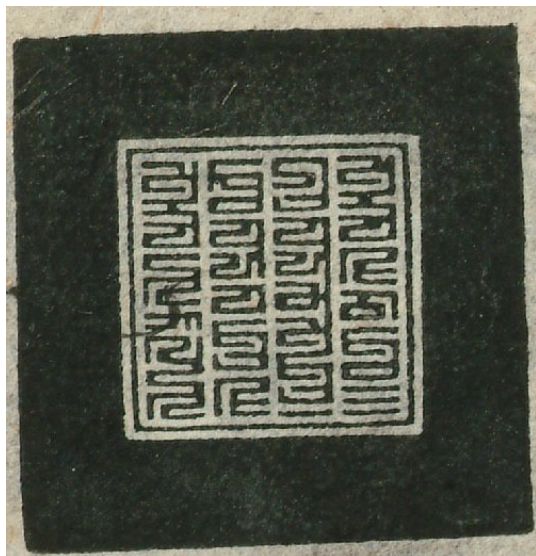

Рис 37. Тибетская печать с легендой на санскрите [LTWA]

мом Пагба-ламы нанесена легенда на санскрите в виде четырех столбцов: *sarvadā kalyāṇaṃ bhavatu dza śubhamastu sarvajagataṃ*, «Пусть всегда будет благополучие! Пусть во всем мире будет благо!». Тибетский слог *dza*, стоящий в конце второго столбца, вероятно, является «заполнителем», закрывающим пустое пространство, для придания униформности всей надписи. Легенда представляет собой два популярных благопожелания на санскрите, часто использовавшиеся в сочинениях тибетских авторов. Вторая часть надписи *śubhamastu sarvajagataṃ* совпадает с легендой на печати Четера-тайши [Митруев 2022а: 49].

3.1.3. Печати ойратских правителей, схожие с печатью, дарованной Далай-ламой

Ойратские правители также пользовались полученными от Далай-ламы печатями, схожими с печатью Дайчин Шаса-Бюджа-хана. К сожалению, до нас дошли только оттиски, не сохранилось ни одной матрицы печати Аюки-хана или других представителей калмыцкой знати. Но в исторических источниках сохранилось описание одной из печатей Есельбеин Сайн-Ка, которая была дарована ему Далай-ламой. Из этого описания мы можем получить приблизительное представление о том, как могла выглядеть печать, полученная от Далай-ламы. Потомок ойратского князя Есельбеин Сайн-Ка — Батур-Убаши Тюмень в своем «Сказании о дербен-ойратах» писал:

Дербен ойраты в отличие и в вечное воспоминание за этот подвиг поручили ему правление и поднесли титул ханское, на что от святителя Далай-ламы и была получена печать (тамга). Эта стальная тамга была четырехугольная; в середине ее была надпись на индийском языке, а по обоим краям на монгольском: «Йэкэ Минһани ахалагсан нойони тамһа» (то есть печать первенствующего нойона хойтского оттока Йеке-Минган)»¹⁴⁴ [Батур Убаши Тюмень 2003: 150].

Описание Б.-У. Тюменя свидетельствует о том, что даруемые печати могли содержать не только легенду на тибетском языке, но и текст на монгольском или «индийском» языке, под которым здесь, скорее всего, подразумевается санскрит. Так, на второй печати Аюки-хана имеется монограмма Калачакры на санскрите.

Ойратские и калмыцкие правители для легитимизации своей власти стремились заручиться поддержкой верховного духовного иерарха и светского правителя Тибета — Далай-ламы и получить ханский титул от него, так как власть не может существовать, пока не получила признание. Как отмечалось выше, даже после получения знаков правления и признания российскими властями калмыц-

¹⁴⁴ В ойратском оригинале этот отрывок выглядит следующим образом: «ene tamayayin beye-inu bolud keb-inü dörböljin dundān enedkeq bičiqtei xoyur jaxāni mongyolör yeke mingyāni axalaqsan noyuni tamaya geji bičiqsen :: : ::» [Баатар Увш 2006: 92].

кие ханы стремились легитимировать свое правление со стороны Далай-ламы: так поступали калмыцкие ханы Церен-Дондук, Дондук-Омбо, Дондук-Даши.

Первым ойратским ханом, получившим ханский титул, а именно «Тензин Чокьи Гьялпо» (bstan 'dzin chos kyi rgyal po) — «Хранитель Учения, Царь Дхармы», с вручением печати, статуи Цонкапы и других даров, был хошутский Гуши-хан (1582–1654). Это произошло во время его первого визита в Лхасу в 1637 г. в центральном лхасском храме Джоканг в ходе службы, проведенной Далай-ламой V Нгаванг Лобсанг Гьяцо (1617–1682) [Китинов 2020а: 208–209]. В автобиографии Далай-ламы V «Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии „Парча из дукулы“¹⁴⁵» приводится точная дата получения титула «Тендзин Чокьи Гьялпо» Гуши-ханом (1582–1655):

В шестой лунный месяц <...> года Огня-Быка (1637 г. — Б. М.) <...> [Далай-лама] дал титул „Тендзин Чокьи Гьялпо“, как тот звался на монгольском, и печать. Также он дал прекрасную золотую статую Цонкапы, являющуюся главным даром, и другие вещи, таким образом создав благоприятную связь возвышения блага и счастья учения Будды и живых существ¹⁴⁶ [blo bzang rgya mtsho 2018a: 140].

В 1678 г. этого же звания был удостоен джунгарский правитель Галдан, несколько ранее получивший от Далай-ламы титул «Бошогту-хан» [Китинов 2020а: 209]. Важным для изучения печатей ойратских правителей является следующий факт: оттиск печати Галдан Бошогту, опубликованный в статье Х. Бямбажава, содержит написание его титула и подтверждает общепринятое прочтение тибетского имени Галдан Бошогту-хана как *dga'ldan bo shog thu khang* [Бямбажав 2020: 85]. Хотя обычно этот титул переводят как «благословленный», тибетскими эквивалентами слова «бошог» являются *bka' lung*

¹⁴⁵ См. примеч. 2.

¹⁴⁶ bstan 'dzin chos kyi rgyal po'i cho lo sog lugs ltar 'bod pa dang tham ka byin rgyal ba tsong kha pa'i gser sku legs pa zhig gis gtsos pa'i dngos po'i ster cha dang bcas bstan 'gro'i phan bde gyen du 'deg pa'i rten 'brel bsgrigs [blo bzang rgya mtsho 2018a: 140].

[Ковалевский 1846: 1173; Бурнээ, Энхтер 2012: 21], lung [Ковалевский 1846: 1173; Бурнээ, Энхтер 2012: 474] или dampa [Sumatiratna 2018: 605], имеющие значение ‘повеление, приказ’. Само же монгольское слово «бошог» или «бошго» имеет значения ‘веление, повеление’ [БАМРС 2001a: 419]. Таким образом, «бошогту» значит ‘обладающий повелением, [возведенный] повелением’.

После падения Юаньской династии применение квадратного письма в легендах на печатях ойратских правителей продолжается, причем вместо китайского и монгольского, которые ранее употреблялись для этих целей, все больше используются тибетский и монгольский языки. Это указывает на смещение центра внимания с Юаньской империи на тибетский мир. Далай-лама становится главным авторитетом в инвеституре власти для ойратских правителей, поэтому и легенды на печатях начинают писаться главным образом на тибетском языке, но монгольский язык на них также сохраняется. В Национальном архиве Республики Калмыкии имеется четыре документа, относящихся к постюаньской эпохе, с оттисками печатей. Это три письма хойтской правительницы Эльзе-Оршиху¹⁴⁷ (ойр. Өljöi Orošixu) и письмо ее сына Тюмень-Чжиргалана. На всех четырех стоит печать Есельбейн Сайн-Ка.

Все три письма Эльзе-Оршиху, жены владельца Замьяна, адресованы генерал-майору, кавалеру, губернатору Астраханской губернии Никите Афанасьевичу Бекетову: первое — от 6 марта 1767 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 383. Л. 185]; второе — от 23 июля 1768 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 402. Лл. 75–76]; третье — от 9 августа 1768 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 402. Л. 115]. Письмо зенгорского владельца Тюмень-Чжиргалана генерал-майору, кавалеру, губернатору Астраханской губернии Петру Никитичу Кречетникову датировано 14 августа 1774 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 434. Л. 164–165].

Потомок хойтского владельца Есельбейн Сайн-Ка, Батур-Убаши Тюмень, в своем «Сказании о дербен-ойратах» пишет, что его род происходит от Чингис-хана:

Потомка суту богдо Чингис хана, Темуurlана, Зюнгарский нутук назвал Ёбобгон Мерген; от того времени до настоящего года

¹⁴⁷ В некоторых документах ее имя пишется как Ельзе Орошиху.

Шорой Тула (1819 г. по Р. Х.) прошло 293 года. (След, это было в 1527 г. по Р. Х.) [Батур Убаши Тюмень 2003: 127].

Далее, говоря о хойтских владельцах, Батур-Убаши Тюмень продолжает:

Йобогон Мерген, его сын Есельбе, его сын Сайн Ка (Сайнка), его сын Солтан тайши, его сын Уйзан хошучи, его сын Батур Себтен, его сын Бата нойон, его сын Дечжит, его сын Тюмень Чжир-галан, [его сыновья: Сербечжаб, Батур Убаши (автор настоящего сочинения), Церен Дондок и Церен Норбо. У Церен Норбо сыновья: Батака и Батурка. У Церен Дондока сыновья: Церенчжаб Церен Дорчжи (во святом крещении — Александр)]. У Церенчжаба сын Церен Надмит. У Церен Дорчжи сын Константин и дочери Александра и Елисавета [Батур Убаши Тюмень 2003: 127].

В примечании к «Сказанию о дербен-ойратах» Батур Убаши Тюменя Г. С. Лыткин¹⁴⁸ пишет, что значение имени Йобогон-Мерген (от калм.: йобогон ‘пеший’, мерген ‘умный’) приволжские ойраты объясняли тем, что этот хойтский владелец был тяжел и никакая лошадь не могла выдержать его, поэтому он вынужден был даже в военные походы ходить пешком [Батур Убаши Тюмень 2003: 148].

В 1636 г. монгольский хан Мухур Мучжик, также известный как Мухур Уйзанг, победил ойратов в войне и захватил ойратский нутук. Хойтский Есельбейн Сайн-Ка хитростью пленил Мухур Мучжика и взял с него клятву, что монголы не будут наносить вред ойратам, и отпустил домой [Батур Убаши Тюмень 2003: 149–150].

Далее Батур-Убаши Тюмень пишет:

Дербен ойраты в отличие и в вечное воспоминание за этот подвиг поручили ему правление и поднесли титул ханское, на что от святителя Далай ламы и получена печать (тамга) [Батур Убаши Тюмень 2003: 150].

Есельбейн Сайн-Ка умер до 1636 г. в возрасте 62 лет [Письменные памятники 2016: 237]. Нам не удалось обнаружить тибетские документы, подтверждающие дарование Далай-ламой ему печати и титула хана. Данный вопрос требует дальнейшего исследования.

¹⁴⁸ Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) нередко публиковал свои работы под именем Юрий Лыткин.

Имя Эльзе-Оршиху (ойр.: *Öljöi Orošihu*), вероятно, ойратско-монгольского происхождения. Так, в «Словаре монгольских имен» приведено несколько имен, содержащих компонент *орших*, ‘пребывать, находиться’: Буян-Орших, Бэлгэ-Орших, Гал-Орших, Мөнх-Орших, Мэнд-Орших, Хишиг-Орших. Кроме того, там же представлено и тибето-монгольское имя, где вместо Эльзе/Өлзий стоит тибетский эквивалент Даш (тиб.: *bkra shis*): Даш-Орших [Монгол хүний нэрийн толь 2013: 133]. Также это имя является частью перевода на монгольский язык санскритского слова *maṅgalam*, переводимого на тибетский фразой *bkra shis par ‘gyur sig*, а на монгольский: *Өлзий хутаг орших болтугай*, ‘Пусть будет счастье!’ [Монгол хүний нэрийн толь 2013: 469]. Интересно отметить, что в книге М. У. Монраева «Калмыцкие имена» имя Өлзэ орхш (Эльза орхши) переведено как ‘несчастливая’ [Монраев 2012: 186], хотя более правильно перевести его как ‘пребывание счастья’.

Эльзе-Оршиху, на чьих письмах стоит печать Есельбейн Сайн-Ка, была женой Дечжит-нойона, который в год Гал Укер (т. е. 1757 г.) после смерти Галдан хун-тайчжи с немногими кетчинерами откочевал в российские пределы [Батур Убаши Тюмень 2003: 152]. Прибыв в г. Семипалатинск, как милость от императрицы Елизаветы Петровны он получил «корм и жалованье» и был препровожден в Тюмень, этот город был назначен местом его пребывания. По прибытии в Семипалатинск Эльзе-Орошиху родила сына, названного Тюмень-Чжиргалан [Батур Убаши Тюмень 2003: 152].

Позднее Дечжит-нойон вместе с Эльзе-Оршиху прибыл к проживавшим у Волги торгутам. Там он собрал своих подвластных, убежавших из Зюнгари, и присоединился к ним, прежде испросив на то позволение у хана Дондук-Даши. Прибыв на Волгу, Дечжит-нойон скончался, оставив после себя жену Эльзе-Оршиху и трехлетнего сына Тюмень-Чжиргалана [Батур Убаши Тюмень 2003: 152].

После смерти мужа Эльзе-Оршиху вышла замуж за хошутского нойона Замьяна, сына нойона Назарбая (Назарбак) из рода

Хабуту Хасара, младшего брата Чингис-хана, чья супруга Данар, младшая сестра хана Дондук-Даши, скончалась. Замьян усыновил Тюмень-Чжиргалан, которому тогда исполнилось четыре года [Батур Убаши Тюмень 2003: 153]. У Замьяна от предыдущего брака было два сына: Теленгет и Бокбон. Теленгет умер от оспы, а Бокбон, взяв часть хошутов, хатаматов и хойтов, всего около тысячи кибиток, в 1771 г. ушел с Убаши-ханом в приалтайские страны [Батур Убаши Тюмень 2003: 155].

Тюмень-Чжиргалан, которому от матери перешла печать Есель-бейн Сайн-Ка, в 1766 г. в возрасте девяти лет был представлен своими родителями императрице Екатерине II, которая оставила его жить в Санкт-Петербурге. По возвращении из Санкт-Петербурга Тюмень-Чжиргалан был отдан отчимом в Астрахань учиться русскому языку и грамоте [Батур Убаши Тюмень 2003: 153].

Астраханский губернатор генерал-майор Бекетов по Высочайшему повелению отдал часть подвластных торгутов Убаши-хана, оставшихся на Волге, хошутскому нойону Замьяну, который присоединил их к своим подвластным. В 1788 г. в возрасте 45 лет, после ранения на войне, Замьян-нойон вышел в отставку, и Екатерина II ему пожаловала чин премьер-майора и патент с собственноручной подписью, заверенной печатью [Батур Убаши Тюмень 2003: 154–155].

Впоследствии зюнгаец по происхождению Тюмень Чжиргалан стал хошутским нойоном и управлял родовыми подвластными своего отчима нойона Замьяна [Батур Убаши Тюмень 2003: 154].

В примечании к «Сказанию о дербен-ойратах» Батур Убаши Тюменя Г. С. Лыткин поясняет, что ойраты состояли из четырех (дербен) тюменов, второй из них состоял из хойтов и батуты. Эти тюмены (т. е. десять тысяч кибиток или семейств) в свою очередь разделялись на минганы (тысячи), а те на цзагуны (сотни). В XVI столетии собственно хойтов было восемь тысяч, остальные две тысячи составляли батуты. Этими восемью тысячами или минганами в XVI в. управляло несколько владельцев. Г. С. Лыткин полагает, что йеке (великий) минган, мани (ердени — драгоценность) минган или суту (отличный, отборный, избранный) минган — один

и тот же оток, которым управлял старший из хойтских владельцев, поэтому йеке (мани или суту) мингату значит «имеющий или владеющий отоком йеке минган» [Батур Убаши Тюмень 2003: 149].

У. Э. Эрдниев полагает, что Маани — это флаг, флажок, на котором написана мантра «Ом маани падме хум!», не исключая возможности, что Маани — это имя владельца йеке мингана [Эрдниев 1985: 50–51]. Вероятно, что Суту-мингату и Мани-Мингату были именем или титулом Есельбе, отца Есельбейн Сайн-Ка. В сочинении Санан-Сэцэна говорится: «В 1552 году, когда Алтан-хагану было семь и сорок лет, он отправился войной против четырех ойратов. На холме Кунге-Джамбахан он убил князя хойтских восьми минганов по имени Мани-Мингату, захватил его жену Чжигекен-Ага, а также двух сыновей от него по имени Тохай и Кокотер и покорил весь народ» [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 209]. Затем, в 1574 г., ордосский Буян Батур-хунтайчжи с младшими братьями своими пошел войною на ойратов и покорил хойтов Есельбейн Сайн-Ка, а его самого взял в плен. Там же, в «Истории восточных монголов», сказано, что, предвещая поражение монгольских войск, Есельбейн Сайн-Ка произнес: *«Я не съел восемь ребер коня, но восемь ребер моего отца Сутай-Мингату уже не за горами»* [Geschichte der Ost-Mongolen 1829: 219]. Таким образом, Мани-Мингату и Суту-Мингату или Сутай-Мингату являются именем одного и того же человека — отца Есельбейн Сайн-Ка.

Также в «Шара Туджи» сказано:

Хойты — потомки Дзабахан Мэргэна. Сыну хойтского Хутага-бэки Инэлчи Чингис-хан отдал в жены свою дочь Цэцэйкэн; старшему брату Инэлчи Турулчи отдал в жены дочь Джучи по имени Холойхан; потомок этих был Вачирай Мингату, его сын Сутай Мингату, его сын Эсэлбэй-хия, его сын Ном Далай, его сын Солтон-тайши, его сын Цосхин, его сын Аджу [Шара Туджи 1957: 160].

Таким образом, другим именем Есельбе было Суту-мингату (монг. Сутай-Мингату), вследствие чего управляемый им минган назывался «*суту минган*». Из этого можно сделать вывод, что названия «*суту минган*» и «*мани минган*» происходят от имени вла-

дельца.

Рассмотрим саму печать Есельбейн Сайн-Ка (рис. 38).

Рис. 38. Печать Есельбейн Сайн-Ка

Размер печати 3,3х3,3 см. Оттиск нанесена красными чернилами или тушью, потемневшей от времени. Печать имеет четырехугольную форму. Внутри кромки находится легенда на письме, которое в «Сказании о дербен-ойратах» Батур Убаши Тюмень называет «индейским языком», на самом деле надпись сделана на ойратском и тибетском языках, причем она написана квадратным письмом Пагба-ламы. Текст надписи состоит из четырех колонок: *yo kho ming ga ni A ha lag san no yo ni tham ga dgra shis*.

Исправленный текст печати должен выглядеть так: *ye khe ming ga ni A ha lag san no yo ni tham ga bkra shis*. Ойратская часть легенды представляет собой надпись, приведенную Батур Убаши Тюменем: *y eke mingyani axalaysan noyoni tamu*, что значит 'Печать нойона, владеющего великим минганом'. В описании Батур Убаши Тюменя опущен тибетский элемент легенды *bkra shis*, означающий 'счастье, благополучие'. Кроме того, в отличие от рассматриваемых ниже печатей Галдан Бошогту-хана и хана Даваца,

на печати Есельбейн Сайн-Ка отсутствует начальный знак, называемый по-тибетски *dbu khyud*, а по-монгольски — *birγ-a*, который открывает текст.

В тексте на печати допущено несколько ошибок. В слове *ye khe* вместо огласовок гласных 'e' стоят огласовки 'o', вследствие чего это слово читается *yo kho*. В том, что это огласовки 'o', нет никакого сомнения, так как они же стоят и в слове *поуоᠨᠢ* и совершенно не отличаются от огласовок 'o' в слове *yo kho*. Такое замещение огласовки 'e' огласовкой 'o' встречается в надписях на квадратном письме, имеющих тибетское происхождение.

Завершающая часть легенды написана на тибетском языке, в ней также допущена ошибка: вместо слова *bkra shis* 'счастье' ошибочно написано *dgra shis*, где *dgra* значит 'враг'. Слева и справа от легенды находится надпись на «тодо бичиг»: *yeki mingyani axalaysan noyoni tamya*.

Надпись на «ясном письме» («тодо бичиг») на кромке печати, вероятно, была сделана для тех, кто не умел читать квадратное письмо Пагба-ламы. Такие надписи встречаются и на других ойратских печатях. Так, например, на кромке печати ойратского хана Даваца¹⁴⁹ также нанесена надпись «тодо бичиг».

Мы предполагаем, что данная печать была сделана не в Тибете, так как в тибетском элементе легенды допущена ошибка. Однако однозначно определить провенанс данной печати, опираясь на доступные данные, не представляется возможным. Дальнейшая судьба печати Есельбейн Сайн-Ка неизвестна.

Другим примером печати с легендой на квадратном письме, полученной от Далай-ламы, является печать ойратского Галдан Бошогту-хана (1645–1697) (рис. 39).

Галдан Бошогту-хан был сыном Батура-хунтайджи и Юм-Ага, дочери торгутского тайши Шукур-Дайчина. Галдан правил Джунгарским ханством в 1671–1697 гг. [Письменные памятники 2016: 137]. О биографии Галдан Бошогту-хана существует большое количество работ, здесь мы ограничимся краткими сведениями. После убийства его брата Сенге (1653–1670) в 1670 г. в ре-

¹⁴⁹ В разных документах это имя пишут по-разному: Двачи, Даваца, Дабачи, Дабаци, на монгольском Даваач.

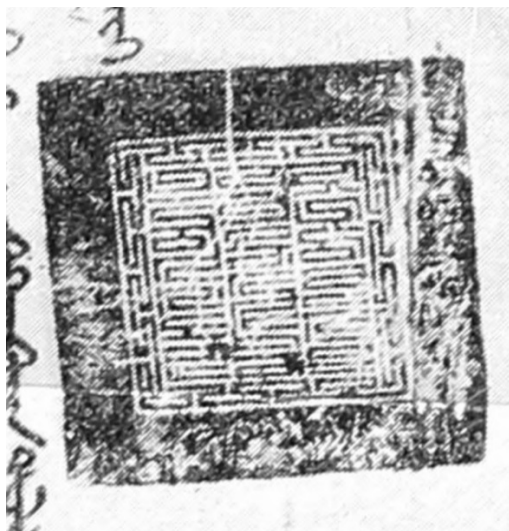

Рис. 39. Печать Галдан Бошогту-хана

зультате заговора, организованного старшими братьями во главе с Цецен-тайджи, Галдан был вынужден отказаться от религиозного сана и занял трон правителя. Умер он на 52-м году жизни 13 марта 1697 г. в урочище Ача-Амтатай от недуга¹⁵⁰ [Златкин 1983: 208]. У Галдан Бошогту-хана был сын Себтин-Балчжур, которого хамийский Гокэ-бек взял в плен, а затем отослал в Пекин, где Себтин-Балчжур был казнен. Таким образом, род Галдана Бошогту-хана пресекался [Письменные памятники 2016: 198].

В «Родословной монголов» есть рассказ о том, как Галдан стал перерожденцем (хубилганом) Энсэ-хутугты [Письменные памятники 2016: 134].

Печать Галдан Бошогту-хана квадратная, с легендой на тибетском языке. Текст легенды размещен в трех колонках, окаймленных геометрическим узором, и начинается со знака *dbu khyud* (монг. *birγ-a*). Сам текст гласит следующее: *dga'ldan bstan 'dzin bo shog thu khang*, что означает «Галдан Тендзин Бошогту-хан».

Эта печать была впервые опубликована Н. П. Шастиной в кни-

¹⁵⁰ Некоторые исторические источники утверждают, что Галдан Бошогту принял яд.

ге «Русско-монгольские посольские отношения XVII века» [Шастина 1958]. Ее оттиск стоит на письме ойратского хана Галдана к русскому царю (1691 г.) и письме ойратского посланца к русскому царю (1691 г.). Всего в этой работе Н. П. Шастиной опубликовано три письма, на одном из которых нет печати, что стало причиной предположения Дж. Р. Крюгером неофициального характера данной эпистолы [Krueger 1969: 286]. Перевод и транслитерация всех трех писем представлены в статье Дж. Р. Крюгера «Три ойрато-монгольских дипломатических документа 1691 года» [Krueger 1969]. Причем автор статьи дал частично неверное прочтение легенды этой печати, а именно— колонки: *dgaḥ-ldan bidan ḥyin boṣog'u qan*, выдвинув предположение, что центральная колонка из трех является начальной. В результате Дж. Р. Крюгер перевел легенду следующим образом: «Наше слово, Галдан Бошугту-хан» [Krueger 1969: 295]. Мийоко Накано и Мидзёко Накано представили несколько более верное прочтение элементов легенды, но все же неверно прочли все ту же вторую колонку: *dgaḥ-ldan bden-ḥdzin boṣog'u qan*. Вероятно, авторы также посчитали, что центральная колонка из трех является начальной и перевели легенду так: «Считающийся истинным Галдан Бошугту-хан» [Nakano, Nakano 1971: 214]. Почти верное прочтение было дано японской исследовательницей Юмико Ишихамой: *dGa'ldan bstan 'dzins Bo shog thu Khan* [Ishihama 1992: 511], однако интерпретатор не учел, что в слове *sBo* нет надписной 's'. Полностью верное прочтение легенды было опубликовано Х. Бямбажавом: *dga'ldan bstan 'dzin bo shog thu khang*, «Галдан Тендзин Бошогту-хан», где тибетский титул «Тендзин» значит «хранитель учения [Будды]» [Бямбажав 2020: 85]. Данная надпись состоит из имени Галдан и ханского титула «Тендзин Бошогту-хан», данного Далай-ламой V Нгаванг Лобсанг Гьяцо (тиб. *ngag dbang blo bzang rgya mtsho*; 1619—1682) в 1678 г. [Китинов 2020а: 209]. Из исследования Ю. Ишихамы можно сделать вывод, что титул «Тендзин» в добавление к титулу «хан» давался тем правителям, которые внесли большой вклад в укрепление и сохранение учения школы гелуг [Ishihama 1992: 506]. Несмотря на то, что обычно титул «бошогту» переводят как «благословенный»,

тибетскими эквивалентами слова «бошог» являются *bka' lung* [Ковалевский 1846: 1173; Бурнээ, Энхтер 2012: 21], *lung* [Ковалевский 1846: 1173; Бурнээ, Энхтер 2012: 474] или *dampa* [Sumatiratna 2018: 605], имеющие значение «повеление, приказ». Само монгольское слово «бошог» или «бошго» имеет значения «велеие, повеление» [БАМРС 2001a: 419]. Таким образом, «бошогту» значит «обладающий повелением», «[возведенный] повелением».

По всей видимости, правитель Джунгарского ханства Галдана Бошогту имел три или четыре печати [Бямбажав 2020: 83]. Представленная здесь печать, предположительно, имеет тибетское происхождение и является именно той печатью, что была дарована Далай-ламой. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

Печать Давацы (рис. 38) с легендой на квадратном письме Пагба-ламы может служить еще одним примером печатей, используемых ойратскими правителями для удостоверения своих документов. Ее оттиск имеется на письме, опубликованном в «Биографии Зая-пандиты» [Biography of Caya Panditain Oirat characters 1967: 98] и в книге «Изучение монгольской письменности» [Цэвэлийн 2001: 127].

Давацы (ок. 1723–1759) был сыном Намчжал-Раши, внуком Церен-Дондука и правнуком Бум-нойона, третьего сына от младшей жены Батура-хунтайджи (ум. 1653) [Хафизова 2016: 282]. В «Родословной владыки Чингиса, родословной дурбэн-ойратов, родословной хошуттов» сказано: «От старшей жены Баатура-хунтайджи родилось четыре сына: Цэцэн-баатур, Зодбо-баатур, Зоригту-Хошуучи, Бидарай. От младшей жены родилось семеро сыновей. Старший — Сэнггэрабдан. Второй сын — Галдан, его титул был, говорят, Бошогтухан. Потомок третьего сына Бум-нойона — Дабачи (Даваач), потомок Дабачи бэйсэ Ямадай стал эфу (императорским зятем) и проживает в Пекине в чине гуна. Четвертый сын Доржиджаб был убит халхаским Түшету-ханом Чахуй-идорджи (правильно: Чохундорджи...). Пятый сын — Пүнгсүгдаши, его внук Галсангдорджи самым последним принял [цинское] подданство. Цинским императором был посажен на престол хана Джунгарии, затем он снова взбунтовался и был убит император-

ской армией. Шестой сын — Дарма, через три поколения после него следует Санджиджаб, который после принятия [цинского] подданства был произведен в хиа¹⁵¹ и поселен в монгольском хошуне. Один из семи сыновей скончался от болезни» [Письменные памятники 2016: 196].

В труде Джамбадорджи «Хрустальное зеркало» также излагается родословная Давац: «Еще раньше племянник Галдан-Бошогту Цэвэн-Рабдан-хунтайджи объединил Четырех ойратов и разместил на кочевье всех тайджи по Урмучи, Иртышу и другим местам. Среди родственников того джунгарского хунтайджи были два Цэрэн-Дондуба. Знаменитый большой Цэрэн-Дондуб, человек большого ума, и малый Цэрэн-Дондуб по прозвищу Багатур. У хунтайджи был сын Галдан-Цэрэн. У того были сыновья Цэвэн-Намджил-Дорджи и Ламдарджа. У большого Цэрэн-Дондуба был сын Намджил-Рагба, а у него — сын Давац. А у Давац был сын Лубджин» [Железняков, Цендина 2005: 140].

У Давац было два брата: старший Дарба и младший Яманкул [Хафизова 2016: 282]. У Давац было два сына, Лобучжа (Лубчжин) и Фучуньси (Фу Наси), у Лобучжа был сын Фурна. Судя по имени, второй сын Давац, возможно, родился уже в неволе от маньчжурской княжны, так как его имя в переводе с китайского языка означает «радость, приносящая счастье» или «счастье от весенней радости». Вероятно, этот сын родился в 1757 или 1758 г., когда Давац было около 33–34 лет [Хафизова 2016: 282–283].

Не сохранились сведения о том, получал ли Давац ханскую печать от Далай-ламы. Однако из китайских источников известно, что он собирался провести поминальные службы в Тибете по убитому Лама-Дарчжой Цэван-Дорджи Намджалу, что могло быть предлогом для отправления посольства к Далай-ламе, которое имело бы целью получение ханского титула и печати. Однако цинский император Цяньлун (1736–1796), к которому Давац отправил в Пекин своего посланника Дундука в 1754 г., не дал на то своего разрешения [Хафизова 2016: 284]. Возможно, что за недолгий период своего правления (годы правления февраль 1753 г. – август 1755 г.) Давац так и

¹⁵¹ В. П. Санчиров отождествляет в данной работе термин 'хиа' со званием 'паж'.

не смог получить ханскую печать от Далай-ламы.

В «Истории дурбэн-ойратов» повествуется о том, что Давацци получил титул хошой чин-вана во время своего нахождения в Пекине: «Затем они прибыли в Пекин, и начальствующие лица [из их числа] и Давацци были приняты императором. Давацци пожаловали титул хошой чин-вана и поселили его в Пекине. Буучи Абу пожаловали титул хошуну бэйсэ. Оставшиеся при Давацци ойраты стали

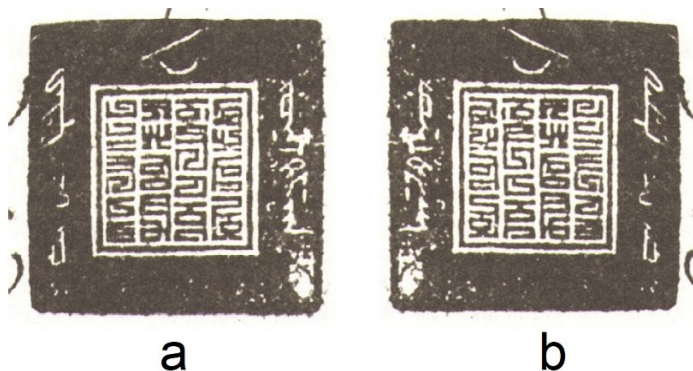

Рис. 40. Печать Давацци-хана: *a* — в обычном положении; *b* — отображенная зеркально

Жэхэскими өлөтими» [Письменные памятники 2016: 82].

Печать Давацци (рис. 40) имеет квадратную форму. Внутри рамки в четырех колонках размещен текст на ойратском языке, записанный квадратным письмом Пагбы-ламы. Текст легенды, как и предыдущей печати, открывается тибетским знаком *dbu khyud* (монг.: *birγ-a*). Сам текст следующий: *zla ba che no yo ni tham ga zla ba chi no yo ni dgo*, что значит ‘Печать нойона Давацци; добродетель нойна Давацци’. Текст на печати содержит дважды повторенную фразу «*zla ba che no yo ni*», но в первый раз тибетское имя Давай-ци *zla ba che*, ‘Великая Луна’, написано верно, во втором повторении *zla ba chi* имеется ошибка: вместо *che* ‘великий’ появилось *chi*. В «Словаре монгольских имен» имя Давацци, или по-монгольски Даваач, идентифицировано как тибетское *zla ba che*, *Их саран* [Монгол хүний нэрийн толь 2013: 502], что значит ‘Великая луна’ и соответствует написанию имени Давацци на тибетском языке на

печати. Правильно написанный текст на печати должен выглядеть следующим образом: *zla ba che no yo ni tham ga zla ba che no yo ni dge*.

Возможно, повторение фразы «*zla ba che no yo ni*» было использовано, чтобы заполнить пространство и позволить скомпоновать текст легенды в четырех колонках.

Слог *ba* в слове *zla ba* в первой колонке и четвертая колонка текста написаны зеркально, что наглядно можно видеть на рис. 38, где в варианте *a* показана печать в своем первоначальном, или «правильном», виде, а в варианте *b* — ее зеркальное изображение, на котором ясно читается, что четвертая строка является ничем иным, как фразой «*no yo ni dgo*».

На кромке печати «ясным письмом» отдельными слогами написана фраза: «*davā čī no yoni tamya*». Исходя из наличия ошибки и нерегулярностей в легенде на печати Даваца, мы предполагаем, что печать имеет не тибетское происхождение: возможно, она была сделана в Джунгарии. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Таким образом, печати Есельбейн Сайн-Ка и Даваца имеют большую степень схожести в исполнении и замещении огласовок гласных 'е' на огласовки 'о', а также размещении ойратского перевода легенды на кромке. Кроме того, тексты легенды на обеих печатях скомпонованы в четыре колонки и имеют в начале знак *birya*. Возможно, обе печати были изготовлены в одном месте, например в Джунгарском ханстве. Печать Галдан Бошогту-хана отличается от двух вышеупомянутых печатей не только графическим исполнением элементов квадратного письма, но и отсутствием ошибок. Более того, сохранилось упоминание о том, что Галдан Бошогту-хану была дарована печать Далай-ламой V, что также является еще одним доводом в пользу ее тибетского происхождения.

Становится очевидно, что ойратские правители не только стремились получить печати от Далай-ламы, но и, в случае отсутствия таковых, вероятно, старались изготовить для себя печати, схожие с теми, что давались буддийским иерархом.

3.2. ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ НА «КВАДРАТНОМ ПИСЬМЕ»

3.2.1. Печать Чимета

Среди печатей на письмах калмыцких владельцев, легенда которых исполнена квадратным письмом, есть и печать с легендой на уйгурском языке. Ее оттиск стоит на письме Чимета, датированном декабрём 1708 г. [Успенский, Яхонтова 2021: Ил. 21], которое хранится в коллекции Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Имя этого торгутского нойна имеет несколько вариантов записи: Чимед, Чимет, Чимит. Нойон Чимет Батуров приходился Аюке-хану двоюродным дядей и стал одним из его сильнейших противников после своего брата Дугара, которого Аюка выдал русскому правительству [Митиров 1998: 108]. Отец Чимета — Сюнке-Батур, сын Хо-Урлюка. У Хо-Урлюка были сыновья Шукур-Дайчин, Гомбо-Йелденг, Сюнке-Батур, Лоузанг, Кирсан, Санжин. У Сюнке-Батура были сыновья Дугар и Чимет. Нам не известна дата рождения Чимета, но известно, что он погиб геройской смертью в битве с турками в 1711 г. [Митиров 1998: 108].

Ю. С. Лыткин пишет: «Предание говорит, что по смерти Пунцука, управлявшего торгутским улусом, Аюки стал во главе своего поколения благодаря ходатайству и помощи своего двоюродного дяди Дугара, родственников Лоузана, Назара и дербетского Солом Церена, доставивших ему отцовский улус и помогших наказать Аблая за поражение своего деда Шукур Дайчина» [Лыткин 1862: 734–735]. Хотя здесь не упоминается имя Чимета, он был одним из тех, с чьей помощью Аюка-хан занял ханский престол.

В 1710 г. Чимет участвовал в войне с Турцией. О последней битве Чимета и его героической смерти писал Василий Бакунин:

В 1711 году весною был в партии со своими калмыками и с царицынскими казаками для перенятия возвращающихся из российских жилищ с пленом кубанских татар, которых разбил и плен возвратил было, но на возвратном пути догнала его другая с Кубани к российским жилищам идущая партия с изменниками, донски-

ми казаками-некрасовцами и при драке с тою партией из калмык, бывших при нем, Чемете, большая часть ушла в свои улусы, а он, Чемет, с оставшими калмыками и царицынскими казаками при реке Аксае сидел в осаде и до тех пор дрался, пока не токмо весьма в малом числе людей остался, но и сам был убит, а голова его по причине, что он на Кубани частые делал поиски и всегда с удачею, отвезена через Крым в Константинополь [Бакунин 1939: 204].

После смерти Чимета его жена Бату, дочь Хошоутова владельца, стала шестой женой сына Аюки-хана Чагдорджаба [Бакунин 1939: 204]. В. Бакунин пишет:

Бату осталась бездетна, а по калмыцким обыкновениям улусами Чеметевыми она, яко бездетная, владеть не могла и сама со всем оным улусом принадлежала Чеметеву племяннику, двоюродного его брата сыну, Намсе, но Чакдоржап оного Намсу жениться на ней не допустил, а женился на ней сам и улусом Чеметовым завладел силою [Бакунин 1939: 204].

На письме Чимета, хранящейся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета, поставлена красная печать (рис. 41), представляющая собой интерес для исследования калмыцкой сфрагистики.

Рис. 41. Печать Чимета

Среди печатей калмыцкой знати сохранились печати с легендами на санскрите, тибетском и китайском языках. Рассматриваемая же печать представляет собой редкий экземпляр имитации уйгурской надписи, сделанной монгольским квадратным письмом. Это письмо было разработано Пагба-ламой (1235–1280) в 1268 г. Надпись на печати представляет собой три колонки букв, имитирующих буквы письма Пагба-ламы, однако не являющихся на самом деле таковыми. В центре печати находится некий знак.

Что же значат знаки на этой печати? Если мы обратимся к статье Густава Йон Рамстедта «Монгольские письма из Идикут-Шэхи близ Турфана», то на монгольском письме (ТII, D 224) обнаружим печать (рис. 41), имеющую большое сходство с печатью Чимета. Во введении А. фон Ле Кок пишет: «Три из рассматриваемых здесь документов (а именно Т. II, D 197, 203 и 224) происходят из раскопок, которые я проводил 16 и 17 января 1905 г. в юго-западном углу большой ограждающей стены группы развалин К (на плане Грюнведеля), чтобы определить ход стен. ...На следующий день один из наших рабочих принес документ № 224, сказав, что нашел его при пересмотре перемещенных нами лессовых масс. Письма были сложены, когда их нашли; их малый размер и схожесть их цвета с цветом лессовой почвы делали очень трудным их распознавание без дополнительных усилий в массе поднимающейся пыли» [Ramstedt 1909: 838–839]. Г. Й. Рамстедт пишет, что письмо ТII, D 224 представляет собой послание Олдзей-Темура (монг. *Öljei-Temür*), написанное вертикальным монгольским письмом, и что, если имя прочитано им верно, то, так как Олдзей-Темур царствовал в 1403–1410 гг., год мыши, упомянутый в письме, соответствует 1408 г., когда было отправлено это письмо [Ramstedt 1909: 845].

Однако Герберт Франке утверждает, что, хотя Г. Й. Рамстедт относит это имя к хану Олдзей-Темуру, сыну Элбэга, который также правил в восточной Монголии и чье правление можно отнести примерно к 1408–1410 гг., область Турфан с городом Ходжо, которая прямо упоминается в письмах (Т.IID 203 и Т. IID 224), не принадлежала к имперской части (улусу) монгольских императоров, правивших в Китае. Скорее, Восточный Туркестан принадлежал

улусу Чагатая, и отношения этой части империи с правящим в Китае родом Тогуя ограничивались случайными легациями в XIV в. [Francke 1962: 403]. Приписывание двух других документов восточно-монгольским ханам Элбэгу и Олдзей-Темуру должно вызывать те же исторические сомнения. И в 1398 г., и в 1408 г. восточные монголы находились в конфликте с китайцами, а также с ойратами. Их владения не выходили за пределы собственно Монголии, и кажется почти невозможным, что, например, Олдзей-Темур в 1408 г. отдавал распоряжения о землях владения Ходжо тамошнему правителю [Francke 1962: 404]. Нет никаких свидетельств о правителе с таким именем для XIV в. в доме Чагатая. Насколько вообще возможно прочтение имени правителя на основе имеющихся репродукций, мы можем предположить, что вместо *Öljeitemür* следует читать *Tuyluqtemür*, имя правителя, которое встречается на двух других документах Турфана на монгольском языке. Годы 1348 и 1360 относятся к его правлению (годы правления 1347–1363) [Francke 1962: 408].

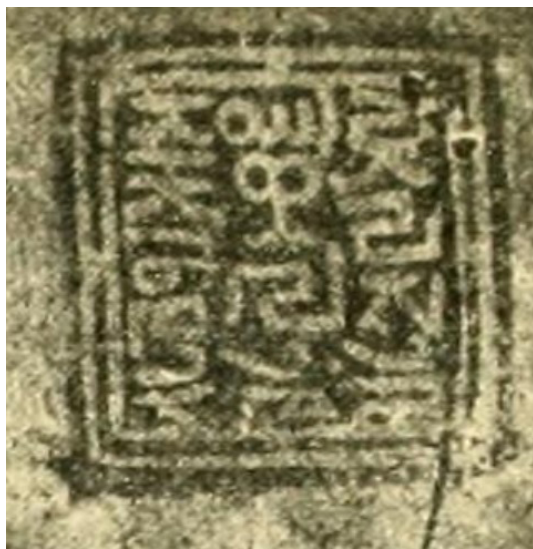

Рис. 42. Печать Туглуг-Темура

Г. Й. Рамстедт пишет о печати, приведенной здесь на рис. 42: «В правом верхнем углу письма можно увидеть большую красную печать. Надпись сделана монгольским квадратным письмом [Пагба-ламы] (Pags-pa или Passepa), но язык, как ни странно, турецкий» [Ramstedt 1909: 845]. То, что Г. Й. Рамстедт называет турецким языком, на самом деле является уйгурским. Он предоставляет прочтение этой надписи: «Так как я читаю первую строку (слева, сверху вниз) *o-ron-qud* (или *qut*); в средней строке находятся два символа, которые остались не интерпретированными, нижний из которых похож на перевернутый тибетский ཐ и также встречается в других печатях (например, в середине нижнего, маленького оттиска печати) — и за ним следует *luq* (или *luγ*); третью строку следует читать *bol-sun*. Если не принимать во внимание два нечетких символа, то перед нами турецкий девиз: *oron quthuγ bolsun* „пусть царство будет счастливым (или величественным)“» [Ramstedt 1909: 845].

Г. Й. Рамстедт сделал также верное предположение о том, что представляет собой знак в центре печати, напоминающий «перевернутый тибетский ཐ». В сноске он приводит цитату из статьи Е. Е. Оливера «Монеты Чагатайских Моголов»: «Почти на каждой монете — характерный знак династии ཐ, тибетское „чх“, перевернутое вверх ногами, занимает видное место» [Oliver 1891: 8]. Этот знак, схожий с перевернутой тибетской буквой *cha*, представляет собой чагатайскую тамгу. Н. П. Лихачев в своем труде «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики» рассматривает развитие и изменение этой тамги, а также наиболее позднее искажение чагатайской тамги, запечатленное на печати из монгольского письма [Лихачев 2014: 152]. В своей работе Н. П. Лихачев также обращает свое внимание на статью Е. Е. Оливера [Лихачев 2014: 152].

При сравнении печати Чимета и оттиска тамги Туглуг-Темура становится очевидно, что изображение на печати Чимета представляет собой не что иное, как имитацию надписи на тамге Туглуг-Темура, причем изготовитель печати Чимета не знал значения и содержания надписи и руководствовался лишь внешней приближительной схожестью символов.

Рис. 43. Оттиск печати Туглуг-Темура, размещенный на сайте «Цифровой архив Турфана»

Более четкое изображение этой печати (рис. 43) на монгольском письме из публикации Г. Й. Рамстедта, ныне хранящемся в Берлинской Турфанской коллекции Берлинско-Бранденбургской академии наук и гуманитарных наук, можно увидеть на сайте «Цифровой архив Турфана», в разделе «Монгольские тексты», под шифром *monght071* *seite 11*, также изображение этой печати можно встретить на электронном ресурсе *BabelStoneBlog2*. Там же находится множество примеров других печатей с уйгурской надписью *orun qutluq bolzun*, которая переведена следующим образом: «Пусть будет удача [в этой] стране».

Автор, английский китаевед Эндрю Уэст, пишет, что в слове *bolsun* вместо *b* квадратным письмом написано *p*, что не так уж необычно (ср. написание квадратным письмом слова *purxan* вместо монгольского *burqan* «Будда»). В том же слове вместо буквы *la* ошибочно написана буква *pa*. Буквы каждого слога не соединены (не связаны в одну лигатуру, как требуется в нормальном письме пагба), что указывает на то, что надпись была скопирована кем-то, кто не был хорошо знаком с этим письмом. Орфографически

конечное *-d* в *qut*, где в других печатях стоит *-th*, неожиданно, но правдоподобно. Формула *qutluγ bolzun* «Да будет удача!» очень распространена, однако нет другого примера этого выражения, которому предшествует слово *oron* ~ *orun*, имеющее значение «место, сиденье, трон, территория, страна».

Также эта печать воспроизведена в книге «Mongolicader Berliner Turfansammlung II» под редакцией Э. Хёниша [Haenisch 1959: 29]. Текст печати был вновь опубликован Гербертом Франке в работе «О датировке монгольских писем из Турфана» [Francke 1962: 407]. Г. Франке читает эту фразу *oron qudluq (или qutluγ) bolsun* и переводит ее «да будет счастливо царство». Более того, Г. Франке говорит о том, что использование тюркского языка не кажется очень правдоподобным для начала XV в. в Восточной Монголии, но это так для империи Чагатай с ее преимущественно тюркским населением. Г. Франке предполагает, что существует связь между надписью на тюркской печати «да будет счастливо царство» и арабским девизом *كللم الله دلخ* «да хранит Бог его царство вечно», обнаруженном на монетах чагатаидов, и что надпись на печати таким образом предает исламское влияние. Это предположение подкрепляется тем фактом, что на печати над тамгой Чагатай написано арабское слово *الله* «Бог» на арабском языке, что до сих пор не было замечено. Таким образом, печать выражает точно такое же желание, как и девиз монет [Francke 1962: 407]. Таким образом, Г. Франке интерпретирует символ, который, по словам Г. Й. Рамстедта, «остался не интерпретированным», как *Allāh* (араб. *الله*) «Бог» на арабском.

Дэвид Фаркуар придерживается другого мнения относительно символа, который другие считают тамгой Чагатай. Он предполагает, что этот символ не имеет ни тибетского, ни центральноазиатского происхождения, и что на самом деле это характерная китайская монограмма, которая использовалась там на протяжении многих веков и распространилась на большие территории Восточной и Центральной Азии. Она использована в дизайне большинства маленьких черных печатей, оттиснутых на других монгольских официальных документах, обнаруженных в Турфане. Эта монограмма встречается в рукописном написании договаривающихся сторон в

раннем монгольском договоре займа из Хара-Хото и на уйгурских тюркских договорах займа, которые были его образцами. Этот же знак встречается в конце некоторых императорских указов, высеченных на камне в период Юань. Многие монограммы, используемые японцами, идентичны [Farquhar 1966: 389–390].

В Китае и Японии эти монограммы (кит. huā yā; яп. kaō; 花押) обычно писались кистью, но во времена Юань, как утверждает Тао Цзуньи (Táo Zōngyí; 陶宗儀), их стали вырезать из дерева или слоновой кости, потому что монгольские и центральноазиатские (sè mù¹⁵²; 色目) чиновники не умели обращаться с китайской волосяной кистью. Эта практика распространилась от них к китайским чиновникам из-за ее удобства. Тао Цзуньи прослеживает эту практику до чиновника Ли Гу (Lǐ Gǔ 李穀) из поздней династии Чжоу, который в 952 г. сделал такую печать из-за больной руки. Однако обнаружение бронзовых печатей, похожих на более поздние печати с монограммой, указывает на то, что они, очевидно, гораздо более раннего времени, и позволяет предположить, что эта практика была традиционной [Farquhar 1966: 390–391].

Однако из вышеприведенного труда Н. П. Лихачева мы можем видеть, что этот символ развивался постепенно, и, возможно, имеет независимое от китайской традиции происхождение. Данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Какое же происхождение имеет печать Чимета? Существуют ли другие примеры такой печати-имитации с уйгурским содержанием? Несколько примеров таких печатей-имитаций существует в Тибете и Ладакхе. Например, на одном из документов землеобмена из Ладакха, датируемом годом Земли-Тигра, т. е. 1758 г., стоит квадратная черная печать (рис. 44) [Schuh 2016: 518], представляющая собой не что иное, как имитацию представленной выше печати из Турфана.

Буквы печати, как и на оригинале, стоят в три столбца, однако они представляют собой не настоящую надпись квадратным письмом, а лишь имитацию, где надпись не может быть прочитана, и лишь имеет сходие с оригиналом очертания.

¹⁵² Сэму, «цветные глаза» — общее название немонгольских западных племен в эпоху Юань (имели меньше прав, чем монголы, больше, чем ханьцы).

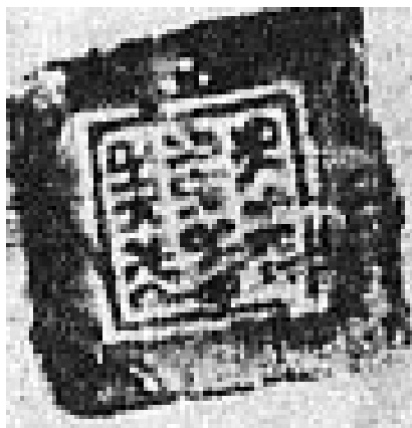

Рис. 44.

Квадратная черная печать
из Ладакха

Квадратная черная печать
из Леха

Схожая печать (рис. 44) стоит на другом документе о продаже земли и дома министра (тиб. *blon po*) из Леха, датированном 23 марта 1772 г. (тиб. *chu-'brug zla 2 tshes 20*) [Schuh 2016: 534].

Другая подобная печать — красная квадратная печать на письме 1764 г. царицы Пурик Тендзин Бутри Вангмо (тиб. *pu rig bstan 'dzin bu khrid dbang mo*), длина кромки 2,2х2,3 см (внутреннее поле 1,4х1,5 см) (рис. 45) [Schuh 2016: 524].

Рис. 45. Печать царицы Пурик Тендзин Бутри Вангмо

Надпись на этой печати, имитирующая уйгурскую надпись, несет еще меньшее сходство с оригинальной уйгурской печатью.

По всей видимости, эти печати из Ладаха представляют собой более поздние копии печатей, представляющих собой уже бессмысленную имитацию некой древней печати, возможно юаньского периода, с которой тибетцы были знакомы. Изготовление такой печати как признака власти продолжилось и позднее, когда всякое знание о первоначальном оригинале и значении надписи на ней было полностью утрачено.

Исходя из вышеприведенных данных, мы думаем, что печать Чимета имеет тибетское происхождение. Неизвестно, когда и от кого она была получена и что произошло с этой печатью после смерти Чимета в 1711 г. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании.

3.2.2. Печать Лекбея

Кроме печати Чимета, известны и другие печати с легендой на квадратном письме, но изготовленные уже в Калмыцком ханстве.

Такой печатью является печать Лекбея. Хошутский владелец Лекбей¹⁵³ был сыном Ахая (Хая), чей род ведет свое происхождение от младшего брата Чингис-хана Хасара. Так, Батур Убаши Тюмень в «Сказании о дербен-ойратах» пишет:

У Хая сыновья: Лекбе, Даши и Арабтан [Тюмень 2003: 130].

А. В. Цюрюмов отмечает:

В 1738 г. нойон Дондук-Даши сообщил любопытный факт: еще при жизни Чагдорджаба, т. е. до 1722 г., хошоутский владелец Ахай попытался откочевать из калмыцких кочевий, но был возвращен назад. После этого улус был передан его сыну Лекбею [Цюрюмов 2007: 168].

Время жизни Лекбея — примерно первая треть XVIII в. Его деятельность пришлась на время активных династийных междоусобиц после смерти Чагдорджаба в 1722 г., Аюки в 1724 г., борьбы за власть, возвышения Дондук-Омбо в 1741 г. Владелец этот был женат на старшей дочери Дондук-Омбо [Новолетов 1884: 24].

¹⁵³ В некоторых документах его имя пишут Лекбе.

Из письма, полученного 17 ноября 1738 г., известно ее имя — Дана-Даши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 103. Л. 51]. Кроме того, по всей видимости, у Лекбея была другая супруга — Убагара, приходившаяся сестрой Дасангу [Тепкеев 2021b: 237–238]. Лекбей поддержал вместе с Баем (сыном Доржи Назарова) и другими владельцами восстание Галдана-Норбо (сына Дондук-Омбо) и был арестован 25 сентября 1738 г. на переправе через Волгу и посажен «под крепкий караул» в Черном Яру [Митиров 2002: 199]. Умер Лекбей в Астрахани в ноябре 1738 г. [Митиров 2002: 203]. После смерти Лекбея-тайши хошеутский улус унаследовал его сын Лабанг-Дорджи [Митиров 1998: 198], после которого улус унаследовал племянник Лекбея Тукчи [Цюрюмов 2007: 263].

Полное имя Лекбея — Лекбей Ендон — указано в самом раннем из известных его писем астраханскому губернатору Артемию Петровичу Волинскому, полученном 13 августа 1724 г. и скрепленном печатью Лекбея [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 168]. Лекбей Ендон — тибетское имя, соответствующее тибетскому *legs pa'i yon tan* ‘благое качество’. В большинстве своих писем, а также во многих документах он использовал сокращенный вариант имени — Лекбей (тиб. *legs pa'i*), представляющий собой первую часть его имени с показателем родительного падежа, хотя, как правило, тибетские имена, имеющие в своем составе частицу родительного падежа, не используются отдельно.

После смерти Лекбея его печатью пользовалась его супруга Дана-Даши, затем печать унаследовал его племянник Тукчи, получивший в наследство и улус. У Тукчи было две жены: Эсень, внучка Доржи Назарова [Батмаев 1993: 59] и падчерица хана Дондук-Даши, дочь Церен-Дондука [Витевский 1897: 538].

Последнее письмо Лекбея с данной печатью получено 17 сентября 1738 г. После этого печатью владел племянник Лекбея Тукчи. После Тукчи печать, видимо, перешла к хошеутовскому владельцу Генен Норбу. Так, на письме Генен Норбу, полученном 27 марта 1769 г., стоит печать Лекбея [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 409. Л. 168]. На письме астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву, полученном 14 января 1743 г., также стоит имя Генен Норбу

и печать Лекбея. Документов Лабанг-Дорджи с печатью Лекбея нами пока не обнаружено. Дальнейшая судьба этой печати неизвестна.

Печать Лекбея несет легенду на тибетском и калмыцком языках, выполненную квадратным письмом Пагба-ламы (1235–1280).

По всей видимости, выбор квадратного письма Пагба-ламы не случаен. Это письмо было введено в период великой монгольской династии Юань, таким образом, печать с легендой на данном письме представляет собой напоминание о былом величии монгольских народов и продолжение старой традиции создания подобных печатей. Кроме того, как видно из документов, среди ойратских правителей XVII в. использовались печати на квадратном письме. Таковы, например, печать Галдан Бошогту-хана и одна из печатей Тендзин Даян-хана, сына Гуши-хана. Все эти факторы могли повлиять на выбор письма для печати Лекбея и прочих калмыцких нойонов.

Вероятно, не все калмыцкие знатные лица имели печати. Как правило, такими печатями обладали лишь высокородные правители и высокое духовенство. Лекбей происходит из хошутского рода, ведущего свое происхождение от Хасара; представители этого рода причисляли себя к борджигинам. Кроме того, Лекбей являлся также и крупным владельцем, которому принадлежала половина отцовского улуса, т. е. около 2 тысяч кибиток. После попытки Ахая откочевать из калмыцких кочевий улус был разделен на две примерно равные части (по 2 тысячи кибиток), не сохранившие самостоятельность и вошедшие в состав владений Чагдорджаба (улус Лекбея) и Доржи Назарова (улус Хошот-Дондука) [Цюрюмов 2007: 34]. Для сравнения: незадолго до своей смерти Чагдорджаб разделил часть своего улуса между шестью старшими сыновьями. Дети от первой его жены Джал: Дасанг, Баксадай-Дорджи, Нитар-Дорджи, Гунцукджаб — получили 1800 кибиток. Дондук-Даши (сын от Габиль), Данжин-Дорджи (сын от Цаган-ламы) и Бату (сын от наложницы) — получили по 400 кибиток. Во владении самого Чагдорджаба оставалось около 4200 кибиток [Цюрюмов 2007: 47]. На этом примере видно, что у Лекбея было довольно

большое количество кибиток даже по сравнению с сыновьями Чагдорджаба, а последнего Аюка-хан прочил в свои наследники. Несомненно, что происхождение и положение в обществе давали Лекбею право завести свою собственную печать. Большинство печатей калмыцких знатных лиц не несли имени владельца. Так, три из печатей Аюки-хана, а также печати Чагдорджаба, Чимета, Четеря, Лузана и других владельцев не имеют в своих легендах их имен. Однако имеется несколько печатей с легендой на тибетском языке, включающей имя первоначального владельца; к таковым относится и рассматриваемая здесь печать Лекбея (рис. 46).

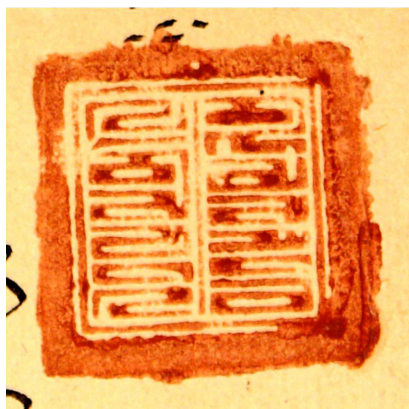

Рис. 46. Печать Лекбея

Рис. 47. Реконструкция печати Лекбея

Для большей ясности нами подготовлена реконструкция печати при помощи шрифта BabelStonePhagspaBook_v2 (рис. 47).

Размер печати 3,0х3,0 см. Оттиск нанесен красной краской или тушью. Текст состоит из двух столбцов, выполненных квадратным письмом Пагба-ламы. Легенда на этой печати следующая: *legs pi'a gtams kib*. В тексте легенды имеются орфографическая, лексическая и графическая ошибки. Так, огласовка 'i' над малой 'a' (тиб. 'a chung) в слове *pa'i* должна стоять после малой *a*, тогда как на печати она написана впереди – *pi'a*. Тибетское слово *gtams* использовано вместо правильного тибетского *tham (ka)* 'печать'. На калмыцких печатях используется и другой вариант — *gtam*. Однако слово *gtams* имеет несколько значений: «огромное количе-

ство», «заполнять», «поручать», а слово *gtam* имеет значения «совет», «разговор», «новость», «беседа, разговор» и т. д. Ни одно из слов *gtams* и *gtam* не имеет значения «печатать»: по всей видимости, мастер, изготовивший печать, недостаточно хорошо владел тибетским языком. В последнем слове на печати *kib* тибетская буква *ka* изображена верхом вниз. На рис. 48 представлены: а) тибетская буква *ka* в том положении, в каком она изображена на печати; б) тот же слог *ka*, отображенный правильно.

Рис. 48. Буква *ka*: *a* — на печати Лекбея в перевернутом положении;
b — в правильном положении

Слово *kib* является записью современного калмыцкого слова *кев* — «печатать (для оттиска); клише» [КРС 1977: 287]. Исходя из этого, можно предположить, что *gtams kib* является тибето-калмыцким компаундом, означающим «печатать». Присутствие калмыцкого слова в легенде печати дает возможность предположить, что она была сделана в калмыцкой степи. Слова *gtams kib* отмечены только на калмыцких печатях, так же как и приписывание значения «печатать» слову *gtams/gtam*. Эти же слова использованы в значении «печатать» и в легендах других калмыцких печатей, что в сочетании с большой графической схожестью между ними указывает на, возможность изготовления таких печатей одним мастером.

Мы предполагаем, что печать Лекбея послужила примером как минимум еще для одной печати одного из представителей калмыцкой знати. Среди калмыков были мастера, занимавшиеся изготовлением ювелирных изделий, и это дает основание предположить, что находились и такие, кто мог изготовить печать.

3.2.3. Печати Лубжи

Лубжа¹⁵⁴ (ум. 1737) — старший сын нойона Доржи Назарова, владельца большого улуса, называемого Табун оток [Митилов 2002: 192]. У Доржи Назарова было трое сыновей: Лубжа, Бай, Данзан [Родословная 2016: 98]. У Лубзы, или Лубжи, было три сына, старший Бамбар принял цинское подданство в начале 36-го года правления императора Цяньлуна (1771 г.). Ему было пожаловано цинской властью достоинство засак Биширэлтү («Преисполненный веры») и титул цзюнь-вана. Второго сына Лубзы звали Йүмчэн, или Йомчен, третьего — Багдан¹⁵⁵ (тиб. dbang ldan) [Родословная 2016: 98].

В «Сказании о дербен-ойратах» Батур Убаши Тюменя в разделе, повествующем о роде торгутских ханов и нойонов, сказано:

1. У Зулзаган Орлека был сын Хо Орлек, у него было шесть сыновей и шесть дочерей; сыновья: Худа Шукур Дайчин, Гомбо Йельден, Лоузан, Санчжин, Сенге и Кираса (Кирсан). У Дайчина были четыре сына: Чжалбо (Рачжалбо), Нима Серен, Пунцук и Чжалцан (Ра Чжалцан). У Нима Серена был сын Назар, его сыновья: Дорчжи, Гомбе (Гумбе), Рабчжур и Убаши. У Дорчжи [Назарова] были три сына: Любчжи (Лубжа), Бай и Данчжин (у Любчжи были три сына: Бамбар, Йемпел (Йомчин) и Вандан; у Бая был сын Мингмар; у Данчжина сын Ельзете); у Убаши было два сына: Солтан и Очир [Батур Убаши Тюмень 2003: 137].

В письме Йомчина и Вангдана, полученном 13 января 1746 г., представлено полное имя Вангдана — Вангдан Норбу [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 14]. А. Г. Митилов пишет, что у Доржи Назарова было три внука: Бамбар, Йомчин и Ользету [Митилов 1998: 198]. Ельзете, или Ользету, — сын Данчжина, или Данзана. Вероятно, другое имя Бая было Гунга [Пальмов 1926: 148]. У Лубжи была еще и дочь, бывшая замужем за сыном Лабан-Дондука Шампиль-Норбо или Сампиль-Норбо (тиб. bsam 'phel nor bu).

¹⁵⁴ В различных исторических работах это имя пишется Лубжа, Лубджа, Лабжа, Лабджа, Лобжа, Лобджа, Лобжан, Лобча, Любчжи и т.д.

¹⁵⁵ В русских документах его имя записано Багдан, Бангдан, Вангдан, Вангдан и Ондон.

Шампиль-Норбо отнял ее у брата Лабан-Дондука Чидана (в крещении Никиты Дербетева), а затем бросил [Митиров 1998: 251]. Лабан-Дондук умер в феврале 1749 г., а его сын Шампиль-Норбо умер в марте того же года в Черкасске. После их смерти владельцем части дербетовского улуса, принадлежавшего Лабан-Дондуку, стал его другой сын Галдан-Церен, рожденный от супруги Абу [Митиров 1998: 254].

Исходя из легенды на печати, можно установить, что имя Лубжа является тибетским, *blo brgya*, вероятно, имеющее значение «Сметливый, Многоумый».

К владению Доржи Назарова примыкал улус хошоутского нойона Лекбея (до 2 тысяч кибиток). Связь этих двух нойонов носила не вассальный характер, а была предопределена династическими отношениями [Цюрюмов 2005: 33]. Возможно, это является причиной, почему печати Лекбея и сына Доржи Назарова — Лубжи имеют сходство, о котором будет сказано ниже.

По всей видимости, временами Лубжа использовал печать своего отца Доржи Назарова. Так, на письме Лубжи, полученном 28 марта 1732 г., стоит печать Доржи Назарова и подпись: *Noyon Lobja yar talbiba*, «Нойон Лубжа подписал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 101].

Как видно из писем Лубжи, отложившихся в НА РК, он владел тремя печатями. Наиболее ранняя из них стоит на письме Лубжи Артемию Петровичу Волынскому¹⁵⁶, полученном 29 августа 1724 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 20. Л. 43]. Размер печати 2,9х2,9 см. Оттиск, сделанный красными чернилами или краской, довольно неясный, однако можно предположить, что он представляет собой печать с легендой *blo brgyai gtams 'a* (рис. 49).

Легенда помещена в квадратную рамку, в ее верхней части находится кружок, указывающий на верх печати. Имя владельца *blo brgya* вырезано неверно, тибетская огласовка *o* должна находиться внизу первого слога, вместо этого она стоит вверху, как обычно в тибетском письме. Легенда на печати несет в себе несколько ошибок. Вместо имени владельца с показателем притяжания *blo brgya'i* в легенде написано ошибочное *blo brgyai*. Данная легенда

¹⁵⁶ См. примеч. 141.

Рис 49. Первая печать Лубжи

схожа с печатью Лекбея в том, что вместо тибетского слова *tham ka/ga* ‘печать’ использовано неверно тибетское слово *gtams 'a*. О тибетском слове *gtams* было сказано выше в разделе о печати Лекбея. Мастер, изготовивший печать, вероятно, был плохо знаком с квадратным письмом, поэтому вместо уже неверной легенды *gtams ka* он изобразил слово *gtams 'a*, где элемент *ka* имеет графическую схожесть с *'a*.

Данная печать стоит на письме Лубжи Ивану Бахметьеву, полученном 5 сентября 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 69], на письме, полученном 5 сентября 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 88], письме Василию Пахомовичу Беклемишеву, полученном 1 марта 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 125], на письме, полученном 16 ноября 1735 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 408], и на нескольких недатированных письмах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 43; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 50; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 128; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81.

Л. 101].

Кроме того, эта печать стоит на письме сына Доржи Назарова Ользету, полученном 9 октября 1738 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 103. Л. 69]. Как уже было сказано выше, Ользету (Ельзете) – сын Данчжина/Данзана и один из внуков Доржи Назарова, в данном письме же он назван сыном Доржи Назарова. Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

После смерти Лобжи данной печатью пользуется его супруга Церен Норма, чье имя в другом письме названо Церен Норбо. Так, эта печать стоит на письме владелицы Церен Нормы бригадиру Петру Фёдоровичу Кольцову¹⁵⁷ 26 октября 1743 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1321] и письме владелицы Церен Норбо полковнику Никите Григорьевичу Спицину, полученном 18 июля 1751 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 253. Л. 225].

После нее печать использует третий сын Лубжи Вангдан. Как уже говорилось выше, его тибетское имя по-разному записывалось в русских переводах его писем. Так, печать стоит на письме Вангдана полковнику Никите Григорьевичу Спицину, полученном 23 ноября 1751 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 255. Л. 119], на письме Ондона астраханскому губернатору, полученном 19 января 1758 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 299. Л. 138], на письме Вангдана астраханскому губернатору, полученном 5 января 1763 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 21], на письме Ондона астраханскому губернатору, полученном 20 января 1765 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 365. Л. 31], на письме Бангдана астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 1 июля 1765 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 368. Л. 109], на письме Багдана астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 3 января 1766 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 382. Л. 15], на письме Ондона астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 1 января 1767 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 383. Л. 26], на письме Ондона астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу

¹⁵⁷ Петр Фёдорович Кольцов, с 15 декабря 1726 г. комендант Царицына, с 1742 г. бригадир. 19 декабря 1743 г. бригадир П. Кольцов был назначен посланником в Большую Кабарду. 27 марта 1744 г. выехал из Царицына «в Астрахань, а оттуда в Кабарду» [Клушин 2015: 30–31].

Бекетову, полученном 29 марта 1767 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 391. Л. 17], на письме Вангдана полковнику Михаилу Степановичу Лебедеву¹⁵⁸, полученном 10 января 1768 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 399. Л. 28], на письме Вангдана астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 25 января 1769 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 417. Л. 74].

У Лубжи была другая печать, которая являлась имитацией (рис. 50) предыдущей.

Рис. 50. Вторая печать Лубжи

Размер печати 3,0х3,0 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Легенда помещена в квадратную рамку и является повторением легенды на предыдущей печати Лубжи с небольшими отличиями: *blo brgya gtams*. После имени владельца Лубжи нет показателя притяжения: *blo brgya*. Кроме того, слово *gtams* во второй колонке отсутствует 'a. В самом слове *gtams* лигатуры *ms* написаны неясно, как будто мастер, изготавливающий печать, был незнаком с квадратным письмом. Эта печать стоит на

¹⁵⁸ Полковник Михаил Степанович Лебедев — вице-губернатор Астраханской губернии в 1779–1784 гг.

письме Доржи [Назарова] и Лобжи, полученном 8 января 1737 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 89. Л. 22].

Рис. 51. Третья печать Лубжи

Третья печать Лубжи (рис. 51) несет на себе легенду *bla mi gtam*.

Размер печати 2,8х2,8 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Легенда помещена в квадратную рамку, в верхней части печати находится кружок, указывающий на верхнюю часть печати. Легенда на печати на тибетском языке, записанная квадратным письмом, содержит ошибки. В *bla mi* отсутствует показатель притяжания, правильно написанное, данное слово должно выглядеть так: *bla ma'i*. Слово *gtam*, по всей видимости, является неверно записанным тибетским словом *tham/tham ka*, «печать». Само тибетское слово *gtam* значит «разговор, беседа». Несколько в ином написании это тибетское слово *gtams* в значении «печать» было использовано в легендах на печатях Лекбея и Лубжи, таким образом обнаруживая сходство между ними.

Рассматриваемая печать стоит на письме Лубжи, полученном 28 марта 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 59], письме, по-

лученном 28 марта 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 61], недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 216] (печать верхом вниз), на письме, полученном 29 августа 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 198], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 335], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 59. Л. 63], на недатированном письме [НА РК. Ф. -36. Оп. 1. Д. 62. Л. 63], на письме, полученном 8 августа 1736 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 82. Л. 111], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 226. Л. 167].

Эта печать стоит и на общем письме владельцев Бамбара, Йомчина и Вангдана тайному советнику, астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву¹⁵⁹, полученном 22 августа 1743 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 173. Лл. 675–676].

Позднее эту печать унаследовал Йомчин. Так, ее оттиск стоит на его письме, полученном 15 мая 1744 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 179. Л. 123], [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 123], на письме Йомчина и Вангдан Норбу, полученном 13 января 1746 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 14], на письме Йомчина действительному камергеру, кавалеру, астраханскому губернатору, полученном 8 января 1747 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 120], на письме Йомчина, полученном 8 января 1755 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 257. Л. 3], на письме Йомчина генерал-майору, полученном 23 апреля 1758 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 413],

У Йомчина была и другая печать, являющаяся подделкой унаследованной им третьей печати Лубжи с легендой *bla mi gtam*, оттиск которой отражен зеркально (рис. 52).

Размер печати 2,2х2,2 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Так, оттиск этой печати стоит на письме Йомчина, полученном 18 декабря 1756 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 257. Л. 106], на письме Йомчина, полученном 18 сентября 1758 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 299. Л. 135], на недатированном письме, вероятно, Йомчина [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 582].

¹⁵⁹ Василий Никитич Татищев был губернатором астраханской губернии в 1741–1745 гг.

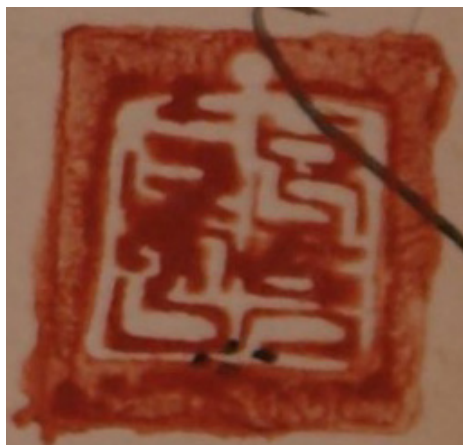

Рис. 52. Оттиск подделки третьей печати Лубжи

3.2.4. Печать Бамбара

Другой печатью, имеющей сходство с печатями Лекбея и Лубжи, является печать Бамбара, старшего сына Лубжи (рис. 53а), о котором уже было сказано выше.

Для удобства рассмотрения легенды нами была сделана реконструкция надписи на печати Бамбара посредством компьютерного шрифта BabelStonePhagspaTibetanB_v2 (рис. 53б).

a

b

Рис. 53. Печать Бамбара: *a* — оттиск; *b* — реконструкция легенды

Бамбар был старшим сыном Лубжи и внуком Доржи Назарова, ведущим свой род, как все тайши, являющиеся потомками Хо-Урлюка, от современника Чингис-хана Ван-хана. Далай хан говорил о Ван-хане, что он одной кости с Чингис-ханом [Батур-Убуши Тюмень 1969: 25]. У Бамбара были две жены: Церен-Джаб [Батмаев 1993: 205] и Радна [Батмаев 2023: 601]. Хотя у его отца Лубжи и деда Доржи Назарова имелись свои печати, Бамбар завел себе собственную.

Размер печати Бамбара 3,0х3,0 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Легенда на печати на тибетском языке с элементом на калмыцком языке, записанная квадратным письмом, содержит ошибки. Легенда, помещенная в квадратную рамку, разделенную на две прямоугольные части, следующая: *dpal 'bar gtam kib* — «печать Бамбара». Кружком обозначена верхняя часть печати. Из легенды мы узнаем, что имя Бамбар имеет тибетское происхождение — *dpal 'bar*, «Пылающее Великолепие».

Как и в случае с печатью Лекбея, тибетское слово *gtams* использовано вместо правильного тибетского *tham (ka)* — «печать». Эта ошибка указывает на то, что мастер, изготовивший печать, недостаточно хорошо владел тибетским языком. В последнем слове на печати *kib* тибетская буква *ka* изображена верхом вниз. На рис. 54 представлены: а) тибетская буква *ka* как на печати; б) тот же слог *ka*, отображенный правильно.

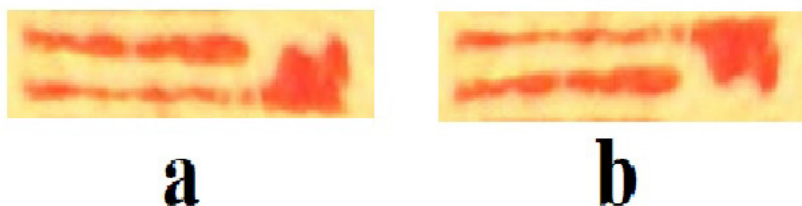

Рис. 54. Тибетская буква *ka*: а — изображенная на печати Бамбара; б — слог *ka*, отображенный правильно

Как и в случае с легендой на печати Лекбея, здесь присутствует калмыцкое слово *kib* (на современном калмыцком — *кев*), «печать (для оттиска); клише» [КРС 1977: 287]. Таким образом, как уже было сказано выше в разделе о печати Лекбея, *gtams kib* являет-

ся тибето-калмыцким компаундом, означающим «печать». Присутствие калмыцкого слова в легенде печати дает возможность предположить, что она была сделана в калмыцкой степи. Печати Лекбея и Бамбара имеют большое сходство не только во внешнем виде, использовании квадратного письма и расположении надписи, но и в присутствии элементов на калмыцком языке, а также неправильном написании тибетской буквы *ka*. Это указывает на то, что печать Бамбара также была изготовлена в калмыцкой степи, возможно одним и тем же мастером.

По всей видимости, печать Лубжи была сделана раньше печатей Лекбея и Бамбара и является наиболее ранним известным примером использования слова *gtam* в значении «печать». Наиболее раннее использование печати Лубжи обнаружено нами на письме, полученном адресатом в 1724 г. Возможно, она использовалась и ранее, однако документы с этой печатью не сохранились. Предположительно, именно данная стала образцом для печати Лекбея, а та, впоследствии, послужила образцом для печати сына Лубджи — Бамбара. Так как Лекбей был соратником Галдана Норбо, а Бамбар — соратником Убаши, можно предположить, что Бамбар был младше Лекбея.

Самое раннее письмо с печатью Бамбара, адресованное генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну, получено 10 апреля 1761 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 466]. Последнее письмо Бамбара с этой печатью было отправлено Замьяну и получено им третьего числа месяца Змеи года Огня-Свиньи, что соответствует 19 февраля 1767 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 21].

Печатью Бамбара, как следует из анализа просмотренных нами документов из Национального архива Республики Калмыкия, кроме него самого, никто не пользовался. А в 1771 г. Бамбар вместе с наместником ханства Убаши откочевал в направлении Центральной Азии, где оказался на территории цинского Китая. На 36-м году правления Цяньлуна (1771 г.) Бамбару (кит. 巴木巴尔; пиньинь *Bā mù bā'ěr*) был дан титул дзасака дуоло цзюнь-вана¹⁶⁰

¹⁶⁰ Дуоло (кит. 多罗; пиньинь *duōluó*) — маньчж. доро; употр. в титулах маньчжуров и монголов, состоящих в родстве с императорским домом цинской династии.

и почетное звание «Биширэлту» («Благословенный»). Он умер в 39-м году правления Цяньлуна (1774 г.), и титул унаследовал его сын Церен-Делик [Dorji, Batubayar, Lijeі 2009: 37]. Возможно, печать была сдана цинскому правительству, когда Церен-Делик унаследовал титул и получил от властей новую печать.

Выводы по главе 3

Церен-Дондук был объявлен наместником Калмыцкого ханства в 1724 г., а в 1731 г. был утвержден российскими властями ханом. В 1735 г., по возвращении его посланников из Тибета (куда они отправились в 1729 г.), Церен-Дондук получил печать, ханский титул и грамоту от Далай-ламы. Церен-Дондук являлся единственным калмыцким ханом, легитимность которого была признана российским императором, теократическим правителем Тибета — Далай-ламой и цинским императором.

Вручение грамоты от Далай-ламы VII Келсанг Гьяцо (до настоящего времени сохранился ее перевод на русский язык), печати и титула, даров от верховного буддийского иерарха состоялось 10 сентября 1735 г.

Хан Церен-Дондук на протяжении своего правления пользовался третьей печатью своего отца Аюки, и после получения своей личной печати, дарованной Далай-ламой VII, продолжал ее также использовать. Этот факт подчеркивает значимость третьей печати Аюки-хана, которая была получена от Далай-ламы VI и передана наследнику ханства (хотя она долго хранилась вдовой хана Дарма-Балой).

Процесс присвоения Церен-Дондуку титула и дарования ему печати был долгим. В 1731 г. его посольство прибыло в Тибет, Далай-лама, согласно тибетскому источнику, принял решение о даровании ему ханского титула. В следующем 1732 г. Далай-лама VII получил послание от цинского императора Юнчжэна, одоббившего это решение о титуле калмыцкому хану. В 1733 г. калмыцкие посланники вернулись в Россию, но были задержаны, и только в 1735 г. титул, печать, грамота дошли до адресата.

Титул Дайчин-Шаса-Бюджа-хан, дарованный хану Церен-Дондуку Далай-ламой VII, означает «Храбрый хан (или царь), защи-

щающий учение [Будды]». Присутствие в титуле компонента «Дайчин» («храбрый», «отважный», а также «воитель»), как в титуле Аюки-хана, свидетельствует о признании Тибетом заслуг ойратских правителей в помощи Тибету в первой трети XVII в. и о желании об оказании поддержки со стороны ойратских правителей и в дальнейшем.

В отличие от дарованных от имени Далай-ламы печатей Аюки-хана, на печати Церен-Дондука содержался его титул. Легенда на печати записана квадратным письмом Пагба-ламы на тибетском языке и гласит *dAi ching shA sa na bhu dza khan gyi tham gar gyal lo* — «Пусть будет победоносной печать Дайчинг Шасана-Бхуджа-хаана» («Пусть будет победоносной печать храброго царя, защищающего учение [Будды]!»). Калмыцкий правитель назван не просто ханом, а хааном (хаганом).

Титул «защитник учения» использовался наряду с титулом «хранитель учения», который был дарован от Далай-ламы ойратским Гуши-хану — «Тендзин Чокьи Гьялпо» («Хранитель Учения, Царь Дхармы»), Галдан Бошогту-хану — «Тендзин Бошогту-хан» («Возведенный повелением хранитель учения»), Даян-хану и Далай-хану — «Тендзин» («Хранитель учения»), что свидетельствует о сопоставимости их статуса со статусом калмыцкого хана.

Ойратские правители использовали схожие с печатью Церен-Дондука печати. Проведенный анализ печатей Есельбейн Сайн-Ка, Гуши-хана, Галдан Бошогту-хана свидетельствует о том, что квадратное письмо, созданное Пагба-ламой в период Юаньской империи, использовалось как символ величия монголов и продолжение традиции создания печатей юаньского периода. При этом текст мог быть составлен на тибетском языке — языке, священном для буддистов — последователей Далай-ламы. Для не умеющих читать на квадратной письменности использовались надписи на ойратской письменности. Но они, как правило, располагались по краям. Местом производства проанализированных печатей могли быть как Тибет, так и Джунгарское ханство. Стремление получить печать от Далай-ламы могло не увенчаться успехом, и в таких случаях ойратские правители прибегали к за-

казу печатей по образцу тибетских, дарованных буддийским иерархом другим правителям.

Как и на печати Церен-Дондука, где в легенде имелось написание его титула «Дайчин-Шаса-Бюджа-хан», на печати Галдан Бошогту-хана в легенде помещен текст, включающий его титул «Галдан Тендзин Бошогту-хан», в обоих случаях текст на тибетском языке был записан квадратной письменностью Пагба-ламы.

Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана после смерти Церен-Дондука использовалась его матерью Дарма-Балой.

Примеры печатей калмыцких правителей, в которых использовалось квадратное письмо, подтверждают значение квадратной письменности в культуре печатей, получившей распространение в среде калмыков. Уникальный образец печати нойона Чимета является свидетельством имитации уйгурской надписи, имеющейся на тамге Туглуг-Темура — хана Моголистана; печать имеет тибетское происхождение. Примеры печатей правителей Ладакха подтверждают тезис о том, что тибетцы копировали древние печати, возможно юаньского периода, даже если содержание легенд становилось непонятным.

По итогам анализа печатей нойонов Чимета, Лекбея, Лубжи, Бамбара сделан вывод о том, что в Калмыцком ханстве имели хождение как печати, привезенные из Тибета, так и изготовленные калмыцкими мастерами.

ГЛАВА 4. ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ ДОНДУК-ОМБО И ДОНДУК-ДАШИ

4.1. ПЕЧАТИ ХАНА ДОНДУК-ОМБО

Династийные междоусобицы, начавшиеся после кончины хана Аюки в 1724 г., продолжились во время правления хана Церен-Дондука, они были обусловлены борьбой за власть в ханстве [Цюрюмов 2005: 5].

Правление хана Церен-Дондука оказалось недолгим, и в середине 30-х гг. XVII в. произошло событие, которое не имело аналогов в истории ханства. Калмыцкий хан Церен-Дондук в октябре 1735 г. был задержан российскими властями в Царицыне и отправлен в Санкт-Петербург, о намерении исполнить это указывала императрица Анна Иоанновна еще в марте 1735 г. [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 102–103; Бакаева 2019: 904]. Правителем в ханстве стал владелец Дондук-Омбо, сын Гунджаба и внук хана Аюки, который грамотой от 3 марта 1737 г. был пожалован в ханы [История Калмыкии 2009: 395].

Дондук-Омбо правил Калмыцким ханством с 1735 по 1741 гг. После его кончины наместником был назначен Дондук-Даши, сын Чагдорджаба и внук Аюки, двоюродный брат Дондук-Омбо, хотя последний надеялся на продолжение своей династии. У Дондук-Омбо было две супруги: хошутка Солома [Митиров 1998: 198] и кабардинка Джан Кургокина (? – 1777 г.), дочь главного князя-валя Кабарды Кургоко Атажукина, крещенная в православие в 1744 г. под именем княгиня Вера Дондукова [История Калмыкии 2009: 791]. От брака с Соломой [Митиров 1998: 173] у Дондук-Омбо был сын Галдан-Норбо (тиб. dga' ldan nor bu), а от брака с Джан — Рандул (тиб. dgra 'dul?), позднее ставший известным под именем князя Петра Дондукова, Додьби (впоследствии князь Алексей Дондуков), Асарай (впоследствии князь Иона Дондуков), Джубасар (впоследствии князь Филипп Дондуков), дочери Далеку (впоследствии Любовь Дондукова) и Бунигара (впоследствии Надежда Дондукова) [Митиров 1998: 202–203, 356].

Как отмечалось выше, калмыцкие ханы стремились получить знаки инвеституры власти (грамоту, титул, печать) от Далай-ламы. Калмыцкий правитель Аюка в течение своей жизни использовал четыре печати, каждая из них имела свои особенности; исследователи выдвигают гипотезы о том, какая из них была дарована из Тибета [Митруев 2021с; Аваков, Митруев 2023]. Его преемник хан Церен-Дондук получил грамоту от Далай-ламы и печать, на которой был выгравирован титул, дарованный ему верховным буддийским иерархом [Митруев 2022b], в сентябре 1735 г. [Бакаева 2019: 896–904; Курапов 2011: 137–138].

Получив верховную власть в Калмыцком ханстве, Дондук-Омбо также начал предпринимать действия по получению подтверждающих его статус знаков.

4.1.1. «Первая» печать Дондук-Омбо

Среди калмыцких писем, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, находятся 312 писем Дондук-Омбо. Изучение их позволяет сделать вывод, что с 1723 г. по 1732 г. Дондук-Омбо использовал одну печать, а начиная с 1734 г. и до своей смерти (наступившей 21 марта 1741 г. [Пальмов 1926: 240]) пользовался другой. Примечательно, что в Национальном архиве Республики Калмыкия не сохранилось посланий его старших наследников, сыновей Галдан-Норбо и Рандула, что делает пока невозможным проследить дальнейшую судьбу печатей — ведь пример печати хана Аюки и других представителей калмыцкой знати показывает, что они могли быть переданы по наследству (см., например: [Митруев 2021с: 48]).

Размер «первой» печати Дондук-Омбо (рис. 55а) составляет 2,0х2,0 см. Оттиск, поставленный красной тушью или краской, имеет квадратную форму, внутри квадратной рамки вписана легенда из двух колонок, помещенных, в свою очередь, в отдельные прямоугольные рамки, соединенные между собой.

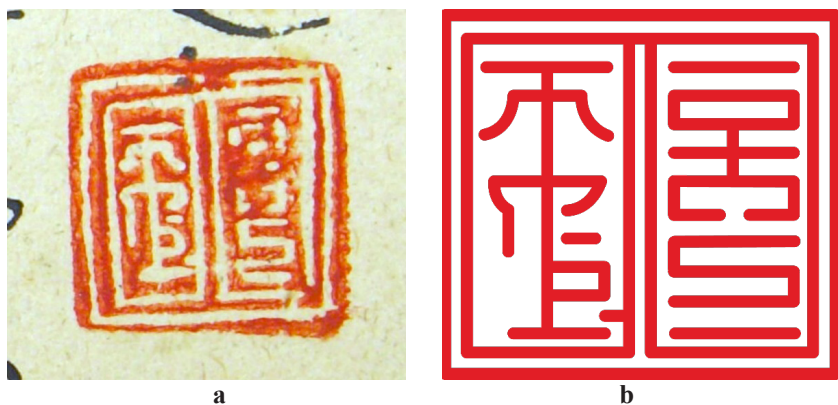

Рис. 55. «Первая» печать Дондук-Омбо: *a* — оттиск;
b — реконструкция легенды

Очевидно, что сама легенда представляет собой имитацию китайских иероглифов, однако нам не удалось идентифицировать оригинальные иероглифы, использованные для ее создания. При этом отметим, что зеркальное отображение символа в левой колонке схоже со словом *yatun* ‘министерство; управление’ [БАМРС 2002: 451], написанным вертикальным монгольским или маньчжурским письмом. Для удобства рассмотрения «первой» печати Дондук-Омбо была сделана ее реконструкция (см. рис. 55b).

Трудно определить место происхождения этой печати, так как такого рода имитация могла быть произведена как в Тибете, так и в Калмыцком ханстве. Подтверждением тому может являться следующий факт. В процессе поиска аналогов «первой» печати Дондук-Омбо нами было обнаружено изображение оттиска, который имеет сходство с оттиском исследуемой печати. Речь идет об оттиске печати, размещенном среди 2 620 документов из архива монастыря Кунделинг в Лхасе, которые были оцифрованы и размещены в составе Архива Кунделинга [Kundeling archives] на портале CrossAsia Берлинской государственной библиотеки [CrossAsia]. Среди документов из Архива Кунделинга (Kundeling archives), размещенных на указанном портале CrossAsia, сохранилось письмо под шифром 012 2-1/#/2/3/4, датированное 1712 г., на котором сто-

ит оттиск печати Лхасан-хана (тиб. lha bzang khang; умер в 1717 г.) (см. рис. 56) [CrossAsia] — хошутского правителя, внука Гуши-хана и сына Далай-хана, который, захватив Лхасу, правил Тибетом с 1705 по 1717 гг. и погиб во время противостояния с джунгарским войском, пришедшим по просьбе тибетской стороны [Цепон Шакабпа 2003: 144–149].

Рис. 56. Оттиск печати Лхасан-хана

Легенда на печати Лхасан-хана [CrossAsia], видимо, представляет собой имитацию китайских иероглифов. При этом его печать имеет определенное сходство с «первой» печатью Дондук-Омбо. Обращает на себя внимание и то, что приход к власти хошутского Лхасан-хана в Тибете, захватившего столицу, низвергнувшего регента Далай-ламы V — Деси Сангье Гьяцо (который был казнен) и отправившего в изгнание Далай-ламу VI [Цепон Шакабпа 2003: 144–149], может быть в определенной степени сопоставлен с приходом к власти в Калмыцком ханстве Дондук-Омбо — весьма активного, целеустремленного и удачливого внука Аюки-хана, приложившего для прихода к власти значительные усилия, которого объявили сначала главным владельцем, затем ханом — по-

сле «отзыва» хана Церен-Дондука в Санкт-Петербург, куда он отправился вместе с верховным священослужителем ханства Шакур-ламой [История Калмыкии 2009: 394; Курапов 2018: 189], ранее бывшим настоятелем одного из дацанов тибетского монастыря Дрепунг. Известно, что «Дондук-Омбо потребовал удаления из улусов Церен-Дондука, Шакур-ламы и Дондук-Даши. ... Первых двух В. П. Беклемишев под благовидными предложениями заманил в Царицын и 28 октября 1735 года со свитой в 23 человека отправил в Петербург, откуда им уже не суждено было вернуться домой» [История Калмыкии 2009: 394]. Причина такой ситуации в Калмыцком ханстве объяснялась следующим: «В указе правительства от 20 марта 1735 г. говорилось, что Дондук-Омбо человек умный и „каманду может содержать твердо и по имеющему в том народе кредиту к тому способен“, а Церен-Дондук „слаб и безсилен ... и того народа в добром согласии и к нам в верности содержать не мог“, и поэтому решено Дондук-Омбо „учинить главным над калмыки правителем“» [История Калмыкии 2009: 394; НА РК. Ф. И-36. Д. 75. Л. 58–59].

«Первая» печать Дондук-Омбо использовалась им с 1723 г. по 1732 г. И, несмотря на то, что назначение его российской властью главным владельцем и затем ханом состоялись позднее, тем не менее, учитывая вышеизложенное, можно предположить, что легенда на печати Дондук-Омбо является имитацией легенды на печати Лхасан-хана. Другим вариантом может быть тот, что печати Дондук-Омбо и Лхасан-хана имитируют легенду некой другой печати, послужившей примером для изготовления обеих печатей.

Дальнейшая судьба данной печати Дондук-Омбо неизвестна.

Маловероятно, что сходство печатей Дондук-Омбо и Лхасан-хана является случайным, мы предполагаем, что оно указывает на стремление калмыцких правителей и владельцев продемонстрировать свое равное среди ойратских ханов в Тибете и других областях положение.

4.1.2. «Вторая» печать Дондук-Омбо

Размер «второй печати» Дондук-Омбо 1,7х1,7 см (см. рис. 57). Оттиск, сделанный красной тушью или краской, имеет квадратную форму. Легенда, помещенная в квадратную рамку, представляет собой то, что в книге Дитера Шу названо «имитацией квадратного письма» или «ложным квадратным письмом» (тиб. *hor yig brdzus ma*) [Schuh 1981: 122].

Рис. 57. «Вторая» печать Дондук-Омбо

«Имитация квадратного письма» присутствует также в легендах на двух печатях Аюки-хана [Митруев 2021с: 55, 59]. Печати с такими изготавливались в период регента Далай-ламы V Деси Сангье Гьяцо (тиб. *sde srîd rgya mtsho*; 1653–1705), однако данная печать, как выясняется из писем Дондук-Омбо, была получена им приблизительно в 1734 г., когда Деси Сангье Гьяцо уже не было в живых. Возможно, эта печать была изготовлена в Тибете ранее, еще при жизни Сангье Гьяцо. По всей видимости, именно эту печать имеет в виду Н. Н. Пальмов, когда пишет, что «в ожидании ханской печати от далай-ламы, Дондук-Омбо и в звании

хана продолжал прикладывать к официальным бумагам прежнюю свою владельческую печать малого формата, и так как ожидаемой от далай-ламы ханской печати ему не пришлось получить, то он пользовался владельческой печатью до конца жизни» [Пальмов 1926: 239]. В примечании Н. Н. Пальмов пишет, что данная печать была небольшого размера, 15х15 мм, в то время как печати других калмыцких владельцев были больше этой печати [Пальмов 1926: 239]. После смерти Дондук-Омбо этой печатью пользовалась его супруга — ханша Джан. Дальнейшая судьба «второй» печати Дондук-Омбо неизвестна.

Сразу после получения ханского титула от русского правительства Дондук-Омбо стал предпринимать усилия, чтобы получить от Далай-ламы ханский титул для себя (что предполагало обретение знаков инвеституры власти в виде грамоты и печати) и титул наследника для своего сына Рандула. Известно, что в числе условий, поставленных Дондук-Омбо русскому правительству при вступлении в управление калмыками, была отправка посланцев к Далай-ламе за счет казны [Пальмов 1926: 99], и еще в 1732 г. на предварительных переговорах донского войскового старшины Д. Ефремова и Дондук-Омбо поднимался вопрос о паломничестве в Тибет [Курапов 2018: 199]. 3 марта 1737 г. Дондук-Омбо было дано разрешение на отправку в Тибет калмыцкого посольства, численность которого сначала была определена в 40 человек, а затем увеличена до 70 человек [Пальмов 1926: 241; Курапов 2018: 200]. 23 января 1737 г. Д. Ефремов докладывал в Коллегию иностранных дел об ассигновании Дондук-Омбо 10 тысяч руб., которые были выданы ему правительством в 1736 г. в награду за кубанский поход, на покупку разных товаров и вещей для отправки в Тибет [Пальмов 1926: 241]. В число посланцев, отправляемых Дондук-Омбо и калмыцкими владельцами, российское правительство распорядилось отправить еще нескольких духовных лиц, состоявших в свите умершего в Петербурге в 1736 г. Шакур-ламы, которые должны были отвезти в Тибет урну с пеплом Шакур-ламы [Пальмов 1926: 242]. «В ноябре 1737 г. посольство отправилось из Калмыцкого ханства и прибыло в начале 1739 г. в г. Селенгинск, на российско-китайскую границу. Посольство было

задержано на границе правительством Китая. Мотивом для задержки посольства стало российское подданство членов делегации» [Курапов 2018: 198–201]. На запросы российского правительства Тушету-хан, приводя причины, сформулированные Пекином, ответил, что пропуск калмыцкого посольства через границу был запрещен [Пальмов 1926: 245]. Таким образом, посольство Дондук-Омбо до Тибета не добралось, и ему не удалось получить ханский титул и печать от Далай-ламы.

Каково происхождение «второй» печати Дондук-Омбо? Очевидно, что Дондук-Омбо не мог получить эту печать позднее 1734 г. Можно предположить, что «вторая» печать была получена им с посольством хана Церен-Дондука. Из работы Н. Н. Пальмова мы знаем, что Дондук-Омбо посылал с посольством Церен-Дондука в Тибет, которое возглавил Намки-гелюнг, крупную сумму для приобретения разных вещей. Желая получить их, он хлопотал о скорейшем возвращении Намки-гелюнга в калмыцкую степь [Пальмов 1926: 98]. Однако Намки-гелюнг возвращается в калмыцкую степь лишь в 1735 г., тогда как печать появляется у Дондук-Омбо уже в 1734 г.

Известно, что 9 февраля 1733 г. калмыцкое посольство выехало из Тибета и направилось в Пекин. В августе 1733 г. оно было уже на русской границе, здесь оказалось задержано и направлено в г. Суздаль, где было водворено на жительство в ожидании дальнейших правительственных распоряжений [Пальмов 1926: 91]. Несмотря на усилия российского правительства скрыть факт возвращения в Россию посольства во главе с Намка-гелюнгом, слух об этом проник в калмыцкую степь. Так, 6 июня 1734 г. Цецен-гелюнг, посланец Шакур-ламы, спрашивал В. П. Беклемишева о том, что верны ли слухи о прибытии Намки-гелюнга с товарищами в Тобольск, откуда они были отправлены в Москву. 14 мая 1735 г. Д. Ефремов донес в Коллегию иностранных дел о просьбе Дондук-Омбо отпустить калмыцких посланцев — Намки-гелюнга с товарищами — к Церен-Дондуку.

Возможно, у Дондук-Омбо была, возможность заполучить некоторые из вещей, привезенных для него этим посольством, вклю-

чая «вторую» печать, уже в 1734 г., еще до возвращения Намки-гелюнга.

До конца своей жизни он пользовался «второй» малой печатью, которую использовал еще до получения ханского титула от российского правительства в марте 1737 г.

4.2. ПЕЧАТЬ ДОНДУК-ДАШИ И ПЕЧАТИ, ИМЕЮЩИЕ С НЕЙ СХОДСТВО

Известно, что у калмыцкого хана Аюки было четыре жены¹⁶¹. Его старший сын Чагдорджаб¹⁶² имел девять жен¹⁶³. Седьмая жена Чагдорджаба, Даши Бирюнь¹⁶⁴, стремясь передать владение своим

¹⁶¹ Ю. Лыткин в примечании к «Истории калмыцких ханов» перечисляет их имена и дает сведения о детях, которые были от них рождены: «а) Ахала, дочь хошутского Кундулен Убашия; была ученая, умная женщина, от нее родился Чакдорчаб; б) Ванчжил, тоже из дома хошутских владельцев (кого?), от нее родился Гунчжаб; когда Аюки был на войне, нутук прогнал ее к ее родным; в) Тайчжи Абга, дочь зюнгарского Цеван Рабтана, от нее родились: Церен Дондок, Галдан Данчжин, Арабтан, Баран Церен; г) неизвестно ни имя, ни род ее» [История калмыцких ханов 1969: 74].

¹⁶² Калмыцкие имена в русских источниках пишутся по-разному. Поэтому написание имен владельцев в цитатах может различаться.

¹⁶³ В. М. Бакунин приводит их имена: «1-я Джал, дочь хошоутова владельца; 2-я Талбаджит, также дочь хошоутова владельца; 3-я Габиль, дочь Дербетева владельца Менко Темиря; 4-я Цаган Лама, дочь Цецен хана хошоутова; 5-я Джизага, дочь хошоутова владельца, а прежде Чакдоржапа была замужем за Аюкиным родным братом, а за Чакдоржаповым дядею Джамсою; 6-я Бату, дочь хошоутова владельца. 7-я Даши Бирюнь, дочь зенгорского владельца прежде была замужем за сыном хана Аюки Гунделеком, от которого имела и сына, именуемого Амдоу, он же и Дамрин Бамбар. 8-я вышеписанная татарка Хандаза. 9-я — вдова, бывшая жена российского подданного, жившего на реке Терке, недалеко от казачьего Щедрина городка, брагунского владельца Кучюка, к которой Чакдоржап приезжал только по зимам» [Бакунин 1995: 33–34]. От этих жен у Чагдорджаба были следующие дети: «От первой Джалы — Дасанг, Баксадай Доржи, Нитар Доржи и Гунцук Джаб (нем и безумен). От третьей Габилы — Дондук Даши, Бодонг, Солом Допчин, Доржи Раши, Яндак и Бусурман Тайджи. От четвертой Цаган Ламы — Данжин Доржи, отец владельца Лаванга. У него же, Чакдоржапа, был старшей сын

¹⁶⁴ Вероятно, имя Даши Бирюнь (тиб. bkra shis bu khrid) имеет тибетское происхождение. Даши Бирюнь была замужем последовательно за тремя братьями, сыновьями Аюки: Гунчжабом, Гунделеком и Чагдорджабом [Батмаев 1993: 55]. После смерти Чагдорджаба ее руки стали добиваться сыновья бывших мужей: Досанг, Баксадай-Доржи (дети Чагдорджаба), Дондук-Омбо (сын Гунчжаба), а также их дядя Церен-Дондук (сын Аюки), стремившиеся заполучить находившийся под ее управлени-

улусом своему малолетнему сыну Дамрин Бамбару (тиб. rta mgrin dpal 'bar), вынуждена была усыновить Дондук-Даши, «чтоб сыну ее был за брата», и объединить свой улус с улусом Дондук-Даши, «дабы от насильства и от неприятелей защищал» [Батмаев 1993: 56].

После смерти 21 марта 1741 г. калмыцкого хана Дондук-Омбо наместником Калмыцкого ханства грамотой от 16 августа 1741 г. был назначен сын Чагдорджаба Дондук-Даши. Объявление наместником было провозглашено В. Н. Татищевым во время съезда калмыцкой знати в урочище Харабали 16 ноября 1741 г. [Батмаев 1993: 75]. 21 марта 1757 г. Елизавета Петровна подписала указ о назначении Дондук-Даши ханом, а его сына — наместником ханства. Письмом от 11 мая 1757 г. канцлер А. П. Бестужев-Рюмин сообщил об этом Дондук-Даши [Батмаев 1993: 300]. Провозглашение же Дондук-Даши ханом и сына его наместником ханства состоялось спустя год, 30 апреля 1758 г., в Соляном займище недалеко от Черного Яра [Батмаев 1993: 301]. 21 января 1761 г. калмыцкий хан Дондук-Даши скончался в урочище Бугута севернее р. Кумы, в 200 верстах южнее Астрахани. На другой день тело хана было кремировано¹⁶⁵ [Батмаев 1993: 346]. Ему наследовал его младший сын Убаши (даты правления 1761–1771).

У Дондук-Даши было три жены. Первая жена Церен-Джит (тиб. tshe ring skyid?) умерла в 1742 г., а 16 августа 1744 г. умер 10-летний сын Асарай, содержавшийся в Астрахани аманатом. Вторая жена Деджит (тиб. bde skyid?) в 1744 г. родила сына Убаши. Она умерла в 1755 г. В 1756 г. Дондук-Даши женился на младшей родной сестре умершей Деджит — Церен-Джал (тиб. tshe ring rgyal?), известной также и под именем ханши Найджитун [Батмаев 1993: 344]. Впоследствии ханша Найджитун откочевала в 1771 г. вместе с Убаши в Джунгарию. Кроме того, у Дондук-Даши была дочь Галлан-Бум, которая умерла в Джунгарии.

ем Багацатановский улус, который, по разным данным, состоял от 1 000 до 5 000 кибиток [Батмаев 1993: 55].

¹⁶⁵ Место его кремации находится на кургане, называемом в народе ЧиндERTA (ныне — территория Лаганского района Республики Калмыкия). На месте кремации в разные периоды были установлены различные культовые объекты, среди которых последней по времени возведения явилась ступа Просветления [Бакаева 2018a; Бакаева 2018b].

В правление Дондук-Даши калмыцкая конница участвовала на стороне русской армии в Семилетней войне с Пруссией. Дондук-Даши стал инициатором принятия дополнительных законов к своду законов 1640 г., перевод которых был опубликован К. Ф. Голстунским [Голстунский 1880].

Активная деятельность хана Дондук-Даши отражена в разных документах, сохранившихся в архивных хранилищах, в том числе в его переписке. На его письмах имеются оттиски печатей, среди которых есть такой, который встречается лишь на одном письме из Национального архива Республики Калмыкия.

4.2.1. О посольстве Дондук-Даши к Далай-ламе

Дондук-Даши стал заботиться о получении инвеституры власти от Далай-ламы вскоре после назначения наместником. 7 июля 1742 г. он обратился к российским властям отпустить его посольство, состоящее из 10 человек, к Далай-ламе. Первое посольство хана Дондук-Даши ожидало разрешения пересечь русско-китайскую границу в Селенгинске. Кроме того, Дондук-Даши просил императрицу Елизавету Петровну, чтобы *«о пропуске ево посланцов послать грамоту к китайскому хану, ибо он бес того не пропускает»* (цит. по: [Китинов 2020а: 429]). После долгой переписки через Тушэту-хана Тубдандоржа (годы правления 1742–1746), а затем, после его смерти, через Тушэту-хана Жампилдоржа (годы правления 1746–1760) китайский двор отказал в разрешении отпустить посольство [Китинов 2020а: 429]. В грамоте от 31 августа 1742 г. российское правительство объявило о решении возвратить посланцев из Селенгинска в калмыцкую степь [Пальмов 1927: 148].

Однако посланцам удалось передать подношения от Дондук-Даши, Дарма-Балы (ум. 6 декабря 1759 г.) и прочих через Тушэту-хана Жампилдоржа (тиб. *‘jam dpal rdo rje*), который в биографии Далай-ламы VII назван Манджушири (тиб. *ma ny+dzu shrIr*), что соответствует первой части его имени Жампил. О подношениях, переданных первым посольством ради усопших Це-

рен-Дондука (ум. 1737), Дондук-Омбо (ум. 21 марта 1741 г.), брата Церен-Дондука Галдан-Данджина (ум. 1741 (?)) и прочих в «Биографии Далай-ламы VII» сказано следующее:

В (начале) года Дерева-Коровы (1745 г. — Б. М.) <...> ради множества усопших во главе с торгутским Церен-Дондук-ханом и Дондук-Омбо, а также ради духовной зашиты Галдан-Данджина¹⁶⁶, его матери Дармабалы, Дондук-Даши и других владельцев, а также лам-монахов, многих знатным и простолюдинов [Далай-лама] принял сделанные ему пышные подношения. Хотя посланники не смогли лично приехать [в Тибет], они отправили [подношения] с [русской] границы с Манджушири¹⁶⁷ [lcang skya 2010b: 6].

Второе посольство было более успешным. 24 февраля 1748 г. Дондук-Даши пишет в Коллегию иностранных дел о желании отправить в мае 1748 г. посольство из 118 человек, из которых четыре — «главные посланцы»: Зоучи-гелюнг, Хошучи Цойджиб Тайджин, Шарап Даржа, Абуджи. 23 участника посольства должны были остаться для обучения в Тибете [Курапов 2018: 221¹⁶⁸]. В конечном итоге Дондук-Даши удалось добиться одобрения численности посольства в 60 человек, из которых 40 ехали за калмыцкий счет, а 20 человек за казенный¹⁶⁹. 3 сентября 1755 г. Н. Г. Спицын выдал посольству дорожную и сообщил об отправлении 60 калмыков в Сибирь и далее в Тибет казанской, сибирской и иркутской канцеляриям. Чжао Линчжи пишет, что посольство состояло

¹⁶⁶ Младший брат Церен-Дондука-хана, один из трех сыновей Дарма-Балы.

¹⁶⁷ shing mo glang <...> thor god kyi rgyal po tshe ring don grub dang don grub dbang pos gtsos dus 'das du ma dang/ dga' ldan bstan 'dzin/ yum d+ha rma pA la/ don grub bkra shis sogs dpon khag rnam s dang / gzhan yang bla ma ser mo bas mtshon mchog dman du ma'i skyabs 'jug zhu rten gtos che ba el chi rnam s ngos yong ma thub pas sa mtshams nas ma ny+dzu shrIr bskur ba rnam s kyang bzhes te so sor 'byor lan sogs gnang / [lcang skya 2010b: 6].

¹⁶⁸ Авторы по-разному читают этот документ из Архива внешней политики Российской империи [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 42об.]. Б. У. Китинов, который также ссылается на этот документ, письмо датирует 28 февраля 1748 г., адресатом указывает императрицу [Китинов 2020: 429], речь идет о 113 участниках посольства [Китинов 2020а: 429].

¹⁶⁹ У Б. У. Китинова: «Власти согласились оплатить 40 чел., за 20 Дондук-Даши заплатил сам» [Китинов 2020а: 429].

из 20 посланников, 20 обучающихся и 20 слуг [Zhào Lìngzhì 2021: 101], однако те, кто прибыл для изучения писаний, были оставлены на границе. Таким образом, посольство было уменьшено до 40 человек, включающих в себя 19 посланцев и 21 слугу, и имело при себе 100 наемных верблюдов, 33 собственных верблюда, 60 собственных лошадей, 17 ружей и 11 колчанов стрел [Zhào Lìngzhì 2021: 102]. 18 марта 1756 г. посланцы наместника Дондук-Даши в составе 61 человека выехали из Иркутска на китайскую границу. После смерти Зоучи-гелюнга¹⁷⁰ в пути во главе калмыцкого посольства встал Хошучи Цойджиб. Позднее в пути посольство потеряло еще трех человек, которые умерли «на китайской стороне» [Пальмов 1927: 162]. 2 декабря 1757 г. посольство Дондук-Даши перешло русскую границу с китайской стороны и было принято в Кяхте пограничным русским начальством от китайского зургучея Улюмча [Пальмов 1927: 162–163].

Во время своего путешествия в Тибет посольство встретилось с императором Цяньлуном. В 16 томе написанных Чжан-му (кит. 张穆; Zhāngmù) «Записок о монгольских кочевьях» (кит. 蒙古游牧; měnggǔ yóumù jì), озаглавленном «Новый и старый элюто-монгольские Торгутские аймаки», сказано: «В 21 год правления Цяньлуна (т. е. в 1756 г. — Б. М.) посланник Чой чжаб (кит. 吹札布; chuī zhá bù) и другие получили аудиенцию [у Цянь-луна], где он заявил, что, получив приказ от своего хана Донроб-раши¹⁷¹ (кит. 汗惇罗布喇什; hàn dūn luō bù lǎ shén), проехав через [всю] Россию, только на третий год¹⁷² прибыл на место (т. е. в Китай. — Б. М.). Он просил разрешения отправиться в Тибет (кит. 唐古特; tánggǔ tè) посетить Далай-ламу. [Император] отправил с ним [проводящими] чиновников. В 22 год [правления Цяньлуна] (т. е. в 1757 г. — Б. М.) по возвращении из Тибета ему были жалованы подарки для хана Донроб-раши»¹⁷³ [Zhāngmù 1867: 4]. В переводе П. С. Попова

¹⁷⁰ В китайских документах он назван Рабдан [Zhào Lìngzhì 2021: 107].

¹⁷¹ Донроб-раши — близкий тибетскому оригиналу (тиб. don grub bkra shis) вариант написания имени хана Дондук-Даши.

¹⁷² Путешествие посольства началось в сентябре 1755 г., а границу на обратном пути оно пресекло 2 декабря 1757 г.

¹⁷³ Перевод Б. Л. Митруева.

этого отрывка из «Мэн-гу-ю-му-цзи» местом встречи с Цяньлуном назван Пекин, хотя он не упоминается в оригинале [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 144].

В мае 1756 г. посольство прибыло в Цурухайту, место недалеко Кяхты. Таким образом, маршрут посольства проходил от Кяхты в Чжанцзякоу, откуда, отдохнув в течение 10 дней, оно отправилось в путь 20 числа по лунному календарю (13 сентября 1756 г.) и за 5 дней добралось до Пекина [Zhào Lǐngzhì 2021: 102]. Из Пекина посольство отправилось в Жэхэ, где 5 октября 1756 г. состоялась встреча с императором Цяньлуном [Zhào Lǐngzhì 2021: 102; FuLo-shu 1966: 198–199]. После этого посольство снова вернулось в Пекин, откуда в начале октября отправилось в Тибет, на своем пути проходя через почтовые станции в следующих уездах и городах: Чжэндин, Цзинсин, Тайюань, Линьфэнь, Тунгуань, Сиань, Баоцзи, Нинцян, Мяньян, Чэнду, Батанг, Чамдо. 25 дня первого месяца по лунному календарю (15 марта 1757 г.) посольство достигло Лхасы [Zhào Lǐngzhì 2021: 103], где его участники встретились с Далай-ламой VII.

Во втором томе «Краткого изложения биографии VII Далай-ламы „Сноп деревьев, исполняющих желания“» (тиб. rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho dpal bzang po zhal snga nas kyi rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma), написанном Чангкья Ролпе Дордже (lcang skya rol pa'i rdo rje; 1717–1786) есть отрывок, повествующий о встрече с китайскими чиновниками, сопровождавшими посольство Дондук-Даши:

В это время дворянин, сановник Фу Цзин¹⁷⁴ вместе с чиновниками, отправленными специально для сопровождения торгутских паломников, совершающих добродетели, прибыли для сообщения о своем прибытии. Далай-лама, как и прежде, с благодарностью принял переданное с ними благое послание великого императора

¹⁷⁴ В статье Чжао Линчжи Фу Цзин (кит. 傅景; Fù jǐng) назван «стражем главных ворот внутреннего двора Запретного города в Пекине» (кит. 乾清门侍卫; Qián qīng mén shìwèi) [Zhào Lǐngzhì 2021: 100]. Фу Цзин являлся чиновником третьего класса (кит. 三品; sānpǐn) из девяти, что говорит о его достаточно высоком положении в цинской администрации [Zhào Lǐngzhì 2021: 105].

[Цяньлуна] и опахало с рукоятью, сделанной из драгоценного камня, а также подарок в виде множества парчовых тканей. Затем он даровал благословение своей дланью и угощение чаем, а также побеседовал с ними¹⁷⁵ [Icang skya 2010b: 412].

Интересно, что в этом отрывке использован заимствованный из монгольского термин *khiyA*, «телохранитель, начальник императорских телохранителей» — это монгольское слово *kiy-a*, позднее заимствованное в маньчжурский [ЭСМЯ 2016: 131], здесь оно переведено «начальник императорских телохранителей».

Таким образом, сопровождающие посольство Дондук-Даши чиновники доложили о своем прибытии Далай-ламе и передали подарки от Цяньлуна.

18 марта 1757 г. посольство Дондук-Даши было принято Далай-ламой VII [Zhào Lǐngzhì 2021: 103], здоровье которого продолжало ухудшаться. Недуг Далай-ламы, возникший еще в год Воды-Птицы (1753 г.) [Icang skya 2010b: 415], постепенно ослаблял его здоровье¹⁷⁶, в конечном итоге приведя к кончине во дворце Потала 3-го числа второго лунного месяца по тибетскому календарю [Shakabpa 2010a: 477; Norman 2009: 364], эта дата соответствует 22 марта 1757 г. по европейскому календарю¹⁷⁷.

В биографии Далай-ламы VII имеются уникальные сведения о посольстве калмыцкого хана Дондук-Даши, которое все же получило аудиенцию у верховного иерарха — хотя в историографии высказывались разные мнения о том, выполнило ли посольство свою задачу [Бакаева 2019: 909; Курапов 2018: 222; Китинов 2020a: 430¹⁷⁸]. Учитывая значение этого свидетельства тибетского источ-

¹⁷⁵ skabs 'dir thor god kyi dge sgrub pa mams skyel bar ched mngags mi drag khi yA phu can dpon khag 'byor phyag tu byung gdong / gong ma chen po'i bka' bzang po dang nor bu'i yu ba can gyi bsil yab/ bzang gos mang ba'i gnang rten bcas stsal ba bkur gzos sngar bzhin gyis bzhes te phyag dbang ja gral bka' 'dri sogs stsal [Icang skya 2010b: 412].

¹⁷⁶ Возможно, Далай-лама был болен туберкулезом, так как он страдал от кашля с кровью, а симптомы болезни напоминали простуду.

¹⁷⁷ Эту же дату приводит Б. У. Китинов [Китинов 2020a: 430].

¹⁷⁸ Б. У. Китинов пишет: «Вероятно, посланцы Дондук-Даши успели получить от Далай-ламы ханское звание и печать — калмыцкие владельцы получают таковые печати из Тибета от Далай ламы...; это отмечено

214

ника, приведем полностью отрывок о посольстве Дондук-Даши. Так, в биографии сказано¹⁷⁹:

Затем в это время последними из обуздываемых, кого необходимо обуздать¹⁸⁰, были посланцы, прибывшие из торгутской земли в снежную страну Тибет ради совершения добродетельных деяний. Хотя [Далай-лама] собирался устроить для них пир и принять их доклад о прибытии, так как его здоровье ухудшилось, его окружение молило его не давать аудиенцию в этот раз, а принять посольство, когда его здоровье улучшится. В ответ Далай-лама изрек: „Так как члены посольства прибыли издалека, перенесли много страданий из-за трудностей в пути, если я не встречу с ними сейчас, неизвестно, возникнут ли условия для [встречи] снова позднее, из-за этого они будут разочарованы. Сама же встреча не вызовет у меня недомогания, ухудшения здоровья и прочего, поэтому несмотря ни на что, дам им аудиенцию“. Согласно сказанному, в покоях [Далай-ламы] была дана аудиенция и угощение чаем амбаню¹⁸¹ и прочим чиновникам, а также посланникам торгутского наместника Дондук-Даши, внука торгутского Аюка-хана: Чойд-жаб-тайджси, внуку шашины-дархана Сунграб Батур-тайджи, который прежде во времена Великого пятого Далай-ламы вершил деяния ради желтошапочного учения; Цюрюм-[гецулю], посланнику хатун Аюки-хана Дарма-Балы; Гунге, посланнику сына Дондук-Даши Убаши Гунга Церена; Шарап-гелюнг, посланнику брата Дондук-Даши Дорджи-Раши; Дамба-Дардже, посланнику его другого брата Яндыка; Лузан-Дамбе, посланнику его другого брата Бу-

в архивном материале после возвращения посольства [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 22. 1760. Л. 2]» [Китинов 2020а: 430].

¹⁷⁹ А. М. Позднеев отмечает это упоминание посольства калмыцкого хана Дондук-Даши в биографии Далай-ламы VII, привезенной в 1880 г. из Урги Цэрэн-Бальджир Дугаровой, вдовствующей супругой харахусовского нойона Церен-Убуши Дугарова (ум. 29 ноября 1872 г.) [Позднеев 1897: 122].

¹⁸⁰ Тиб. *gdul bya*, буквально «те, кого необходимо обуздать», т. е. ученики.

¹⁸¹ В данном случае тибетское слово *ta zhin* значит «наместник в Тибете» (тиб. *tA zhin*; кит. 大臣; пиньинь *dàchén*) или амбань на маньчжурском языке.

сурмана; Шарапу, посланнику Цебек-Дорджи; Гуницуку, посланнику Маши; Табка, посланнику дербетского владельца Галдан-Церена; Габану, посланнику хошутского владельца Замьяна; Джимбе, посланнику хошутского владельца Еремпя; Джамцо, посланнику хошутского владельца Тукчи; Чой-рагу, посланнику Церен-Дондука; Габан-Джимбе, посланнику Галдан-Данджина; Цомпил-Раши, посланнику Гунделека; Габан-Раши, посланнику Дасанга; Принлаю, посланнику Дондук-Омбо; Самтану, посланнику Санджаба; Эмчи, посланнику Бодонга; Габан и Джамцо, посланникам двух хатун Дондук-Даши; Молом-Дардже, посыльному Лузан-равджамбы и посланнику Буканг-ламы; посыльному аймака из двух тысяч семейств, поднесенных Аюка-ханом Далай-ламе; Балдану, посланнику Шакур-ламы; Джимба-Раши и Габан-Шерапу, отправленным от миньгана, поднесенного защитнику учения Нечунгу; Намка-Джардже, посланнику Аранджамба-хутугты; Ендону, посланнику Чубзан-ламы; Самтану, посланнику Алдар-габцу; Джамцо, посланнику Эмчи-Равджамбы. Также вышеназванные знатные лица и слуги, прибывшие из веры и оказывавшие помощь, поднесли подарки, мандалу и прочее. Далай-лама дал им аудиенцию и угощение чаем.

Затем Далай-лама рек: „То, что вы прибыли в святую область Тибета с разрешения великого императора ради совершения подношений учителям и трем драгоценностям, а также для выражения почтения перед монашеской общиной, совершенно прекрасно. Было ли ваше путешествие комфортным? Процветает ли на вашей родине традиция держателей желтых шапок, которая есть совершенно чистой сущностью учения Будды?“. Посол тайджи Чойджаб отвечал: „Победоносный Ваджрадхара, вашей милостью наше путешествие было легким. Мы всецело усердствуем в средствах и молитвах для процветания учения Будды на своей земле. Силой наших молитв, обращенных к Вам, Покровитель, до сего дня мы пребывали в радости. Ныне же, так как процветание учения Будды в мире в целом, а в частности в нашей земле, а также благоденствие живых существ зависит от вашей милости, мы молим Вас оберегать нас своим состраданием! Так как в течение нескольких прошлых лет вы являете облик недужащего, великий император отправил в Тибет врачей, а

также совершает во дворце в Пекине обширные ритуалы [для Вашего выздоровления] и прочее, о чем он чем он изволил рассказать и нам. В особенности теперь, когда мы прибыли пред Ваши очи, мы полагаем, что [видим] ухудшение Вашего состояния из-за нашего недостатка заслуг, вследствие чего испытываем невыносимые муки. Поэтому мы молим Вас, лишь ради нашего, беззащитных существ, блага, чтобы ваше драгоценное тело скорее избавилось от недуга, и Вы сообразовали поворачивать колесо обширной и глубокой дхармы и т. д., о чем мы беспрестанно молим ради добродетельного блага и счастья и по порядку доводим до Вашего сведения". В ответ на такую просьбу Далай-лама рек: „Я давно чувствую нездоровым из-за кашля, теперь же к прочему добавилась болезнь простуды, однако я не испытываю болей и прочего из-за недуга. Вы не должны печалиться из-за моего нездоровья”¹⁸² [lcang skya 2010b: 417–419].

¹⁸² de nas ‘di skabs sku dngos kyis ‘dul ba’i gdul bya’i mtha’ ma thor god nas bod gangs can gyi yul du rnam dkar gyi ched du yongs pa’i mi sna rnam la ston chen gyi thog ‘byor phyag gnang rtsis yin yang sku khams gdangs bskyed gtan nas ma bzhes pa bcas/ sku ‘khor ba rnamsnas da cha re zhig mjal kha mi gnang ba dang slar sku khams gdangs bskyed bzhes ‘phral gnang bar gsol ba la/ sa thag ring nas dka’ spyad ky i sdug bsngal khur du bzod par byas nas yongs par song gshis da lam ngos ‘phrad ma byas na slad char rten ‘brel ‘dzom pa zhig rang e yong mishes des na kho tsho yid pham ‘gro/ ngos ‘phrad byas pa rang gis nged ky i gzugs ma bde ba dang ‘khrugs skyon sogs mi yong bas cis kyang mjal kha thong phebs pa bzhin gzim chung du/ tA zhin sogs dpon khag dang thor god a yu She rgyal po’i tsha bo thor god ky i dpon don grub bkra shis ky i mi sna sngar rgyal mchog lnga pa chen po’i sku dus zhwa ser gy i bstan par bya ba byas pa sha chin ni dar han gsung rab ba dur tha’i ji’i tsha bo yin tshul chos skyabs tha’i ji/ a yu She khang gi ha thun d+harma pA la’i mi snatshul khrims/ don grub bkra shis ky i bu o pa shi kun dga’ tshe ring gi mi sna kun dga’/ don grub bkra shis ky i spun rdo rje bkra shis ky i mi sna shes rab dge slong / yang de’i spun snyan grags ky i mi sna bstan pa dar rgyas/ yang de’i spun bu sa ra man gy i misna blo bzang bstan pa/ tshe dpag rdo rje’i mi sna shes rab/ ma shi’i mi sna dkon cog/ dur bod ky i dpon dga’ ldan tshe ring gi mi sna thabs mkhas/ ho shod dpon ‘jam dbyangs ky i mi sna ngag dbang / ho shod dpon yar ‘phel gy i mi sna sbyin pa/ ho shod ky i dpon thub chi’i mi sna rgya mtsho/ tshe ring don grub ky i dge sgrub pa chos grags/ dga’ ldan bstan ‘dzin gy i dge sgrub pa ngag dbang sbyin pa/ kun dga’ bde legs ky i dge sgrub pa chos ‘phel bkra shis/ zla bzang gi dge sgrub pa ngag dbang bkra shis/ don grub dbang po’i dge sgrub pa ‘phrin las/ sang [=sangs] skyabs ky i dge sgrub pa bsam gtan/ bo dung gi dge sgrub pa em chi/ don grub bkra shis ky i ha thun

Из приведенного отрывка биографии Далай-ламы мы узнаем не только о том, что встреча посольства с Далай-ламой состоялась незадолго до его смерти, но и имена посланцев, а также тех, от чьего лица они отправились в Тибет. Из этого текста также видно, что некоторые посланцы были отправлены людьми, уже умерши-

gnyis kyi dge sgrub pa ngag dbang dang rgya mtsho gnyis/ rab 'byams pa blo bzang gi mtshams zhu dang spos khang bla ma'i dge sgrub pa smon lam dar rgyas/ a yu She rgyal pos sngar nas rgyal ba mchog la phul ba'i dung kha [=dudkha] stong phrag gnyis sde spyi'i mtshams zhu ba dang shag skor bla ma'i dge sgrub pa dpal ldan/ gnas chung chos skyong la phul ba'i sde stong phrag gcig spyi nas btang ba'i sbyin pa bkra shis dang ngag dbang shes rab/ rab 'byams pa hu thog thu'i dge sgrub pa nam mkha' dar rgyas/ chu bzang bla ma'i dge sgrub pa ngag dbang don grub/ sgo mang bla ma'i dge sgrub pa bzang po/ dge slong em chi ngag dbang grags pa'i dge sgrub pa yon tan/ al dar dka' bcu'i dge sgrub pa bsam gtan/ em chi rab 'byams pa'i dge sgrub pa rgya mtsho rnams dang / gzhan yang dang bas yongs pa dang rogs byed bcas gong gsal ngo g.yog rnams kyis phyag rten maN+Dal sogs phul zhing mjal kha ja gral tsal/ skabs 'dir bka' las khyed rnams gong ma chen por dgongs zhus kyis bod chos kyi zhing dam par bla ma dkon mchog la mchod pa dang dge 'dun la bsnyen bkur ba'i slad du yongs ba shin tu legs/ lam bgrod bde zhing rang yul du sangs rgyas kyi bstan pa'i snying po dri ma med pa zhwa ser cod pan 'chang ba'i ring lugs 'phel rgyas che ba e yod phebs 'dug par/ el chi tha'i ji chos skyabs nas/ rgyal ba rdo rje 'chang khyed kyi thugs rjer brten nged rnams lam bgrod bde bar byung / yul du sangs rgyas kyi bstan pa rgyas pa'i thabs dang smon lam la brtson pa lhur len bgyis shing mgon po khyed la gsol ba btab pa'i mthus da phan dga' mo yod/ da ni rgyal khams spyi dang khyad par bdag cag gi yul phyogs su sangs rgyas kyi bstan rgyas pa dang / 'gro ba bde ba sogs rgyal ba khyed rang gi thugs rjer rag lus kyi gsol ba 'debs pa lags na thugs rjes skyong ba dang / lo snga ma rim can nas sku ma bde ba'i tshul bzhes lugs/ de la gong ma chen pos kyang bod du sman pa ched du gnang ba dang / pho brang pi cing du yang sku rim rgya cher mdzad pa sogs nged tshor yang gong nas bka' phebs byung / lhag par da lam nged tsho 'byor gdong 'dir sku khams sngar las kyang mi gdangs pa'i tshul bzhes pa ni nged rnams bsod nams re dman snyam du sdug bsngal bzod glags mi gda' bas nyam thag 'gro ba nged tsho gcig pu'i don du yang sku rin po che bsnyun tshul las myur du gdangs pa dang / zab rgyas chos 'khor bskor ba sogs ring nas smon pa'i rnam dkar phan bde'i 'dod don zhu rgyu rim bzhin zhus chog pa zhig cis kyang mkhyen mkhyen zhus 'dug par/ bka' las nged sngar nas 'khrugs glo lta bu zhig gis ma bde nas yun ring tsam song / da lam gsar du cham nad lta bus bro 'tshal ba las nad kyi zug rngu sogs mi 'dug/ nged ma bde ba 'dir khyed rnams yid dub mi dgos zhes phebs snang [lcang skya 2010b: 417–419].

ми к этому времени. Так, Шакур-лама умер в Петербурге в 1736 г., Дасанг — в 1737 г., Дондук Омбо — в 1741 г., Бодонг был убит в 1741 г., супруга Даши-Дондука Церен-Джит умерла в 1742 г., а другая супруга Деджит — в 1755 г. Тибетским эквивалентом для термина «посланник» в вышеприведенном тексте является тибетское слово *dges grub*, являющееся сокращением для тибетского *dge rtsa sgrub mi*, «человек, совершающий добродетели» от чье-то имени. Таким образом, посланники совершали паломничество в Тибет ради накопления заслуг для здравствующих и усопших. Другой тибетский термин, использованный в данном отрывке, — тибетское слово *mtshams zhu*, переведенное здесь «посыльный», обозначает человека, который везет с собой чье-то послание или посылку. В отрывке также использован монгольский термин хатун, значащий «княгиня, ханша». Интересно отметить, что в рассматриваемом отрывке текста Аюка назван на тибетском *khang*, «ханом» или *rgyal po*, «правителем/царем», в то время как Дондук-Даши называется *dpon*, что переведено как «владелец». Дондук-Даши был провозглашен российскими властями ханом только в 1758 г., уже после отправления посольства в Тибет.

Кроме того, что этот отрывок устраняет любые сомнения относительно встречи посольства Дондук-Даши с Далай-ламой VII Келсанг Гьяцо, он также является полезным источником информации о личных именах тех, кто отправил посланников. Так, благодаря информации из биографии Далай-ламы VII мы узнаем личное имя Убаши — Гунга-Церен (тиб. *kun dga' tshe ring*), неизвестное прежде в историографии. Кроме того, выясняется тибетское написание титула Буканг-ламы¹⁸³, учившегося в тибетских монастырях и установившего монашеские ритуалы в 12 монастырях при хане Аюке [Курапов 2018: 112]. Буканг или Покханг (тиб. *spos khang*) — монастырь традиции гелуг в Панаме¹⁸⁴ провинции Цанг. Первоначально он был основан как монастырь традиции кадампа в 1213 г. Джангчубом Пелсангпо (тиб. *byang chub dpal bzang po*). В XVII в.

¹⁸³ В некоторых источниках его титул пишется Покон-лама или лама Бюкюнчин.

¹⁸⁴ Панам (тиб. *pa snam*) — сейчас округ в Тибетском автономном районе Китая.

он был преобразован в гелукпинский монастырь¹⁸⁵. Лузан-равд-жамба, упомянутый в рассматриваемом отрывке, — заргучи-лама Лузан Данджин (тиб. blo bzang bstan' dzin) [Zhào Lìngzhì 2021: 107], также известный как Лоузан Джалчин, или Лобсан Данцен.

Видимо, посольство Дондук-Даши продолжало находиться в Лхасе, когда через несколько дней после аудиенции скончался Далай-лама: на 10-й день второго лунного месяца (30 марта 1757 г.) члены посольства (включая слуг) отправились во дворец Потала, где «поднесли» (то есть заказали) заупокойную службу для Далай-ламы [Zhào Lìngzhì 2021: 104].

Кроме того, будучи в Лхасе, посольство также посетило Кончок Джигме Вангпо (тиб. dkon mchog 'jigs med dbang po; 1728–1791), второе воплощение известного тибетского ламы Джамьянг Шебы. В его биографии «Врата, ведущие в океан сынов Победоносных» (тиб. dus gsum rgyal ba'i spyi gzugs rje btsun dkon mchog 'jigs med dbang po'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho'i 'jug ngogs), написанном Гунгтханг Кончок Тенпе Донме (тиб. gung thang dkon mchog bstan pa'i sgron me; 1762—1823), сказано:

Когда ему [Кончок Джигме Вангпо] исполнилось тридцать лет, в третий день второго месяца весны (т. е. 22 марта 1757 г.) всеведущий Владыка Победоносных [Далай-лама] направил свой ум в другую сферу (т. е. покинул сей мир — Б. М.), вследствие чего [Кончок Джигме Вангпо] в течение долгого времени испытывал глубокую печаль <...> В этот же год с другого берега моря на востоке в Центральный Тибет прибыли посланники торгутского правителя Дондука-[Даши], которые обратились с мольбой [даровать посвящение]. Согласно их просьбе [Кончок Джигме Вангпо] даровал великое посвящение тринадцати божеств Ваджрабхайравы¹⁸⁶ и подробное и пространное объяснение согласно ритуалу и традиции. Был приглашен переводчик, которому было наказано переводить. [После получения наставления] у слушающих появились безмерная вера и почтение, преобразившие их умы. [В

¹⁸⁵ Treasury of Lives (= Сокровищница жизнеописаний) [электронный ресурс] // URL: <https://treasuryoflives.org/en/institution/Pokhang-> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁸⁶ Одно из буддийских тантрических посвящений.

благодарность посланники] совершили богатое подношение множества особых ценных вещей. В ответ на некоторое количество вопросов повелителя [Дондука-Даши], [Кончок Джигме Вангпо] написал „Колесо Брахмы“ и тем самым устранил оковы сомнений [Дондука-Даши]¹⁸⁷ [dkon mchog bstan pa'i sgron me 2019: 79].

После этого посольство посетило Панчен-ламу в Таши-Лхунпо, куда прибыло 12 дня третьего лунного месяца (1 мая 1757 г.). На следующий день (2 мая 1757 г.) посольство отправилось выразить почтение Панчен-ламе и преподнести подарки [Zhào Lǐngzhì 2021: 104]. Вот что сказано об этой встрече в биографии Панчен-ламы Лобсанг Палден Еше (blo bzang dpal ldan ye shes; 1738–1780) «Лучи солнца» (тиб. blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa'i nyi ma 'od zer), написанной Вторым Джамьянг Шебой Кончок Джигме Вангпо (dkon mchog 'jigs med dbang po; 1728–1791):

Тринадцатого числа третьего тибетского месяца (т. е. 2 мая 1757 г.) в резиденцию „Красная земля“ (тиб. sa dmar) Панчен-ламу препроводили различные люди верхом, в том числе представители великого императора Фуча¹⁸⁸ (тиб. phu khA; кит. 富察; Fù chá. — Б. М.), джаргучи и бичачи¹⁸⁹ вместе со слугами, а также посланник торгутского хана Дондук-Даши Чойджаб-тайджи. Во время аудиенции Фуча и Джарби вручили ему подарки от великого императора: 6 штук сукна, хрустальную посуду, эмалированную

¹⁸⁷ dgun lo sum cu bzhes pa'i dpyid 'bring gi tshes gsum la kun mkhyen rgyal ba'i dbang po zhing gzhan du dgongs pa gtad par bzod glags med pa'i thugs ngal yun ring mdzad cing <...> lo 'dir shar phyogs rgya mtsho'i pha rin nas thor god don grub rgyal po'i mi sna dbus su 'byorba rnams kyi gsol ba btab ste/ rdo rje 'jigs byed lha bcu gsum ma'i dbang chen cho ga phyag len gsung bshad bcas zhib rgyas su gnang / lo tsA btsugs nas brda sprod bcug pas yid 'gyur ba'i dad gus tshad med skyes te/ khyad nor du ma dang bcas pa'i 'bul ba rgya cher bstabs/ rgyal pos dri ba 'ga' zbig zhus pa'i lan du tshangs pa'i 'khor lo zhe bya ba ljags rtsom mdzad de the tshom gyi 'ching ba rtsad nas bcad [dkon mchog bstan pa'i sgron me 2019: 79].

¹⁸⁸ По всей видимости, это вышеупомянутый Фу Цзин, здесь названный по имени своего клана Фуча.

¹⁸⁹ Джаргучи и бичачи (тиб. jar bi gnyis; jar bi — сокращение от jar go chi dang bi cha'i chi). Джаргучи (цзаргучи) — монгольский (или маньчжурский) чиновник среднего ранга, обладавший административными и судебными полномочиями. Бичачи — писарь, секретарь.

посуду и несколько парчовых мешков. [Панчен-лама] принял подарки и дал чиновникам аудиенцию и угощение чаем.

Четырнадцатого числа третьего тибетского месяца (т. е. 3 мая 1757 г.) Фуча, джаргучи, бичачи и другие китайские чиновники, а также торгутские посланники получили личную аудиенцию и совершили подношение. Своей милостью он сделал так, что большие подношения, совершенные ради многих здравствующих и усопших, имели плодотворное завершение¹⁹⁰ [dkon mchog 'jigs med dbang по 1990: 279].

Первого числа четвертого лунного месяца (т. е. 19 мая 1757 г.) посольство вернулось в Лхасу. 22 числа четвертого лунного месяца (т. е. 8 июня 1757 г.) посольство отправилось из Лхасы по первоначальному почтовому маршруту и прибыло в Чэнду 18 числа шестого лунного месяца (т. е. 2 августа 1757 г.) [Zhào Lǐngzhì 2021: 104]. 25 сентября 1757 г. посольство приняло участие в праздновании дня рождения императора Цяньлуна в резиденции «Горное убежище от летнего зноя». После этого посольство вернулось в Пекин, откуда через Чжанцзякоу его участники прибыли в Кяхту [Zhào Lǐngzhì 2021: 104].

Стоит отметить, что рассмотренный нами текст из биографии Далай-ламы VII дает основание для уточнения фактов, которые являлись не до конца ясными¹⁹¹. И главное — он свидетельствует о

¹⁹⁰ zla ba gsum pa'i tshe bcu gsum la gong ma chen po'i sku tshab phu khA/ jar bi ngo g.yog dang / thor god han don grub bkra shis kyi el chi chos skyabs tha'i jis mtshon mi sna khag la sa dmar du rta thab kyi bsu babstar/ gong ma chen po nas gnang skyes gos yug drug/ shel gyi spyad pa dang / gu gu sha'i yol go /gos chen gyi khug ma/ kha shas bcas phu khA dang jar bi'i gdong bstsal bar gong ma chen por sku'i 'tshams zhu mdzad/ gnang rten nmams bdag gir bzhes nas dpon po nmams la mjal kha dang ja gral gnang / tshes bcu bzhi la phu khA dang jar bi sogs rgya dpon khag dang thor god kyi el chi nmams kyiis dngos 'bul bcas sger mjal zhus/ tshe ldan dang tshe 'das mang po'i ched 'bul bskur gtos che ba bstar ba nmams 'bras ldan du 'gyur ba'i bka' drin bstsal [dkon mchog 'jigs med dbang по 1990: 279].

¹⁹¹ Так, опровергается бытующее мнение, что Галдан-Церен, один из тех, кто отправил своего посланника с посольством, сам посетил Тибет с этим посольством, поскольку из приведенного выше отрывка из биографии Далай-ламы VII становится ясно, что Галдан-Церен не был в Тибете, а вместо него туда отправился его представитель Табка-гецул. В письме Демо-хутугты Нгаванг Джампела (тиб. de mo ngag dbang 'jam dpal; годы регентства: 1757–1777), опубликованном А. М. Позднеевым, также гово-
222

рится, что подношения были привезены Далай-ламе посланниками (ойр. elči) Табка (тиб. thabs mkhas) и Галданом (тиб. skal ldan) [Позднеев 1897: VI] (о том, что это письмо Демо-хутугты (1757–1950), регента Далай-ламы, свидетельствует его подпись в конце письма [Позднеев 1897: X]).

А. М. Позднеев в предисловии к «Сказанию о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши» [Позднеев 1897: XI], также Н. Н. Пальмов в «Этюдах по истории приволжских калмыков» [Пальмов 1927: 164] идентифицируют Джиджетена (Чжичжэтэна) с дербетским владельцем Галдан-Цереном, но такое отождествление ошибочно. Галдан-Церен, потомок Далай-тайши и сын Лабан Дондука, умер в 1764 г. в Петербурге [Батмаев 1993: 234], оставив после себя сына Цебек-Убаши, умершего в 1774 г. также в Петербурге [Пальмов 1922: 86]. Таким образом, маловероятно, что Галдан-Церен мог быть Джиджетен-бакшой, также известным как Джиджетен-лама, которого в преданиях называют «восемнадцатилетним гецелом Джиджетен, гелюнгом Джиджетен, маленьким манджи» [Болдырева, Алимаа 2019: 291], так как у него был сын, и нет сведений о том, что он был монахом. Более того, в преданиях о паломничестве Джиджетена в Тибет его называют «хар манж» ('учеником-простолудином') [Болдырева, Алимаа, 2019: 291; 292; 299], что никак не может соответствовать статусу дербетского владельца Галдан-Церена. Возможно, один из посланников Галдан-Церена входил в число 23 калмыков, оставшихся для обучения в Тибете. По завершении учебы он вернулся в Калмыцкое ханство и стал известен как Джиджетен. На роль будущего Джиджетен-бакши мог бы подойти, например, посланник Галдан-Церена Табка-гецул, так как он был послушником-гецолом и посланником Галдан-Церена, таким образом, имея большее сходство с Джиджетеном, описываемым в преданиях.

Необходимо прояснить вопрос относительно печати, якобы полученной Галдан-Цереном от Далай-ламы в период осуществления им поездки в Лхасу вместе с посольством Дондук-Даши. Внимательное рассмотрение датировки писем и сличение содержания печати этого владельца показывает, что печать не могла быть получена от Далай-ламы. Так, на всех письмах Галдан-Церена, сохранившихся в Национальном архиве Республики Калмыкии, стоит печать, прежде последовательно принадлежавшая его деду Четеру, а затем отцу Лаван-Дондуку. Самое раннее использование первой печати зафиксировано на письме эмчи Гелена астраханскому губернатору А. П. Волюнскому 13 августа 1724 г. [Сусеева 2009: 313], что делает невозможным получение этой печати от Далай-ламы VII в 1757 г. Подробно эта печать рассмотрена в статье «Калмыцкие печати на санскрите» [Митруев 2022a]. Остается только один вариант: если Галдан-Церен получил от Далай-ламы новую печать, но по неизвестным причинам не использовал ее в своих письмах. Но престижность знака, получаемого от Далай-ламы, была настолько высокой, что этот вариант представляется невозможным.

том, что посольство калмыцкого наместника Дондук-Даши все же получило аудиенцию у Далай-ламы, хотя и не содержит сведений о вручении Далай-ламой каких-либо знаков власти посланцам калмыцкого лидера.

4.2.2. Легенда на печати калмыцкого хана Дондук-Даши

В Национальном архиве Республики Калмыкии сохранились более 800 писем Дондук-Даши, и практически на всех стоит оттиск печати (с китайским текстом), унаследованной им от отца Чагдорджаба. Этой печати будет далее посвящен отдельный раздел.

В данном же разделе внимание сконцентрировано на печати, оттиск которой стоит на письме калмыцкого хана Дондук-Даши «Ея императорского величества дела правящему господину генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну», полученном 3 сентября 1760 г. Эта красная круглая печать (рис. 58) на других сохранившихся документах ханом Дондук-Даши не использовалась [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1189].

Рис. 58. Печать Дондук-Даши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1189].

При этом на следующем письме Дондук-Даши «Ея императорского величества дела правящему господину генерал-майору

Никите Григорьевичу Спицыну», полученном адресатом 5 сентября 1760 г., стоит китайская печать Чагдорджаба, которую хан Дондук-Даши использовал на других документах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1192]. Это вызывает закономерные вопросы, связанные с происхождением и содержанием уникальной печати, оттиск которой сохранился только на одном письме Дондук-Даши.

Оттиск печати круглый, красного цвета. На внешнем круге размещен флористический узор из восьми завивающихся лепестков. В центре в круге находится легенда, написанная тибетской скорописью *умэ* (тиб. *dbu med*) с сокращениями, известными как *skung yig*. Текст легенды, написанный в две строки, представляет собой тибетское написание имени Дондук-Даши: *don grub bkra shis*. Таким образом, в отличие от постоянно использовавшейся Дондуком-Даши печати его отца Чагдорджаба, эта круглая печать была именной и принадлежала персонально Дондук-Даши.

Сокращения, использованные в легенде, широко используются в тибетских рукописных текстах. В «Сборнике сокращений тибетского языка» (тиб. *bod yig skung yig phyogs sgrig*), составленном Намгьял Церингом (тиб. *rnam rgyal tshe ring*), представлены сокращения обоих слов «Дондук» — *don grub* (рис. 59) [*rnam rgyal tshe ring* 1994: 96] и «Даши» — *bkra shis* (рис. 60) [*rnam rgyal tshe ring* 1994: 14].

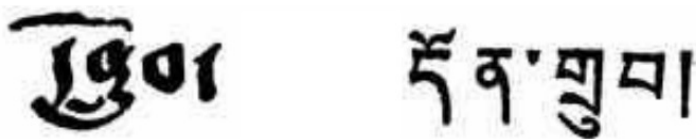

Рис. 59. Написание слова «Дондук» (*don grub*) в сокращенной и полной форме согласно «Сборнику сокращений тибетского языка»

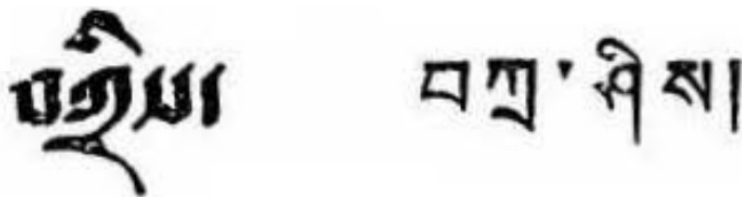

Рис. 60. Написание слова «Даши» (*bkra shis*) в сокращенной и полной форме согласно «Сборнику сокращений тибетского языка»

Каково происхождение этой печати, которая использована только на одном письме Дондук-Даши? Интересно, что Н. Н. Пальмов не знал об этой печати. Он пишет, что Дондук-Даши, объявленный ханом русским правительством 20 февраля 1758 г., прикладывал к своим официальным бумагам ту же печать, что была у него раньше, как у владельца и как у наместника. В то же время ему было известно о печати Церен-Дондука, возведенного Далай-ламой в «чин» Дайчин-Шаса-Бюджа-хана, который стал тогда же прикладывать к своим «листам» новую печать [Пальмов 1927: 164].

Известно, что Дондук-Даши был «страшно угнетаем неимением ханского титула» и стремился получить его. Калмыки того времени рассказывали, что «калмыцкое посольство в Тибет 1756 года было снаряжено Дондук-Дашием именно с целью испросить себе у Далай-ламы титул хана» [Позднеев 1897: 121].

Как мы видим, в биографии Далай-ламы VII ничего не сказано о вручении ханского звания и печати Дондук-Даши, хотя в других случаях, когда Далай-лама жаловал печать и титул, об этом есть упоминания в его биографии.

Кроме того, китайский исследователь Чжао Линчжи пишет, что, согласно анализу предыдущих торгутских посольств¹⁹² в Тибет Шукур-Дайчина, Аюки, Церен-Дондука и т. д., все они обращались к Далай-ламе с просьбой пожаловать ханское звание и печать. Возможно, миссия, посланная Дондук-Даши, также имела цель получить для него ханский титул и печать, но поскольку Далай-лама скончался до вручения ему великого подношения, эта просьба не была упомянута во время аудиенции и поэтому не записана в документах [Zhào Línzhì 2021: 103].

22 июля 1758 г. Н. Г. Спицын получил известие от хана Дондук-Даши о возвращении его посольства из Тибета в Калмыцкое ханство [Пальмов 1927: 162–163], а письмо Дондук-Даши Н. Г. Спицыну с рассматриваемой круглой печатью было получено 3 сентября 1760 г. Таким образом, маловероятно, что Дондук-Даши пытался спустя два года после прибытия посольства выдать

¹⁹² Речь идет о паломничестве, так как «посольство», на китайском «аоча» (кит. 熬茶; áochá), буквально переводится как «кипячение, приготовление чая».

ее за печать, жалованную Далай-ламой. Возможно, не получив печати от Далай-ламы, Дондук-Даши пожелал сделать для себя новую ханскую печать, но не будучи получена от Далай-ламы, она не имела в глазах подданных такого же веса, как печать Чагдорджаба, поэтому Дондук-Даши впредь не использовал ее в своих письмах. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

Дондук-Даши не получил ханского титула от Далай-ламы. Однако известно, что в народе сохранялось имя, которым его называли — Бальватин-хан [Душан 1973: 35; Бакаева 2018: 7]. Остается открытым вопрос, возможно ли, что калмыцкий хан или его окружение стали использовать этот титул, следуя примеру предыдущих правителей: хану Шукур-Дайчину, получившему титул Дайчин, хану Аюке, чей титул был — Дайчин-Аюка-хан, хану Церен-Дондуку, возведенному Далай-ламой в чин Дайчин-Шаса-Бюджа-хана.

Где была изготовлена печать Дондук-Даши? Как уже было сказано выше, легенда на печати написана тибетской скорописью с сокращениями, причем написано лишь имя Дондук-Даши без какого-либо титула, что не типично для ханских печатей и отличается от печатей предыдущих правителей, например, печати Дайчин-Шаса-Бюджа-хана (хана Церен-Дондука) [Митруев 2022b] или Галдан-Бошокту-хана [Митруев 2022d]. Кроме того, круглая форма нечасто использовалась для печатей калмыцкой знати. Вероятно, она должна была придать ей сходство с официальными круглыми печатями российского правительства и чиновников.

А. М. Позднеев пишет, что тибетская скоропись всегда была малоизвестна калмыкам [Позднеев 1897: VI]. К тому же в легенде печати использованы сокращения (тиб. *skung yig*), что могло бы говорить о ее тибетском происхождении. Однако вышеприведенные сведения о сравнительно непродолжительном пребывании посольства Дондук-Даши в Тибете, а также довольно позднем использовании круглой печати на письме Дондук-Даши и отсутствии оттисков данной печати на письмах сына Дондук-Даши Убаши приводят нас к предположению, что печать была изготовлена не в Тибете, а, возможно, в Калмыцком ханстве. Однако вследствие недостаточности данных, однозначно утверждать это сложно. Данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Возникает еще один важный вопрос: была ли эта печать Дондук-Даши единственной печатью в Калмыцком ханстве с легендой, написанной скорописью *умэ* с сокращениями? Анализ архивных материалов эпистолярного наследия калмыков показывает, что еще одна печать с подобной легендой существует, она принадлежала дербетскому владельцу Ценден-Дорджи (ум. 1784). Поэтому необходимо рассмотреть данные о ней и ее владельце.

4.2.3. Печать Ценден-Дорджи

Батур-Убаши Тюмень пишет следующее о происхождении Ценден-Дорджи: «Нойоны дербетские имеют одно происхождение с зюнгарскими нойонами. От Бу Ахай происходит Удунтай Бида тайши, его потомок Далай тайши, из тринадцати сыновей которого Солом Церен тайши, Тойн и Дайчин Хошучи. У Солом Церен тайшия был сын Мунке Темур, его сын Читер, у него два сына Лабан Донруб (Дондук) и Гунге Дорчжи. У Лабан Дондука были два сына Шампил Норбо и Галдан Церен (умерший в 1764 году в Петербурге). У последнего был сын Цебек Убаши. У Тойна был сын Батур Малай, его сын Ерке тайчжи, его сын Солом Дорчжи, его сыновья Тундуг, Ценден Дорчжи и Чжал¹⁹³. У Тундуга был сын Чучей тайши (наместник), его сыновья Ердени тайши и Джамба тайши» [Батур-Убуши Тюмень 1969: 25]. А. Г. Митиров пишет, что отец Ценден-Дорджи — Солом-Дорджи¹⁹⁴ умер 9 февраля 1749 г. [Митиров 1998: 257], однако М. М. Батмаев указывает датой смерти 10 февраля 1749 г. [Батмаев 1993: 282]. У Солом-Дорджи было шесть сыновей, из которых известны имена пяти: Даши-Церен, Баярлаху, Джал, Тундат и Ценден-Дорджи [Митиров 1998: 357]. На момент смерти отца в живых оставалось трое — Джал, Тундат и Ценден-Дорджи [Батмаев 1993: 282].

По словам самого Ценден-Дорджи, у него было шесть сыновей: большой сын Бодогой, Делегер, Шарап-Джамба, Бакла-Ату, Цуклату и Мукааджи [Митиров 1998: 287], однако в той же кни-

¹⁹³ Здесь имена братьев указаны не по старшинству. Правильный порядок братьев по старшинству таков: Джал, Тундат и Ценден-Дорджи.

¹⁹⁴ В некоторых документах его имя записано Сонам Доржи.

ге, где приведены слова Ценден-Дорджи, А. Г. Митиров дает несколько иной список имен пяти сыновей Ценден-Дорджи: Бодогой, Делтер, Бабул, Нойон-гецуль и Макаджи [Митиров 1998: 362]. Ценден-Дорджи приходился дядей наместнику калмыцкого народа Чучей-тайши Тундутову (ум. 1803) [Митиров 1998: 296].

В 1749 г. 10 февраля умер Солом-Дорджи, затем 14 февраля умер главный (по старшинству) дербетский нойон Лабан-Дондук, а 10 марта от оспы умер старший сын Лабан-Дондука Сампил-Норбо или Шампиль-Норбо, содержавшийся в кибитке близ Черкаска, куда он бежал после ссоры с отцом. У Лабан-Дондука остался второй малолетний сын Галдан-Церен, за которого правила мать Аба, дочь Дасанга [Батмаев 1993: 282]. Галдан-Церен умер в 1764 г. в Петербурге [Батмаев 1993: 234], а его сын Цебек-Убаши в 1774 г. также в Петербурге [Пальмов 1922: 86]. По завещанию Цебек-Убаши правление улусом было передано Ценден-Дорджи [Митиров 1998: 288]. После смерти последнего представителя старшей нойонской линии Цебек-Убаши правителем всех дербетов стал «бага-нойон» Ценден-Доржи. Тундат, бывший старше, чем Ценден-Дорджи, умер относительно молодым 16 августа 1765 г. [Батмаев 1993: 282].

Ценден-Дорджи управлял улусом в течение десяти лет и умер в 1784 г., оставив пятерых малолетних сыновей на попечение своей жены Тарзы. На тот момент дербетский улус состоял из 4 881 кибитки [Митиров 1998: 288]. Помимо дербетского улуса, который принадлежал Ценден-Дорджи, у него был собственный улус из 159 кибиток, управлявшийся после его смерти женой Тарзой и его детьми [Митиров 1998: 288].

После смерти владельца Ценден-Дорджи калмыки Малодербетовского улуса признали своим правителем сына Ценден-Дорджи Бабула [Митиров 1998: 288; Пальмов 1922: 94]. После смерти Бабула зайсанги Малодербетовского улуса обратились к властям с просьбой об утверждении Чучея владельцем улуса. В августе 1800 г. Чучей был утвержден правителем улуса [Митиров 1998: 295].

Впервые печать Ценден-Дорджи встречается на письме Джала, Тундата и Цендена генерал-майору Никите Григорьевичу Спицы-

ну¹⁹⁵, полученном 21 января 1761 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 95]. В переводе письма полковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому¹⁹⁶, полученного им 23 апреля 1768 г., Цендена называют владельцем дербетовского улуса [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407. Л. 483].

Последнее письмо с этой печатью, полученное 5 июля 1768 г., адресовано полковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407. Л. 959]. Из сохранившихся писем видно, что данной печатью пользовался лишь Ценден-Дорджи; братья Джал и Тундат, по всей видимости, пользовались печатью своего отца Солом-Дорджи, несущей на себе изображение тамги «джунгру» (стилизованной свастики).

Оттиск печати Ценден-Дорджи (рис. 61) выполнен красной краской.

Рис. 61. Печать Ценден-Дорджи

Печать квадратной формы, легенда представляет собой помещенную в квадратную рамку надпись на тибетском языке, написан-

¹⁹⁵ Никита Григорьевич Спицын — подполковник, полковник, а к концу службы генерал-майор. Глава ведомства по калмыцким делам в период с июля 1743 г. по июль 1761 г.

¹⁹⁶ Иван Алексеевич Кишенский — полковник, находился при калмыцких делах в 1765–1771 гг.

ную скорописью *умэ* (тиб. *dbu med*) с сокращениями *кунг-йиг* (тиб. *skung yig*), как и на печати Дондук-Даши. Текст легенды состоит из двух строк: *bkra shis rgya* ‘*gram* «перекрещенная [ваджра] благополучия». Мы предполагаем, что второе слово *rgya* ‘*gram* является альтернативным написанием слова *rgya gram* — «имеющий четыре ответвления, состоящий из четырех частей». Так, в «Тибетско-санскритском словаре „Прекрасное золотое ожерелье“» (тиб. *saM bod skad gnyis shan sbyargser gyi phren gmdzes*), составленном Бюро перевода и редактирования тибетского языка Тибетской и Цянской национальной автономной префектуры Аба (*Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau*), для санскритского слова *catusparva*¹⁹⁷, «состоящий из четырех частей», приводится тибетский эквивалент *rgya* ‘*gram* [*gser gyi phren mdzes* 1989: 299]. Скорее всего, в данном случае имеется в виду *rdo rje rgya gram*, «перекрещенная ваджра», как один из символов благополучия.

Из-за недостатка сведений трудно сделать однозначное заключение о происхождении печати Ценден-Дорджи. В отличие от печати Дондук-Даши, она не круглая, а квадратная. Однако несомненно то, что первый элемент легенды *bkra shis* очень схож с этим же словом в легенде на печати Дондук-Даши. Возможно, это указывает на одно и то же место изготовления обеих печатей. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

4.2.4. Печать Убу-гары

В калмыцком обществе печатями владели и женщины. Печать Дондук-Даши не единственная среди печатей калмыцких владельцев и владелиц, имеющая круглую форму. Такой же формы была и печать Убу-гары¹⁹⁸ (рис. 62), супруги Лекбея, приходившейся сестрой Дасангу [Тепкеев 2021b: 237–238].

Диаметр печати Убу-гары 1,9 см, оттиск поставлен черными чернилами или краской. В центре печати в круге находится тибетский слог *zham*, от центрального круга отходят пятнадцать лепест-

¹⁹⁷ В словаре это слово написано с ошибкой: *catuspava*.

¹⁹⁸ Имя этой владелицы в разных документах записано Убу-гара, Убу-кара, Убагара, Уба-гара, Обокара.

ков. Нам не удалось выяснить значение данной легенды.

Исходя из дизайна и формы печати, мы предполагаем, что она была произведена в Калмыцком ханстве.

Таким образом, среди печатей калмыцких владельцев имеются печати, признаки которых схожи с печатью Дондук-Даши. С одной

Рис. 62. Печать Убу-гары

стороны, в Калмыцком ханстве встречались печати круглой формы, хотя и нечасто. Такие печати, вероятно, ориентировались на русскую и европейскую традиции изготовления печатей. С другой стороны, печать Ценден-Дорджи свидетельствует о том, что на печати квадратной формы могла быть использована легенда с тибетской скорописью *умэ*, хотя, по сведениям А. М. Позднеева, тибетская скоропись была малоизвестна калмыкам [Позднеев 1897:VI].

Таким образом, хотя вопрос о месте производства именной печати Дондук-Даши остается на настоящий момент дискуссионным, по нашему мнению, она могла быть произведена в Калмыцком ханстве.

Выводы по главе 4

Материалы по печатям ханов Дондук-Омбо и Дондук-Даши, проанализированные в главе, свидетельствуют о важности печатей, полученных от Далай-ламы, для калмыцких ханов, которые

уже обладали ханским титулом, присвоенным указом российского императора. Наличие печати как знака инвеституры власти и передаче печатей по наследственной линии придавалось большое значение. В связи с этим каждый калмыцкий хан предпринимал попытки направить посольство к Далай-ламе с целью испросить титул и печать.

Посольство Дондук-Омбо, направленное в Тибет, не достигло цели и было возвращено с границы. Тем не менее, у этого хана имелись две печати, использовавшиеся им последовательно с 1723 г. по 1732 г. и с 1734 г.

Первая печать Дондук-Омбо — квадратная, легенда на ней представляет собой имитацию китайских иероглифов, которые не удалось идентифицировать. Один из символов имеет сходство с зеркально отраженным маньчжурским словом *yamun* ‘министерство; управление’. Оттиск ставился красной краской или тушью.

Особенностью первой печати Дондук-Омбо является ее сходство с печатью хошутского Лхасан-хана (потомка Гуши-хана), известного попыткой захватить власть в Тибете, низвергнувшего регента Далай-ламы V — Деси Сангье Гьяцо и отправившего в изгнание Далай-ламу VI, что сопоставимо с условиями прихода к власти Дондук-Омбо, представителя линии Гунджаба, третьего сына Аюки, и одного из трех главных претендентов на престол (кроме него, таковыми были сын Чагдорджаба Дасанг и старший сын Аюки от Дарма-Балы Церен-Дондук) после кончины Аюки-хана в 1724 г. Сходство печатей калмыцкого Дондук-Омбо и хошутского Лхасан-хана свидетельствует о стремлении калмыцкой знати продемонстрировать свое равное положение среди ойратских ханов в Тибете и других областях, а также о серьезных притязаниях на власть Дондук-Омбо со времени династийных междоусобиц, начавшихся в связи с кончиной Аюки-хана.

Объявление Дондук-Омбо ханом состоялось позже, чем он начал использовать свою первую печать. Нами высказано предположение о том, что легенда на печати Дондук-Омбо является имитацией легенды на печати Лхасан-хана либо обе они имитируют легенду третьей печати, послужившей образцом для них.

Вторая печать Дондук-Омбо имеет меньший размер, квадратную форму, ее оттиск также выполнялся красной краской или тушью. Легенда — имитация квадратного письма («ложное квадратное письмо»), подобная изображениям на двух последних печатях Аюки-хана. Такие печати выдавались в период регентства Деси Сангье Гьяцо. Можно полагать, что эта печать была привезена Дондуку-Омбо из Тибета вместе с посольством Церен-Дондука.

Документы свидетельствуют о том, что хан Дондук-Даши использовал всего две печати. Первая из них стоит практически на всех его письмах, вторая была использована на одном документе.

Первая печать Дондук-Даши была унаследована им от отца, Чагдорджаба. Другая, более значимая печать Чагдорджаба, переданная ему Аюкой при жизни, передавалась далее по линии старшего сына Аюки-хана Дасанга и затем перешла к Баксадаю-Дорджи (П. Тайшину).

Вторая печать Дондук-Даши представляет большой интерес своей круглой формой, это свидетельствует о возможном влиянии европейской традиции печатей. Кроме того, она имеет весьма особую легенду, в которой зафиксировано тибетское написание имени Дондук-Даши — *don grub bkra shis*. Надпись сделана на тибетском языке с применением сокращений, известных как *кунг-йиг* (тиб. *skung yig*) — при том, что тибетская скоропись, по свидетельству ученых, всегда была малоизвестна калмыкам.

Круглая печать Дондук-Даши нетипична для тибетской традиции как по форме, которая имела сходство с печатями русских царей, так и по написанию в легенде имени хана без титула, что отличает эту печать от печатей других калмыцких и ойратских правителей (Дайчин-Шаса-Бюджа-хана (хана Церен-Дондука) или Галдан-Бошокту-хана). Высказано предположение о том, что она могла быть произведена в Калмыцком ханстве.

Данная печать не могла быть дарована Далай-ламой. В биографии Далай-ламы VII зафиксированы сведения о прибытии посольства Дондук-Даши и одной встрече с ним, вскоре после которой верховный иерарх скончался, вследствие чего в соответствии с церемониальными правилами ему не были поднесены главные

дары и потому не была произнесена просьба о даровании титула и печати хану.

Вторая печать не использовалась наследником Дондук-Даши — наместником Убаши.

Сравнительный анализ личной печати Дондук-Даши и других печатей калмыцкой знати позволил выявить наличие у калмыцких владельцев как круглой печати (печать Убу-Гары), так и печати (квадратной формы), в легенде которой использовалась тибетская скоропись *умэ*. Так, на печати дербетского владельца Ценден-Дорджи легенда включает две строки, записанные скорописью: *bkra shis rgya 'gram* «перекрещенная [ваджра] благополучия», причем слово *bkra shis* на этой печати имеет сходство с элементом написания части имени на печати Дондук-Даши. Возможно, печать Дондук-Даши и печать Ценден-Дорджи были изготовлены в одной мастерской.

ГЛАВА 5. ПЕЧАТИ ЧАГДОРДЖАБА И УБАШИ

5.1. ПЕЧАТЬ НАСЛЕДНИКА ХАНСТВА ЧАГДОРДЖАБА (С МОНОГРАММОЙ КАЛАЧАКРЫ), ПЕРЕДАННАЯ ИМ ДАСАНГУ

Анализ писем старшего сына Аюки-хана Чагдорджаба (тиб. phyag rdor skyabs), отложившихся в НА РК, показывает, что он использовал в своих письмах две печати. Первая из них — это вторая из четырех печатей Аюки-хана, которая несет на себе монограмму Калачакры (рис. 63).

Рис. 63. Печать с монограммой Калачакры

Эта печать, названная выше «второй» печатью Аюки-хана, уже была рассмотрена. Известно, что Аюка-хан использовал ее с 1685 г. до 1698 г., а затем, вероятно, передал Чагдорджабу, о чем свидетельствуют выявленные на данный момент письма последнего, датированные 1700 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 2]. Возможно, Чагдорджаб начал пользоваться этой печатью ранее, но писем его более раннего периода не сохранилось. Одновременно с ним иногда печатью с монограммой Калачакры пользовались сам Аюка-хан, жены Чагдорджаба Джал и Цаган-Лама, Назар, сыновья Чагдорджаба от Джалы Дасанг (ум. 1730¹⁹⁹), Баксадай Дорджи

¹⁹⁹ Н. Н. Пальмов пишет, что Дасанг, старший из сыновей Чагдорджа-
236

(П. Тайшин) и Нитар-Дорджи (убит в 1725 г.), жена Дасанга Солома и другие. Анализируя использование этой печати в переписке, можно сделать вывод, что и после 1713 г. Аюка-хан порой ее использовал.

Перед смертью в 1722 г. Чагдорджаб завещал право на власть старшему сыну Дасангу [Батмаев 1993: 195], к которому перешла и печать. Последнее сохранившееся письмо Дасанга Василию Пахомовичу Беклемишеву с этой печатью было получено 10 января 1730 г. [НА РК, Ф. 36. Оп. 1. Д. 40. Л. 175]. После смерти Дасанга в 1730/1731 г. печатью пользовалась его жена Солома. Так, оттиск ее стоит на письме генералу князю Ивану Федоровичу Барятинскому, полученном 10 апреля 1732 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Лл. 77–478]. Данная печать стоит также на четырех письмах Соломы и сына Дасанга Чидана²⁰⁰ (тиб. *tshe brtan*), последнее из которых датировано 13 марта 1734 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 69. Л. 420]. Солома являлась мачехой Чидана [Бакунин 1995: 86], убитого в 1734 г. [Цюрюмов 2007: 213] по повелению Дондук-Омбо его сыном Галдан-Норбо (тиб. *dga' ldan nor bu*) [Митиров 2002: 191].

Таким образом, печать с монограммой Калачакры, принадлежавшая Аюке-хану, была передана им сыну Чагдорджабу, а последний завещал ее вместе с правом на власть своему сыну Дасангу, члены семьи которого использовали печать до 1734 г. Дальнейшая судьба данной печати была связана с братом Дасанга Баксадаем Дорджи, в крещении П. Тайшиным. На эту печать претендовал Дондук-даши, но она была передана российским властям.

ба, умер в 1730 г. [Пальмов 1926: 219].

²⁰⁰ Важно не путать Чидана, сына Чагдорджаба, с Чиданом (в крещении Никита Дербетев), сыном Четера (Четена).

5.2. ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ ЧАГДОРДЖАБА (С КИТАЙСКОЙ ЛЕГЕНДОЙ), КОТОРУЮ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДАСАНГ, ДОНДУК-ДАШИ И УБАШИ

Вторая печать Чагдорджаба имеет легенду на китайском языке. Наиболее ранний документ с «китайской» печатью Чагдорджаба — письмо астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, находящееся в папке с документами за 1713 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Перевод и транслитерация письма представлены в книге Д. А. Сусеевой²⁰¹ [Сусеева 2003: 190], перевод части этого письма представлен в работе Н. Н. Пальмова [Пальмов 1926: 19]. Н. Н. Пальмов пишет, что после 1713 г., когда, как он предполагает, Чагдорджаб был назначен Аюкой наследником престола, Чагдорджаб перестает пользоваться прежней печатью и начинает использовать другую печать. По всей видимости, под прежней печатью здесь подразумевается печать, изготовленная из слоновой кости, с легендой на китайском языке. Однако из рассмотренных писем явствует, что Аюка и Чагдорджаб вместе продолжали использовать печать с китайской легендой и позднее. На письме²⁰² первой из девяти жен Чагдорджаба Джал²⁰³ Михаилу Ильичу Чирикову²⁰⁴, полученном 13 января 1713 г.²⁰⁵, стоит подделка печати Чагдорджаба с китайской легендой, что говорит о том, что оригинал данной печати использовался ранее 1713 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Печать с легендой на китайском языке была передана Чагдорджабом другому своему сыну от третьей супруги Габилы, Дондук-Даши, который стал ханом в 1741 г. Эта печать используется

²⁰¹ Д. А. Сусеева датирует это письмо февралем 1714 г., тогда как Н. Н. Пальмов — 25 января 1713 г. Как было сказано выше, данный документ хранится в папке с документами 1713 г.

²⁰² Транслитерация и перевод данного письма представлены в книге Д. А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714—1724гг.)» [Сусеева 2003: 60].

²⁰³ Джал — дочь хошоутова владельца [Бакунин 1995: 33].

²⁰⁴ Михаил Ильич Чириков был астраханским обер-комендантом с 1709 по 1719 г. [Русско-китайские отношения 1978: 525].

²⁰⁵ Дата на письмах начала XVIII в. записывалась кириллицей. На переводах калмыцких писем даты стоят в начале письма.

на многих его письмах, так, например, среди калмыцких писем за 1724 г. она стоит на недатированном письме Дондук-Даши некоему Артемию²⁰⁶ [НА РК, Ф. 36, Оп. 1. Д. 18. Л. 174].

Б. Батубаяр пишет, что, исходя из ныне доступных архивов на *тодо бичиг*, данная печать с китайскими иероглифами использовалась с 1710 по 1775 г., то есть с 49-го года правления Канси до 40-го года правления Цяньлуна [Batubayaer 2017b: 153].

В период 1710–1711 гг. рассматриваемая печать фигурировала в письмах Чагдорджаба и его сына Дасанга к русским воеводам. Эти четыре письма в настоящее время хранятся в Калмыцком фонде Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета [Batubayaer 2017b: 154].

Оттиск этой печати находится также на письме владельца Дондук-Даши астраханскому бригадиру Андрею Юнгеру от 24 августа 1737 г. [Сусеева 2009: 527]. В последние годы жизни Дондук-Даши стал ставить печать верхом вниз. Дондук-Даши использует эту печать до 1759 г., так, она стоит на письме хана Дондук-Даши астраханскому губернатору Алексею Сергеевичу Жилину от 12 сентября 1759 г. (верхом вниз) [Сусеева 2009: 746].

Затем печать с китайской легендой передается сыну Дондук-Даши — наместнику Калмыцкого ханства Убаши (1742–1775; даты правления в Калмыцком ханстве: 1761–1771; после ухода в цинский Китай: 1771–1775). Впервые Убаши использует ее на письме генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну, полученном 27 января 1761 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 119]. Последнее письмо с этой печатью, опубликованное Д. А. Сусеевой, — письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши полковнику И. А. Кишенскому от 21 декабря 1770 г., которое было получено 2 января 1771 г. [Сусеева 2009: 895].

Покинув в 1771 г. пределы Российского государства, наместник ханства Убаши взял печать с китайской легендой с собой. Оттиск ее встречается на письмах на *тодо бичиг*, адресованных императору Цяньлуну, Синьцзянскому военному губернатору и советнику генерал-губернатора Тарбагатаю в период с 1771 г. по

²⁰⁶ Возможно, это астраханский губернатор Артемий Петрович Волинский.

1775 г. Известно о существовании девяти таких писем [Batubayaer 2017b: 154]. Они находятся в Первом историческом архиве Китая; еще одно письмо на *тодо бичиг* с этой печатью хранится в Большом молебном зале монастыря Лабранг в провинции Ганьсу. В нем содержится письмо, приглашающее ламу и эмчи из монастыря Лабранг после поселения Убаши в Карашаре [Batubayaer 2017b: 154]. Оно рассмотрено в статье «Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами» [Митруев 2023].

После смерти Дондук-Даши в 1761 г. Убаши унаследовал ханскую власть, сохранив титул наместника [Санчилов 2016: 46]. В 17-й день 9-го лунного месяца 36-го года правления Цяньлуна (то есть 25 октября 1771 г.) откочевавшему в Центральную Азию и оказавшемуся вместе с подданными на территории цинского Китая Убаши был дан цинским императором титул «Зоригту-хан старых торгутов Унэн Сузугту» [Dorji, Batubayar, Lijeі 2009: 43]. Таким образом Цяньлун подтвердил Убаши в ханском достоинстве с титулом Зоригту («Храбрый») [Ци ши и 1820: 221–222 (264–265)]. Получив титул «Зоригту-хан», Убаши-хан продолжал владеть печатью своего отца Дондук-Даши, переданной ему наследником ханства Чагдорджабом, до самой смерти [Batubayaer 2017a: 148]. После кончины Убаши-хана в 8-й день 12-го лунного месяца 39-го года правления Цяньлуна (то есть 9 января 1775 г.) цинский двор ввел систему сеймов и знамен среди торгутов и хошутов в 40-й год правления Цяньлуна (1775 г.) и выдал дзасакам сеймов и знамен печати [Dorji, Batubayar, Lijeі, 2009: 33]. В сочинении китайского князя Цишия сказано, что на момент смерти Убаши-хана его старшему сыну Церен Намджалу было восемь лет [Ци ши и 1820: 266]. В 9-й лунный месяц 40-го года правления Цяньлуна (в период с 25 сентября по 23 октября 1775 г.) Церен Намджал вступил в должность главы Южного сейма «Унэн Сузугту»²⁰⁷ старых торгутов²⁰⁸ и получил новую печать. В 48-м

²⁰⁷ Унэн Сузугту — «Истинно верующие».

²⁰⁸ «Старыми» торгутами были названы те из откочевавших из Калмыцкого ханства в 1771 г. в пределы цинского Китая калмыков, чьи предки вошли в состав Российского государства еще в XVII в., а «новыми»

году правления Цяньлуна (1783 г.) был издан императорский указ о наследственном престолонаследии [Dorji, Batubayar, Lijei 2009: 43].

Ш. Камманн утверждает, что в августе 1780 г. Убаши был в Жэхэ на встрече Панчен-ламы Лобсан Палден Ешей с императором Цяньлуном [Cammann 1949: 6]. Однако это определенно ошибка: когда в 1780 г. Панчен-лама отправился с визитом в империю Цин и находился в Жэхэ, с ним встретился не умерший к тому времени Убаши-хан, а его старший сын, хан Церен Намджал, вместе с другими представителями торгутской знати. Вот что об этом сказано в биографии Панчен-ламы VI Палден Еше (1738–1780):

*Десятого числа <...> восьмого тибетского месяца <...> года Железа-Мыши [1780 г. — Б. М.], именуемого «сарвари» (тиб. *kin ldan*; санскр. *sārvari*), тумет бэйсэ Цеден Дондуб, торгутский хан Церен Намджал²⁰⁹, тайджи Рабдан Дорджи²¹⁰, ханша Деден Ролма, дочь Норджун Ванмо, с многими подразделениями [народа] совершили пышные подношения.*

Торгутский джиргаланг-бэйлэ²¹¹ вместе с хатун Цебек, Эрдени-тайджи²¹², Куко-тайджи²¹³, Далай-тайджи²¹⁴, Когшин-тайджи²¹⁵ и Сомоном²¹⁶, а также хошоут-бэйлэ Делек-Убаши вместе торгутами — бежавшие из Джунгарии в Калмыцкое ханство в 1750-е гг., во время войны между ойратами Джунгарского ханства и цинскими властями.

²⁰⁹ Церен Намджал — старший сын Убаши-хана, ставший ханом после него [Родословная 2016: 103].

²¹⁰ Рабдан Дорджи — второй сын Убаши, тайджи первой степени [Родословная 2016: 103].

²¹¹ Джиргаланг-бэйлэ Момото — внук Балбу и сын Дондуга [Родословная 2016: 113].

²¹² Эрдени-тайджи — старший из пяти сыновей Момото, бэйлэ Эрдени [Родословная 2016: 113].

²¹³ Куко-тайджи, или Коогэку, — второй сын Момото бэйлэ Коогэку [Родословная 2016: 113].

²¹⁴ Вероятно, это мирское имя третьего сына Момото, впоследствии ставшего монахом и получившего имя тойн камбо Лубзан Кириб [Родословная 2016: 114].

²¹⁵ Когшин-тайджи — четвертый сын Момото, тайджи второй степени Когшин [Родословная 2016: 114].

²¹⁶ Вероятно, это пятый сын Момото, тайджи второй степени Норбо

с ваном Церен-Делеком²¹⁷, Бадма-Убаши²¹⁸, Баян-Далай²¹⁹ вместе с владельцами и подданными, а также Луузан-Цойрак-гелюн и прочие индивидуально совершили подношения и произнесли слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-лама]. Они обратились с настойчивой просьбой принять их под свое покровительство и не оставлять во всех жизнях. [Панчен-лама] дал им благословение дланью, угощение чаем, наставление, ответные подарки и желаемые наставления в учении Будды, таким образом удовлетворив их дхармой и материальными вещами. [Панчен-лама] даровал обеты послушника 135 людям.

<...> Одиннадцатого числа торгуют Кириб чин-ван²²⁰ вместе с пышными подношениями произнес слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-лама], а также обратился к [Панчен-ламе] с просьбой принять под свое покровительство во всех жизнях. Тайджи Церен-Убаши²²¹, Бадма, Дорджи Делек и прочие, в общем итоге семь тайджи, хатун Пуне и прочие, джунгарский Далай-хан, лама Габан Замьян, камбо-бандида, да-лама²²² Габан Пунцак, Джанг-ден да-лама Габан Ригзин, дэмчи²²³ Габан Джамцо, дэмчи Луузан Бамбар, нирба²²⁴ Раши Тугмед, нирба Габан Джанцан по отдельности совершили облака подношений. [Панчен-лама] дал

Церен. Имя, под которым он известен, Сабагар [Родословная 2016: 114].

²¹⁷ Ван Церен-Делек — старший из трех сыновей Бамбара, цзюнь-ван Церен-Делек [Родословная 2016: 98].

²¹⁸ Бадма-Убаши — второй сын Церен-Делека, цзюнь-ван Бадма-Убаши [Родословная 2016: 98].

²¹⁹ Баян-Далай — третий сын Бамбара, тайджи второй степени Баян-Далай [Родословная 2016: 98].

²²⁰ Кириб-засаг — второй сын Галдан-Норбо, внук Дондук-Омбо, правнук Гунджаба [История Хо-Орлөка 2016: 31]. Так как у Цебек-Дорджи не было сыновей, Кириб был произведен в ваны [Родословная 2016: 107].

²²¹ Церен-Убаши — старший из трех сыновей Ак Сахала, чин-ван Церен-Убаши, внук Галдана Норбо. Поскольку у Кириба не было сыновей, то он усыновил Церен-Убаши, старшего сына своего младшего брата Ак Сахала [Родословная 2016: 107].

²²² Да-лама — главный лама монастыря, лама-настоятель монастыря.

²²³ Дэмчи — чиновник в системе налогообложения, относился к числу высших сановников ханства.

²²⁴ Нирба (тиб. gnyer ba) — управляющий, казначей.

вышеупомянутым благословение дланью, угощение чаем, задал вопросы и сделал подарки. По просьбе благодетелей [Панчен-лама] дал им устную передачу на «Сто божеств Тушиты», Защитников трех семейств и практику долгой жизни»²²⁵ [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014b: 310].

Датский писатель-путешественник и антрополог Хеннинг Хаслунд пишет, что в конце 1920-х гг., посещая торгутов Синьцзяна, он видел печать Убаши-хана, полученную им в 1776 г. от Цяньлуна «в обмен на прежнюю печать, полученную от минской династии» [Haslund 1935: 308–309]. Однако, так как Убаши умер в 1775 г., он не мог получить печать от Цяньлуна в 1776 г., более того, как было сказано выше, он до конца жизни использовал печать из слоновой кости с легендой на китайском языке. По всей видимости, здесь имеется в виду серебряная печать, полученная сыном Убаши Церен Намджалом от цинской администрации, которая ныне хранится в музее в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

²²⁵ kun ldan zhes pa lcags byi lo <...> zla ba brgyad pa'i <...> tshes bcu'i nyin thu med pa'i se tshe brtan don grub dang / thor god han tshe ring rnam rgyal ring rnam rgyal/ tha'i ji rab brtan rdo rje/ ha thon bde ldan sgrol ma/ sras mo nor rgyun dbang mo/ sde mang bcas nas dngos 'bul gyi bdog pa spam mtho ba bteg / thor god cir gal ba'i li/ ha thon tshe dpag /er te ni tha'i ji/ tha'i ji khu khos/ tha'i ji de le/ tha'i ji khug shun/ so mon bcas thun mong / ho shod pa'i li bde legs u pa shi/ wang tshe ring bde legs/ pad ma u pa shi/ pa yan tA la'i dpon 'bangs thun mong / dge slong blo bzang chos grags sogs so so nas dngos 'bul bteg ste zhabs brtan bden tshig brjod/ tshe rabs kun tu 'bral med rjes 'dzin gyi skyabs 'jug kyang nan tan du zhus/ de dag la phyag dbang ja gral bka' mchid/ slog cha/ 'dod chos bcas stsal te chos dang zang zing gnyis kas tshim par mdzad/ dge tshul brgya dang so lnga bsgrubs <...> tshes bcu gcig gi nyin thor god mkhas grub ching wang gis dngos 'bul spam mtho ba dang bcas zhabs brtan bden tshig brjod de rjes 'dzin gyi skyabs 'jug kyang zhus/ tha'i ji tshe ring u pa shi dang pad+ma/ rdo rje bde legs sogs tha'i ji bdun/ ha thon phu ne sogs dang jun gar dwa las han dang / bla ma ngag dbang 'jam dbyangs/ mkhan po paN+Di ta/ tA bla ma ngag dbang phun tshogs/ byang 'dren tA bla ma ngag dbang rig 'dzin/ dem chi ngag dbang rgya mtsho/ dem chiblo bzang dpal 'bar/ gnyer pa bkra shis thogs med/ gnyer pa ngag dbang rgyal mtshan bcas so so nas dngos 'byor mchod sprin spros/ gong gsal de dag la phyag dbang ja gral bka' 'dri gnang skyes bcas stsal / sbyin bdag rnams nas zhus ngor dga' ldan lha brgya ma dang rigs gsum mgon po/ tshe sgrub bcas kyi ljags lung gnang [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014b: 309–310].

Таким образом, Убаши-хан владел данной печатью с китайской легендой вплоть до своей смерти, а новую печать от правительства Цин получил уже его сын.

Вторая печать Чагдорджаба (рис. 64) квадратной формы, размером 4,4х4,4 см²²⁶. В квадратной рамке размещена легенда на китайском, записанная письмом *чжуанишу*, читаемая сверху вниз, справа налево: «*Цзинцзинь сюсин*» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng) [Batubayar 2017b: 153], что переводится как «Усердно практиковать».

Рис. 64. Печать Чагдорджаба с легендой на китайском языке

Б. Батубаяр пишет, что данная легенда может быть переведена на монгольский язык как «*хичээнгүйлэн бясалгах*» или «*хичээнгүйгээр бүтээгч*» [Батубаяр 2014: 81]. По утверждению исследователя такой текст характерен для личной печати буддийского монаха: то есть первоначально рассматриваемая печать принадлежала буддийскому ламе, но позже по неизвестным причинам использовалась правителем Калмыцкого ханства как печать для внутренних и внешних дел ханства [Batubayar 2017b: 153]. Печать не соответствует официальной системе печатей династии Цин, на которых должна быть выгравирована легенда на маньчжурском языке

²²⁶ Б. Батубаяр утверждает, что размер данной печати 4,5х4,5 см [Batubayar 2017b: 153].

(маньж. *manju gisun*), поэтому, по мнению Б. Батубаяра, наиболее вероятно, что данная печать была дана правительством династии Мин [Batubayar 2017b: 154].

До перекочевки на берега Волги калмыки являлись частью ойратских этнических подразделений. Ойраты издавна устанавливали политические и военные союзы с империей Мин ради рынков и культурного обмена с материковой частью Китая. В минско-монгольских войнах со времен императора Юнлэ (1360–1424) минской династии ойраты могли выступать ее союзниками. Согласно «Мин Шилу»²²⁷, с первого по пятый год правления Юнлэ (1403–1407) Махаму²²⁸ и другие правители в течение многих лет вели войну с Гуйличи²²⁹. В шестой год правления Юнлэ (1408 г.) Аргутай²³⁰ назначил ханом Пуньяшири²³¹, который в следующем году напал на ойратов, но потерпел поражение от Махаму и других и отступил к реке Керулен. После этой битвы Махаму и другие взяли под свой контроль приграничные земли Ганьсу, родины Гуйличи. Но Аргутай воевал не только против ойратов, но и против империи Мин. Поэтому империя Мин стала поддерживать ойратов. В седьмой год правления императора Юнлэ минская династия сделала правителями Махаму, Тайпина²³² и Бату-Боло-

²²⁷ «Мин шилу» (кит.трад. 明實錄, упр. 明实录, пиньинь *Míng shí-lù*), или «Доподлинные хроники династии Мин».

²²⁸ Махаму или Махмуд, также известный как Батула, Батула-чинсан (ум. 1416) — главный ойратский тайши (1399–1416), старший сын и наследник Худхай-Тайю, происходившего из рода Чорос.

²²⁹ Гуличи (китайский: 鬼力赤; монг. *Guyilinči*) отождествляется с Оруг Тэмур-ханом династии Северная Юань, правившим с 1402 по 1408 гг., назывался Гуличи только династией Мин. Существует спор о том, был ли Оруг Тэмур тем же человеком, что и Угэчи Хашигу, поскольку в исторических записках династии Мин упоминаются ожесточенные сражения между восточномонгольским Гуличи и лидерами ойратов. Таким образом, до сих пор неясно, был ли он ойратом или чингисидом.

²³⁰ Аргутай (ум. 1434) — союзник Оруг Тэмур-хана, которому тот пожаловал титул чинсана. В 1408 г. Аргутай сверг с престола и умертвил Оруг Тэмур-хана, а затем вывел Восточную Монголию из-под ойратского владычества, назначив новым монгольским ханом Олдзей Тэмур-хана (Пуньяшири) (годы правления 1408–1412), сына Элбэг-хана.

²³¹ Пуньяшири — другое имя Олдзей Тэмур-хана.

²³² Амугуланг (кит. 太平; пиньинь *tàipíng*). После смерти Махаму он правил всеми ойратами. В 1421 г. он повел армию на Хами. В 1424 г. сын

та. Среди них торгут Тайпин был произведен в звание *цзинь-цзы гуан-лу да-фу*²³³ и вана Сяньи. Начиная с первого года правления Юнлэ минский двор послал нескольких человек с императорскими указами к ойратскому Махаму и другим лидерам. Отношения между двумя сторонами постепенно становились более тесными. В эпоху Тогон-тайши (ум. 1439) и Эсэн-тайши (1407–1454) ойраты имели более частые контакты с минской династией, и двор Мин присвоил более 400 ойратам официальные звания и титулы [Batubayar 2017b: 155].

Политические и экономические отношения между ойратами и империей Мин также способствовали и укрепляли религиозные связи между двумя сторонами. Во времена Эсэна буддизм среди ойратов процветал, и религиозное взаимодействие между двумя сторонами было очень тесным. Например, в «Правдивых записях Мин Инцзуна²³⁴» от 9 числа двенадцатого месяца второго года правления Чжэнтун (1437 г.) сказано следующее: «Приказ о назначении посланников ойратского Шуньнин-вана Тогон²³⁵: Хамалашили²³⁶ государственным наставником (кит. 国师; пиньинь *guóshī*) милосердия и просвещения, Дацанга — правым буддийским наставником, управляющим буддийским духовенством (кит. 僧录司; пиньинь *sēnglùsī*), а Далан Тэмур и прочих — управляющими, тысяцкими (кит. 千户; пиньинь *qiānhù*), *чжэньфу*²³⁷ (кит. 镇

Махаму атаковал и убил Тайпина.

²³³ Цзинь-цзы гуан-лу да-фу (кит. 金紫光禄大夫; пиньинь *Jīn zǐguāng lù dàfū*), «Вельможа, имеющий сияющие заслуги, обладающий правом на ношение золотого кольца и пурпурного шнура» — один из сорока двух почетных титулов (кит. 散; пиньинь *sàn*) для гражданских чиновников, соответствовал первой степени первого ранга [Дмитриев 2005: 90].

²³⁴ Мин Инцун — храмовое имя Чжу Цичжэня, шестого и восьмого императора династии Мин (1427—1464 гг.). Правил под девизом Чжэнтун (кит. 正統, *Zhèngtǒng*), «Законное Наследие» (1435—1449) и под девизом Тяньшунь (кит. 天順, *Tiānshùn*), «Небесная Благосклонность» (1457—1464).

²³⁵ Шуньнин-ван Тогон (кит. 顺宁王脱欢; пиньинь *shùn níng wáng tuō huān*). «Шуньнин-ван» — титул, данный минской династией ойратскому Тогон-тайше в 1418 году.

²³⁶ Хамалашили (кит. 哈马刺失力; пиньинь *Hā mǎ lá shī lì*). Возможно, это искаженное имя Камалашри.

²³⁷ Официальный титул.

抚; пиньинь zhènfǔ) и прочими чинами. Вначале Хамалашили неоднократно приходил отдать дань уважения, получал щедрые подарки и просил титул для облегчения передвижения. Об этом было извещено Министерство церемоний, и был отдан приказ. Также Хамалашили была дарована монашеская одежда, а Далан Тэмуру и другим шапки и пояса» [Batubayar 2017b: 155]. Кроме того, различные ойратские ламы обращались с просьбами о даровании титулов, печатей, изображений Будд пяти семейств, разных предметов культа (колокольчики, цимбалы, барабаны, раковины и т. д.).

Согласно архивам династии Цин, в свое время Убаши сдал китайским властям печать с легендой «Усердно практиковать», которая была сделана из слоновой кости, обрамленную серебром, на боковой стороне которой были выгравированы две строки китайских иероглифов: «В 3-й день третьего месяца 22-го года правления Юнлэ [печать] была дана ламе Мичжа Шили». Юнлэ (кит. 永樂; пиньинь Yǒng lè, буквально: «Вечное счастье») — девиз правления третьего императора империи Мин в Китае Чжу Ди (кит. 朱棣; пиньинь Zhū Dì; 2 мая 1360 г. – 12 августа 1424 г.), правившего с 17 июля 1402 г. до его смерти в 1424 г. Таким образом, можно предположить, что данная печать была выдана ламе Мичжа Шили в 1424 г. Это произошло через 15 лет после того, как минская династия сделала предводителя торгутов Тайпина ваном Сяньи.

Таким образом, если согласиться с мнением Б. Батубаяра, то печать Чагдорджаба с легендой «Усердно практиковать» имеет длительную историю и могла быть выдана еще династией Мин одному из лидеров тибетского буддизма [Batubayar 2017b: 155].

Согласно имеющейся архивной информации, до того, как династия Цин выпустила печать хана, печать главы лиги и печать дзасака, Убаши и Церен Намджал использовали печать Чагдорджаба с китайской легендой «Цзинцзинь сюсин» («Усердно практиковать») для ведения своих собственных государственных дел. После десятилетия 1775 г. печать «Цзинцзинь сюсин» уже не использовалась, но с исключительного разрешения императора хранилась как родовая реликвия в руках хана Зоригту и его наследников. Дальнейшая судьба этой печати неизвестна [Batubayar 2017b: 156].

5.2.1. Печати минского периода, схожие с печатью Чагдорджаба

Была ли печать Чагдорджаба с китайской легендой «Усердно практиковать» единственной в своем роде?

По данным Б. Батубаяра, до наших дней сохранились четыре подобные минские печати с китайскими легендами:

1. Легенда на печати: 淨修覺道 *Jìng xiū jué dào*, «Практиковать исключительно путь к просветлению». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 6,5 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «Дана помощнику Дукханг Лучжу Цунми»; (вверху слева) «... день, ... месяц 13-го года правления Чжэнтун». В настоящее время хранится во дворце Потала.

2. Легенда на печати: 妙緣清淨 *Miào yuán qīngjìng*, «Прекрасные условия чистоты и спокойствия». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 7,1 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «Дана ламе Еше Сангпо»; (вверху слева) «... день третьего месяца 14-го года правления Юнлэ». Ныне хранится во дворце Потала.

3. Легенда на печати: 圓修般若 *Yuán xiū bōrě*, «Всецело практиковать мудрость/праджню». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 6,4 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «... день ... месяца 2-го года правления Сюаньдэ»; (вверху слева) «Дана ламе Сан Лицзе Цанбо». В настоящее время хранится в Норбулинке.

4. Легенда на печати: 如如自在 *Rú rú zìzài*, «Свободная от заблуждений таковость (санскр. *tathatā*)». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 6,7 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «Дана ламе Шэло Цанбо»; (вверху слева) «... день девятого месяца 2-го года правления Чжэнтун». В настоящее время хранится в Норбулинке [Batubayar 2017b: 155].

Таким образом, нам известно, что печать с китайской легендой, которая последовательно принадлежала Чагдорджабу, Дасан-

гу, Дондук-Даши и Убаши, имела рукоять в виде колеса дхармы и была обрамлена серебром. Мы также знаем, что минское правительство выдало несколько таких печатей тибетским ламам. Имеются ли сведения о других образцах такой печати, сохранившихся до наших дней?

В Национальном музее Индии в Дели хранится печать из слоновой кости с рукоятью в виде колеса дхармы с шестнадцатью спицами на лотосе, основание которой обрамлено серебром (рис. 65)²³⁸. Верхняя часть колеса сточена.

Рис. 65. Печать из Национального музея Индии

Легенда на данной печати читается так: 闡揚正教 Chǎn chǎng zhèngjiào, «Разъяснять правильное учение». На верхней части печати написано: «Дана Цыма Лочжу Цзанбо» (кит. 賜刺麻羅竹藏卜; пиньинь cì cì má luó zhú zāng bo), «в ... день первого месяца 1-го года правления Хунси (кит. 洪熙元年正月日) (рис. 66).

²³⁸ URL: https://www.reddit.com/r/ArtefactPorn/comments/lwvnsd/seal_of_incarnate_lama_gifted_by_ming_emperor_to/ (дата обращения: 22.01.2024).

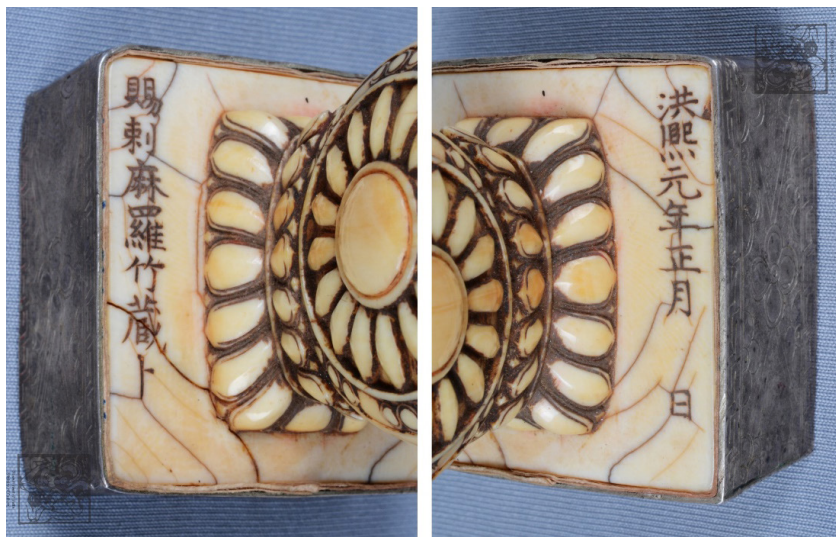

Рис. 66. Надпись на верхней части печати из Национального музея Индии

Хунси (кит. 洪熙; пиньинь Hóngxī), «Великое сияние», — девиз правления 4-го императора Китая из династии Мин Чжу Гао-чи (кит. 朱高熾; пиньинь Zhū Gāochì; 16 августа 1378 г. – 29 мая 1425 г.), правившего с 7 сентября 1424 г. по 29 мая 1425 г. Таким образом, данная печать была дана *Цыма Лочжу Цзанбо* в 1424 г. Возможно, что *Цыма Лочжу Цзанбо* — китайское написание тибетского имени *Чиме Лодро Санпо* (тиб. ‘chī med blo gros bzang po). Можно предположить, что печать Чагдорджаба с китайской легендой имела схожий вид.

В музеях по всему миру сохранились и другие печати из слоновой кости этого типа. Так, например, в «Метрополитен-музее» в Нью-Йорке хранится подобная печать с рукоятью в виде колеса дхармы на лотосе, но без серебряного обрамления²³⁹ (рис. 67). Легенда на печати следующая: 積修求律 Jī xiū qiú lǜ, «Постоянно практикуй и стремись к дисциплине (винае)».

²³⁹ URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/42014> (дата обращения: 22.01.2024).

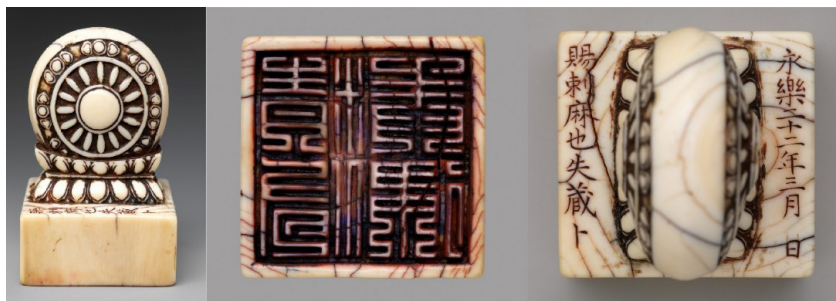

Рис. 67. Печать из «Метрополитен-музея»

На верхней части печати написано: «Дана ламе Еши Цанбо (кит. 賜刺麻也失藏卜; пиньинь *Cì lá má yě shī cángbo*)», «в ... день третьего месяца 22-го года правления Юнлэ (кит. 永樂二十二年三月日). Данная печать была дана в 1424 г. ламе Еши Цанбо. Возможно, что Еши Цанбо — китайское написание тибетского имени *Еше Сангпо* (тиб. *ye shes bzang po*).

Другая схожая печать хранится в Музее провинции Ганьсу в Ланьчжоу (рис. 68)²⁴⁰. Легенда на печати следующая: 莊嚴妙相 *Zhuāngyán miào xiāng*, «Торжественный и чудесный внешний вид».

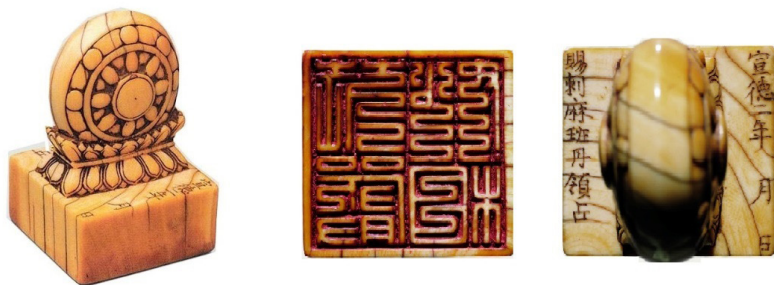

Рис. 68. Печать из Музея провинции Ганьсу в Ланьчжоу

На верхней части печати написано: «Дана ламе Баньдanh Линчжаню (кит. 賜刺麻班丹領占; пиньинь *Cì lá má bān dān líng zhàn*), «в ... день ... месяца 2-го года правления Сюаньдэ» (кит. 宣德二年月日; пиньинь *Xuāndé èr nián yue rì*). Сюаньдэ (кит. 宣德; пиньинь

²⁴⁰ URL: <https://www.tuniu.com/trips/31108332> (дата обращения: 22.01.2024).

Xuāndé , «Провозглашение добродетели») — девиз правления Чжу Чжаныцзи (кит. 朱瞻基, Zhū Zhānjī, 16 марта 1399 г. – 31 января 1435 г.), пятого императора из династии Мин, правившего с 27 июня 1425 г. по 31 января 1435 г. Таким образом, печать была дана Бандань Линчжаню в 1427 г.

Другим примером печати, данной тибетскому ламе во времена империи Мин, является печать Чогьям Трунгпы (тиб. chos rgyam drun gra; 1939 /1940–1987) (рис. 69).

Рис. 69. Печать Чогьям Трунгпы

В приложении к седьмому тому собрания сочинений Чогьям Трунгпы размещено изображение печати его предыдущих воплощений. Легенда на данной печати следующая: 淨修覺行 Jìngxiū jué xíng, «Чистая практика просветленных деяний».

Автор приложения Джон Рокуэл приводит ошибочное прочтение этой легенды: *ching yu chueh wang*, что означает, по его мнению, «чистый слуга, просвещенный правитель». Автор пишет, что значение первых двух символов неясно, но они могут быть игрой буквальным значением слова «трунгпа» (тиб. drung pa), а именно «присутствующее лицо» [Rockwell 2004: 249]. В данной легенде иероглиф 行 xíng им неверно прочитан как 王 wáng, а 覺 jué — как 俱 jù.

Д. Рокуэл сообщает, что это оттиск официальной печати воплощений Трунгпы, красиво вырезанной из слоновой кости с рукояткой в виде колеса дхармы. Она была дана китайским императором

пятому Трунгпе, Тендзину Чогьялу (тиб. bstan 'dzin chos rgyal) в XVII или XVIII в. [Rockwell 2004: 249]. Известно, что шестому воплощению Сурманг Трунгпа (тиб. zur mang drung pa) Тендзину Чогьялу (1715–1761) в возрасте двадцати одного года цинским императором Цяньлуном (годы правления 1736–1796) были дарованы титул и печать, но маловероятно, что это рассматриваемая печать, которая, судя о стилю иероглифов на печати и содержанию легенды, была выдана минской династией²⁴¹. Скорее данную печать получило пятое воплощение Друбгью Тенпа Намгьял (тиб. sgrub brgyud bstan pa rnam rgyal; 1633 – 1712) от последнего императора династии Мин Чунчжэня (кит. 崇禎; Chóngzhēn; «Возвышенное счастье») (6 февраля 1611 г. — 25 апреля 1644 г.), правил с 1627 по 1644 гг. Таким образом, можно утверждать, что подобные печати из слоновой кости с рукоятью в виде колеса дхармы выдавались минской династией вплоть до первой половины XVII в.

Помимо представленных выше печатей, существует несколько других, хранящихся в частных коллекциях. Кроме того, существуют несколько печатей, которые, вероятно, являются подделками.

5.2.2. Подделка печати Чагдорджаба

Среди оттисков печати Чагдорджаба с китайской легендой встретился один, выполненный поддельной печатью. На письме²⁴² первой из девяти жен Чагдорджаба — Джал²⁴³ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1.Д. 1.

²⁴¹ URL: <https://library.bdrc.io/show/bdr:P9704> (дата обращения: 22.01.2024).

²⁴² Транслитерация и перевод данного письма представлены в книге Д. А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.)»: «Жал здесь здорова. Там здоров ли Михаил Ильич? Не я ли готовлюсь, чтобы пойти на моление в Тибет (к Будде)? Моих двух посланников, Дермеда и Суми, которым я приказала привезти для этого (поездки) необходимые вещи, ограбили. Отобрали вещи, дальше, в Царицын, не пустили, вернули назад. Вернулись, задержавшись, без лошадей и вещей. Разве вам не сообщают, когда нам плохо? Разве нам не сообщают, когда вам плохо? Кто кому — нет нашего различия. Не так ли? Я возьму баримту (экономическая мечь) с купцов, приезжающих из Шемахи. Вы не придирайтесь к этому случаю. Посланник Дархан Хашха» [Сусеева 2003: 60].

²⁴³ См. примеч. 203.

Л. 2] Михаилу Ильичу Чирикову²⁴⁴, полученном 13 января 1713 г.²⁴⁵, стоит подделка печати Чагдорджаба, к тому же перевернутая верхом вниз. При сравнении оттисков видно, что печать сделана неверно и ее оттиск представляет собой зеркально отраженный по горизонтали образ оттиска печати Чагдорджаба. Это означает, что печать была вырезана с ошибкой, без учета того, что на матрице легенда печати должна быть в зеркальном отражении. Кроме того, кромка имитации толще, черты иероглифов на имитации вырезаны менее точно и ровно.

Это не единственный случай подделки печати представителя калмыцкой знати. Схожий случай с печатью Аюки-хана рассмотрен выше.

Для того, чтобы легче было сравнить оттиски настоящей печати Чагдорджаба и подделки (рис. 70), изображение подделки на рисунке повернуто на 180°.

Рис. 70. Печать Чагдорджаба и ее подделка

Возможно, супруга Чагдорджаба Джал по какой-то причине, не имея доступа к оригинальной печати, использовала эту подделку, чтобы заверить письмо. Называть эту печать подделкой позволяет тот факт, что она более не встречается на письмах Джал или Чагдорджаба. Это дает основание полагать, что она не является санкционированной Чагдорджабом копией, которой Джал пользовалась постоянно.

²⁴⁴ См. примеч. 204.

²⁴⁵ См. примеч. 205.

Маловероятно, что Джал или кто-то другой стал бы подделывать печать для переписки с астраханским обер-комендантом М. И. Чириковым, так как такой подлог быстро был бы выявлен. Поэтому мы предполагаем, что имитация была сделана для того, чтобы заверить письмо, когда невозможно было поставить настоящую печать.

5.2.3. Печать Лузан-тайши с легендой на китайском языке

Печать сына Аюки-хана Чагдорджаба — не единственная печать с легендой на китайском языке. Другой примечательной печатью, на которой использовано квадратное письмо Пагба-ламы, является печать пятого сына калмыцкого тайши Хо-Урлюка (1580–1644) — Лузана²⁴⁶ или Лоузана (тиб. blo bzang; ?–1660), обучавшегося в Тибете вместе с создателем «ясного письма» Зая-пандитой (1599–1662). Легенда на его печати на китайском языке, написана квадратным письмом, созданным Пагба-ламой в 1268 г.

Калмыцкий историк Габан Шараб сообщал, что у Хо-Урлюка, Зулзугаева сына, было шесть сыновей и шесть дочерей: старший — Худай Шукер Дайчинг, второй — Йельденг, третий — Кирсан, четвертый — Санджин, пятый — Лузанг, шестой — Сюнкей [Габан Шараб 2003: 86]. Когда в 1616 г. ойратов посетил известный проповедник Цаган Номин хан, представители ойратской знати отдали по одному сыну в духовенство. Так поступили Далай-тайша, Хара-Хула, также направил для обучения в монастырь «Орлюк сына, называемого Лузанг», а Байбагас вместо своего сына отдал усыновленного им мальчика, будущего Зая-пандиту [Габан Шараб: 2003: 91–92]. До конца 1620-х гг. Лузан учился в Тибете, и Габан Шараб пишет: «В 1628-м году Лузанг ойратским владельцам представил намерение свое от них отлучиться, в 1629-м году действительно отошел, в 1630-м году перешел Яик и Волгу, завоевал татар. В том же году Хо Орлюк и Дайчинг пришли к Яику, в 1631-м году пришли к Волге» [Габан Шараб 2003: 106]. В русских документах о нем впервые упоминается в 1633 г. [Богоявленский 1919: 68]. До некоторого времени Лузан был буддийским монахом, в одном из архивных документов

²⁴⁶ Имя этой исторической личности в разных документах пишут по-разному: Лоузан, Лоузанг, Лаузан или Лузан.

из «Переписки тобольских воевод с калмыцкими тайшами» Лузан упомянут особым духовным титулом «тоим», присваиваемым ламам — выходцам из знати [Китинов 2021b: 861]. Затем Лузан снимает с себя сан и участвует в различных боевых действиях.

В 1633 г. Лоузан вместе с братом Кирсаном напал на бухарский город Савран и захватил 1 700 пленных, перебив множество людей и разграбив имущество [Тепкеев 2012: 50]. В ноябре 1649 г. Лузан ходил на Астрахань с двумя тысячами калмыков и ногайцев [Гольман, Слесарчук 1974: 354]. В 1650-х гг. Лузан ссорится со своим старшим братом Дайчином [Слесарчук 1996: 455]. Летом 1660 г., хошутский Аблай разгромил улус Лузана и убил самого тайшу и двух его сыновей — Доржи и Галдаму. В октябре 1661 г. к торгутам на Волгу прибыли остатки улуса Лузана (100 человек) во главе с его вдовой Цецен-Каныш. В дальнейшем потомки Лузана находились в числе мелких владельцев и уже не претендовали на власть, не имея влияния среди волжских калмыков [Тепкеев 2012: 302].

Оттиск печати Лузана стоит на «Письме торгутского тайши Лузана московскому царю Михаилу Федоровичу. 1642 г.» [Тепкеев 2012: 94; Tsongol 2018: 105]. Оттиск поставлен боком (рис. 71), верхняя часть печати смотрит вправо, то есть от текста письма.

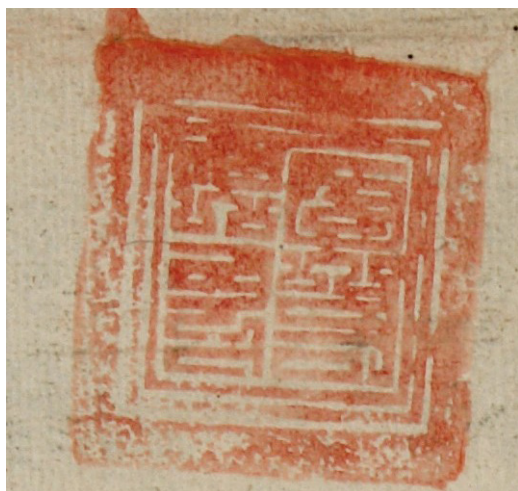

Рис. 71. Печать Лузана

По всей видимости, автор не знал, где у печати находится верх. Надпись выполнена квадратным письмом Пагба-ламы двумя колонками. Факт написания легенды квадратным письмом указывает на то, что печать была сделана в период империи Юань (1271–1368) или представляет собой хорошо сделанную копию юаньской печати. Так как оттиск довольно нечеткий, мы приводим его реконструкцию (рис. 72) компьютерным шрифтом BabelStonePhagspaBook_v2.

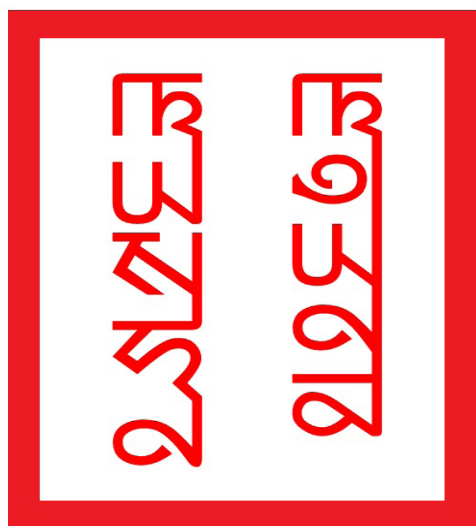

Рис. 72. Реконструкция печати Лузана

Китайский текст печати: 大司徒印 *Dà sītú yìn* — «Печать главного советника по делам просвещения и воспитания». Титул дасы-ту (кит. 大司徒; пиньинь *dà sītú*), «главный советник по делам просвещения и воспитания», даровался императорами Юань не только чиновникам самой юаньской администрации, но и правителям Тибета, а также выдающимся тибетским религиозным деятелям. В период династии Юань было довольно много высокопоставленных чиновников, и звание *Dàsītú* часто даровалось приближенным высокопоставленным царедворцам и выдающимся чиновникам. Звание *Dàsītú* также было присвоено юаньским двором многим чиновни-

кам после их смерти [Zhào Nàsītú, Xuē Lěi 2011: 21]. После империи Юань титул жаловался и представителями династии Мин.

Данным титулом обладал Первый деси Пхагмодрупа Джангчуб Гялцен (phag mo gru pa sde srid byang chub rgyal mtshan; 1302–1364). В 1278 г. его получил непальский художник Анигэ (1244/1245–1306), которому было вверено управление Палатой гражданского строительства [Jing 1994: 69]. Анигэ спроектировал и построил три Белые пагоды, одна из них находилась в столице Хубилай-хана в Юань Даду, современном Пекине.

Позднее, в период правления династии Мин (1368–1644) титул дасыту продолжал дароваться тибетским религиозным деятелям. В этот период им обладали, например, правитель княжества Лато Джанг (тиб. la stod byang) и известный ученый в области медицины, астрологии и Калачакры Джангпа Ригдзин Ченпо Намгьял Драгпа Сангпо (тиб. byang pa rig 'dzin chen po nam rgyal grags pa bzang po; 1395–1475). Но, пожалуй, самым известным носителем данного титула был первый из линии воплощений Тай Ситу — Чокьи Гьялцен (тиб. ta'i si tu chos kyi rgyal mtshan; 1377–1448). Причем название этой линии воплощений «Тай Ситу» является тибетским произношением титула дасыту. Первому Тай Ситу Чокьи Гьялцену этот титул был присвоен в 1407 г. императором Юнлэ династии Мин.

Среди документов, хранящихся на портале CrossAsia, созданном Берлинской государственной библиотекой, есть несколько документов, несущих на себе оттиски печатей, схожих с печатью Лузан-тайши. Среди хранящихся на портале документов из Архива Кунделинга (Kundeling archives) под шифром 012 2-1/#/1/7/3_KDLG_CD6_4 хранится документ²⁴⁷, авторство которого неизвестно, датированный годом Воды-Змеи (тиб. chu mo sbrul). На нем проставлено три одинаковых красных оттиска печати (рис. 73), легенда которой идентична легенде печати Лузана.

Другой документ²⁴⁸ из Архива Кунделинга, несущий на себе красную печать (рис. 74), идентичную печати Лоузана, хранится под шифром 012 2-1/#/87/7/4_KDLG_CD146_18, его адресатом яв-

²⁴⁷ URL: <https://dtab.crossasia.org/244/seal> (дата обращения: 08.11.2021).

²⁴⁸ URL: <https://dtab.crossasia.org/937/seal> (дата обращения: 08.11.2021).

Рис. 73. Печать на документе неизвестного автора, датированном годом Воды-Змеи, из Архива Кунделинга

ляется управляющий делами Каши (тиб. bka' bzhi'i gnyer las 'dzin). Документ датирован 1632 г.

Рис. 74. Печать на документе, датированном 1632 г. и направленном управляющему делами Каши, из Архива Кунделинга

Еще один документ²⁴⁹ из Архива Кунделинга, на котором стоит красная печать (рис. 75), идентичная печати Лузана, датирован 1560 г. Он адресован людям всех сословий: низкого и высокого, мирянам и монахам, земледельцам и кочевникам, старейшинам и народу (тиб. drag zhan, skya ser, mdo 'brog, rgan mi dmangs). Этот документ хранится под шифром 012 2-1/#/7/11/3_KDLG_CD79_34.

Кроме того, два изображения подобных печатей вместе с прочтением легенды представлены в работе Чжао Насту и Сюэ Лэя

²⁴⁹ URL: <https://dtab.crossasia.org/283/seal> (дата обращения: 08.11.2021).

«Объяснение коллекции официальных печатей династии Юань» [Zhào Nàisītú, Xuē Lěi 2011].

Рис. 75. Печать на документе, датированном 1560 г. и адресованном людям всех сословий, из Архива Кунделинга

Особый интерес представляет хранящийся в Токийском национальном музее (Tokyo National Museum) портрет²⁵⁰ танского поэта Ли Бая (701–762), также известного как Ли Бо, автором которого является упомянутый выше непальский художник Анигэ. На этом портрете в правом верхнем углу стоит личная печать Анигэ (рис. 76), легенда которой идентична печати Лузана.

Различие между текстом на печати Лузана и Анигэ заключается лишь в использовании разных вариантов одних и тех же графем. Это самое четкое доступное изображение подобной печати.

Из приведенных выше данных становится очевидно, что подобного рода печати носителя титула дасыту не были большой редкостью и выдавались держателям этого титула. Печати дасыту делались по принятому шаблону, который повторяется на всех известных печатях, несущих легенду с текстом на квадратном письме.

Несмотря на высокую степень схожести, маловероятно, что оттиски на тибетских документах были сделаны самим Лузан-тайшой. Первый из рассмотренных документов датирован тибетским годом Воды-Змеи, который соответствует 1593 г. или 1653 г., а два

²⁵⁰ URL: <https://webarchives.tnm.jp/imgsearch/show/C0091522> (дата обращения: 08.11.2021).

Рис. 76. Печать Анигэ на портрете Ли Бо

других документа датируются 1560 г. и 1632 г., — в эти годы Лузан не мог быть в Тибете. Он отправился в эту страну не ранее 1616 г. и покинул его не позднее 1628 г. Как уже говорилось выше, то, что эти печати имеют легенду на квадратном письме, указывает на их юаньское происхождение или на то, что они были скопированы с оригинальной печати этого периода. Каким же образом Лузанг-тайша получил подобную печать? В исторических документах не сохранилось упоминаний о получении им титула дасыгу. Однако известно, что он учился в Тибете. Возможно, что печать или ее копия была дана ему кем-то из представителей тибетской власти или приобретена им в Тибете. К сожалению, матрица печат-

ти Лузана не сохранилась. Как правило, информация о том, кем и когда дана печать, находилась на верхней части матрицы.

Таким образом, печать Лузан-тайши представляет собой печать дасыту, главного советника по делам просвещения и воспитания империи Юань, легенда которой написана на китайском языке квадратным письмом. Вероятно, печать попала во владение Лоузана в Тибете, когда он проходил там обучение. Судьба печати после смерти Лузана неизвестна.

Как и печать Чагдорджаба с китайской надписью, печать Лузан-тайши имеет более древнее происхождение, чем период жизни их владельца. Печать Чагдорджаба с китайской легендой «Цзинцзинь сюсин» («Усердно практиковать») могла быть выдана в период Мин какому-то из монахов, а печать Лузана-тайши предназначалась для советника по делам просвещения и воспитания в период Юань или Мин.

Использование печатей с китайской надписью калмыцкими владельцами — ближайшими родственниками правителей свидетельствует о бытовании традиции употребления в калмыцком обществе печатей, имевших вес в прошлом. Применение красной краски или туши для оттисков также свидетельствует о высоком статусе рассмотренных печатей.

5.3. ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ НАМЕСТНИКА ХАНСТВА УБАШИ

После смерти 21 января 1761 г. Дондук-Даши его место занял Убаши [Батмаев 1993: 346], который еще ранее был объявлен будущим наместником Калмыцкого ханства, преемником своего отца.

Как преемник, Убаши использовал в делопроизводственной переписке рассмотренную выше печать с китайской легендой, первоначально принадлежавшей Чагдорджабу и затем переданной им Дондук-Даши.

Кроме печати с китайской легендой, Убаши пользовался и второй печатью (рис. 77).

Так, на письме наместника калмыцкого ханства Убаши генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну²⁵¹, полученном 4 сентября 1761 г., стоит оттиск его второй печати [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 1054]. Такой же оттиск стоит на следующих письмах Убаши: от 19 числа месяца Овцы (4 калмыцкого месяца) 1763 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344. Л. 565], от 17 числа месяца Овцы (4 калмыцкого месяца) 1763 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344. Л. 598], от 20 августа 1766 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 33], от 1 августа 1765 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 100], от 1 августа 1765 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 102], письме Убаши от 5 августа 1765 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 166], письме Убаши от 1761 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 392. Л. 60] и письме от апреля 1768 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 401. Л. 11].

В то же время Убаши продолжает использовать печать Чагдорджаба с китайской легендой. Так, на письме наместника ханства Убаши подполковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому²⁵², полученном 1 апреля 1767 г., стоит печать Чагдорджаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 391. Л. 30].

Размер второй печати Убаши 2,5х2,5 см. Легенда помещена в квадратную рамку и представляет собой повторяющийся геометрический узор (рис. 77). Три точки находятся в верхней части печати, тем самым указывая на нее. Традиционно они символизируют три драгоценности: Будду, дхарму и сангху.

²⁵¹ См. примеч. 195.

²⁵² См. примеч. 196.

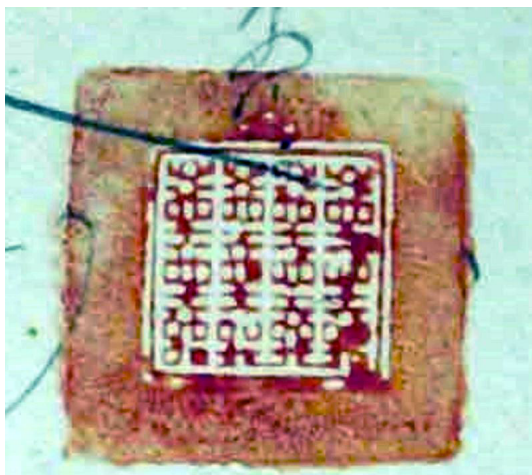

Рис. 77. Вторая печать наместника Убаши

Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

Среди документов из Архива Кунделинга, хранящихся на портале CrossAsia, созданном Берлинской государственной библиотекой, под шифром 012 2-1/#/65/8/4 хранится документ, на котором стоит схожая печать (рис. 78)²⁵³.

Рис. 78. Печать из архива Кунделинга

²⁵³ URL: <https://dtab.crossasia.org/766/seal> (дата обращения: 08.11.2021).

Текст: электронный.

Легенда на данной печати также представляет собой повторяющийся геометрический узор, хотя и отличающийся от того, что на печати Убаши.

Выводы по главе 5

Таким образом, установлено, что старший сын и наследник Аюки-хана Чагдорджаб и наместник Калмыцкого ханства Убаши использовали каждый по несколько печатей.

У Чагдорджаба было две печати. Первая — с монограммой Калачакры — принадлежала до него Аюке-хану («вторая» печать, данная Аюке от имени Далай-ламы V), а затем Дасангу, сыну Чагдорджаба. Иногда печатью могли воспользоваться другие члены семьи: ее оттиск имеется на письмах жен Чагдорджаба Джал и Цаган-Ламы, на письме Назара, Баксадая-Дорджи и Нитара-Дорджи. Но наследовалась печать по старшей линии: переданная Аюкой Чагдорджабу как старшему сыну, она была впоследствии передана последним своему старшему сыну Дасангу. Уже после смерти Дасанга печать использовала его супруга Солома, потом она оказалась у брата Дасанга Баксадая-Дорджи (П. Тайшин). Позже печать была передана российским властям.

Вторая печать Чагдорджаба — с китайской легендой «Цзинцзинь сюсин» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng). Ее использовали Дасанг, затем Дондук-Даши, который передал ее своему наследнику Убаши. Данная печать имеет китайское происхождение, она была дана буддийскому ламе Мичжа Шили в 22-м году правления Юнлэ, то есть в 1424 г. Неизвестно, каким образом и откуда печать попала к Чагдорджабу, однако из сохранившихся документов очевидно, что он начал использовать ее в 1710 г., — мы предполагаем, что печать была привезена из Тибета одним из посольств. Маловероятно, что данная печать была получена предыдущими калмыцкими правителями от минской династии, поскольку она не использовалась прежде на документах Аюки и самого Чагдорджаба, а также потому, что была дана буддийскому ламе и не являлась печатью для управления светскими делами. Кроме того, установлено, что существовало множество подобных печатей из слоновой

кости, раздаваемых правительством Мин буддийским ламам. Рассматриваемую печать Чагдорджаба его сын Дондук-Даши использовал в большинстве своих писем. Затем Дондук-Даши передал печать сыну и наследнику Убаши, который владел ею вплоть до последних своих дней.

Вторая печать Убаши, которой он начал пользоваться, начиная с 1761 г., также, вероятно, имеет тибетское происхождение. Так как отец Убаши Дондук-Даши умер в том же году, когда Убаши начал пользоваться данной печатью, возможно предположить, что первоначально печать принадлежала Дондук-Даши, но после его смерти перешла к Убаши.

В 1771 г. наместник Калмыцкого ханства Убаши возглавил откочевку большей части калмыков «на Алтай», в результате которой калмыки оказались расселены на территории Синьцзяна Цинской империи. Император Цяньлун подтвердил ханское достоинство Убаши, присвоив ему титул «Зоригту-хан» («Храбрый хан») или «Зоригту-хан старых торгутов Унэн Сузугту». Новую печать от правительства Цин получил уже сын Убаши — Церен Намджал.

По данным Б. Батубаяра, после 1775 г. печать Убаши, переданная ему отцом и принадлежавшая ранее Чагдорджабу — печать «с китайской легендой» — уже не использовалась Убаши. Но она хранилась с разрешения цинского императора как родовая реликвия.

Рассмотренные печати, имеющие сходство с печатью «с китайской легендой», свидетельствуют о том, что древние печати, известные в прошлом и «имевшие вес», использовались в калмыцком обществе как высокие знаки инвеституры.

В калмыцком обществе на отдельных печатях легенда являлась нечитаемой и непонятной, могла включать геометрический узор, напоминающий какую-то письменность. Но эти печати являлись важными знаками, символизирующими социальный и политический статус их владельцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является первым опытом изучения печатей калмыцких ханов и представителей высшей знати XVII–XVIII вв. как источников по истории Калмыцкого ханства. Впервые специальная работа посвящена анализу оттисков печатей на письмах калмыцких правителей и владельцев, которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия и других архивах. Введен в научный оборот комплекс сфрагистических памятников XVII–XVIII вв., который до недавнего времени был практически не изучен. Работа закладывает основу для его изучения.

Печати правителей и представителей высшей знати Калмыцкого ханства представляют собой самостоятельный вид источников, дающих сведения по истории процесса становления и развития калмыцкой традиции печатей и по истории Калмыцкого ханства в целом.

В исследовательской работе проведена атрибуция печатей, оттиски которых выявлены на архивных документах. Основным материалом для исследования послужили печати четырех ханов Калмыцкого ханства — Аюки, Церен-Дондука, Дондука-Омбо, Дондука-Даши, старшего сына Аюки-хана и наследника ханства Чагдорджаба, наместника ханства Убаши, а также печати представителей калмыцкой высшей знати (тайшей и нойонов), имеющие сходные черты с ханскими печатями. Для сравнительного исследования привлечены отдельные ойратские, монгольские, тибетские и китайские печати. На основе комплексного анализа предложена датировка появления конкретных печатей у их обладателей. Выявлено, что одни печати содержали в своих легендах тексты, другие — лишь имитацию надписей. Имели место случаи копирования печатей известных исторических деятелей, а также использования поддельных печатей. Проведена дешифровка надписей на печатях, прочитаны легенды, содержащие тексты. Исследование показало, что тибетоязычные источники — биографии верховных буддийских иерархов Далай-ламы и Панчен-ламы, имеющие характер летописей, содержат подробные и точные сведения о посольствах

калмыков в Тибет, в частности в них зафиксированы данные о времени посещения калмыцкими посольствами Далай-ламы. Таким образом, датировка появления печатей, дарованных Далай-ламами или от их имени, представленная в русских источниках, может быть уточнена по датам сведений о действиях посольств, совершивших путешествие в Тибет и доставивших грамоты и титулы калмыцким правителям.

Исследование памятников калмыцкой сфрагистики показало, что она не отделима от контекста центральноазиатской сфрагистики. Ранний, или центральноазиатский, этап истории ойратов определил формирование политической традиции государства, которое сложилось в процессе миграции части ойратских этнополитических объединений из Центральной Азии в российское Поволжье, где было образовано Калмыцкое ханство в составе Российского государства. Ориентиры в политической культуре нового государства — Калмыцкого ханства имели разнонаправленные векторы: с одной стороны на традиционных партнеров в политических взаимоотношениях на прежней прародине и в предшествующие периоды (монгольские княжества, среднеазиатские государства, Китай разных династий, Тибет), с другой — на Российское государство. Это обусловило использование знаков инвеституры, вручавшихся калмыцким правителям, с одной стороны, российским государем, с другой — тибетским иерархом Далай-ламой. В исследуемый период — существования Калмыцкого ханства — в Центральной Азии претендовал на гегемонию цинский Китай, и возникли условия, при которых во внешнеполитических связях ханства необходимо было учитывать и влияние Цинской империи.

Печати наряду с грамотами являлись важными знаками инвеституры власти в Калмыцком ханстве. Особой ценностью обладали печати, дарованные от имени Далай-ламы. Возможно, калмыцким правителям для легитимации требовалась некая третья сила, отличная от России, требовавшей подчинения русскому царю, и от цинского Китая, претендовавшего на превосходство в Центральной Азии. Инвеститура власти от Далай-ламы не требовала принятия подданства и подчинения. Власть правителя, получившего

ханский титул, печать и другие символы от Далай-ламы, обретала особую поддержку в калмыцком обществе, основанную на непрекаемом религиозном авторитете духовного иерарха. Возможно, получение титула и печати от Далай-ламы считалось в некоторой степени залогом независимости от решений российской власти о назначении ханом или наместником. Так, известен факт, что хан-Дондук-Омбо без согласования с российской стороной намеревался просить Далай-ламу о назначении наследником сына Рандула, но посольство его не дошло до Тибета. Вместе с тем, история получения ханом Церен-Дондуком титула, печати и грамоты от Далай-ламы показала, что реалии в российском политическом пространстве были иными: смещение этого хана ко времени вручения ему знаков власти от буддийского иерарха было делом решенным. Нежелание российской власти вовлечения в вопрос наследования ханской власти Тибета, Цинской империи и Джунгарского ханства проявилось в секретном изъятии печати хана Аюки, полученной от имени Далай-ламы, из наследства его потомков и недопущении передачи ее законному наследнику престола, внуку Дондук-Даши в первые годы его назначения наместником ханства: «и таким образом оную взять, чтоб о том наместник ханства Калмыцкого уведомить не мог» [Волжские 2011: 103].

Анализ печатей, дарованных Далай-ламой, позволяет сделать вывод о том, что на печатях, обладавших наивысшим статусом, надпись обычно выполнялась квадратным письмом, или применялась имитация такового, что, несомненно, связано с периодом возвышения монголов, когда в империи Юань было принято квадратное письмо Пагба-ламы, созданное на основе тибетского письма и предназначенное для всех народов империи.

В калмыцкой сфагистике присутствует переплетение традиций тибетской и китайской культуры печатей. Определенное влияние оказывала также индийская традиция. Поэтому изучение печатей калмыцких правителей и владельцев невозможно в отрыве от исследований по тибетской, китайской и монгольской сфагистике разных исторических периодов. И если для выявления печатей изучаемого периода исследовались документы различных архивов,

то для расшифровки легенд на печатях, датировки печатей и установления их происхождения необходимо обязательное привлечение исторических источников на тибетском и китайском языках и анализ текстов на разных письменностях и языках.

Исследование показало, что в Калмыцком ханстве имели хождение печати, изготовленные в Тибете или Калмыцком ханстве. Они несли на себе легенды, составленные на санскрите, тибетском, ойратском и даже китайском, уйгурском языках. При этом тексты могли быть написаны квадратным письмом Пагба-ламы, письмом ланджа, санскритским, тибетским шрифтом (в том числе и скорописным), китайскими иероглифами, ойратским «ясным письмом». На печатях калмыцких правителей также встретились легенды, выполненные с помощью имитации квадратного письма, или «ложного квадратного письма», которые имеют сходство с имитацией китайского письма чжуаньшу (кит. 篆書, пиньинь *zhuànshū*), или «иероглифов печати». Содержание легенд на печатях калмыцких ханов разнообразно, легенды могут содержать имя правителя, его титул, религиозную монограмму, китайское буддийское выражение или даже геометрический узор.

В целом легенды печатей калмыцких правителей и владельцев по содержанию можно разделить на несколько групп. Во-первых, это легенды, содержащие титул правителя или его имя и обозначение статуса. Во-вторых, это легенды, не соотносимые с владельцем печати, содержащие благопожелательный текст (монограмма Калачакры, благопожелание на санскрите и др.). В-третьих, это легенды, содержащие имитацию квадратного письма или китайского письма чжуаньшу, которые ставились на печатях высокого статуса в Тибете. В-четвертых, следует выделить печати, на которых вместо легенды нанесен геометрический или флористический узор.

Согласно сведениям, которые представлены в калмыцких историко-литературных памятниках, печать и титул были дарованы Далай-ламой еще калмыцкому правителю Шукур-Дайчину; о встрече его с верховным буддийским иерархом свидетельствует запись в имеющей летописный характер «Биографии Далай-ламы V». Однако нам не известны и, вероятно, не сохранились свидетельства

бытования печати и ее оттиски. Свидетельства о даровании грамот на ханство и печатей от Далай-ламы имеются в отношении ханов Аюки и Церен-Дондука, при этом наличествуют оттиски печатей, полученных ими от религиозного иерарха.

Аюка-хан и хан Церен-Дондук имели знаки власти, полученные как от российского государства, так и от Далай-ламы. В начале 1680-х гг. Аюка использовал печать с надписью «Аюка-раджа» («Аюка-хан»), что свидетельствовало о консолидации им власти. Далай-ламой ему был дарован титул «Дайчин Аюка-хан». Церен-Дондуку Далай-ламой был дарован титул «Дайчин Шаса-Бюджа-хан» — «Храбрый хан (или царь), защищающий учение [Будды]». Дондук-Омбо и Дондук-Даши были утверждены в ханском титуле указом российского императора. Если посольству первого, направлявшемуся за благословением Далай-ламы, не удалось достичь Тибета, то посольство второго, как свидетельствует тибетоязычный первоисточник, побывало на приеме у верховного буддийского иерарха. Но сведения о вручении печати, титула хана и соответствующей грамоты в источниках отсутствуют, а оттиск именной печати Дондук-Даши был проставлен лишь на одном письме, что также не свидетельствует о ее тибетском происхождении.

В ходе исследования установлено, что у Аюки-хана было четыре печати, две из которых он использовал до своей кончины. Выявлены данные о том, что Аюка направил в Тибет семь посольств. Но время его правления пришлось на сложный период в истории Тибета, поэтому калмыцкому правителю пришлось приложить немало усилий, чтобы получить печать, статус которой соответствовал бы его положению.

Наиболее ранняя дата документа, на котором содержится оттиск печати Аюки — 1684 г. Можно считать, что в 1673–1676 гг. у Аюки-хана еще не было печати. Вторая печать (с монограммой Калачакры) имеет тибетское происхождение и была получена им от имени Далай-ламы V Нгаванг Лобсанг Гьяцо. Эта печать была передана Аюкой Чагдорджабу при объявлении его наследником. Третья печать (с имитацией квадратного письма) появляется на документах Аюки в 1699 г.: вместе с грамотой с титулом «Дай-

чин-Аюка-хан» она была передана ему от имени Далай-ламы VI регентом Деси Сангье Гьяцо в самом начале 1697 г. (передана с посольством Арабджура). Четвертая печать (с имитацией квадратного письма) Аюки-хана появляется на документах с 1715 г., нет сведений о том, кто ее привез и кто даровал.

Рассмотренная в исследовании печать Аюки, использованная им в январе 1684 г. на шерти, является его первой печатью, заменявшей личную подпись. Возможно, она была изготовлена несколькими годами ранее, между 1677 г. и 1683 г. Но уже при оформлении в 1685 г. послания русским царям Ивану и Петру Аюка использовал другую печать, несущую на себе монограмму Калачакры [Тепкеев, Нацагдорж 2016; Митруев, Гедеева 2021]. Эта же печать стоит и на другом его послании царям, отправленном в 1688 г. [Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022]. Как видно из ряда других документов, после 1684 г. Аюка больше не использовал свою первую личную печать и не передал ее наследнику Чагдорджабу. Следовательно, в 1684–1685 гг. она либо была утрачена, либо намеренно заменена новой, имеющей более высокий статус, печатью с монограммой Калачакры. Содержание легенды печати, которой Аюка заверил шертную запись, дает основание предположить, что уже к началу 1684 г. он позиционировал себя верховным правителем всех калмыков и открыто притязал на ханский титул, не будучи еще его формальным обладателем (вместе с тем, следует признать, что иерархическое соотношение индийской и ойратско-монгольской титулатуры той эпохи изучено недостаточно). Судя по тому, что в легенде указано имя обладателя печати, она была изготовлена специально для Аюки и не могла ранее принадлежать кому-либо другому. Исходя из нечеткого оформления лепестков, несколько нетрадиционной формы графем и ошибок в передаче санскритских слов, можно предположить, что, скорее всего, данная печать была изготовлена в калмыцкой степи, а не в Тибете.

Все следующие три печати Аюки-хана имеют тибетское происхождение. Легенда на второй печати представляет собой монограмму Калачакры, легенда на третьей и четвертой — имитацию китайского письма.

Судьба первой печати неизвестна. Вторую унаследовал Чаг-дорджаб, затем Дасанг, от супруги которого она была получена Баксадаем-Дорджи (П. Тайшин), затем находилась на хранении у родственников А. Тайшиной, а в 1744 г. была секретно изъята в Коллегию иностранных дел. Третья и четвертая печати были переданы следующему хану Церен-Дондуку, но на самом деле находились во владении ханши Дарма-Балы.

Исследование показало, что титул «Дайчин Аюка-хан» был дарован калмыцкому правителю вместе с третьей печатью от имени Далай-ламы VI. В легенде на печати не был выгравирован этот титул. Но высокий статус этой печати подтверждается тем, что подобными печатями обладали сам регент Сангье Гьяцо, а также потомок Гуши-хана Тендзин Даян-хан. Таким образом, имя Аюки содержалось только на первой его печати.

Хану Церен-Дондуку уже в 1731 г. Далай-лама VII Келсанг Гьяцо даровал титул «Дайчин Шаса-Бюджа-хан». Посольство, которое привезло грамоту с титулом и ханскую печать, отбыло в Тибет в 1729 г., а вернулось на территорию России в 1731 г. Однако торжественное вручение грамоты и печати Церен-Дондуку состоялось лишь 10 сентября 1735 г., а уже в октябре того же года Церен-Дондук был отозван в Санкт-Петербург и отлучен от ханства.

Выяснено значение титула Церен-Дондука «Дайчин Шаса-Бюджа-хан», что значит «Храбрый хан (или царь), защищающий учение [Будды]». Легенда на его печати представляет собой надпись, сделанную квадратным письмом Пагба-ламы и состоящую из элементов на монгольском, тибетском и санскрите: *dAi ching shA sa na bhu dza khan gyi tham ga rgyal lo*, «Пусть будет победоносной печать Дайчинг Шасана-Бхуджа-хаана», или иначе «Пусть будет победоносной печать храброго царя, защищающего учение [Будды]!». Обращает на себя внимание написание слова «хаан», соответствующее значению «хаган».

Судьба печати хана Церен-Дондука, содержащей в легенде написание его титула «Дайчин Шаса-Бюджа-хан», неизвестна. Поскольку хан скончался в Санкт-Петербурге, есть вероятность, что этот знак власти был передан властям и может еще быть обнару-

жен в архивном или музейном хранилище. Но, судя по архивным документам, данной печатью после смерти Церен-Дондука пользовалась его мать, Дарма-Бала, скончавшаяся в 1759 г.

Церен-Дондук был единственным ханом в калмыцкой истории, признанным легитимным правителем тремя властями: российским императором, верховным правителем Тибета и цинским императором.

Согласно имеющимся свидетельствам, титул, дарованный ханам Аюке и Церен-Дондуку, включал слово «Дайчин», как и в имени Шукур-Дайчина. Значение термина «Дайчин» на монгольском — «отважный, храбрый» (титул) [БАМРС 2001: 23], но также — «боевой, мужественный, воинственный, ведущий войну» (т. е. воитель) [БАМРС 2001: 23]. Учитывая роль объединенного ойратского войска (в котором мог принимать участие Шукур-Дайчин [Тепкеев, Санчиров 2016: 13]) в событиях в Тибете в 1630 – 1640-х гг., можно сделать вывод о том, что титул «Дайчин» был дарован Далай-ламой калмыцким ханам в память об указанных событиях.

Исследование выявило, что следующий калмыцкий хан Дондук-Омбо использовал в своей переписке две печати. «Первая» печать использовалась им до 1732 г., с 1734 г. он начинает использовать «вторую» печать. «Первая» печать Дондук-Омбо несет на себе легенду, имеющую сходство с легендой на печати Лхасан-хана. Маловероятно, что данное сходство является случайным, мы предполагаем, что оно указывает на стремление калмыцких правителей и владельцев продемонстрировать свое равное положение среди ойратских ханов в Тибете и других областях. «Вторая» печать имеет легенду, выглядящую как имитация квадратного письма Пагба-ламы: возможно, она была доставлена из Тибета в 1734 г. Так как известные нам печати с легендой, содержащей имитацию квадратного письма, были изготовлены в период правления Деси Сангье Гьяцо, можно предположить, что сама «вторая» печать была изготовлена до 1734 г. Посольство Дондук-Омбо в Тибет, отправившееся осенью 1737 г., не было пропущено китайским правительством, в связи с чем калмыцкому правителю не удалось получить ханскую печать от Далай-ламы, поэтому до конца своей

жизни он пользовался «второй», малой, печатью, которую использовал еще до получения ханского титула от российского правительства в марте 1737 г.

Анализ печатей хана Дондук-Даши показал, что его личная печать, поставленная на единственном письме от 3 сентября 1760 г., уникальна, и ее происхождение может быть рассмотрено только с учетом сложной ситуации в Калмыцком ханстве того периода. Привлечение ранее неизвестных источников на тибетском языке позволило показать, что посольство Дондук-Даши, которое было направлено наместником Калмыцкого ханства к Далай-ламе именно для получения ханского титула и печати, все-таки побывало на аудиенции у верховного иерарха 18 марта 1757 г. Вместе с тем оно не выполнило до конца свои задачи, поскольку Далай-лама был тяжело болен (он скончался спустя 4 дня, 22 марта 1757 г.) и не были проведены все мероприятия, которые планировались посольством. В исследовательской работе сделан вывод о том, что круглая печать, единственный оттиск которой обнаружен нами на письме Дондук-Даши от 3 сентября 1760 г., не являлась даром Далай-ламы. Вместе с тем она представляет собой интересное явление, связанное с формирующейся собственно калмыцкой традицией изготовления печатей. Анализ печати Дондук-Даши позволил прийти к следующим выводам: 1) содержание легенды на печати Дондук-Даши представляет собой имя хана Дондук-Даши; 2) легенда на тибетском языке написана тибетской скорописью с сокращениями, что не типично для известных нам ханских печатей; 3) в легенде отсутствует наименование ханского титула; 4) круглая форма редко используется для печатей калмыцкой знати данного периода, она указывает на влияние европейской и русской сфрагистических традиций; 5) сокращенная форма слова «Даши» присутствует на печати дербетского владельца Ценден-Дорджи, также написанной тибетской скорописью с сокращениями.

Также в данном исследовании установлено, что наследник Аюки-хана Чагдорджаб, а позже наместник Калмыцкого ханства Убаши, сын Дондука-Даши и внук Чагдорджаба, использовали несколько печатей. У Чагдорджаба было две печати, первая из

них — вторая печать его отца Аюки (с монограммой Калачакры), вторая — с китайской легендой «Цзинцзинь сюсин» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng). Первая печать использовалась после Чагдорджаба его старшим сыном Дасангом и членами его семьи. Вторая печать по наследной линии (ею пользовались Дасанг, потом Дондук-Даши) была передана наместнику ханства Убаши. Эта печать имеет китайское происхождение, она была дана буддийскому ламе Мичжа Шили в 22-м году правления Юнлэ, то есть в 1424 г. Нам не удалось установить, каким образом и откуда данная печать попала к Чагдорджабу, однако из сохранившихся документов очевидно, что он начал использовать ее в 1710 г., мы предполагаем, что печать была привезена из Тибета одним из посольств. Маловероятно, что она была получена предыдущими калмыцкими правителями от минской династии, поскольку не использовалась прежде на документах Аюки и самого Чагдорджаба, а также потому, что была дана буддийскому ламе и не являлась печатью для управления светскими делами. Кроме того, установлено, что существовало множество подобных печатей из слоновой кости, которые выдавались правительством Мин буддийским ламам.

Обе печати Чагдорджаба имели большой вес: одна из них была дарована от имени Далай-ламы V Аюке, вторая отличалась древним происхождением (период правления Мин). И если печать с монограммой Калачакры была изъята в Коллегию иностранных дел, то судьба второй печати Чагдорджаба оказалась связана с Китаем. Она была увезена Убаши во время откочевки 1771 г. и передана Цяньлуню во время церемонии получения титула и печати от цинского императора, согласно обычаям империи.

Вторая печать Убаши, которой он начал пользоваться, начиная с 1761 г., также, вероятно, имеет тибетское происхождение. Так как отец Убаши Дондук-Даши умер в том же году, когда Убаши начал пользоваться данной печатью, можно предположить, что первоначально печать принадлежала Дондук-Даши, но после смерти перешла к его сыну Убаши.

Таким образом, выявлено, что калмыцкие ханы и правители владели разным количеством печатей. Более всех — четыре печа-

ти — имел Аюка-хан. У Церен-Дондука и Дондук-Даши было по одной личной печати и по одной, доставшейся по наследству от их отцов; у Дондук-Омбо — две личные печати; у Чагдорджаба, объявленного наследником Аюки, и наместника Убаши — по две печати, одна из которых передавалась по этой наследственной линии.

По месту изготовления печати также различались. Большинство из них были доставлены из Тибета: таковы три из четырех печатей Аюки, печать Церен-Дондука, предположительно обе печати Дондук-Омбо, вторая печать наместника Убаши. Некоторые печати изготавливались в Калмыцком ханстве: первая печать Аюки, личная печать Дондук-Даши. Вторая печать Чагдорджаба (с китайской легендой), переданная по наследству Убаши, имела китайское происхождение. При сравнении печатей калмыцких ханов и правителей с другими печатями, изготовленными в Тибете и Калмыцком ханстве, выявлены элементы сходства, которые указывают на место их производства. В исполнении отдельных печатей калмыцких владельцев прослеживается ориентация на печати наиболее влиятельных тибетских и ойратских правителей.

В ходе исследования установлена последовательность наследования и использования печатей калмыцких ханов и владельцев. Это позволяет прояснить вопросы преемственности передачи власти в калмыцком обществе XVII–XVIII вв., а также имеет значение для понимания исторических обстоятельств его развития. Из четырех печатей Аюки-хана одна (вероятно, изготовленная в Калмыцком ханстве) не использовалась после ее появления на документе, будучи заменена тремя другими. Вторую Аюка передал сыну Чагдорджабу. Две более поздние печати использовались им до его кончины. Его преемник Церен-Дондук использовал третью и четвертую печати Аюки, но на самом деле обе печати находились во владении ханши Дарма-Балы. Однако Церен-Дондук получил новую печать от Далай-ламы, хотя продолжал использовать и печати Аюки. Следующий калмыцкий хан Дондук-Омбо после восхождения на трон использовал свою личную печать. Ставший после него правителем Калмыцкого ханства Дондук-Даши использовал печать, ранее принадлежавшую Чагдорджабу. Перечислен-

ные факты свидетельствуют об использовании калмыцкими правителями разных печатей, и позволяют сделать вывод о том, что в Калмыцком ханстве не было единой государственной печати, которая передавалась бы как знак ханской власти — тем более что Аюка-хан получал печать на ханство дважды от имени Далай-ламы — сначала от пятого, затем от шестого. Как в Китае и Тибете, каждый новый правитель стремился использовать свою собственную печать. Наследование печати как знака власти связано с вопросом наследования самой власти. Династийные междоусобицы, разгоревшиеся в первой трети XVIII в. в связи с борьбой за власть в Калмыцком ханстве после кончины хана Аюки, имели следствием то, что в вопросе наследования ханской печати не сложились условия, которые могли привести к появлению «единой государственной печати».

В истории Калмыцкого ханства была гипотетическая возможность сделать одну из печатей Аюки символом ханской власти, передаваемым по наследству. Речь идет о печати калмыцкого хана Аюки, которую просил передать ему внук Дондук-Даши, назначенный наместником ханства, — печати, полученной Аюкой-ханом в 1697 г. от имени Далай-ламы VI, переданной им старшему сыну Чагдорджабу как наследнику ханства, затем его старшему сыну Дасангу и следующему брату Баксадаю-Дорджи (П. Тайшин). Для наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши, следующего сына Чагдорджаба, данная печать являлась наследственной. Но, как уже отмечалось выше, не желая допустить появления в Калмыцком ханстве такого символа власти, свидетельствующего о влиянии Тибета, Коллегия иностранных дел решила вопрос об изъятии этой печати, хранившейся в Ставропольском калмыцком войске.

После смерти правителя, как правило, печать использовала его супруга: единолично, если не было наследника, или одновременно с наследником или с близким членом семьи. Особый случай — контролирование печатей Дарма-Балой, которая и во время правления следующего хана Церен-Дондука продолжала хранить у себя печати, принадлежавшие Аюке, и санкционировала их использо-

вание Церен-Дондуком. Даже печать самого Церен-Дондука, полученная от Далай-ламы, после смерти последнего использовалась Дарма-Балой.

Важно отметить, что некоторые из владелиц, такие как Церен-Джит, Уба-Гара, Балджиур, Церен-Джал, Пурби, Дана-Даши, Раши-Бури, Габиль и другие, обладали своими собственными печатями, что говорит о их высоком статусе в калмыцком обществе.

Калмыцкие владельцы желали бы иметь печать от Далай-ламы или из Тибета, но, не имея возможности заполучить таковые, изготавливали свои собственные печати у калмыцких мастеров, что указывает на важность личной печати для калмыцких владельцев, как показателя статуса.

Вместе с тем, печати были не у всех калмыцких владельцев, некоторые из них, несмотря на принадлежность к правящей семье, не имели личных печатей, а пользовались семейными или родовыми.

До сих пор не исследован официальный стиль писем калмыцких ханов. Так, например, в тибетской и юаньской традициях структура письма или ханского указа была строго регламентирована [Yokkaichi 2010: 216–217, Kilby 2020: 22]. В посланиях калмыцких правителей мы видим определенную структуру, однако она может варьироваться. Данный вопрос требует дальнейшего, более глубокого исследования.

Исполнение легенды на печати требовало знания квадратного письма и тибетского языка, так как даже изготовленные в Калмыцком ханстве печати имели легенды на тибетском языке, с отдельными фрагментами на калмыцком языке, написанными квадратным письмом или тибетским, как в случае с печатью Даши-Дондука. Иногда легенды представляли собой имитацию китайских иероглифов, как на печати Дондук-Омбо.

Проведенное в работе сравнительное исследование памятников тибетской, китайской и монгольской сфрагистики дало возможность провести параллели с памятниками сфрагистики других регионов и сделать заключения о происхождении рассматриваемых калмыцких печатей.

Использование в исследовании различных методов позволи-

ло предложить несколько классификационных схем, основной из которых является классификация по принадлежности печати калмыцким ханам или представителям высшей знати. Исходя из нее, калмыцкие печати были разделены на две большие группы: печати ханов и наместников Калмыцкого ханства и печати представителей калмыцкой высшей знати («владельцев»).

В исследовательской работе предпринято как можно более полное описание сфрагистических памятников Калмыцкого ханства XVII–XVIII вв. В тех случаях, когда обнаружена соответствующая информация, определен материал, из которого изготовлена печать, а также прочтены и интерпретированы легенды. В ходе исследования установлено, что размеры печатей были разнообразны. Как правило, больший размер печати указывал на более высокий статус ее обладателя, однако в некоторых случаях печать правителя могла иметь довольно небольшой размер. Оттиски печатей были двух цветов: красного и черного. По все видимости, красный цвет указывал на высокий социальный статус владельца, черный — на менее значимый. Представители духовенства, например Шакур-лама, использовали черные печати. Сочетание методов сфрагистики и сравнительного исторического анализа позволили дать подробное описание калмыцких печатей, проведена работа по поиску биографических сведений о владельцах и истории наследования печатей.

Для калмыцких печатей характерна квадратная форма. Появление круглых печатей указывает на влияние русской традиции. В верхней части печати часто находится знак, указывающий на эту ее, верхнюю, часть. Легенда, помещенная в рамку, часто содержит имя или титул владельца. В ряде случаев легенды представляют собой имитацию квадратного письма, вероятно, такая имитация была задумана для придания уникальности печати. Довольно редки случаи с использованием в легенде благопожелания. На печатях отсутствуют родовые тамги калмыцких ханов и владельцев. Вероятно, такая традиция не сложилась у калмыков из-за влияния тибетской и китайской традиции. Нам не удалось выяснить соотношения размера печати с занимаемым положением ее владельца.

Как мы видим, печати некоторых владельцев были больше, чем, например, печать калмыцкого хана Дондук-Омбо. Зачастую печати имели свойство семейной или родовой печати, которыми пользовались как супруги, так и другие родственники владельца. Как ханские печати, так и печати владельцев передавались по наследству, однако каждый из калмыцких ханов стремился получить от Далай-ламы собственную, новую, печать вместе с ханским титулом. Потомки владельцев, которые не имели возможности наследовать печать своего родителя, вынуждены были изготавливать себе личные печати или пытаться заполучить их из Тибета или других мест. Все ханы и наместники владели несколькими печатями, чего нельзя сказать о калмыцких владельцах. Как правило, у последних была одна печать.

Обладание личной печатью указывает на высокий социальный статус ее обладателя. Печати имели нойоны — наследственные владельцы улусов, среди зайсангов — наследственных правителей аймаков — нами не выявлено ни одного случая владения печатью. Данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Выявлен ряд печатей, не вошедших в данное исследование. Несмотря на значительный объем, комплекс документов, привлеченный для поиска сфрагистических памятников, все же не является исчерпывающим. Требуется дальнейшее изучение более ранних документов, которое позволит выявить не только новые печати, но и определить первоначальных владельцев уже рассмотренных печатей, так как, по нашему мнению, некоторые из печатей изученного периода имели иных владельцев в более ранний период. Кроме того, необходимо продолжить исследование тибетских документов, которые могут пролить свет на историю взаимоотношений Калмыцкого ханства и Тибета. Для более точной интерпретации легенд на некоторых печатях требуется более глубокое и обширное исследование памятников китайской сфрагистики, которые могли бы послужить образцами для калмыцких печатей. Кроме того, в некоторых случаях удалось создать реконструкцию легенд с помощью современных компьютерных шрифтов, дать описание печатей посредством использования сохранившихся оттисков и соот-

ветствующих дополнительных данных из разных источников.

Несмотря на большое количество изученных оттисков печатей, говорить о том, что выявлены оттиски всех печатей рассматриваемого периода, преждевременно. Просмотрены сотни архивных дел, содержащих тысячи документов исследуемого периода, однако остаются еще документы в других архивах, требующие внимательного изучения. Так, до сих пор не обнаружены печати Шукур-Дайчина и Мончака, которые, согласно историческим данным, были дарованы Далай-ламой V.

Исследование позволило достичь главной цели — проанализировать печати калмыцких ханов и представителей калмыцкой знати XVII–XVIII вв. как источники по истории Калмыцкого ханства на основе оттисков на письмах, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия и других архивах.

Дальнейшее направление исследования видится в полном просмотре всех калмыцких архивных документов XVII–XVIII вв., хранящихся в различных архивах, таких как Архив внешней политики Российской империи и Российский государственный архив древних актов, на предмет выявления наличия в них оттисков печатей. Кроме того, отдельные калмыцкие письма и документы могут храниться в зарубежных архивах, что требует отдельного исследования. Кроме того, необходима полная каталогизация, идентификация и интерпретация всех доступных ныне калмыцких печатей этого периода.

Памятники калмыцкой сфрагистики нуждаются в дальнейшем исследовании. Возможно, что где-то среди предметов калмыцкой материальной культуры, хранимых в музеях по всему миру, сохранились и другие калмыцкие печати.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ. — английский
кит. — китайский
монг. — монгольский
ойр. — ойратский
санскр. — санскрит
тиб. — тибетский
уйг. — древнеуйгурский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

І. Неопубликованные архивные материалы

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

ІІ. Опубликованные архивные материалы

- Белов, Святецкая, Шаумян 2005 — *Белов Е. А., Святецкая О. И., Шаумян Т. Л.* Россия и Тибет: сборник русских архивных документов 1900–1914 / Сост.: Белов Е. А., Святецкая О. И., Шаумян Т. Л. М.: Вост. лит., 2005.
- Волжские 2011 — Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / Гл. ред. А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. / Отв. ред. А. С. Ряжев; сост.: С. В. Джунджужов, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четрова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.
- Материалы 1974 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: сб. док. / сост. Гольман М. И., Слесарчук Г. И. М.: Вост. лит., 1974. 474 с.
- Письма 2004 — Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Изд. текстов, введение, транслит., пер. со старокалм. на соврем. калм. язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: Джангар, 2003. 316 с.
- Русско-китайские отношения 1978 — Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т.1. М., 1978. 703 с.
- Русско-монгольские отношения 1996 — Русско-монгольские отношения, 1654–1685: сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.

Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: Джангар, 2009. 992 с.

III. Материалы электронных архивных ресурсов

CrossAsia — CrossAsia [электронный ресурс] // URL: <https://dtab.crossasia.org/> (дата обращения: 03.11.2023).

Kundeling archives — Kundeling archives [электронный ресурс] // URL: <https://dtab.crossasia.org/1/archive> (дата обращения: 03.11.2023).

LTWA — Overview information about the seal with ID 1832 [электронный ресурс] // CrossAsia project of the East Asia Department, Staatsbibliothek zu Berlin (Library of Tibetan Works and Archives). URL: <https://dtab.crossasia.org/1832/seal> (дата обращения: 15.03.2022).

Pelliot — Pelliot tibetain 1111 [Электронный ресурс] // URL: <https://idp.bl.uk/blog/tibetan-seals/> (дата обращения: 27.02.2014).

IV. Каталоги печатей

Снимки древних русских печатей 1882 — Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Москва: Тип. А. Гатцука, 1882. xix, 204 с.

Schuh 2016 — *Schuh D.* Ein Katalog von Siegelabdrücken aus Ladakh, Purig und Spiti // Zentralasiatische Studien 45. Tibet after Empire: Culture, Society and Religion between 850-1000 Proceedings of the Seminar held in Lumbini, Nepal, March 2011. Andiastr: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies. 2016. Pp. 493–582. (На нем. яз.).

Schuh 2018 — *Schuh D.* Ein Katalog von Siegelabdrücken aus der Zeit der dGa'-ldan pho-brang-Regierung in Tibet (A catalogue of seals from the time of the dGa'-ldan pho-brang Government in Tibet) // Zentralasiatische Studien 47, 2018. Pp. 111–436. (На нем.)

V. Письменные источники

- Баатар Увш 2006 — *Баатар Увш*. Дөрвөн ойрадын түүх оршив // Bibliotheca Oiratica, Т. II, Улаанбаатар: Туух соёл, хэл бичиг судлалын Тодномын гэрэл төв, 2006. 166 с.
- Батур-Убуши Тюмень 1969 — *Батур-Убуши Тюмень*. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.
- Батур Убаши Тюмень 2003 — *Батур Убаши Тюмень*. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 125–155.
- История калмыцких ханов 1969 — История калмыцких ханов // Перевод Лыткина Ю. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 50–79.
- История Хо-Өрлөка 2016 — История Хо-Өрлөка // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29–35.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / Сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. Санчирова В. П. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Родословная 2016 — Родословная торгутских ханов и князей // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 95–125.
- Габан Шараб 1969 — *Габан Шараб*. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1969. С. 140–158.
- Габан Шараб 2003 — *Габан Шараб*. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 80–107.

- bka' 'gyur dpe bsdur ma 2008 — *'phags pa tshe dang ye shes dpag tu med pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo* // bka' 'gyur dpe bsdur ma. Vol. 97. Beijing: krung go'i bod rig pa'i dpe skrun khang, 2008. Pp. 138–150.
- blo bzang rgya mtsho 2018a — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtse dngos brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam dang po («Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии “Парча из дукулы”» Том 1) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 5. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2018. 585 c.
- blo bzang rgya mtsho 2018b — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtse dngos brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam gnyis pa («Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии “Парча из дукулы”» Том 2) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 6. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2018. 430 c.
- blo bzang rgya mtsho 2018c — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtse dngos brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam gsum pa («Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии “Парча из дукулы”» Том 3) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 7. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2018. 373 c.

- blo bzang chos kyi rgyal mtshan, blo bzang ye shes 2014 — *blo bzang chos kyi rgyal mtshan, blo bzang ye shes*. chos smras ba'i dge slong blo bzang chos kyi rgyal mtshan gyi sbyor tshul gsal bar ston pa nor bu'i phreng ba («Ясное изложение деяний проповедующего учение монаха Лобсанг Чокьи Гьялцена „Драгоценное ожерелье“») // sku phreng dang po nas bzhi pa'i bar gyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. Pp. 115–436. (На тиб.)
- blo bzang ye shes 2014a — *blo bzang ye shes*. shA kya'i dge slong blo bzang ye shes kyi spyod tshul gsal bar byed pa 'od dkar can gyi phreng ba. stod cha («Ясное изложение деяний шакьяского монаха Лобсанг Еше “Ожерелье сияющих белым светом лун”»). Том 1.) // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2014. 417 p.
- blo bzang ye shes 2014b — *blo bzang ye shes*. shA kya'i dge slong blo bzang ye shes kyi spyod tshul gsal bar byed pa 'od dkar can gyi phreng ba. smad cha («Ясное изложение деяний шакьяского монаха Лобсанг Еше “Ожерелье сияющих белым светом лун”»). Том 2.) // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2014. Pp. 1–237. (На тиб.)
- bskal bzang rgya mtsho 1976 — *bskal bzang rgya mtsho*. thugs rje chen po kha sar+pa Ni'i sgrub thabs rjes gnang bya tshul las tshogs kyi rim pa gzhan phan kun+da 'dzum pa'i zla 'od («Последовательности действий садханы Махакаруника Кхасарпани вместе со способом дарования разрешения „Лунный свет, раскрывающий цветы жасмина блага для других“») // The collected works (gsun 'bum) of the Seventh Dalai Lama blo-bzan-bskal-bzang-rgya-mtsho. Vol. 9. Gangtok: Dondrup Sangye, 1976. P. 171–229 (На тиб. яз.).
- de mo ho thog thu 2010 — *de mo ho thog thu blo bzang thub bstan 'jigs med rgya mtsho*. sku phreng brgyad pa blo bzang bstan pa'i dbang phyug 'jam dpal rgya mtsho'i rnam thar (= Биография восьмого [Далай-ламы] Лобсанг Тенпе Вангчук Джампел Гьяцо) // rgyal

- dbang sku phreng rim byon gyi mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2010. 590 p.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 2014a — *dkon mchog 'jigs med dbang po*. rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer. stod cha (= Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведанная из его уст, «Лучи солнца». Том 1) // sku phreng drug pa dpal ldan ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. Pp. 6–556.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 2014b — *dkon mchog 'jigs med dbang po*. rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer. smad cha (= Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведанная из его уст, «Лучи солнца». Том 2) // sku phreng drug pa dpal ldan ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. 458 p.
- dkon mchog bstan pa'i sgron me 1999 — *dkon mchog bstan pa'i sgron me*. dus gsum rgyal ba'i spyi gzugs rje btsun dkon mchog 'jigs med dbang po'i zhal snga nas ky i rnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho'i 'jug ngogs (= Биография воплощения Победоносных трех времен, досточтимого Кончок Джигме Вангпо «Врата, ведущие в океан сынов Победоносных») // gsung 'bum v. 1 (pod ka pa). bla brang bkra shis 'khyil, 1999. 702 p.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 1990 — *dkon mchog 'jigs med dbang po*. blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas ky i rnam par thar pa'i nyi ma 'od zer (= Биография Панчен-ламы Лобсанг Палден Еше Пелсангпо «Лучи солнца») // gsung 'bum dpal ldan ye shes (bkas lhun par ma). Vol. 1. Shikatsе: 1990. 760 p.
- dpal ldan ye shes 2014a — dpal ldan ye shes. rdo rje 'chang paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang ye shes dpal bzang po'i sku gsung thugs ky i mdzad pa ma lus pa gsal bar byed pa'i rnam par thar pa

- ‘od dkar can gyi phreng ba («Биография, ясно излагающая все без исключения деяний тела, речи и ума Ваджрадхары Всеведущего Панчена Лобсанг Еше Пелсангпо “Ожерелье сияющих белым светом лун”») // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. 417 p. (На тиб.)
- dpal ldan ye shes 2014b — dpal ldan ye shes. rdo rje ‘chang paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang ye shes dpal bzang po’i sku gsung thugs kyi mdzad pa ma lus pa gsal bar byed pa’i rnam par thar pa ‘od dkar can gyi phreng ba («Биография, ясно излагающая все без исключения деяний тела, речи и ума Ваджрадхары Всеведущего Панчена Лобсанг Еше Пелсангпо “Ожерелье сияющих белым светом лун”») // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. Pp. 238–450. (На тиб.)
- gung thang 2019 — *gung thang dkon mchog bstan pa’i sgron me. dus gsum rgyal ba’i spyi gzugs rje btsun dkon mchog ‘jigs med dbang po’i zhal snga nas kyi rnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho’i ‘jug ngogs* (= Врата, ведущие в океан сынов Победоносных) // kun mkhyen ‘jam dbyangs bzhad pa’i rdo rje dkon mchog ‘jigs med dbang po’i gsung ‘bum (pod ka pa). Vol. 1. Mundgod: Drepung Tashi Gomang Library. 2019. Pp. 1–91. (На тиб.)
- gser gyi phreng mdzes 1989 — *saM bod skad gnyis shan sbyar gser gyi phreng mdzes* («Тибетско-санскритский словарь „Прекрасное золотое ожерелье“») / сост.: Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 1989. 1116 p.
- lcang skya 2010a — lcang skya rol pa’i rdo rje. rgyal dbang sku phreng bdun pa blo bzang bskal bzang rgya mtsho’i rnam thar dpag bsam rin po che’i snye ma stod cha («Биография Владыки Победоносных седьмого [Далай-ламы] Лобсанг Келсанг Гьяцо “Связка драгоценностей, исполняющих желания”»). Т. 1). rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad rnam. Beijing: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang, 2010. 576 c. (На тиб.)

- lcang skya 2010b — lcang skya rol pa'i rdo rje. rgyal dbang sku phreng bdun pa blo bzang bska! bzang rgya mtsho'i rnam thar dpag bsam rin po che'i snye ma smad cha («Биография Владыки Победоносных седьмого [Далай-ламы] Лобсанг Келсанг Гьяцо “Связка драгоценностей, исполняющих желания”». Том 2) // rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad nam // Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2010. 503 с. (На тиб.)
- Legs bshad thogs med 2000 — *Legs bshad thogs med*. Dpal bsam yas gtsug lag khang gi gnas yig rags bsduṣ (=Краткий путеводитель с монастырем Самье). Синин: ООО «Цинхайское буддийское изд-во», 2000. 44 с. (На тиб. яз.)
- Ñag-dbañ-blo-bzañ-rgya-mtsho 2014 — Ñag-dbañ-blo-bzañ-rgya-mtsho. *The illusive play: the autobiography of the Fifth Dalai Lama*. Translated by Samten G. Karmay. Chicago: Serindia Publications. 2014. 589 p.
- ngag dbang blo bzang б. д. — *ngag dbang blo bzang rdo rje. chos brgyad gdon gyis zin byas te*// rgyal khams don med nyul ba yi// dam chos nor gyis dbul ba'i sbrang//btsun gzugs shig gi bgyi brjod btam/ gsung thor bu. Mundgod: 'bras blo gling gtsug lag gter mdzod 'phrul spar khang, б. д. Р. 1–74. (In Tibetan)
- phur lcog 2010a — *phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan ,dzin*. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Первая часть). rgyal dbang sku phreng rm byin gyi mdzad nam. Beijing: krung go'i bod rig dpe skrun khang. 2010. (In Tibetan)
- phur lcog 2010b — *phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan ,dzin*. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. smad cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Вторая часть). rgyal dbang sku phreng rm byin gyi mdzad nam. Beijing: krung go'i bod rig dpe skrun khang. 2010. (In Tibetan)
- Saṅs-rgyas-rgya-mtsho 1999 — Saṅs-rgyas-rgya-mtsho. *Life of the fifth Dalai Lama. Volume IV. Part I. (Śāta-piṭaka series)*. Translated by Zahiruddhin Ahmad. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan. 1999. 478 p.

- sde srid sangs rgyas rgya mtsho 1989 — sde srid sangs rgyas rgya mtsho. thams cad mkhyen pa drug pa blo bzang rin chen tshangs dbyangs rgya mtsho'i thun mon phy'i rnam par thar pa du kU la'i 'phro 'thud rab gsal gser gyi snye ma («Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангьянг Гьяцо “Шёлковая ткань дукула”, называемое “Ясный золотой букет”»). Lhasa: Xizang ren min chu ban she, 1989. 882 с.
- sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009a — sde srid sangs rgyas rgya mtsho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam gsum pa'i 'phros bzhi pa («Четвертый том продолжение третьего тома “Внешней обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо ‘Парча из дукулы’”»). Том 4) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 8. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2009. 559 с.
- sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009b — sde srid sangs rgyas rgya mtsho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam bzhi pa'i 'phros lnga pa («Пятый том продолжение четвертого тома “Внешней обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо ‘Парча из дукулы’”»). Том 5) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 9. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2009. 447 с.
- sde srid sangs rgyas rgya mtsho 2009c — sde srid sangs rgyas rgya mtsho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam lnga pa'i 'phros drug pa («Шестой том продолжение пятого тома “Внешней обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо ‘Парча из дукулы’”»). Том 6) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug

- nang bstan dpe rnying ‘tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 10. Beijing: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang. 2009. 518 c.
- snar thang 2003 — *snar thang lo tsA ba*. sngags kyi bklag thabs bsdus pa’i ‘grel ba mthong ba don gsal // sngags kyi bklag thabs khag gsum phyogs gcig tu bkod pa mthong shes me long. Mundgod: Drepung Gomang Library, 2003. 102 p.
- tA ra nA tha 2008 — *tA ra nA tha*. bcom ldan ‘das thub pa’i dbang po’i mdzad pa mdo tsam brjod pa mthong bas don ldan (Краткое изложение деяний Победоносного Владыки мудрецов «Видение, наполненное смыслом») // jo nang rje btsun tA ra nA tha’i gsung ‘bum dpe bsdur ma. Vol. 32. Beijing: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang, 2008. P. 128– 477 (На тиб. яз.).
- thu’u bkwan 1989 — *thu’u bkwan chos kyi nyi ma*. lchang skya rol pa’i rdo rje’i rnam thar (Биография Чанкья Ролпе Дордже). Lanzhou: kan su’u mi rigs dpe skrun khang. 1989. 806 p.
- tshe brtan phun tshogs, mi ‘gyur rdo rje 1991 — chab spel tshe brtan phun tshogs, Ma grong mi ‘gyur rdo rje. Bod kyi gal che’i lo rgyus yig cha bdams bsgrigs («Коллекции различных важных исторических документов Тибета»). Bod ljongs rig mdzod 16. Lhasa: Bod ljongs bod yig dpe rnying dpe skrun khang, 1991. 369 p.

Литература

- Аваков, Митруев 2023 — *Аваков П. А., Митруев Б. Л.* Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990- 2023-65-1-144-152
- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2002. 325 с.
- Андреев 2004 — *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 220 с.
- Степанова, Байдуж 2016 — *Степанова Е. В., Байдуж Д. В.* Сфрагистика // *Большая российская энциклопедия*. Т. 31. М.: Большая российская энциклопедия, 2016. С. 487–488.
- Бакаева 2018а — *Бакаева Э. П.* Курган Чиндерта, где кремирова-

- ли калмыцкого хана: место поклонения и магического лечения скота при эпизоотиях // Монголоведение (Монгол судлал). 2018. № 13. С. 4-21.
- Бакаева 2018б — *Бакаева Э. П.* «Кюря Бальватин-хана»: анализ состава культовых построек в контексте калмыцких традиций // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 5–42.
- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Бакаева 2020 — *Бакаева Э. П.* Об этнической идентичности ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: мицаны Дрепунг Гоманга // *Oriental Studies*. 2020. № 6. С. 1546–1557. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557.
- Бакаева 2021 — *Бакаева Э. П.* Предания о калмыцком хане Дондуке-Омбо: исторические факты в фольклоре // Новый филологический вестник. 2021. № 57. С. 404–421.
- Бакаева 2023 — *Бакаева Э. П.* Ойратское предание о том, как Галдан Бошогту стал следующим перерождением Инзан-хутухты: фольклорный текст и письменный источник // Новый филологический вестник. 2023. № 4(67). С. 361–381.
- Бакунин 1939 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев / соч. В. Бакуниным, вступит. сл. В. Рождественского // Красный архив. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. Т. 3 (94). С. 189–254; Т. 5 (96). С. 196–220.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- БАМРС 2001а — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.

- БАМРС 2001b — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: В 2-х книгах. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батмаев 2023 — *Батмаев М. М.* О состоянии грамотности в Калмыцком ханстве в XVIII в. // Монголоведение. Т. 15. № 4. 2023. С. 593–602.
- Батсайхан 2011 — *Батсайхан О.* Монголын суулчийн Эзэн Хан VIII Богд Жавзандамба 1911 оны ундэсний хувьсгал (Последний великий хан Богдо Джебцундамба VIII и национальная революция 1911 г.). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академи олон улс судлалын хүрээлэн. 2011.
- Батубаяр 2014 — *Батубаяр Б.* Печати торгутских ханов и нойонов // Мир «ясного письма». Сб. науч. статей. Элиста: КИГИ РАН. 2014. С. 81–83.
- Белецкий, Воронцова, Дмитриева и др., 2003 — *Белецкий С. В., Воронцова И. В., Дмитриева З. В. и др.,* Специальные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 634 с., ил.
- БКРС 1983 — Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах / сост. под рук. и ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 2. М.: Наука, 1983. 1100 с.
- Богоявленский 1939 — *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5: С. 48–101.
- Болдырева, Алимаа 2019 — *Болдырева И. М., Алимаа А.* Предания о паломничестве Джиджетен в Тибет (сравнительный анализ разновременных записей) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 287–321.
- Борджигид 2009 — *Борджигид Дорги.* О местопребывании и деятельности тайджи Арабджура после принятия им подданства

- Цинской династии // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х ч. Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 154–158.
- БСЭ 1956 — Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Гл. ред. Б. А. Введенский. Т. 41. М.: Большая советская энциклопедия, 1956. 657 с.
- Бурдые 1993 — *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 2. М.: Начала-пресс, 1993. С. 137–150.
- Бурнээ, Энхтер 2012 — *Бурнээ Д., Энхтер Д.* Төвд монгол толь. Улаанбаатар: МУИС, Удам соёл, 2012. 535 х. (На монг.)
- Бямбажав 2020 — *Бямбажав Х.* Галдан бошогт ханы тамганы бичээсийг дахин уншиж тодруулах нь (= Пересмотр и уточнение надписи на печати Галдан Бошогту-хана) // *Bibliotheca Oiratica*-CV. Ч. Далай–90, түүх судлалын асуудлууд. Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2020. Х. 83–89. (На монг.)
- Витевский 1897 — *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его состав до 1758 г. Т. 1–2. Казань: Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. I–IV, 616 с.
- Владимирцов 2002 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Волкова 1980 — *Волкова Н. Г.* О названиях азербайджанцев на Кавказе // *Ономастика Востока*. М.: Наука, 1980. С. 208–210.
- Гедеева 2020 — *Гедеева Д. Б.* О жанровом многообразии калмыцкой деловой письменности // *Oriental Studies*. 2020. № 5. С. 1446–1455. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455.
- Гедеева 2021 — *Гедеева Д. Б.* Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1303–1312. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские зако-

- ны 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.
- Джунджужов 2014 — *Джунджужов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.
- Джунджужов 2022 — *Джунджужов С. В.* Формирование служилой династии волжских крещеных калмыков Дербетевых (40-е – 60-е годы XVIII века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (42). С. 155–164.
- Дмитриев 2005 — *Дмитриев С. В.* Самый влиятельный христианин монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция / сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 66—104.
- Доржиев 2003 — *Доржиев А.* Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) / Факсимиле рукописи. Пер. с монг. А. Д. Цендиной. Транслит., предисл., коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. (Памятники письменности Востока. СХХХIII).
- Дорджиева 2014 — *Дорджиева Г. III.* Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 192 с.
- Душан 1973 — *Душан У. Д.* Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973 С. 31–107.
- Железняков, Цендина 2005 — *Железняков А. С, Цендина А. Д.* История в трудах ученых лам. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. 275 с.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 331 с.

- Иакинф 1834 — *Иакинф (Бичурин Н. Я.)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. департамента Министерства внутренних дел, 1854. 264 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Китинов 2004 — *Китинов Б. У.* Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.
- Китинов 2020а — *Китинов Б. У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 546 с.
- Китинов 2020b — *Китинов Б. У.* К вопросу о роли буддийского фактора в становлении калмыцкой государственности при Аюке // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А. А. Курапова, А. Н. Алиевой. Вып. 12. Астрахань: Сорокин Р. В., 2020. С. 102–108.
- Китинов 2021а — *Китинов Б. У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 240 с.
- Китинов 2021b — *Китинов Б. У., Люлина А. Г.* Перевоплощения Анджатан-ламы: исследование феномена // Ориенталистика. 2021. № 4(4). С. 858–881.
- Клушин 2015 — *Клушин А. А.* Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589–1862) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2015. С. 14–46.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 2. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1846. С. 595–1545.
- Кузьмин 2011 — *Кузьмин С. Л.* Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные. Вступ., пер. и коммент. Кузьмин С. Л. // Восток (Oriens). 2011. № 4. С. 122–128.
- Курапов 2011 — *Курапов А. А.* Грамоты Далай-ламы калмыцким

- буддистам XVII – начала XX вв. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. III. Астрахань: Сорокин Р. В., 2011. С. 136–139.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Р. В., 2018. 464 с.
- Лихачев 1900 — *Лихачев Н.П.* Русская сфрагистика: Лекции, записанные слушателями СПб. археологического института в 1899-1900 акад. году. СПб.: Типо-литогр. П. С. Курочкина, изд. слушателя А. Коротаева, 1900. 94 с.
- Лихачев 2014 — *Лихачев Н. П.* Избранные труды. Т. 1. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
- Лыткин 1862 — Лыткин Ю. С. Аюки — хан калмыцкий // Энциклопедический словарь; составлено русскими учеными и литераторами. СПб.: Тип. И. И. Глазунова и К, 1862. С. 734–738.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с. (ил.).
- Маннергейм 1999 — *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999. 548 с.
- Мезин 2012 — *Мезин С. А.* Саратовские воеводы и коменданты первой половины — середины XVIII века // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века* / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 116–147.
- Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. М.: Вост. лит., 2005. 605 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 287 с.
- Митруев 2019 — *Митруев Б. Л.* Расшифровка надписей в Петербургском буддийском храме // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 279–291. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-279-291.

- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Относительно санскритской надписи на печати VIII Богдо-гэгэна Монголии // Труды Ин-та востоковедения РАН. Вып. 31: Тибетология и буддология на стыке науки и религии. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2020. С. 240–254.
- Митруев 2021a — *Митруев Б. Л.* Печать Лоузан-тайши // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № 4. С. 39–44.
- Митруев 2021b — *Митруев Б. Л.* Печать нойона Чимета // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № 3. С. 47–54.
- Митруев 2021c — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев 2022a — *Митруев Б. Л.* Калмыцкие печати на санскрите // *Mongolica*. Т. 25. 2022. № 1. С. 47–54. DOI: 10.25882/8j6r-8w62
- Митруев 2022b — *Митруев Б. Л.* Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 383–392. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392
- Митруев 2022c — *Митруев Б. Л.* Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 39–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Митруев 2022d — *Митруев Б. Л.* Печати ойратских ханов // *Mongolica*. 2022. Т. XXV. № 2. С. 25–34.
- Митруев 2022e — *Митруев Б. Л.* Печать Лекбея // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2022. № 3(47). С. 83–86. DOI: 10.31554/2222-9175-2022-47-83-86
- Митруев 2023a — *Митруев Б. Л.* Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 8–43.
- Митруев 2023b — *Митруев Б. Л.* О печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 419–429.
- Митруев, Гедеева 2021 — *Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б.* Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюлле-

- тень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 23–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43
- Моисеев 2020 — *Моисеев М. В.* Типы печатей, которыми заверяли послания царя Ивана IV Васильевича татарским владетелям // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXIII Междунар. науч. конф. Москва, 2020 г. Отв. ред. И. Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 284–287.
- Монгол хүний нэрийн толь 2013 — Монгол хүний нэрийн толь (Кирил-монгол-тайлбартай). Улаанбаатар: Улаанбаатар пресс, 2013. 759 с.
- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Герел, 2012. 255 с.
- Мороз 2009 — *Мороз И. Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу 1712–1715 гг. // Восточный архив. 2009. № 2 (20). С. 34–39.
- Мэн-гу-ю-му-цзи 1895 — *Мэн-гу-ю-му-цзи.* Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао]; пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 24). 487 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Тип. Карла Крайя. 1834. 287 с.+ илл.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 77 с.
- Орлова 2019 — *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-12-19
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. XVII–XVIII вв. Ч. I. Астрахань: изд-во Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1926. 264 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских

- калмыков. Ч. 2: XVIII век. Астрахань: Тип. Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1927. 231 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Изд. Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1929. 391 с.
- Позднеев 1883 — *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта // Туркестанский сборник. Сост. В. И. Межов. Т. 321. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых. 1883. С. 390–472.
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Пять китайских печатей // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества, издаваемые под редакциею управляющаго отделением барона В. Р. Розена. томъ IX. Вып. I–IV. (Съ приложеніемъ восьми таблицъ). С.-Петербург: Тип. Имп. академии наук, 1896. С. 280–290.
- Позднеев 1897 — *Позднеев А. М.* Предисловие // Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. С. I–XVIII.
- ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 2. СПб.: тип. II отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. [2], 974, 4 с.
- Рычков 1772 — *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1772. 104 с.
- Ряжев 2016 — *Ряжев А. С.* Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30-60-е гг. XVIII в. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. №1. С. 50–60.
- Ряжев 2020 — *Ряжев А. С.* Традиции служилой группы в материалах следствия 1746 г. о (не)крещеном калмыке: опыт социального регулирования в Российской империи // *Былые годы. Российский исторический журнал*, 2020. Vol. 57 (3). С. 1025–1033.
- Санчилов 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчилова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.

- Сидихменов 2004 — *Сидихменов В. Я.* Маньчжурские правители Китая. Минск: Миринда, 2004. 448 с., ил.
- Слесарчук 1996 — *Слесарчук Г. И.* Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: сб. док. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 560 с.
- Соболева 2018 — *Соболева Н. А.* Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 656 с., ил.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Тепкеев 2010 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. Т. 3. № 1. С. 46–52.
- Тепкеев 2012 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 375 с.
- Тепкеев 2014 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014. 448 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тепкеев 2019 — *Тепкеев В. Т.* «Всемиловитейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 4. С. 627–633.
- Тепкеев 2020 — *Тепкеев В. Т.* Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 50 с.
- Тепкеев 2021a — *Тепкеев В. Т.* Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 10–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22

- Тепкеев 2021b — *Тепкеев В. Т.* В поисках выхода из политического кризиса в Калмыцком ханстве: организация убийства Нитар-Дорджи в 1725 г. // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 231–247.
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. Т. 8. № 1. С. 5–12.
- Тепкеев, Санчиров 2016 — *Тепкеев В. Т., Санчиров В. П.* Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 4. С. 12–20. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-12-20
- Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022 — *Тепкеев В. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б.* Письмо тайши Аюки 1688 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 10–38. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38
- Трепавлов 2014 — *Трепавлов В. В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Oriental Studies. 2014. Т. 7. № 4. С. 8–19.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. статей. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение. 2021. С. 267–292.
- Ухтомский 1904 — *Ухтомский Э.* Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 128 с.
- Хафизова 2016 — *Хафизова К. Ш.* Хан Давац и буддизм // Буддизм ваджраяны в России. Традиции и новации. М.: Изд-во Алмазный путь, 2016. С. 282–286.
- Хеннинг 2020 — *Хеннинг Э.* Символизм монограммы Калачакры [электронный ресурс] // URL: <http://savetibet.ru/2020/03/19/kalachakra.html> (дата обращения 27.10.2020).
- Шастина 1958 — *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. Москва: Вост. лит., 1958. 173 с., илл.
- Шастина 1968 — *Шастина Н. П.* Письма Лубсан-тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. //

- Филология и история монгольских народов. М.: Вост. лит., 1968. С. 275–288.
- Цепон Шакабпа 2003 — *Цепон В. Д. Шакабпа*. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
- Ци ши и 1820 — *Ци ши и*. О переходе тургутов в Россию и обратном удалении из России в Зюнгарию (Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника г. надворным советником С. В. Липовцовым) // Собрание исторических, топографических и других ведений о Сибири и странах, с ней сопредельных, изд. Г. Спасским / Сибирский вестник. 1820. Ч. XII. Кн. 10. С. 165–189. Ч. XII. Кн. 11. С. 214–235. Кн. 12. С. 254–269.
- Цэвэлийн 2001 — *Цэвэлийн Ш.* Монголчуудын үсэг бичигийн товчоон (үсэгзүйн судлагаа) / *Bibliotheca Mongolica: Monograph 1*. Улаанбаатар: Центр монголоведения, Национальный университет Монголии, 2001. 300 с.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных уособиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- Цюрюмов, Курапов 2019 — *Цюрюмов А. В., Курапов А. А.* Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12 № 6. С. 1050–1061. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061
- Цюрюмов 2021 — *Цюрюмов А. В.* Новые источники по истории Дербетского улуса // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 3. С. 440–449.
- Чонов 1912 — *Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск: Электронпечатня Г. Д. Сукиасянца, 1912. 71 с.
- Шара Туджи 1957 — *Шара Туджи*. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 199 с.

Эрдниев 1985 — Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

ЭСМЯ 2016 — Этимологический словарь монгольских языков. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

Ahmad 1999 — Ahmad Zahiruddin. Translator's preface // Life of the fifth Dalai Lama. Vol. IV. Part I. (Śata-piṭaka series). Translated by Zahiruddhin Ahmad. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan. 1999. xi-xiii.

Apte 1890 — Apte Vaman Shivaram. The Practical Sanskrit-English dictionary containing appendices on Sanskrit prosody and important literary and geographical names of ancient India. Poona: Shri-rakar & Co., 1890. 1048 p.

Atwood 2004 — Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts On File, Inc. 678 p.

Atwood 2006 — Atwood Ch.ristopher P. Ulus Emirs, Keshig Elders, Signatures, and Marriage Partners: the evolution of a classic Mongol institution // D. Sneath (ed.), Imperial Statecraft: political forms and techniques of governance Inner Asia, sixth-twentieth centuries. Bellingham: Western Washington University (Studies on East Asia, 26), 2006. Pp. 141–173.

Aubin 2010 — Aubin F. To Impress the Seal: A Technological Transfer // Representing Power in Ancient Inner Asia: Legitimacy, Transmission and the Sacred / ed. by I. Charleux, Gr. Delaplace, R. Hamayon, and Sc. Pearce. Bellingham: Western Washington University, 2010. Pp. 159–208.

Batubayaer 2017a — Batubayaer B. Торгууд хаад ноёдын хэрэглэж байсан нэгэн тамганы тухай (= Об одной печати, которую использовали торгутские ханы) // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten. 2017. No. 65(1). Pp. 145–149.

Batubayaer 2017b — Batubayaer B. Fójiào yǔ zhèngzhì zhī jiān: Ēr hù tè hàn “jīngjìn xiūxíng” hànzi guānyìn kǎo (= Между буддизмом и политикой: текстуальное исследование китайской надписи «jīngjìn jìnxiū» на официальной печати торгутского хана) // The Qing History Journal. May. 2017. No. 2. Pp. 153–156 (На кит. и

МОНГ.)

- Bertsch 2004 — *Bertsch W.* A Tibetan Official Seal of Pho lha nas // The Tibet Journal, Spring 2004, Vol. 29, No. 1. Pp. 3–8.
- Biography of Caya Pandita 1967 — Biography of Caya Pandita in Oirat characters / Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulan Bator: Institut linguae et litterarum comitetti scientiarum et educationis Altae Republicae Populi Mongoli, 1967. 100 p.
- Bobrov, Zaytsev, Orlenko, Salnikov 2017 — *Bobrov L. A., Zaytsev V. P., Orlenko S. P., Salnikov A. V.* The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 46(4). С. 1140–1173. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1140
- Cammann 1949 — Cammann Sch. The Panchen Lama's Visit to China in 1780: An Episode in Anglo-Tibetan Relations // The Far Eastern Quarterly. Vol. 9, No. 1 (Nov., 1949). Pp. 3–19.
- Chazen, Wong 2019 — *Chazen S., Wong D.* Tibet Stamps & Postal History. London: Royal Philatelic Society, 2019. 444 p.
- Clauson 1927 — *Clauson G. L. M.* A Mongolo-Tibetan Seal // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1929. No. 1 (Jan., 1929). Pp. 117–119.
- Čolmon 1996 — *Čolmon.* Mongγol tamγ-a seyilümel (=«Гравировка монгольской печати»). Hūhéhàotè: Nèiménggǔ jiàoyù chūbǎn shè, 1996. 190 p.
- Csoma de Kőrös 1833 — *Csoma de Kőrös M. A.* Translation of a Tibetan Passport, dated A. D. 1688 // Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. II. 1833. Pp. 201–202.
- Czaja 2018 — *Czaja O.* The Maitreya prayer festival at bkra shis lhun po: A historical and art historical study // Journal of the International Association of Buddhist Studies. 2018. Vol. 41. Pp. 55–116.
- Dawson 1997 — *Dawson D.* Some Tibetan Seals Illustrated and Described. Vancouver: Geoffrey Flack, 1997. 57 p.
- Dorji, Batubayar, Lije 2009 — *Dorji, Batubayar B., Lije G.* Qīng dài tǔěrhùtè bù yǔ hěshuòtè bù yìnzhāng yánjiū (= Čīng ulusiyin üeyin torγuud xošuud-yin tamγa-yin sudulul; Исследование печатей

- торгутов и хошутов периода династии Цин). Urumqi: Xīnjiāng rénmin chūbǎnshè. 2009. 54 ill. + 153 p.
- dung dkar 2002 — *dung dkar blo bzang 'phrin las. dung dkar tshig mdzod chen mo* (=Большой словарь Дунгкара). Пекин: Китайское тибетологич. изд-во, 2002. 2388 с.
- Elverskog 2003 — *Elverskog J. The Jewel Translucent Sūtra. Altan Khan and the Mongols in the sixteenth century.* Leiden: Brill, 2003.
- Elverskog 2006 — *Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the state in late imperial China.* Honolulu: University of Hawai'i Press. 242 p.
- Farquhar 1966 — *Farquhar D M. The official seals and ciphers of the Yüan period // Monumenta Serica.* 1966. 25:1. P. 362–393.
- Farquhar 1990 — *Farquhar D M. The Government of China under Mongolian Rule. A reference guide.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.
- Fragner 1999 — *Fragner Bert G. Farmān // Encyclopaedia Iranica.* Vol. IX, Ethé-Fish, ed. E. Yarshater. New York: Bibliotheca Persica Press, 1999. Pp. 282–295.
- Francke 1910a — *Francke Au. H. Ein Siegel in tibeto-mongolischer Schrift von Bhutan // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* Vol. 64. Leipzig 1910. Pp. 553–554.
- Francke 1910b — *Francke Au. H. Note on the Dalai Lama's Seal and the Tibeto-Mongolian Characters // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.* 1910 (Oct., 1910). Pp. 1205–1214.
- Francke 1926 — *Francke A. H. The Chronicles of Ladakh and Minor Chronicles. Part (Vol.) II. Texts and translations, with notes and maps.* Calcutta: Superintendent Government Printing, 1926. 310 p.
- Francke 1962 — *Francke H. Zur Datierung der mongolischen Schreiben aus Turfan // Oriens V.* XV. 1962. P. 407. (На нем.).
- Fu Lo-shu 1966 — *Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1822).* Tucson: University of Arizona Press, 1966. 417 p.
- Geschichte der Ost-Mongolen 1829 — *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. Schmidt Isaac Jacob (trans.).* St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretsches, Leipzig: Carl Cnobloch, 1829. 509 p.

- Giele 2005 — *Giele Enno*. Signatures of ‘Scribes’ in Early Imperial China // *Asiatische Studien*. 2005. 59/1. Pp. 353–387.
- Glossary 2023 — *Glossary*. Tibetan Oral History Archive Project. Library of Congress [Электронный ресурс] // URL: <https://www.loc.gov/collections/tibetan-oral-history-project/articles-and-essays/glossary/> (дата обращения: 04.05.2023).
- Haenisch 1959 — *Haenisch E.* *Mongolica der Berliner Turfan-Sammlung II: Mongolische Texte der Berliner Turfan-Sammlung in Faksimile*. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang 1959, Nr. 1). Berlin: Berlin Akademie Verlag, 1959. p. 59. (На немецком).
- Hanzhang Ya 1991 — *Hanzhang Ya*. The Biographies of the Dalai Lamas. Transl. by Wang Wenjong. Beijing: Foreign languages press, 1991. 442 p.
- Haslund 1935 — *Haslund H.* *Men and Gods in Mongolia (Zayagan)*. New York, 1935. 358 p.
- Helman-Ważny, Ramble 2017 — *Helman-Ważny A., Ramble Ch.* Tibetan documents in the archives of the Tantric Lamas of Tshognam in Mustang, Nepal: An interdisciplinary case study // *Revue d’Etudes Tibétaines*, no. 39, April 2017. Pp. 266–341.
- Hummel 1943 — *Hummel A. W.* *Eminent Chinese of the Ch’ing Period (1644–1912)*. Washington: Government Printing Office, 1943. 1103 p.
- Hyde 1700 — *Hyde Th.* *Historia religionis veterum Persarum eorumque magorum* (=«Религиозная история древней Персии и ее магов»). Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1700. 556 p.
- Ishihama 1992 — *Ishihama Yu.* A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas// *Tibetan Studies. Proceedings of the V eminar of the International Association for Tibetan Studies*. Narita, 1989. Naritasanshinshoji, 1992. Vol. 2. Pp. 501–514. (На англ.)
- Ishihama, Inoue 2022 — *Ishihama Yu., Inoue T.* A Study of Three Tibetan Letters Attributed to Dorzhiev Held by the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences // *The Early 20th Century Resurgence of the Tibetan Buddhist World. Studies*

- in Central Asian Buddhism. Ishihama Yumiko & McKay, A. (eds.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022. P. 135–165.
- Jampa, Tsyrempilov 2012 — *Jampa S., Tsyrempilov N.* From Tibet Confidentially. The Secret Correspondence of the Thirteenth Dalai Lama to Agvan Dorzhiev, 1912–1925. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives. 2012.
- Jing 1994 — *Jing Anning.* The Portraits of Khubilai Khan and Chabi by Anige (1245–1306), a Nepali Artist at the Yuan Court // *Artibus Asiae*. Vol. 54. No. 1/2. 1994. P. 40–86.
- Jones 1994 — *Jones W. C.* The Great Qing Code. A new translation, with introduction, with the assistance of Tianquan Cheng and Yongling Jiang. Oxford: Clarendon Press, 1994. xxx, 441 p.
- Kalachakra Guru-Yoga — Kalachakra Guru-Yoga [электронный ресурс] // URL: <http://stady.buddhism.com/en/advanced-studies/prayers-rituals/tantric-practices/kalachakra-guru-yoga> (дата обращения 01.07.2021).
- Khodarkovsky 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1992. XII, 278 p.
- khro ru tshe rnam 2004 — *khro ru tshe rnam.* [A brief explanation of Namchu Wangden]. Lhasa, 2004. Vol. 8. Pp. 275B–276 B. (In Tib.)
- Kilby 2020 — *Kilby Ch.* Printing Tibetan Epistolaria: A Bibliographical Analysis of Epistolary Transformations from Manuscript to Xylograph // *The Journal of Epistolary Studies* 2.1 (Fall 2020). Pp. 19–33.
- Khodarkovsky 2002 — *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p.
- Krueger 1969 — *Krueger J. R.* Three Oirat-Mongolian diplomatic documents of 1691 // *Central Asiatic Journal*. 1969. Vol. 12. No. 4. Pp. 286–289, 291–295.
- Krueger 1978 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Pt. 1. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 204 p.
- Krueger 1982 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to En-

- glish citation dictionary. Pt. 2. Bloomington: The Mongolia Society. 1984. Pp. 205–464.
- Krueger 1984 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat Mongolian to English citation dictionary. Pt. 3. Bloomington: The Mongolia Society. 1984. Pp. 465–816.
- Ligeti 1958 — *Ligeti L.* Deux tablettes de T'ai-tsong des Ts'ing // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1958. 8/3. Pp. 201–239.
- Karmay 2014 — *Karmay S. G.* Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama. Chicago: Serindia Publications, 2014. ix, 589 p.
- Ma Dazheng 2003 — *Ma Dazheng.* The Tarim basin // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 5. Development in contrast: from the sixteenth to the mid-nineteenth century. Paris: UNESCO, 2003. Pp. 182–209.
- Monier-Williams 1899 — *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary: Etymologically and Philologically arranged with special reference to Indo-European languages. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1334 p.
- Mostaert, Cleaves 1952 — *Mostaert A., Cleaves F. W.* Trois documents mongols des Archives secrètes du Vatican // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. 15/3-4. Pp. 419–506.
- Munkh-erdene 2022 — *Munkh-erdene Lhamsuren.* The Taiji Government and the Rise of the Warrior State: The Formation of the Qing Imperial Constitution (Inner Asia Book Series. Vol. 14). Leiden; Boston: Brill, 2022. 568 p.
- Nakano, Nakano 1971 — *Nakano Miyoko, Nakano Mijoko.* Brief communication: On the reading of the 'Phags-pa seal of Galden Boshogtu Khan // *Central Asiatic Journal*. 1971. Vol. 15. No. 3. Pp. 214–215.
- Niida 1939 — *Niida Noboru.* A Study of Simplified Seal-Marks and Finger-Seals in Chinese Documents. With special reference to documents in the Western Regions, The Memoirs of the Toyo (The Oriental Library)». Tokyo, 1939. N 11. P. 79–131.
- Norbu, Martin 1991 — *Norbu J., Martin D.* Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat. Transl. and ed. by Th ubten J. Norbu and Dan

- Martin // Hokke bunka kenkyū, Journal of Institute for the Comprehensive Study of Lotus Sutra. 17. Tokyo. 1991. P. 1–105.
- Norman 2009 — *Norman A.* The Secret Lives of The Dalai Lama: Holder of the White Lotus. London: Little, Brown Book Group, 2009. 464 p.
- Öbür mongyol 1987 — Öbür mongyol-un ündüsüten-ü durasqaltu jüil. Beijing: arad-un uran jiruy-un keblel-ün qoriy-a, 1987.
- Oliver 1891 — *Oliver E. E.* The coins of the Chaghatai Mughals // Journal of Asiatic Society of Bengal. 1891. Vol. 60. Part I. Calcutta, 1892. P. 8–16.
- Ōu Cháoguì, Qí Měi 1991 — Ōu Cháoguì, Qí Měi (欧朝贵, 其美). Xīzàng lìdài cáng yìn (西藏历代藏印) (‘Древние тибетские печати’). Лхаса: Тибетск. нар. изд-во, 1991. 117 с. (На кит. яз.).
- Pal 2019 — *Pal Sayantani.* Pratna Samiksha // A Journal of Archaeology. 2019. New Series Volume 10. Pp. 95–103.
- Petech 1977 — *Petech L.* The kingdom of Ladakh C. 950–1842 A. D. (Serie Orientale Roma LI). Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1977. 191 p. (На англ. яз.).
- Poppe, Krueger 1957 — *Poppe N., Krueger J. R.* The Mongolian Monuments in hP’ags-pa Script. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. xii, 147 p. illus., plates, fold, map.
- Ramstedt 1909 — *Ramstedt G. J.* Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan (hierzu Taf. VI) // Sitzungsberichte Der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften. XXXII. Jahrgang Berlin: Verlag Der Königlischen Akademie Der Wissenschaften, 1909. P. 838–849. (На нем.)
- rgya bod tshig mdzod 1984a — rgya bod tshig mdzod chen mo (Большой Тибетско-китайский словарь). Vol. 1. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 1984. 1020 p.
- rgya bod tshig mdzod 1984b — rgya bod tshig mdzod chen mo (Большой Тибетско-китайский словарь). Vol. 2. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 1984. 1021–2330 p.
- rgya bod tshig mdzod 1984c — rgya bod tshig mdzod chen mo (Большой Тибетско-китайский словарь). Vol. 3. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 1984. 2331–3146p.

- Rintchen 1953 — *Rintchen*. A propos de la sigillographie mongole. Le grand sceau de jaspe et le petit sceau d'argent du qayan olan-argügdegsen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Janvier 1953. Tomus 3. Fasciculi (1/2). Pp. 25–31. (На франц.)
- rnam rgyal tshe ring 1994 — *rnam rgyal tshe ring*. bod yig skung yig phyogs sgrig (= Сборник сокращений тибетского языка). Чэнду: Национальное издательство провинции Сычуань, 1994. 226 с.
- Rockwell 2004 — *Rockwell J.* About the seals. In: *The Collected Works of Chogyam Trungpa*. Volume seven. The Art of Calligraphy (Excerpts), Dharma Art, Visual Dharma (Excerpts), Selected Poems, Selected Writings. Ed. by C. R. Gimian. Boston & London, 2004. Pp. 249–251.
- Schuh 1981 — *Schuh D.* Grundlagen tibetischer Siegelkunde Eine Untersuchung über tibetische Siegelaufschriften in „Phags-pa-Schrift. // *Monumenta Tibetica Historica*. Abteilung III: Diplomata et epistolae. Band 5. Sankt Augustin: VGH Wissenschaftsverlag, 1981. 383 p. (На нем.)
- Shakabpa 2010a — *Shakabpa Tsepon Wangchuk Deden*. One Hundred Thousand Moons. Edited and translated by Derek F. Maher. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, 2010. xlviii, 574 pp.
- Shakabpa 2010b — *Shakabpa Tsepon Wangchuk Deden*. One Hundred Thousand Moons: An Advanced Political History of Tibet. Translated and annotated by Derek F. Maher. Leiden: E. J. Brill, 2010. Vol. 2, VIII, 612 p.
- Sircar 1965 — *Sircar D. C.* Indian Epigraphy. Delhi: Motilal Banarsidass, 1965. 475 p. (На англ. яз.).
- Sperling 2014 — *Sperling E.* Concerning the Lingering Question of Sde-srid Sangs-rgyas rgya-mtsho's Paternity // *Rocznik Orientalistyczny*, vol. 67, no. 1. 2014. Pp. 41–45.
- Stary 2006 — *Stary G.* Vom Alphabet zur Kunst. Illustrierte Geschichte der mandschurischen Schrift. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 207 p.
- Strickmann 1993 — *Strickmann M.* The Seal of the Law: a ritual implement and the origin of printing // *Asia Major*. 1993. 3rd Series, 6/2. Pp. 1–83.

- Strickmann 1995 — *Strickmann M.* The Seal of the Jungle Woman // Asia Major. 1995. 3rd Series, 8/2. Pp. 147–153.
- Strickmann 2002 — *Strickmann M.* Chinese Magical Medicine / ed. by B. Faure. Stanford: Stanford Univ. Press, 2002. Pp. 123–193.
- Sumatiratna 2018 — *Sumatiratna.* Tibetan-Mongolian Explanatory Dictionary with English Equivalents and Index of Mongolian Words / ed. by A. Sarközi // Classical Mongolian Studies. I. Ulaanbaatar; Budapest: The International Association for Mongol Studies, 2018. 1901 p.
- Tibet-Encyclopaedia 2020 — Tibet-Encyclopaedia [электронный ресурс] // URL: <http://www.tibet-encyclopaedia.de/siegel.html> (дата обращения 27.10.2020). (На нем. яз.).
- Tsehuajia (дата публ. неизв.) — Tsehuajia. An Introduction to the Dhitsa Nang so. [электронный ресурс] // Mandala. URL: <https://texts.mandala.library.virginia.edu/text/introduction-dhitsa-nang-so#shanti-texts-48071> (дата обращения: 25.09.2023). (На англ.)
- Tsongol 2018 — *Tsongol B. Natsagdorj.* Three Mongolian Letters of Oyirad Noblemen from 1641–1642 // Oyirad Studies 4, Budapest. 2018. pp. 87–105.
- Tsyrempilov 2012 — *Tsyrempilov N.* The Open and Secret Diplomacy of Tsarist and Soviet Russia in Tibet: The Role of Agvan Dorzhiev (1912–1925) // Asiatic Russia: Imperial Power in Religious and International Contexts. Ed. by Uyama Tomohiko. London and New York: Routledge, 2012. P. 216–234.
- Van Gulik 1958 — *Van Gulik R. H.* Chinese Pictorial Art, as Viewed by a Connoisseur. Roma: ISMEO, 1958. 537 p.
- Walsh 1915 — *Walsh E. H.* Examples of Tibetan Seals // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1915. January. Pp. 1–15.
- Walter 1958 — *Walter S.* A hPhags-pa seal of 1295 // Asia Major. 1958. NS, vl, 2. Pp. 203–205.
- Wang 2014 — *Wang L.* Church, A Sacred Event, and the Visual Perspective of an Eitic Viewer: an 18th Century Western-Style Chinese Painting held in the Bibliotheque nationale de France // Rui O. Lopes (ed.), The Transcendence of the Arts in China and Be-

- yond. Vol. 2 (Historical Perspective). Lisbon, 2014. Pp. 370–397.
- Wylie 1987 — *Wylie T. V.* Notes on Csoma de Koros's Translation of a Tibetan Passport. *Journal of the Tibet Society*, Silver on LAPIS, Twentieth Anniversary Special, 1987. Pp. 111–124.
- Xie Baocheng 2013 — *Xie Baocheng*. A Brief History of the Official System in China. Trans. Chen Mirong. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2013. 227 p.
- Yokkaichi 2010 — *Yokkaichi Yasuhiro*. Chinese Seals in the Mongol Official Documents in Iran: Re-examination of the Sphragistic System in the Il-khanid and Yuan Dynasties // 吐鲁番学研究：第三届吐鲁番学暨欧亚游牧民族的起源与迁徙国际学术研讨会论文集 (Journal of the Turfan Studies: Essays on the Third International Conference on Turfan Studies, The Origins and Migrations of Eurasian Nomadic Peoples), 2010. Pp. 215–230.
- Yokkaichi 2015 — *Yokkaichi Yasuhiro*. Four Seals in 'Phags-pa and Arabic Scripts on Amīr Čoban's Decree of 726 AH/1326 CE // *Orient*. 2015. Vol. 50. Pp. 25–33.
- Zhào Lingzhì 2021 — *Zhào Lìngzhì*. Qiánlóng èrshíyī nián tǔ ěr hù tè fù cáng rè chá shǐ tuán tàn xī (= Исследование чайной миссии в Тибет в 21-й год правления императора Цяньлуна) // *Mínzú yánjiū* (= Ethno-national studies). 2021. № 3. P. 99–108. (На кит.).
- Zhāng mù 1867 — *Zhāng mù*. Měnggǔ yóu mù jì (= Записки о монгольских кочевьях). Shòuyáng: Qíjùnzǎo, 1867. 818 p. (На кит.).
- Zhào Nàsītú, Xuē Lěi 2011 — *Zhào Nàsītú, Xuē Lěi*. Yuán guó shū guānyìn huì shì (元国书官印汇释=«Объяснение собрания официальных печатей династии Юань») / *Zhōngguó ménggǔ xué wénkù* (=Библиотека китайско-монголоведческих исследований). Шэньян: Издательство национальностей провинции Ляонин, 2011. 322 p.

Научное издание

Митруев Бембя Леонидович

**ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ И ВЫСШЕЙ ЗНАТИ
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА**

Подписано в печать 10.09.2025.
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18.37. Тираж 500 экз. Заказ 12-25.

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8